

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Влияние пандемии коронавируса
на глобальные трансформации*

*Impact of the coronavirus pandemic
on global transformation*

ТОМ 13 • НОМЕР 5 • 2020

Контуры глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 13 • NUMBER 5 • 2020

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5

Контурсы глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лиухто К., Университет Турку, Турку, Финляндия
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гетеборгский университет, Гетеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Шутов А.Ю., МГУ, Москва, РФ

Учредитель и издатель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, д. 32, к. 2.

Сайт: <http://www.oigt-journal.com>

Тел.: +7 (495) 664-52-07

© Контурсы глобальных трансформаций, 2020

E-mail: journal@centero.ru

Периодичность: 6 раз в год

Тираж: 1000 экз.

Издается с 2016 г.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

- ГРОМЫКО Ал.А.** Пандемия и кризис системы международных отношений . 6–19
САЙМОНС Г. Пандемия коронавируса и глобальные преобразования:
создание или нарушение международных порядков? 20–37

В национальном разрезе

- АБРАМОВА И.О.** Коронавирус в Африке: социально-экономические
и политические последствия 38–56
ДЕЙЧ Т.Л. Китай и Африка в борьбе с COVID-19 57–72
ЯКОВЛЕВА Н.М., ЯКОВЛЕВ П.П. Латинская Америка: дорога
к коронакризису 73–93

Проблемы Старого Света

- БАДАЕВА А.С.** Пандемические стратегии западноевропейских
ультраправых партий 94–113
СМИРНОВ А.Н. Европейский правый центризм перед лицом
коронавирусного кризиса 114–127

С точки зрения экономики

- БРАГИНА Е.А.** Экономика Индии под давлением COVID-19 128–144
ЛЕБЕДЕВА Л.Ф. США: экономический аспект политики
«национального эгоизма» в условиях пандемии. 145–157

Азия: вызовы и перспективы

- БОГАЧЕВА А.С., ИБРАГИМОВ И.Э., КОЖАНОВ Н.А., ЛАЗОВСКИЙ С.О.,
САМАРСКАЯ Л.М., СВИСТУНОВА И.А., СУРКОВ Н.Ю.** Ближний Восток
в условиях второй волны коронакризиса. 158–180
РОГОЖИН А.А., РОГОЖИНА Н.Г. COVID-19 в Юго-Восточной Азии:
проблемы и решения 181–203
ФЕДОРОВСКИЙ А.Н. Вызовы пандемии COVID-19 и приоритеты
экономического развития Республики Корея 204–218

Точка зрения

- ЖЕБИТ А.А.** Права человека в эпоху пандемии 219–252
ГАДЖИЕВ К.С. Турбулентия современного мира через призму
коронавирусной пандемии 253–272

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, èkonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Kari Liuhto, University of Turku, Turku, Finland
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Goluvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Andrei Y. Shutov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Founder and Publisher: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146,
 Russian Federation
Web-site: <http://www.oqt-journal.com>
Tel.: +7 (495) 664-52-07

E-mail: journal@centero.ru
Frequency: 6 per year
Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5

Contents

Political Processes in the Changing World

GROMYKO A.I.A. The Pandemic and the Crisis in the System of International Relations. 6–19

SIMONS G. The Corona Virus Pandemic and Global Transformations: Making or Breaking International Orders? 20–37

National Peculiarities

ABRAMOVA I.O. Coronavirus in Africa: Social, Economic and Political Consequences 38–56

DEYCH T.L. China and Africa in the Fight against COVID-19 57–72

YAKOVLEVA N.M., YAKOVLEV P.P. Latin America: The Road to Coronacrisis . . . 73–93

Problems of the Old World

BADAEVA A.S. The Pandemic Strategies of the Far-Right Parties in Western Europe 94–113

SMIRNOV A.N. European Right-Wing Centrism in the Face of the Coronavirus Crisis 114–127

From the Point of Economic

BRAGINA E.A. India's Economy under Pressure from COVID-19 128–144

LEBEDEVA L.F. United States: "National Egoism" Policy under the COVID-19 Pandemic 145–157

Asia: Challenges and Perspectives

BOGACHEVA A.S., IBRAGIMOV I.E., KOZHANOV N.A., LAZOVSKII S.O., SAMARSKAIA L.M., SVISTUNOVA I.A., SURKOV N.Yu. The Middle East in the Second Wave of the Coronavirus Crisis 158–180

ROGOZHIN A.A., ROGOZHINA N.G. COVID-19 in Southeast Asia Problems and Solutions 181–203

FEDOROVSKY A.N. Challenge of COVID-19 and Priorities of Economic Development of the Republic of Korea 204–218

Point of View

ZHEBIT A. Human Rights in a Pandemic 219–252

GADZHIEV K.S. Turbulence of the Modern World through the Prism of the Coronavirus Pandemic 253–272

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1

Пандемия и кризис системы международных отношений

Алексей Анатольевич ГРОМЫКО

член-корреспондент РАН, доктор политических наук, председатель Ассоциации европейских исследований (АЕВИС), директор Институт Европы РАН, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, Москва, Российская Федерация

E-mail: alexey@gromyko.ru

ORCID: 0000-0003-4228-1552

ЦИТИРОВАНИЕ: Громыко Ал.А. (2020) Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 6–19. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1

Статья поступила в редакцию 20.09.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрен ряд ключевых проблем в системе международных отношений с учетом фактора пандемии COVID-19. Показано, что вызванные ею события, получившие название «коронакризис», напрямую затрагивают сферу глобальных экономических (панденомика) и политических противоречий, включая проблематику безопасности. Именно эти аспекты выбраны в качестве главных объектов исследования. Отмечено, что фактор пандемии спровоцировал ускорение противостояния региональных и глобальных игроков, усилил роль института национального государства. В условиях деглобализации на трансрегиональном уровне под лозунгами «стратегической уязвимости» и «экономического суверенитета» продолжают усиливаться регионализм и «протекционизм 2.0», происходит дальнейшее ослабление многосторонних международных институтов. На этом фоне конкурентных преимуществ стремится добиться Евросоюз с помощью деофшоризации производ-

ства, промышленной политики и «зеленой сделки». В статье отмечается ухудшение состояния дел между Россией, Китаем, США и ЕС. Автор выявляет дальнейшие тенденции по стратегической расстыковке США и их европейских союзников, обращает внимание на стимулы по реализации принципа «стратегической автономии» Брюсселя. Указано на острую необходимость деконфликтации в отношениях России и НАТО.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: COVID-19, коронакризис, панденомика, деглобализация, протекционизм, стратегическая уязвимость, экономический суверенитет, деконфликтация, Россия, Евросоюз, США, Китай

С тех пор как коронавирус COVID-19 распространился по планете, прошло по историческим меркам совсем мало времени. Но истекшие месяцы стали, пожалуй, наиболее плотным отрезком за много лет, перенасыщенным множеством в основном негатив-

ных процессов, большинство из которых лишь ускорило свой бег. Пандемия не обошла стороной ни одно значимое измерение жизни – от состояния здоровья человечества до мировой экономики и политики, от ситуации в гуманитарной и социальной сфере до военной. Причем принципиальных изменений в большинстве из этих областей новое опасное заболевание ни прямо, ни косвенно не принесло; оно, скорее, стало своего рода катализатором, который сделал существовавшие и до него тренды регионального и мирового развития более выраженными и укорененными.

Большинство из этих трендов имеют кризисный характер, поэтому вполне уместен вошедший в широкий обиход термин «коронакризис» как олицетворение кризисного состояния дел в мире сквозь призму сугубо медицинской проблемы. Уже с уверенностью можно сказать, что реакция мирового сообщества на пандемию не привела к результату, который с точки зрения здравого смысла можно было ожидать. Такое явление, как массовое заболевание, тем более пандемия, представляет собой вызов, который не проистекает из каких-либо социально-экономических или политических разногласий, и поэтому обуславливает по всем законам жизни проявление солидарности, эмпатии, консолидации усилий. Оставим в стороне конспирологические версии о происхождении COVID-19. По своей природе такой кризис должен не разъединять, а объединять людей и страны, подталкивать их не к противостоянию, а к сглаживанию противоречий, хотя бы к временному смягчению конфликтов.

Смысл создания Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 1948 г.

как специализированного учреждения ООН состоял во вкладе в послевоенное строительство глобальных механизмов сотрудничества, коллективных действий. По всем канонам пандемия 2020 г. на фоне человеческих драм и трагедий могла сыграть в пользу центростремительных усилий в мире, а не сделать еще глубже политические расколы и выше – барьеры к взаимовыгодному сотрудничеству между государствами и их объединениями. Но этого не случилось. Напротив, последние полгода мы наблюдаем картину прямо противоположную.

Новое заболевание быстро вышло за рамки проблемы коронавируса, превратившись в иносказательный коронакризис, имеющий мало общего с борьбой за здоровье миллионов людей. Одной из его граней стало геополитическое измерение пандемии. В данном случае мы используем понятие «геополитический» не столько в его первоначальном смысле времен классиков мировой геополитики, а как вездесущее в наше время обозначение резкого возрастания соперничества между центрами силы, отдавая дань современной терминологии, описывающей состояние дел в мире.

Сегодня налицо не только масса событий, которые как снежный ком облепили факт, имевший место в уже не близком декабре 2019 г. и интересный прежде всего для вирусологов (регистрация первой вспышки неизвестного вируса в китайском городе Ухань), но и вал отечественной литературы, экспертных мнений, оценивающих последствия пандемии с точки зрения большой экономики и политики, международных отношений, глобальных процессов, не говоря уже о страновых исследованиях¹.

1 Например, см.: [Дынкин, Телегина 2020, с. 5–16; Громыко (1) 2020, с. 24–38; Громыко (2) 2020, с. 71–77; Громыко (3) 2020, с. 4–13; Шумилин 2020, с. 14–21; Белов (1) 2020, с. 4–12; Данилов 2020, с. 21–27; Щербак 2020, с. 28–33; Потемкина 2020, с. 89–94; Рубинский, Синдеев 2020, с. 16–24].

То же можно сказать об интересе за рубежом к этой теме, которая стала жить своей жизнью, являясь не только причиной для рассуждений, но часто поводом, призванным обосновать точки зрения на процессы, имевшие место задолго до COVID-19. В данной статье среди массы аспектов кризиса системы международных отношений, многие из которых получили дополнительный импульс в результате пандемии, внимание сосредоточено на феномене пандемии и дальнейшей коррозии в сфере жесткой безопасности.

Пришествие пандемии

В основе ожесточения конкуренции на международной арене лежат прежде всего экономические причины. Закон «взлета и падения великих держав» продолжает действовать и в XXI в. Пандемия нанесла сильнейший удар по глобализации, по цепочкам создания стоимости, по мировой торговле, резко усилив протекционистские настроения, неравномерность развития между странами и регионами. Модно стало рассуждать об «экономическом суверенитете». COVID-19 (точнее, политическая реакция на него) лишь усугубил эти процессы, а не явился их причиной. Дальнейшей дискредитации подверглась неоллиберальная модель глобализации, функционирование которой со всей очевидностью уже поставила под вопрос Вели-

кая рецессия 2008-го и последующих годов.

Спад мирового ВВП в 2020 г., согласно летнему экономическому прогнозу Еврокомиссии, достигнет 4% мирового ВВП, причем ВВП ЕС сократится на 8,3%, а ВВП стран зоны евро – на 8,7%². Данные МВФ еще больше обескураживают: прогнозируются сокращения мирового ВВП на 4,9%, ВВП зоны евро – на 10,2%, США – на 8%, России – на 6,6%. При этом экономика Китая в текущем году покажет рост в 1% с резким ускорением в следующем году³. По мнению специалистов Всемирного банка, ситуация еще хуже: падение мирового ВВП в 2020 г. составит 5,2%⁴. Но и это не самый пессимистический прогноз: ОЭСР предвидит снижение мировой экономики почти на 6%, и то в случае, если не будет второй волны пандемии⁵.

Теперь уже несомненно, что преодоление новой мировой рецессии станет возможным не ранее 2022 г., и для большинства стран стоит проститься с надеждой на V-образный выход из кризиса. Дополнительные системные риски для Евросоюза таятся в неопределенности процесса выхода Британии из его состава. Переговоры между Брюсселем и Лондоном идут крайне тяжело, и все сильнее опасения, что случится «жесткий постбрекзит» по модальностям отношений между ЕС и Соединенным Королевством. По объективным причинам Британия находится, по сравнению с превышающим ее в несколько раз Единым рынком ЕС, в значитель-

2 Summer 2020 Economic Forecast: A Deeper Recession with Wider Divergences (2020) // European Commission, July 7, 2020 // https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-performance-and-forecasts/economic-forecasts/summer-2020-economic-forecast-deeper-recession-wider-divergences_en, дата обращения 15.10.2020.

3 World Economic Outlook Update (2020) // IMF, June 2020 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEUpdateJune2020>, дата обращения 15.10.2020.

4 Global Economic Prospects (2020) // The World Bank, June 2020 // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33748>, дата обращения 15.10.2020.

5 Economic Outlook – EO107 – 2 Scenarios // OECD // https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=EO_EDITIONS&lang=en, дата обращения 15.10.2020.

но менее выгодном положении. Управление по бюджетной ответственности страны характеризует спад британской экономики как самый глубокий за 300 лет и предвидит уход национально-го ВВП в минус минимум на 10%⁶.

В создавшейся тяжелой экономической ситуации власти ЕС продолжают настаивать на том, что провозглашенная в конце 2019 г. концепция перехода Единого рынка на рельсы «зеленой экономики»⁷ не подложит пересмотру и к 2050 г. объединение 27 стран достигнет своей цели – переход к экономике с нулевым балансом выбросов углерода. Пока нет ответа на вопрос, за счет каких реальных средств такая модернизация будет проведена с учетом огромных трат на борьбу с последствиями пандемии, резкого роста бюджетных дефицитов и особенно государственных долгов. Высока вероятность того, что претворение в жизнь «зеленой сделки» во многом будет иметь протекционистскую подноготную для борьбы с конкурентами. С этой точки зрения особое внимание привлекает «углеродный налог» ЕС, который планируют взимать с иностранной продукции, произведенной с высоким уровнем выбросов парниковых газов, т. е. фактически речь идет о тарифной мере по защите Единого рынка. Пока неизвестно, с какого года он начнет взиматься, однако грядущие убытки уже подсчитывают. Например, при введении этого налога с 2022 г. российские производители потеряют более 50 млрд евро до 2030 г. и более 30 млрд – при введении налога с 2025 г.⁸

В научный оборот прочно вошел термин «протекционизм 2.0» как отражение проактивной государственной политики развитых стран в условиях ужесточения международной конкуренции [Миловидов, Аскер-заде 2020, с. 37–45]. Его инструментарий использовался США и при пересмотре соглашения НАФТА, и при заключении ими первой фазы экономического и торгового соглашения с Китаем. «Углеродный налог», экономические прямые и вторичные санкции как метод борьбы с помощью недобросовестной конкуренции, защита национальных рынков по причине или под предлогом интересов безопасности укладываются в рамки «протекционизма 2.0». В этом русле ЕС активно выстраивает свою новую промышленную стратегию⁹, основанную на принципах импортозамещения, локализации и защиты своих рынков от «нежелательных» иностранных инвесторов [Белов (2) 2020]. Обстоятельства пандемии, которые ряд стран использовали для дальнейшей раскрутки антикитайской пропаганды, лишь подталкивают в этом направлении.

Среди элементов деглобализации наиболее яркий – разворачивающееся противоборство в сфере высоких технологий и обращение к политике импортозамещения. Китай осуществляет многомиллиардные инвестиции в развитие робототехники, собственного производства телекоммуникационного оборудования, микроэлектроники, оставаясь пока в сильной зависимости от внешнего мира. Так, в 2019 г. только микрочипов было импортировано

6 OBR Fiscal Sustainability Report (2020) // OBR, July 2020 // https://cdn.obr.uk/FSR2020_Pressnotice.pdf, дата обращения 15.10.2020.

7 A European Green Deal // European Commission // https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en, дата обращения 15.10.2020.

8 KPMG оценила ущерб для России от введения углеродного налога в ЕС (2020) // РБК. 7 июля 2020 // <https://www.rbc.ru/business/07/07/2020/5f0339a39a79470b2fdb51be>, дата обращения 15.10.2020.

9 European Industrial Strategy (2020) // European Commission, March 10, 2020 // https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-industrial-strategy_en, дата обращения 15.10.2020.

в Китай на сумму более 300 млрд долл. (15% всего импорта страны)¹⁰. «Технологический суверенитет» становится одной из главных целей «протекционизма 2.0». В эту же воронку конкуренции уже давно вовлечены социальные сети и обслуживающие их серверы, что наглядно демонстрирует история с ресурсом TikTok.

В европейских столицах все чаще говорят о «стратегической уязвимости» своих экономик, хотя на деле часто речь идет о защите интересов своих производителей нерыночными средствами. Ведущие государства ЕС под этим подразумевают в первую очередь технологическое соревнование с Китаем, а ряд восточноевропейцев – энергозависимость от России. Риторикой о защите национального производителя от внешних угроз отличается, например, Бруно Ле Мэр, министр экономики Франции. В этой связи издание «Политико» с сарказмом пишет: «Французы склонны рассматривать каждый сектор экономики как стратегический. Вспомните, сколько было шума, когда появились слухи о покупке американским производителем безалкогольных напитков PepsiCo французского производителя йогуртов Danone? Это сподвигло тогдашнего премьер-министра Доминика де Вильпена поклясться защищать “национальные интересы Франции”»¹¹. Париж рассматривает возможность возобновления деятельности в составе правительства генерального комиссариата планирования для разработки долгосрочных программ экономического развития. Впервые такая структура была создана временным правительством Франции во главе с генералом де Голлем после Второй мировой войны.

Еще более агрессивная риторика свойственна Британии, которая уже сточает правила слияния национальных компаний с иностранным бизнесом. Ожидается, что британские предприниматели будут обязаны согласовывать с правительством сделки в случае приобретения иностранцами, тем более «враждебным государством», более 25% акций, активы или интеллектуальную собственность. Под законодательство об укреплении национальной безопасности могут попасть и различные формы образовательного и академического сотрудничества. Несмотря на долгие препирательства с Вашингтоном, Лондон все же сдал свои позиции по сотрудничеству с китайской компанией Huawei и согласился отказаться от ее оборудования при развертывании телекоммуникационных сетей 5-го поколения. Судя по всему, изменить свой подход в этом вопросе Британия решила не только исходя из солидарности с США, но и в результате угрозы Белого дома понизить уровень обмена информацией с Королевством в рамках англосаксонского альянса разведок «Пять глаз».

В последние годы и десятилетия политика и экономика стали неразрывно связаны. Принципы свободного рынка, «свободной руки рыночных сил», «государства – ночного сторожа», экономического эквилибриума, невмешательства государства в экономические процессы остались далеко в прошлом. Несмотря на это, в западной политической экономии концептуальные сдвиги отстают от реальности еще больше, чем в области концептуализации международных отношений. То же самое можно сказать о западной теории между-

10 Disis J. (2020) A New World War over Technology // CNN, July 11, 2020 // <https://www.cnn.com/2020/07/10/tech/us-china-global-tech-war-intl-hnk/index.html>, дата обращения 15.10.2020.

11 Taylor P. (2020) Snake Oil, Quackery and Deglobalization // Politico, May 11, 2020 // <https://www.politico.eu/article/coronavirus-solutions-snake-oil-quackery-and-deglobalization/>, дата обращения 15.10.2020.

народных отношений, которая в целом остается американоцентричной, в лучшем случае западноцентричной, хотя эта проблема и привлекает к себе все большее внимание в России и за рубежом [Громыко (4) 2020, с. 6–19; Конышев 2020, с. 130–135].

Неолиберальная модель глобализации, рожденная в горниле рейганомики и тэтчеризма с опорой на идеологию «новых правых», всеми силами цепляется за свои позиции. В недалеком прошлом уже предпринимались попытки на уровне теоретических и эмпирических исследований показать ее тупиковость. В пике ей выдвигались концепции «третьего пути», стейкхолдерства, коммунитаризма и др. В связи с этим по обе стороны Атлантического океана громко звучали имена А. Этциони, Дж. Гелбрейта, Р. Путнами, Д. Маркуэнда, У. Хаттона, Дж. Плендера и др. Однако в мировой экономической мысли неолиберальное доминирование продолжалось, как и укрепление позиций мировой финансовой олигархии. Параллельно с этим показатели социального неравенства повсеместно росли; происходило расслоение и вымывание среднего класса, что позже привело к феномену «нового популизма». Один из множества ярких примеров: если в 1960-е гг. зарплата генеральных директоров крупнейших компаний США в среднем превосходила зарплату их сотрудников в 20 раз, то сегодня – в 300.

События 2008 г. (как и, несомненно, уроки пандемии и ее последствия) придали второе дыхание новой экономической мысли. В последнее время большие бреши в неолиберальной доктрине, давно во многом превратившейся в догму, пробили работы ряда исследователей, например, французского экономиста Тома Пикетти [Piketty 2014; Piketty 2019]. Если идеи таких Нобелевских лауреатов, как Р. Коуз, Г. Беккер, Р. Лукас, можно свести к тезису «рынок/ра-

циональность расставит все по своим местам», то работы П. Кругмана, А. Банерджи, Э. Дюфло, М. Кремера, Э. Дитона во многом идут вразрез с неолиберальной парадигмой. На фоне происходящих концептуальных изменений эффект от COVID-19 способствует усилению представлений об укреплении функций государства, в первую очередь в области предоставления медицинских услуг населению, т. е. там, где рыночные механизмы и абсолютизация индивидуального интереса обнаружили свою неэффективность, а во многом и бесчеловечность.

Международная безопасность – движение вспять к «миру без правил»

Положение дел в мире продолжало ухудшаться в сфере не только глобальных угроз для здоровья людей, но и «жесткой» безопасности. И это долговременный процесс, который прослеживается с небольшими перерывами на протяжении всего времени после ухода в прошлое биполярности эпохи холодной войны. Уровень военного насилия в мире принципиально не изменился. Так, в 2015–2018 гг. в мире насчитывалось более 50 конфликтов с участием государств, что было даже больше, чем за 30 лет до этого. Учащались случаи интернационализации гражданских войн в слабых государствах, росла военная роль негосударственных игроков [Степанова 2020, с. 24–39]. С начала XXI в.кратно увеличилось количество жертв международного терроризма. Как отмечалось выше, под вопрос поставлены практически все каноны, выработанные в 1960–1990-е гг. в области контроля над вооружением и мер укрепления доверия.

Пандемия оказала сдерживающий эффект на военную активность в ми-

ре, что не скажешь о военном планировании. Ряд военных учений, в т. ч. в Европе, были отменены или уменьшены по масштабу. Произошел обмен медицинской техникой между Россией и США; принято совместное заявление о «духе Эльбы»¹² (также в июле 2020 г. подписано соглашение между Российской академией наук и Национальной академией наук США о сотрудничестве в различных областях исследований, связанных с COVID-19). Россия направила помощь в борьбе с коронавирусом нескольким странам, в т. ч. членам НАТО. Однако взаимное восприятие, точнее, неприятие, уровень недоверия таковы, что пандемия лишь временно приостановила нарастание конфронтации между Россией и Североатлантическим альянсом. Даже если НАТО под прессингом Соединенных Штатов будет сдвигаться к новым линиям противостояния в Юго-Восточной Азии, это не означает, что опасная ситуация в Европе ослабнет сама собой.

В этой ситуации важно, признавая перечисленные трудности и факт блокирования политического и, соответственно, военного диалога по линии Россия – НАТО, наращивать экспертные каналы обмена мнениями («второй трек») по самым трудным вопросам с участием российских, европейских и американских специалистов с подключением официальных лиц, совместную разработку решений по деэскалации. Приведем примеры международного проекта Института США и Канады РАН и Института Европы РАН – Диалога «Россия – НАТО: как снизить напряженность и избежать кризисов», запущенного в июне текущего года, или

проект Европейской сети лидерства (ELN) «Инициатива больших шагов»¹³, в рамках которого действует инициативная группа по вопросам деэскалации в отношениях России – НАТО.

Речь вряд ли может идти в обозримом будущем о возвращении к практике сотрудничества, что является желательным, но на сегодня идеалистическим вариантом. Несколько больше шансов постепенно вернуться к контролируемому двустороннему сдерживанию. Но безусловный императив, претворение которого в жизнь не терпит отлагательств, – фиксация «правил игры» в условиях нынешней политики двустороннего устрашения. Надо сказать, что и сам Североатлантический альянс переживает далеко не лучшие времена. И касается это не только отношения к нему Д. Трампа или состояния дел с Турцией, но и общественного мнения стран-участниц. В период с 2007 по 2019 г. процент тех, кто положительно относится к деятельности НАТО, снизился, например, в Болгарии с 54 до 42%, в Германии – с 73 до 57%, во Франции – с 71 до 49%. В самих Соединенных Штатах этот показатель никогда не был высок, опустившись в названный период с 53 до 52%¹⁴.

Геополитическое измерение пандемии предстает ярко выраженным явлением. В основном это происходит в результате рукотворной деятельности и намеренных шагов, предпринимаемых в первую очередь Вашингтоном. «Риск со стороны наших противников не только никуда не делся, его только обострили обстоятельства пандемии», – утверждает К. Купер, помощник госсекретаря США по военно-политическим делам.

12 Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Д. Трампа по случаю 75-й годовщины встречи на Эльбе (2020) // Президент России. 25 апреля 2020 // <http://kremlin.ru/events/president/news/63277>, дата обращения 15.10.2020.

13 'Go Big' Initiative // European Leadership Network // <https://www.europeanleadershipnetwork.org/go-big-initiative/>, дата обращения 15.10.2020.

14 Fagan M., Poushter J. (2020) NATO Seen Favorably across Member States // Pew Research Center, February 9, 2020 // <https://www.pewresearch.org/global/2020/02/09/nato-seen-favorably-across-member-states/>, дата обращения 15.10.2020.

Ему вторит Ш. Фри, заместитель генерального секретаря Европейской службы внешних связей: «Мы считаем, что COVID-19 стал мощным ускорителем тенденций, существовавших и раньше. Это усилило геополитическую напряженность, особенно между США и Китаем».¹⁵ Представители ЕС по-прежнему продолжают говорить о важности движения к «стратегической автономии», но в то же время постоянно уступают давлению Вашингтона в отношении Китая и России. Так, в июне 2020 г. на встрече министров иностранных дел ЕС и госсекретаря США М. Помпео европейцы пошли навстречу Белому дому, согласившись запустить «двусторонний диалог» по Китаю. Задолго до этого, в марте 2019 г., ЕС объявил Китай своим «системным противником»¹⁶. В западных СМИ против Пекина используют приемы, дискредитировавшие себя еще на поле антироссийских кампаний, но тем не менее по-прежнему востребованные. Так, в июле 2020 г. британские медиа сообщили, что бывший агент британских спецслужб К. Стил, подготовивший в свое время скандальное «досье» на Д. Трампа, написал доклад теперь уже о «вмешательстве» Китая во внутренние дела Соединенного Королевства.

Брюссель продолжает сидеть на двух стульях, с одной стороны, продвигая повестку Глобальной стратегии (июнь 2016 г.) и «оборонного пакта», а с другой – делает все возможное, чтобы не вызвать излишнего раздражения американцев своими претензиями на самостоятельность в политико-военной сфере. Что касается России, то ряд стран ЕС являются прямыми лоббистами Вашингтона по торпедированию проекта «Северный поток – 2». В новой страте-

гии национальной безопасности Польши, утвержденной в мае 2020 г., Россия названа основной угрозой безопасности. В схожем ключе составлена военная доктрина Румынии, принятая в июне. Европарламент в год 75-летия окончания Второй мировой войны занял открыто антироссийскую позицию по роли нашей страны в освобождении Европы. Новая волна антироссийских настроений была поднята в ЕС в связи с событиями в Беларуси. Сугубо неконструктивную позу приняли власти Германии в отношении ситуации вокруг А.А. Навального и соответствующих запросов Москвы.

В то же время пандемия привела к дальнейшему осложнению отношений между США и Евросоюзом. В нем крайне болезненно восприняли решение Белого дома о закрытии в марте 2020 г. границ без согласования с Брюсселем. Вопиющими были расценены факты перехвата и перекупки американцами в разных районах мира медицинских масок и оборудования, предназначенных для ЕС, как и, например, попытка США в агрессивной манере приобрести немецкую фармацевтическую компанию CureVac, работавшую над изобретением и производством вакцины от COVID-19.

Можно спрогнозировать, что прогрессирующие элементы деглобализации и различные формы стратегической расстыковки США и их союзников будут стимулировать и облегчать интеграцию военно-промышленных комплексов стран – членов ЕС. Так, если экспорт французских вооружений в 2019 г. в целом снизился на 8%, то в европейские страны он вырос до 45% от общего объема. Причем эти результаты были достигнуты в острой конкурен-

15 EU Defence Washington Forum (2020) // Brookings, July 8–9, 2020 // <https://www.brookings.edu/events/webinar-eu-defense-washington-forum/>, дата обращения 15.10.2020.

16 EU–China – A Strategic Outlook (2019) // European Commission // <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf>, дата обращения 15.10.2020.

ции с США [Французский экспорт вооружений 2020]. Продолжаются работы по реализации франко-германского проекта по созданию боевого танка нового поколения. К деятельности в этом направлении в мае 2020 г. приступил консорциум оборонных компаний двух стран. Предполагается, что замена немецкого танка «Леопард-2» и французского «Леклерк» на новый образец начнется в 2035 г. Импульсы к военной интеграции стран-членов очевидны и на примере информации о разработке Францией и Германией дальнейшей стратегии оборонного сотрудничества ЕС и подготовке к концу 2020 г. новой оценки угроз [Брюссель выступил за оборонную интеграцию 2020].

Отмечая эти факты, необходимо подчеркнуть, что на пути дальнейшего развития «стратегической автономии» Евросоюза стоят не только политические преграды, но в неменьшей степени и финансовые, лишь усугубленные пандемикой. Предварительные параметры нового 7-летнего бюджета ЕС, согласованные на рекордном по продолжительности саммите организации 17–21 июля 2020 г., сулят ее Общей политике и политике безопасности мало хорошего. По сравнению с предложениями Еврокомиссии по компоновке бюджета, финансирование внешнеполитических и оборонных программ на 2021–2027 гг. урезано (только в части внешнеполитических программ – на 15 млрд евро).

С учетом великого множества мнений и интерпретаций о влиянии и последствиях пандемии, высказанных в последнее время специалистами в России, Европе в целом и в США, постараемся выделить ключевые стороны ко-

ронакризиса с точки зрения международных отношений.

Первое. Конкуренция между ведущими центрами силы в мире ускоряется и приобретает все более ожесточенный характер. В ход идут политические, экономические, идеологические, военные, информационные инструменты убеждения и принуждения, не говоря уже о приемах пропаганды и деятельности спецслужб. Даже вопрос создания вакцин от COVID-19 усиливает раздоры между государствами, обнажая «национальные эгоизмы». Создание лекарства от этого вируса превращается в тему для шпиономании. В июле текущего года Британия, США и Канада обвинили Россию на сей раз в попытке украсть информацию о разработке вакцины от коронавируса¹⁷.

Второе. Одной из несущих осей этой конкуренции со всей очевидностью становятся противоречия между США и Китаем, причем первые являются стороной, нагнетающей конфронтацию. В то же время реалии в том, что Китай не только в целом успешно и в кратчайшие сроки справился с эпидемией, но и экономически продолжает значительно опережать темпы развития экономики США и большинства конкурентов. Конфликтность между Вашингтоном и Пекином не является одномерным явлением. Если политическая и технологическая расстыковка между ними шла полным ходом, то, например, финансовые связи двух стран по-прежнему усиливались [Дынкин, Телегина 2020, с. 8].

Третье. Развернулась дискуссия о сути и масштабах этих противоречий, где сталкиваются два мнения: что американо-китайское противостояние ведет к новому изданию глобальной би-

17 Васильева М. (2020) Россию обвинили в шпионаже и вмешательстве // EuroNews. 16 июля 2020 // <https://ru.euronews.com/2020/07/16/russia-accused-of-spying-and-intervention>, дата обращения 15.10.2020.

поляжности и что соперничество двух ведущих экономик на планете является по своей природе двусторонним конфликтом, который по ряду объективных причин не может вылиться в новую биполярность, сравнимую с эпохой холодной войны. Провозгласить ее, конечно, можно, но это не будет отражением реальности.

Четвертое. Мировая экономика втягивается в самую глубокую рецессию со времен Второй мировой войны или даже Великой депрессии. По мере этого растут показатели социального неравенства как на мировом и региональном, так и на внутривнутристрановом уровне. Мировой экономический спад является источником грозных рисков, но одновременно и возможностей, особенно в области «зеленой» экономики, биотехнологий, роботизации и т. п.

Пятое. Продолжается стратегическая расстыковка США и их союзников, в первую очередь европейских. Еще несколько лет тому назад такой тезис был в диковинку, но сейчас он стал общим местом в рассуждениях ведущих европейских политиков и мозговых центров по обе стороны Атлантики. «Реконбалансировка» (*pivot to Asia*) в сторону Азии была объявлена не Д. Трампом, а его предшественником Б. Обамой, а до него открыто пренебрегал мнением ключевых европейских союзников Дж. Буш-мл. Вне зависимости от исхода президентских выборов в США Европа для Вашингтона останется по своей приоритетности вторичной по сравнению с Азией. Уже практически во всех стратегических документах Вашингтона, и политических, и военных, соперником номер один рассматривается Китай, что естественно с учетом его экономической мощи и быстро-

го наращивания военного потенциала. В июле 2020 г. государственный секретарь США Майк Помпео выступил с программной речью, в которой фактически провозгласил новую холодную войну против Китая и которая претендует на титул «Фултон 2.0»¹⁸.

Не только снижается былая интенсивность интереса Америки к Европе (как и к Ближнему Востоку), но этот процесс носит обоюдный характер. Благоприятное мнение о США высказывают лишь 45% итальянцев, 41% британцев, 40% испанцев, 31% французов и 26% немцев. Причем такие цифры лишь отчасти коррелируют в Европе с негативным имиджем Д. Трампа. Если это было бы не так, то, например, 52% немцев не выступали бы против нахождения американских войск в их стране.

Шестое. Усиливаются неопределенности и риски в развитии Евросоюза; пандемия обострила его внутренние проблемы, привела к всплеску евроскептических настроений, острым разногласиям между странами-членами по целому ряду вопросов как по линии «север – юг», так и по линии «запад – восток». В то же время драма Брексита привела к определенной консолидации внутри объединения; опасность эффекта домино по выходу из ЕС других стран-членов на сегодня снята с повестки дня. Это не означает, что снизилась угроза целостности нескольких государств из-за сепаратистских настроений, которые вызваны не пандемией, а намного более глубокими причинами. Например, это касается Бельгии, где постоянного правительства нет уже с мая 2019 г., Испании (каталонский сепаратизм) и, уже за рамками ЕС, Британии (сепаратизм в Шотландии и сре-

18. Communist China and the Free World's Future (2020) // U.S. Department of State, July 23, 2020 // <https://www.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future/>, дата обращения 15.10.2020.

ди католиков-республиканцев Северной Ирландии).

Седьмое. Параллельно идут два процесса: дальнейшее сближение России и Китая, в основном в политико-военной сфере, и рост конфронтационности в отношениях России, с одной стороны, и США и Евросоюза – с другой. В ЕС мнения о политике в отношении России по традиции разнятся, однако тон задают наиболее антироссийски настроенные страны – Польша и государства Прибалтики. Также существует вероятность перехода Германии в лагерь жестких противников России, что продемонстрировали события вокруг А.А. Навального, как и недалекие перспективы завоевания власти в Германии политиками, являющимися противниками какого-либо стратегического сотрудничества с Москвой.

Восьмое. Все хуже функционируют международные механизмы согласования интересов на фоне стремления опереться на региональные интеграционные проекты, региональное сотрудничество, государственную промышленную политику, принципы локализации, деофшоризации не только экономических, но и политических факторов. Происходит, как отмечено выше, не только стратегическая расстыковка США и их европейских союзников, но Вашингтон стремится осуществить экономическую расстыровку с Китаем (особенно в части торговли и технологий), т. е. с первой экономикой планеты по паритету покупательной способности.

В этой ситуации институт национального государства с новой силой предстает опорным для решения как внутренних задач, так и для поддержания международного сотрудничества. Стремление к ренационализации внешней и внутренней политики способствует этому процессу. К ренессансу института государства-нации ведут многочисленные проявления де-

глобализации, которые, однако, имеют свои пределы. В то же время усиление роли этого института сопровождается острой необходимостью межгосударственного взаимодействия для решения трансрегиональных и глобальных проблем, включая распад системы контроля над вооружениями, повсеместный рост социального неравенства, глобальное потепление и др. Многосторонние институты находятся либо в состоянии стагнации, либо переживают кризис; в первую очередь речь идет о ВТО, ВОЗ, ОЗХО, ЮНЕСКО, ООН в целом. В год 75-летия с момента ее создания эта всемирно признанная и универсальная организация испытывает на себе весь негатив противоречий среди своих членов, особенно в Совете Безопасности.

Девятое. В то время, как в мире уже сточается политическое и экономическое противоборство, все чаще в ход идут инструменты санкций, политического шантажа, недобросовестной конкуренции, ведутся информационные войны и осуществляется гибридное воздействие на соперников, продолжается развал системы контроля над вооружениями. Ряд стран возвели в принцип государственной политики накачку своих территорий импортными вооружениями и живой военной силой, направленными на борьбу с «российской угрозой». Невысока вероятность продления СНВ-3, как и спасения Договора по открытому небу с учетом того, что США два предшествующих десятилетия планомерно разрушали архитектуру международной безопасности, особенно в годы президентства Дж. Буша-мл. и с новой силой при Д. Трампе. Растет диспропорция между захлестывающим массовые слои населения интересом к экологической и климатической проблематике и контрастирующим с этим пренебрежением угрозами милитаризации и новой гонки вооружений.

Список литературы

- Белов В.Б. (1) (2020) COVID-19 – Game Changer европейской экономики? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 3. С. 4–12. DOI: 10.15211/vestnikieran32020412
- Белов В.Б. (2) (2020) Новая промышленная стратегия Евросоюза // Аналитические записки ИЕ РАН. № 13 // <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an196.pdf>, дата обращения 15.10.2020.
- Брюссель выступил за оборонную интеграцию в свете напряженности между США и Китаем (2020) // ИТАР-ТАСС. 6 июня 2020.
- Громыко Ал.А. (1) (2020) (Дез)интеграционные процессы: кризисы «глобального мира» // Обозреватель – Observer. № 7. С. 24–38 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43355930_94128854.pdf, дата обращения 15.10.2020.
- Громыко Ал.А. (2) (2020) Последствия пандемии для международных отношений // США и Канада: экономика, политика, культура. № 5. С. 71–77. DOI: 10.31857/S268667300009429-1
- Громыко Ал.А. (3) (2020) Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 2. С. 4–13. DOI: 10.15211/vestnikieran22020413
- Громыко Ал.А. (4) (2020) Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. № 2. С. 6–19. DOI: 10.15211/soveurope220200619
- Данилов Д.А. (2020) НАТО в условиях коронавируса // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 3. С. 21–27. DOI: 10.15211/vestnikieran320202127
- Дынкин А.А., Телегина Е.А. (2020) Шок пандемии и посткризисный мир // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 8. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16
- Коньшев В. (2020) Незаразный взгляд на мировую политику // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 3. С. 130–135. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-130-135
- Миловидов В., Аскер-заде Н. (2020) Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 8. С. 37–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45
- Потемкина О.Ю. (2020) Влияние COVID-19 на свободу передвижения и миграцию в Евросоюзе // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 3. С. 89–94. DOI: 10.15211/vestnikieran320208994
- Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. (2020) Франко-германский тандем перед лицом коронакризиса // Современная Европа. № 4. С. 16–24. DOI: 10.15211/soveurope420201624
- Степанова Е. (2020) Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 6. С. 24–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39
- Французский экспорт вооружений снизился в 2019 г. более чем на 8% (2020) // ИТАР-ТАСС. 2 июня 2020.
- Шумилин А.И. (2020) Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 2. С. 14–21. DOI: 10.15211/vestnikieran220201421
- Щербак И.Н. (2020) ОБСЕ на фоне пандемии: шансы на ренессанс // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 3. С. 28–33. DOI: 10.15211/vestnikieran320202833
- Piketty T. (2014) Capital in the Twenty-First Century, Harvard University Press.
- Piketty T. (2019) Capital and Ideology, Harvard University Press.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1

The Pandemic and the Crisis in the System of International Relations

Alexey A. GROMYKO

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Politics, President of the Association of European Studies (AES), Director

Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 125009, Mokhovaya St., 11/3, Moscow, Russian Federation

E-mail: alexey@gromyko.ru

ORCID: 0000-0003-4228-1552

CITATION: Gromyko A.I.A. (2020) The Pandemic And the Crisis In the System of International Relations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 6–19 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1

Received: 20.09.2020.

ABSTRACT. *The research is focused on several key problems in the system of international relations influenced by the COVID-19 pandemic. It is shown that the events caused by it and broadly identified as a coronacrisis have a direct impact on the world economic contradictions (pandenomica) and political ones, including the sphere of security. These particular aspects are chosen as the main objects of the research. The author contends that the factor of the pandemic has sharpened the competition between regional and global players and has increased the role of a nation-state. In the conditions of transregional deglobalisation, regionalism and “protectionism 2.0” get stronger under the banners of “strategic vulnerability” and “economic sovereignty”. A further weakening of multilateral international institutions continues. The EU endeavours to secure competitive advantages on the basis of relocalisation, industrial and digital policies and the Green Deal. The article highlights the deterioration in the relations among Russia, the US, the EU and China, the un-*

folding decoupling between Washington and its European allies, which stimulates the idea of the EU strategic autonomy. An urgent need for the deconfliction in Russia – NATO interaction is stated.

KEY WORDS: COVID-19, coronacrisis, pandenomics, deglobalisation, protectionism, strategic vulnerability, economic sovereignty, deconfliction, Russia, USA, EU, China

References

Belov V.B. (1) (2020) COVID-19 – Game Changer of the European Economy? *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 3, pp. 4–12 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran32020412

Belov V.B. (2) (2020) New Industrial Strategy of the European Union. *Analytical Note of the Institute of Europe RAS*, no 13. Available at: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an196.pdf>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Brussels Spoke out for Defense Integration in the Light of Tensions between the US and China (2020). *ITAR-TASS*, June 6, 2020 (in Russian).

Gromyko A.L.A. (1) (2020) (Des) Integration Processes: Crises of the “Global World”. *Obozrevatel' – Observer*, no 7, pp. 24–38. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43355930_94128854.pdf, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Gromyko A.L.A. (2) (2020) Consequences of the Pandemic for International Relations. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no 5, pp. 71–77 (in Russian) DOI: 10.31857/S268667300009429-1

Gromyko A.L.A. (3) (2020) Coronavirus as a Factor in World Politics. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 2, pp. 4–13 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran22020413

Gromyko A.L.A. (4) (2020) Metamorphoses of Political Neoliberalism. *Contemporary Europe*, no 2, pp. 6–19 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope220200619

Danilov D.A. (2020) NATO in the Context of the Coronavirus. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 3, pp. 21–27 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran320202127

Dynkin A.A., Telegina E.A. (2020) The Shock of the Pandemic and the Post-crisis World. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 8, pp. 5–16 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16

French Arms Exports Decreased by more than 8% in 2019 (2020). *ITAR-TASS*, June 2, 2020 (in Russian).

Konyshchev V. (2020) Non-contagious View of World Politics. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 3, pp. 130–135 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-130-135

Milovidov V., Asker-zade N. (2020) Protectionism 2.0: The New Reality of the Era of Globalization. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 8, pp. 37–45 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45

Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*, Harvard University Press.

Piketty T. (2019) *Capital and Ideology*, Harvard University Press.

Potemkina O.Yu. (2020) Impact of COVID-19 on Freedom of Movement and Migration in the European Union. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 3, pp. 89–94 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran320208994

Rubinskij Yu.I., Sindeev A.A. (2020) Franco-German Tandem in the Face of Coronacrisis. *Contemporary Europe*, no 4, pp. 16–24 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope420201624

Shcherbak I.N. (2020) OSCE against the Backdrop of a Pandemic: Chances for a Renaissance. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 3, pp. 28–33 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran320202833

Shumilin A.I. (2020) Factor of a Pandemic in the Foreign Policy of the European Union. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 2, pp. 14–21 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran220201421

Stepanova E. (2020) Armed Conflicts at the Beginning of the XXI Century: Typology and Directions of Transformation. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 6, pp. 24–39 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-2

The Corona Virus Pandemic and Global Transformations: Making or Breaking International Orders?

Greg SIMONS

PhD

University of Canterbury, Private Bag 4800, Christchurch 8140, Canterbury, New Zealand;

Associate Professor (Docent) in Political Science

Uppsala University, IRES, Box 514, SE-751 20, Uppsala, Sweden;

Associated Researcher

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119021, Ostozhenka St., 53/2, bldg 1, Moscow, Russian Federation;

Researcher

Uppsala University (Sweden), Turība University (Latvia), Ural Federal University (Russian Federation)

E-mail: gregmons@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6111-5325

CITATION: Simons G. (2020) The Corona Virus Pandemic and Global Transformations: Making or Breaking International Orders? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 20–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-2

Received: 12.08.2020.

ABSTRACT. *In the period of the 21st century leading up to the Corona Virus pandemic, there was increasing consensus that the global order that had existed since the end of the Cold War and the collapse of the Soviet Union where the unipolar hegemony of the United States was in relative decline, weakening and transforming. It was transforming from a unipolar to multipolar order; of course, the US was not going to leave the transformation uncontested in order to retain its privileged global position. The Corona Virus outbreak was a black swan event, it is also being used by various international actors to leverage opportunities caused by the weaknesses exposed in this extraordinary time. The US has been acting in an aggressive manner during the pandemic in an effort to try and weaken opponents and coerce friends in order to ‘cancel’*

the pre-Corona Virus global transformations and retain its global hegemony.

KEY WORDS: *global transformation, unipolar world order, multipolar world order, Corona Virus (COVID-19), international relations*

Introduction

There has been a gradual growing consensus that the global order is in a state of transformation, from the unipolar hegemony of the United States that has existed since the end of the bipolar world order that existed during the Cold War, moving towards a post-Western multipolar global order [Lukyanov 2010; Chebankova 2017;

Simons, Kukartseva 2019; Cooley, Nexon 2020]. Rising powers were increasingly challenging the US hegemony at different levels (local, regional and global) and in different spheres (foreign policy, defence and security policy, public diplomacy, international institutions, technology and finance). Various key international and regional actors have been traditionally labelled as being hostile to the United States and its interests, such as Cuba, Iran, Russia and Venezuela. Increasingly attention has turned to and focused on China, the primary global competitor, together with attempts to coerce China in a disadvantageous position that would limit its opportunities to challenge the US.

The sudden appearance of the Corona Virus, which make a spectacular and devastating appearance and influence on all aspects of globalisation and international relations can be considered by some, but not others, to be a black swan event [Fishman 2020].¹ Whether or not it is an actual Black Swan event or not is of lesser significance, than the subjective political ability and motivation to construct the appearance of one. As there are opportunities to be more readily accessible in extraordinary times than in ordinary ones as the existing rules of the game become frayed in an unstable physical environment that lacks coherent informational flows and possesses high levels of cognitive uncertainty and risk. The effects of COVID-19 have been predicted as being potentially significant and long lasting [Heisbourg 2020]. Other observers and commentators note some transformations are already occurring in international affairs [Simon 2020] and the implications for global leadership and the global order [Zhao 2020].

Given the risks to US global hegemony and its unipolar order during the recent pre-COVID-19 era and the decreasing opportunities for defending this position during 'ordinary' situations (non-crisis) in international relations, there is the motivation and temptation to use these extraordinary circumstances as a means to consolidate and strengthen the US position and to potentially weaken the position of challengers and rivals. Can the US use the extraordinary circumstances of the Corona Virus pandemic to 'cancel' the transformation of the global order from unipolar to multipolar, and retain its hegemony?

This paper consists of three sections, the first section concerns establishing the method and theory that is used by the author to collect and inform the data that has been analysed on the road to answering the research question. The second section concerns an overview of the arguments concerning the nature of the transformation of the international order before the outbreak of COVID-19. This is to give a theoretical and practical background to measure the sense and direction of material appearing in the third section, which concerns the topic of tracking the arguments on how and/or if COVID-19 can be or is being used to reshape the configuration of the global order.

Method and Approach

The approaches to textual analysis shall include content analysis (quantifications of different elements in text), argumentation analysis (the structure of argumentation used), and the qualitative analysis of ideas in the content (with a fo-

1 A black swan event is defined as being: "First, it is an outlier, as it lies outside the realm of regular expectations, because nothing in the past can convincingly point to its possibility. Second, it carries an extreme 'impact'. Third, in spite of its outlier status, human nature makes us concoct explanations for its occurrence after the fact, making it explainable and predictable." For more see: McGillivray G. (2020) Corona Virus Is Significant, but Is It a True Black Swan Event? *The Conversation*. Available at: <https://theconversation.com/coronavirus-is-significant-but-is-it-a-true-black-swan-event-136675>, accessed 15.10.2020.

cus on geopolitical frames) [Boréus, Bergström 2017, pp. 7–9]. The combination of these approaches is expected to yield results on the ontology (what exists) and epistemology (knowledge and how we ‘know’ things) of academic and mass mediated textual depictions in a literature review of the use of how the Corona Virus COVID-19) is or has transformed existing global geopolitical orders. The objects of study include power, people, policy, norms and values, international relations and geopolitics² and so forth [Boréus, Bergström 2017, pp. 1–2]. The academic and popular texts then contextualise the relationships according to perceived and projected power in the constructed social world order of mankind, such as justice and injustice, powerful and powerless, legitimate and illegitimate, worthy and unworthy.

It is the intention of the author to use a qualitative approach to analysing the data, and given the size of the samples, to create an indicative study. Where the qualitative study intends to capture the complexity of the object(s) of study [Hyett, Kenny, Dickson-Swift 2014, p. 2]. The empirical material shall be analysed via framing theory. Entman [Entman 2004, p. 5] defines framing as “selecting and highlighting some facets of events or issues, and making connections among them so as to promote a particular interpretation, evaluation, and/or solution.” There are a number of basic functions that are performed by frames covering political events, issues and actors: “defining effects or conditions as problematic; identifying causes; conveying a moral judgement; endorsing remedies or improvements” [Entman 2004, p. 5]. These approaches shall form the backbone to the literature review method.

Literature reviews play an important role as a foundation for all types of research, where they can serve as the basis for knowledge development. As such they can form the basis of future research and theory [Snyder 2019, p. 339]. A review potentially enables a synthesis of state of the art knowledge, which in turn enables the prospect to quality and relevance of the research evidence to date [Gough 2007]. There are a variety of ways and means to engage in a literature review. For example, a structured literature review or a semi-structured literature review or a scoping study. A structured literature review that offers a summary of a number of different studies and could draw some conclusions. Whereas a systematic review “is a specific, carefully defined approach to the literature review”, and it is argued that this method should only be applied when they can provide valid means to summarise the literature [Bearman et al. 2012, p. 638]. The favoured approach of this paper is a semi-structured literature review [Mullins, Spence 2003; Pawar, Spence 2003], which seeks the definition and transforming global orders within the subject area of geopolitics during the COVID-19 pandemic of academic and popular text.

This is to be conducted as a scoping study, which is defined as aiming to rapidly map key concepts circulating in a research area, along with the main types and sources of evidence available. It is of value and use where an area is complex and/or never reviewed comprehensively before. There are at least four possible reasons for undertaking a scoping study: as a means to examine the extent, range and nature of research activity; to determine the value of undertaking a full systematic review; to summarise and disseminate research find-

2 Here geopolitics is understood and used in the sense of the political regulation and management of the struggle and competition in interests and objectives between and among members of the international community in their practice of international relations and affairs.

ings; and to identify existing gaps in existing research. This paper's motivation is found in the first and last reasons.

A computerised search was conducted on the Google (for popular sources) and Google Scholar (for academic sources) database that used the following key words: *corona virus and international relations*; *corona virus and geopolitics*. This sample was further supplemented by books on the subject from the library of the author, and the examples were manually checked against the stipulated textual criteria at the beginning of this section for relevance. A total sample of 53 were collected and analysed in the process.

Brief Overview of Literature on Global Transformations Before COVID-19

This section is intended to provide the reader with a brief overview of the transformations and evolutions that were occurring in the international system before the advent of the Coronavirus pandemic in order to give a background to the theoretical and pragmatic logic of words and deeds occurring in the global information space since the pandemic. Increasingly in the 21st century, observers and authors have concluded that there is a transformation of global geopolitics. The assessments tend to vary in the breadth and depth of the transformations from a post-Cold War unipolar order with the United States as the hegemon, and heading towards another configuration. Cooley and Nexon [Cooley, Nexon 2020] argue that this trend has been occurring for some years and predates Trump's presidency (although they state he has accelerated the transformation) as the United States has gradually dismantled the instruments and mechanisms of its hegemony that were laid in the aftermath of the Second World War. They also go as far as to claim that the US can no longer be la-

belled as a global hegemon, although it is at this stage still the single most powerful nation in the international system. As a result there is a gradual evolution and transformation towards a multipolar global order with a variety of varied international powers vying for positions of influence and power, and allies of the US taking more independent policy stances. This relative decline of the US leaves it unable to broker effective alliances and allows challenges to wedge existing aspects of the US power base.

There are two different and yet related hegemonic relative declines that are transforming global politics and geopolitics. One is the decline of the global liberal hegemony that is being challenged by non-liberal political forces that are domestic and international actors. The other is the relative decline of the US unipolar geopolitical hegemony, both of these evolutions have been occurring for some time and have become more noticeable since the Global War On Terrorism and the so-called New Cold War [Simons, Kukartseva 2019]. As noted by Cooley and Nexon [Cooley, Nexon 2020] the relative decline of US unipolar hegemony has been the result of a mix of internal and external factors. Ikenberry and Nexon [Ikenberry, Nexon 2019, p. 421] note the upholding of a hegemonic order requires "a rich array of relations and articulated roles and evolving identities, which give hegemony its life and operation." Weaker and weakening actors as well as at times hegemons face a number of problems in power projection. "They not only structure international order but find themselves structured by it. In this sense, hegemonic orders are not simply a reflection or crystallisation of the distribution of power" (Ibid.). As such, the situation has created an environment of increased competition and conflict with various issues how to create strategies to maximise the newly emerging opportunities.

Indications of the transformation of the global order are increasingly being understood as the evolution from a unipolar to a multipolar global order [Lukyanov 2010; Cooper, Flesmes 2013; Petito 2016; Chebankova 2017]. This implies the need to adapt to the evolving global environment in terms of foreign policy and strategy. Cooper and Flesmes [Cooper, Flesmes 2013, p. 958] note that there has been much commentary on the role of emerging states in terms of influence and effect, although this is far from being clearly understood. They also note the rise of significance and importance the role of national interest and the decline of values. This is seen in the gradual disintegration of value-driven communities and arguments. “The camps of debate over particular issue areas, over values such as legitimacy or responsibility or national sovereignty and the future order as a whole will not always be delineated along the lines of liberal democracies versus autocracies or the West versus the rest” [Cooper, Flesmes 2013, p. 958]. The quality and quality of the new order is currently being ‘negotiated’.

Petito [Petito 2016] argues that the global transformation not only includes the evolution towards a multipolar configuration of world powers, but there is an evolution away from a Western-centric system. As such the global transformation is moving towards a multipolar and multi-civilizational global order. This brings problems in its own right as it requires an effective mechanism and genuine dialogue of civilisations in order to avoid or at least minimise misunderstandings and any possible conflicts that could emerge as a result.

Concretely, this neo-regionalist, multipolar, and cross-cultural model of world order would be different from the Huntingtonian model of multi-civilizational-multipolar order as: (i) it is not shaped along civilisational-culturalist lines but by a dialogical multiculturalism, (ii) it is

based on new forms of cross-cultural regionalism and negotiation of a new cross-cultural *jus gentium*, and (iii) it is committed to the widespread process of “intercivilizational mutual understanding” at multiple levels” [Petito 2016, p. 88].

This quote implies that there needs to be a new system of communicating and interacting in the transforming international system, one which is more complex than the current Western-centric system. To realise this, there needs to be a reconfiguration of the present system to accommodate for these future needs, an action that will likely further reduce US power and influence in the international system. Strategies to achieve these ends can include challengers wedging US global networks and institutions and brokering new global networks and institutions that compete. The emergence of such networks and institutions as BRICS, the Shanghai Cooperation Organisation and others serve just this purpose. Soft balancing is the primary means, which does not directly challenge the US military’s tangible dominance, but rather using non-military tools to delay, frustrate or undermine unilateral policies [Flesmes 2013, p. 1020]. Of importance is the ability to influence and alter the established global orthodoxy of word and deed that is used to prop up hegemonic power and influence. Furthermore, the factors that are identified as possibly explaining the influence of state actors in a “multipolar order are: relative material, ideational and institutional capabilities. Foreign policy strategies are the vehicles by which to convert these capabilities into political influence” [Flesmes 2013, p. 1029]. The relative decline of the US has created opportunities for various sets of state and non-state actors to emerge in the growing global disorder.

Schweller [Schweller 2011] argued that the relative decline of the US is likely irreversible (in agreement with Cool-

ey and Nexon's assessment). Adding further, although not yet at the point of collapse, other emerging non-Western powers such as China and India are likely to be in a position to set the stage for a fundamental rethinking and practice of world politics in their image. There are a number of great powers set to challenge US power and influence more openly and with greater effect. This is like to create a qualitative change in the expected behaviour of the emergent great powers [Schweller 2011, p. 295; Mukherjee 2020]. Interestingly, Flemes [Flemes 2013, p. 1032] predicted that a selfish style of leadership in the US would greatly weaken their position and encourage friend and foe alike to, "in the medium term exert leverage from their privileged network positions to replace formal institutions with substitution networks." One can argue, as Cooley and Nexon [Cooley, Nexon 2020], this situation was achieved with the so-called Trump doctrine when applied to foreign policy.

This leaves great power actors, such as Russia, challenges and dilemmas as to how to conceive this new order conceptually and how to respond to it pragmatically. For example, the current transformation process is seen as two quite distinctive paradigmatic positions. The current unipolar hegemony champions cultural, economic and political globalisation under the leadership and control of the Western world, and the US in particular. The multipolar position advocates for a more particularistic approach that strives for a balance of interests, multiplicity of politico-cultural forms and multiple centres of international influence [Chebankova 2017, p. 217]. The practical policy problem is how to maximise the opportunities and simultaneously hedge against possible threats in such an unstable and dynamic global environment. One of the avenues was to join global liberal organisations and institutions, such as the World Trade Organisation and APEC and be able to have

an influence in these Western dominated political spaces. Another means was to co-create alternative international institutions that support the multipolar vector, such as the SCO and BRICS [Lukyanov 2010]. This strategy fits with the idea of wedging against the influence of the US unipolar global order and in brokering an institutional framework that can assist and support a multipolar order. It is the author's understanding that these alternative groups and platforms are not intended to overthrow the US-led, Western-centric version of globalisation, but as a means to co-opt globalisation and transform it to a non-Western-centric multipolar global order. This requires careful and deliberate long-term planning and the ability to factor in black swan events, such as that of the Coronavirus pandemic.

COVID-19 and Global Transformations

The effects of COVID-19 on all spheres of human life and activity at all levels has become a very rapid and invasive event. There were several observed broad strategies applied that focused on: 1) economic security; 2) human security; and 3) state security, which involve opportunity costs when applied on a zero sum game basis. This includes human security at the level of civil liberties and individual freedoms, where governments have imposed or through the use of fear created an exchange of these freedoms and liberties for an illusion of security against the virus [Brzechczyn 2020; Cherkaoui 2020; Simon 2020]. Economic transformations are also very noticeable, even in countries that prioritised economic security, where the mantra and practice of economic globalisation was severely disrupted that has caused massive economic devastation to countries in turns of economic down turn, job losses, growing debt crisis

and the devastation of small businesses [Cherkaoui 2020; Figus 2020; Grinin, Korotayev 2020; Reinhart C., Reinhart V. 2020].³ The general economic devastation has been contrasted by the rapidly rising fortunes of the super-rich that have accumulated massive sums of money during the pandemic.⁴ There has also been the focus on state security, which has manifested itself in various ways that include increased protectionism, nationalism and geopolitical competition. This is the focus of the rest of this section.

With the emergence and rapid spread of COVID-19 globally, different countries were left scrambling for varied strategies to mitigate its effects in an increasingly unstable global environment [Mayilvaganan 2020]. COVID-19 has been characterised as a globally transforming event, which at its most basic level represents an open-ended crisis [Blackwill, Wright 2020; Fishman 2020, p. 5; Allan et al. 2020].⁵ One of the predictions has been that the great powers that lack a growing population and a growing economy shall be weakened by COVID-19, and that countries such as China and Russia stand a chance to temporarily benefit from the pandemic conditions [Grinin, Korotayev 2020, p. 9; Scocozza 2020]. In response to this, the US and other global great powers are likely to engage in increasingly hostile foreign policy, such as the current vector of US anti-Chinese policy [Grinin, Korotayev 2020, p. 11]. Bremmer [Bremmer 2020, p. 17] predicts three factors are

shaping the transformation of the global order during the pandemic: deglobalisation, rising populism and nationalism, and a rising China. These events, trends and processes are driven and directed by actors' cognitive assessments and evaluations of people, places and occurrences within the physical domain via representations and knowledge from the information domain. As Biscop [Biscop (2) 2020, p. 231] points out, COVID-19 is a symmetrical threat as it potentially hits everyone and the effects are related to the health of the population, health infrastructure, the resolution and speed of the crisis response.

Objectively speaking, this situation gives a potential advantage to great powers, such as China, US, Russia and others as they can mobilise more resources than lesser powers [Farias 2020]. In reference to the increased great power rivalry of the 21st century, COVID-19 did not change this pattern, "instead, many powers instrumentalise the crisis to compete with each other" (Ibid.).⁶ Several trends have been noted: strengthening of the state in a context of de-globalisation (the undoing of the liberal global order created in the wake of World War Two); the acceleration of competition between major power; and the rise of an aggressive form of information warfare [Von Hlatky et al. 2020, p. 1]. There has also been the prediction that the coming period of geopolitical realignments shall intensify the global race for critical minerals [Kalantzakos 2020]. Depending on how ef-

3 Stiglitz J., Rashid H. (2020) A Global Debt Crisis Is Looming – How Can We Prevent It? *The Guardian*, August 3, 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2020/aug/03/global-debt-crisis-relief-coronavirus-pandemic>, accessed 15.10.2020.

4 Rogers T.N. (2020) American Billionaires Have Gotten Half a Trillion Richer During the Pandemic, but the Country's Racial Wealth Gap Has Grown, Too. *Business Insider*, June 4, 2020. Available at: <https://www.businessinsider.com/billionaires-got-565-billion-richer-during-the-coronavirus-pandemic-2020-6?r=US&IR=T>, accessed 15.10.2020.

5 Natalucci M. (2020) International Affairs and the Global Geopolitical Order after the Coronavirus. *International Insider*, March 2, 2020. Available at: <https://internationalinsider.org/international-affairs-and-the-global-geopolitical-order-after-coronavirus/>; Davis W. (2020) The Unravelling of America. *Rolling Stone*, August 6, 2020. Available at: <https://www.rollingstone.com/politics/political-commentary/covid-19-end-of-american-era-wade-davis-1038206/>, accessed 15.10.2020.

6 Janparvar M. (2020) Different Attitudes of Political Geography and Geopolitics to Coronavirus. *Modern Diplomacy*, April 15, 2020. Available at: <https://modern diplomacy.eu/2020/04/15/different-attitudes-of-political-geography-and-geopolitics-to-coronavirus/>, accessed 15.10.2020.

fectively or ineffectively they manage their own recovery, the result can maintain the balance of power or alter it. The lack of certainty concerning the effects and duration of COVID-19 means that situations can rapidly change one direction and then all of a sudden, go in another completely different one, which makes any one theoretical construct problematic in terms of deriving accurate and meaningful predictions. This can shape how a state perceives and responds to the pandemic.⁷ Actors respond to events by how they predict the ‘reality’ on the ground.

Some hold out a measure of positive expectations for the West to survive. For example, the EU’s policy response to the effects of COVID-19 has been hailed as extraordinary. Yet at the same time, reservations are expressed as this will require a significant and fundamental internal and external overhaul of the EU, together with possible ‘teething’ problems.⁸ Some of the caveats include, although Europe is a relatively rich market and modern part of the world, with somewhat effective governance and living standards, none of this was ever translated in to foreign policy acumen. This is especially evident with no apparent contingency for when Pax Americana ends in Europe and globally [Bremmer 2020, p. 22; Koenig, Stahl 2020, pp. 3–4].⁹ Certainly, the pandemic potentially presents the EU with some opportunities, but only if there is close proximity between internal unity and co-

hesion, together with the ability to globally project power [Koenig, Stahl 2020, pp. 12]. Predictions also include a weakened EU owing to the continued fracturing that was occurring before the pandemic owing to issues such as economic crises and the migrant crisis, COVID-19 adds to these substantial existing points of contention.¹⁰ Given the recent history to date on these aspects, there is an element of doubt as to whether the EU can capitalise on possible opportunities.

Friedman [Friedman 2020, p. 24] identifies four distinct systems simultaneously operating in the US concerning efforts at containing the effects of COVID-19: the medical, the economic, the social, and the geopolitical. It is evident that the US has attempted to instrumentalise the pandemic crisis as a means to protect its privileged, but declining, global geopolitical position. One such example is the rapid increase of military activity and coercion in its attempt to apply the policy of “maximum pressure” against Iran and reduce Iranian influence in the region, rather than solidarity with the region against the effects of COVID-19, which some view as being a lost opportunity to put aside geopolitical aims and to tangibly demonstrate good will [Cole 2020]. The rise of China’s global economic and military power and influence has been under increasing scrutiny for some years (one can point to Obama’s “Asia Pivot” as an expression of this) and has been the cause for concern, owing to

7 Rausch T. (2020) What if the COVID-19 World Is What States Make of It? *New Perspectives on Global Economic Dynamics*, April 16, 2020. Available at: <https://ged-project.de/globalization/what-if-the-covid19-world-is-what-states-make-of-it/>; Johnston S.A. (2020) The Pandemic and the Limits of Realism. *Foreign Policy*, June 24, 2020. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/06/24/coronavirus-pandemic-realism-limited-international-relations-theory/>; McTague T. (2020) The Pandemic’s Global Aftershocks Are Coming. *The Atlantic*, May 18, 2020. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/05/coronavirus-pandemic-second-wave-geopolitics-instability/611668/>, accessed 15.10.2020.

8 Damjanovic I., de Sadeleer N. (2020) Could Coronavirus Strengthen Rather Than Threaten Geopolitical Europe? *International Affairs*, June 11, 2020. Available at: www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/could-the-coronavirus-strengthen-rather-than-threaten-geopolitical-europe/, accessed 15.10.2020.

9 Techau J. (2020) Saving Europe from Corona’s Nasty Geopolitics. *EU Observer*, April 15, 2020. Available at: <https://euobserver.com/opinion/148057>, accessed 15.10.2020.

10 Geopolitics After COVID-19: Is the Pandemic a Turning Point? (2020). *The Economist Intelligence Unit*, April 1, 2020. Available at: <https://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1339299717&Country=Albania&topic=Politics&subtopic=Forecast&subsubtopic=International+relations>, accessed 15.10.2020.

the relative decline of the US. It has been calculated that the pandemic maybe an opportunity to destroy Chinese soft power and remove this risk based on shaping global public perception and opinion on the Chinese handling of the pandemic and the risks posed [Bremmer 2020, pp. 15–17; Mandelbaum 2020]. Although there are some signs that the US lacks its former ability to broker agreements, such as Secretary of State Mike Pompeo's attempt to force a joint G7 statement that included a reference to the "Wuhan virus", which all allies refused to endorse [Bremmer 2020, p. 19]. US isolation and withdrawal into a more self-centred focus is being intensified by the pandemic's global repercussions.

There is a strong feeling and perception among international relations scholars in the US that the US is not leading the pandemic crisis response, which is something that is costing reputation, although predicting there will be little impact and change to the global order in the end.¹¹ Fundamental questions have been raised on the effects of COVID-19 that call into question the current iteration of globalisation and the neo-liberal ideology that has developed with it, especially after the rapid breakdown of global governance in face of the virus [Borrell 2020]. As such, a chain of events and reactions have been unleashed. The US and European Union have been attempting to use COVID-19 not to undo the effects of globalisation, which supports the continued hegemony of the US and liberalism

[Biscop (1) 2020, p. 234],¹² but rather to re-organise the institutions and relational aspects of globalisation in order to reduce the power and influence of China and preserve the Western dominance in the global system. The stakes of appropriate and correct crisis management strategies have been laid out by numerous commentators.

The COVID-19 crisis is holding up a mirror to Western countries – making us realise that the perception we have of ourselves might be distorted. The crisis will be a huge test: our effectiveness in managing it could alternately accelerate or slow the de-Westernisation of the world. In any case, it will challenge globalisation and re-arrange the world order.¹³

Long lasting negative effects have been predicted that shall result from poor geopolitical strategy and the ineffective management of politics and the economy. This can potentially include the quicker fragmentation of regional blocs with incomplete integration; and US-China friction moving towards a deeper 'Cold War' that will have the effect of dividing the world into opposing camps.¹⁴ Richard Horton (editor of *Lancet*) argues that the anti-Chinese rhetoric and actions are disproportionate and risk global stability even further during a period of instability, and are used to mask the West's failures in managing the pandemic.¹⁵ This manifests itself in a number of ways, for example the global

11 Drezner D.W. (2020) So What Do International Relations Scholars Think About COVID-19 and World Politics? *The Washington Post*, May 11, 2020. Available at: <https://www.thewashingtonpost.com/outlook/2020/05/11/so-what-do-international-relations-scholars-think-about-covid-19-world-politics/>, accessed 15.10.2020.

12 Perthes V. (2020) The Corona Crisis and International Relations: Open Questions, Tentative Assumptions. *German Institute for International and Security Affairs*, March 31, 2020. Available at: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/the-corona-crisis-and-international-relations-open-questions-tentative-assumptions/>, accessed 15.10.2020.

13 López J. (2020) The Coronavirus: A Geopolitical Earthquake. *European Council on Foreign Relations*, April 2, 2020. Available at: https://www.ecfr.eu/article/commentary_the_coronavirus_a_geopolitical_earthquake, accessed 15.10.2020.

14 Malik H. (2020) Geopolitics after COVID-19: US-China Cold War, Fragmented EU and GCC. *Tellimer*, April 20, 2020. Available at: <https://tellimer.com/article/geopolitics-in-em-after-covid-19-us-china-col>, accessed 15.10.2020.

15 Horton R. (2020) This Wave of Anti-China Feelings Masks the West's Own COVID-19 Failures. *The Guardian*, August 3, 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/aug/03/covid-19-cold-war-china-western-governments-international-peace>, accessed 15.10.2020.

race to create a vaccine by the great powers, and the notion of ‘vaccine nationalism’ where the rule of first in first served applies at the expense of notions and concepts as global solidarity.¹⁶ Stability if not checked can generate the spread of its effects to other sectors and regions.

The chain-effect of the initial health nature of the pandemic crisis has evolved to include additional elements of the crisis in politics and the economic. Economic hardship and political instability in the West, and particularly in the US is hastening the geopolitical decline and this in turn is creating and shaping the domestic politics of geopolitical confrontation. For example, the increasingly aggressive use of economic and military instruments of coercion against China, which is increasing the risk of violent regional confrontations.¹⁷ Andrés Ortega assesses the current global pandemic situation as potentially accelerating the de-Westernisation process, responses at best can slow down, but cannot be reversed with the use of the crisis. Not least owing to internal divisions within the Western elite.¹⁸ This is in part owing to not only the use of resources, but about prioritising these resources in times of scarcity. China and Russia have been more skilled and systematic in managing resources to

expand their geopolitical influence and global reach.¹⁹ This situation creates motive and opportunity to challenge and transform the global architecture.

Given the apparent signs of fragmentation, weakness and absence of global leadership, emerging powers at the local, regional and global levels are likely and more able to assert influence via hard and soft power means.²⁰ This is, for example, seen in the search for economic opportunities by China and India in the Middle East region, both ‘newcomers’ in comparison to leading Western countries [Sevilla 2020]. Russia and China have been active in initiating humanitarian diplomacy in the form of aid to various countries, including Italy and on the African continent, to boost its global soft power. This goal has been further assisted by the absence of the US in regions such as Africa [Biscop (1) 2020, p. 2; Bremmer 2020; Heisbourg 2020; Morillas 2020; Zhao 2020].²¹ In fact, China was noted as beginning to embody the values of solidarity and cooperation that were historically associated with the West, while the US and core Western countries were all but absent.²² Chinese humanitarian diplomacy in Africa demonstrates an approach where it projects an image as a defender of the developing world [Koenig, Stahl 2020,

16 Yang W. (2020) Is the US-China Rivalry Tangling a Coronavirus Vaccine With Geopolitics? *Deutsche Welle*, June 22, 2020. Available at: <https://www.dw.com/en/is-the-us-china-rivalry-tangling-a-coronavirus-vaccine-with-geopolitics/a-53896712>, accessed 15.10.2020.

17 Khan H.A. (2020) The Oil and Coronavirus Crises May Hasten US Geopolitical Decline. *Al Jazeera*, June 13, 2020. Available at: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/6/13/the-oil-and-coronavirus-crises-may-hasten-us-geopolitical-decline/>, accessed 15.10.2020.

18 Ortega A. (2020) Geopolitics after COVID 19: Conflict or Cooperation? *The Globalist*, June 21, 2020. Available at: <https://www.theglobalist.com/coronavirus-pandemic-covid19-geopolitics-united-states-europe-china/>, accessed 15.10.2020.

19 Techau J. (2020) Saving Europe From Corona's Nasty Geopolitics. *EU Observer*, April 15, 2020. Available at: <https://euobserver.com/opinion/148057>, accessed 15.10.2020.

20 Geopolitics After COVID-19: Is the Pandemic a Turning Point?(2020). *The Economist Intelligence Unit*, 1 April 1, 2020. Available at: <https://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1339299717&Country=Albania&topic=Politics&subtopic=Forecast&subsubtopic=International+relations>, accessed 15.10.2020.

21 Perthes V. (2020) The Corona Crisis and International Relations: Open Questions, Tentative Assumptions. *German Institute for International and Security Affairs*, March 31, 2020. Available at: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/the-corona-crisis-and-international-relations-open-questions-tentative-assumptions/>; Moisi D. (2020) The Coronavirus, a Geopolitics of Fears. *Institut Montaigne*, March 17, 2020. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/coronavirus-geopolitics-fears>, accessed 15.10.2020.

22 López J. (2020) The Coronavirus: A Geopolitical Earthquake. *European Council on Foreign Relations*, April 2, 2020. Available at: https://www.ecfr.eu/article/commentary_the_coronavirus_a_geopolitical_earthquake, accessed 15.10.2020.

pp. 6–7]. From an Italian perspective, it was noted that they received aid from China, Cuba and Russia before their allies or the EU, which can potentially redefine political relationships.²³ The Chinese global humanitarian diplomacy efforts have even generated conjecture as to whether this will be a ‘Chinese Marshall Plan’ (after the US aid efforts to Western Europe in the wake of World War Two).²⁴ However, exact predictions are difficult to make in such an unstable political, economic and geopolitical global environment, and trends may constantly alternate and change.

Certainly US global primacy is being challenged by the absence of its leadership, which potentially opens the field to other actors, such as China [Campbell, Doshi 2020; Dobrescu, Ciocea 2020, p. 134]. If China is able to emerge from the accusations of guilt and responsibility for the pandemic, it can potentially take the position of global leader. Although this will be challenging and qualitatively different from the current configuration and conceptualisation. China’s economic and military power are certainly global. However, there may be challenges in brokering political consent for its global leadership.²⁵ Thus the failure of the US will tangibly (by creating a physical vacuum) and intangibly (by removing cognitive impediments to challengers) encourage an open challenge to US global leadership. In the run-up to the 2020 US presidential elections, the division and split between the different domestic political visions of the role to be played by the country is apparent and caught between recent historical role references and the opportunities and threats created by the Coronavirus. These

visions, which can be roughly characterised as being ‘America first’ versus US as a global unipolar hegemon, are incompatible with a lack of middle ground or compromise considered or even possible.

Conclusion

In the introduction of this paper, a provocative question was posed for academic inquiry. Can the US use the extraordinary circumstances of the Corona Virus pandemic to ‘cancel’ the transformation of the global order from unipolar to multipolar, and retain its hegemony? In way of a short answer, yes the US has attempted to do so. This was seen in its attempt to use COVID-19 to apply maximum pressure on Iran and pressure the government into making concessions, which has failed. The US also tried to use COVID-19 as a means to further pressure China, a continuation of the tense and dangerous pre-pandemic geopolitics that included economic (trade war) and military coercion (military exercises and implied use of military hardware such as B-52 bombers). Once more, this has failed as well. This is in no small part owing to the declining economic and military strength and soft power appeal of the US, even among its own allies, let alone those designated as enemy states. The growing self-centred and asymmetrical nature of US foreign policy and diplomacy (i.e. making one-sided ‘deals’ and breaking agreements) has damaged and tarnished the credibility and reliability of the US and its global role.

23 Romito M. (2020) EU: Corona Virus and Geopolitics. An Italian Perspective. *University of Navarra*, April 20, 2020. Available at: <https://www.unav.edu/web/global-affairs/detalle/-/blogs/eu-corona-virus-and-geopolitics-an-italian-perspective>, accessed 15.10.2020.

24 Schmidhuber J. (2020) *Coronavirus Geopolitics: Germs and the Rise of Empires*. Available at: <http://people.idsia.ch/~juergen/coronavirus-geopolitics-chinese-marshall-plan.html>, accessed 15.10.2020.

25 Kirecci M.A. (2020) New Geopolitics in a Post-Coronavirus World. *Politics Today*, June 3, 2020. Available at: <https://politicstoday.org/new-geopolitics-in-a-post-coronavirus-world/>; Cabestan J-P. (2020) China’s Battle With Coronavirus: Possible Geopolitical Gains and Real Challenges. *Al Jazeera Centre for Studies*, April 19, 2020. Available at: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/china%E2%80%99s-battle-coronavirus-possible-geopolitical-gains-and-real-challenges>, accessed 15.10.2020.

However, not everything always depends and works off the US global agenda, especially in the period of their relative global decline as the unipolar hegemon and a less Western centric multipolar order takes shape. Rising powers at local, regional and global levels are increasingly contesting US dictates and interests, such as China, Iran, Russia and Turkey. These challenges occurred before the pandemic, but the West's response (namely EU and US) have shown significant shortcomings and weaknesses that are encouraging further challenge. The poor allocation and use of resources, and application of inappropriate strategies have created opportunities that can be capitalised upon by those countries better able to adapt and mobilise in these new global conditions. Many observers and commentators are predicting that COVID-19 will not likely alter the current global transformations, but likely intensify and accelerate those transformations, which is a reasonable assumption given the current vector taken by actors and events.

References

- Allan J. et al. (2020) How the World Will Look after the Coronavirus Pandemic. *Foreign Policy*, March 20, 2020. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/>, accessed 15.10.2020.
- Bearman M., Smith C.D., Carbone A., Slade S., Baik C., Hughes-Warrington M., Neumann D.L. (2012) Systematic Review Methodology in Higher Education. *Higher Education Research & Development*, vol. 31, no 5, pp. 625–640. DOI: 10.1080/07294360.2012.702735
- Biscop S. (1) (2020) *Coronavirus and Power: The Impact upon International Politics*, Security Policy Brief 126, Brussels: Egmont Royal Institute for International Relations.
- Biscop S. (2) (2020) Weaker Together or Weaker Apart? Great Power Relations after the Coronavirus. *Asia Europe Journal*, 18, pp. 231–234. DOI: 10.1007/s10308-020-00582-3
- Blackwell R.D., Wright T. (2020) *The End of World Order and American Foreign Policy*, Council Special Report. No 86, New York: Council on Foreign Relations.
- Boréus K., Bergström G. (2017) *Analysing Text and Discourse: Eight Approaches for the Social Sciences*, Thousand Oaks (CA): Sage Publishing
- Borrell J. (2020) The Post-Coronavirus World is Already Here. *Politique Etrangere*, no 2, pp. 9–23.
- Bremmer I. (2020) Coronavirus and the World Order. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*, no 16, Pandemics & Geopolitics: The Quickening, pp. 14–23.
- Brzechczyn K. (2020) The Coronavirus in Liberal and Illiberal Democracies and the Future of the Globalised World. *Society Register*, vol. 4, no 2, pp. 83–94. DOI: 10.14746/sr.2020.4.2.06
- Campbell K.M., Doshi R. (2020) The Coronavirus Could Reshape Global Order: China is Manoeuvring for International Leadership as the United States Falter. *Foreign Affairs*, March 18, 2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/node/1125706>, accessed 15.10.2020.
- Chebarkova E. (2017) Russia's Idea of the Multipolar World Order: Origins and Main Dimensions. *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no 3, pp. 217–234. DOI: 10.1080/1060586X.2017.1293394
- Cherkaoui M. (2020) The Shifting Geopolitics of Coronavirus and the Demise of Neoliberalism (Part 2). *Al Jazeera*, March 22, 2020. Available at: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/shifting-geopolitics-coronavirus-and-demise-neoliberalism-%E2%80%93part-2>, accessed 15.10.2020.
- Cole J. (2020) Missed Opportunities: The Trump Administration, Iran, and the Coronavirus Pandemic. *Gulf Insights Series*. No 31, College of Arts and Sciences, Qatar

University. Available at: http://www.qu.edu.qa/static_file/qu/research/Gulf%20Studies/documents/Gulf%20Insights%2031.pdf, accessed 15.10.2020.

Cooley A., Nexon D. (2020) *Exit from Hegemony: The Unravelling of the American Global Order*, New York: Oxford University Press.

Cooper A.F., Flesmes D. (2013) Foreign Policy Strategies of Emerging Powers in a Multipolar World: An Introductory Review. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 6, pp. 943–962. DOI: 10.1080/01436597.2013.802501

Dobrescu P., Ciocea M. (2020) This Time Is Different. The Globalisation of Uncertainty. *Romania Journal of Communication and Public Relations*, vol. 22, no 1(49), pp. 129–136. Available at: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=857282>, accessed 15.10.2020.

Entman R.M. (2004) *Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy*, Chicago: University of Chicago Press.

Farias H.C. (2020) Geopolitics and National Defence Capabilities: A Look at the Emerging Scenario in Pandemic Times. *Observatório Militar da Praia Vermelha*, April 8, 2020. Available at: <http://ompv.eceme.eb.mil.br/seguranca-publica-e-crime-organizado-internacional/100-areas-tematicas/geopolitica-e-defesa/a-pandemia-e-a-ordem-mundial-sob-a-perspectiva-da-defesa/240-geopolitics-and-national-defense-capabilities-a-look-at-the-emerging-scenario-in-pandemic-times>, accessed 15.10.2020.

Femes D. (2013) Network Powers: Strategies of Change in the Multipolar System. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 6, pp. 1016–1036. DOI: 10.1080/01436597.2013.802504

Figus A. (2020) Coronavirus COVID-19, a Complex Issue between Health, Economy, Politics, and Communication. *Geopolitical, Social Security and Freedom Journal*, vol. 3, no 1, pp. 1–13. DOI: 0.2478/gssfj-2020-0001

Fishman J. (2020) “This is Different” – The Coronavirus Pandemic as a “Transforming Event”. *Israel Journal of Foreign Affairs*, vol. 14, no 1, pp. 3–7. DOI: 10.1080/23739770.2020.1763028

Friedman G. (2020) The Corona Virus and Geopolitical Impact. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*, no 16, Pandemics & Geopolitics: The Quickening, pp. 24–29.

Gough D. (2007) Weight of Evidence: A Framework for the Appraisal of the Quality and Relevance of Evidence. *Research Papers in Education*, vol. 22, no 2, pp. 213–228. DOI: 10.1080/02671520701296189

Grinin L., Korotayev A. (2020) *COVID-19 Pandemic, Geopolitics, and Recession*. WP 4, Moscow: International Centre for Education and Social and Humanitarian Studies.

Heisbourg F. (2020) From Wuhan to the World: How the Pandemic Will Reshape Geopolitics. *Survival*, vol. 62, no 3, pp. 7–24. DOI: 10.1080/00396338.2020.1763608

Hughes G. (2020) War in the Grey Zone: Historical Reflections and Contemporary Implications. *Survival*, vol. 62, no 3, pp. 131–158. DOI: 10.1080/00396338.2020.1763618

Hyett N., Kenny A., Dickson-Swift V. (2014) Methodology or Method? A Critical Review of Qualitative Case Study Reports. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being*, vol. 9, no 1. DOI: 10.3402/qhw.v9.23606

Ikenberry G.J., Nexon D.H. (2019) Hegemony Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders. *Security Studies*, vol. 28, no 3, pp. 395–421. DOI: 10.1080/09636412.2019.1604981

Kalantzakos S. (2020) The Race for Critical Minerals in an Era of Geopolitical Realalignments. *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, vol. 55, no 3, pp. 1–16. DOI: 10.1080/03932729.2020.1786926

Koenig N., Stahl A. (2020) *How the Coronavirus Pandemic Affects the EU's Geopolitical Agenda*, Policy Paper, Berlin: Hertie School Jaques Delors Centre.

Lukyanov F. (2010) Russia's Dilemmas in a Multipolar World. *Journal of International Affairs*, vol. 63, no 2, pp. 19–32. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/w84bhrdbyj/direct/159705545.pdf>, accessed 15.10.2020.

Mandelbaum M. (2020) China's Challenge: The Geopolitics of the Coronavirus. *The American Interest*, March 24, 2020. Available at: <https://www.the-american-interest.com/2020/03/24/the-geopolitics-of-the-coronavirus/>, accessed 15.10.2020.

Mayilvaganan M. (ed.) (2020) *COVID-19 Pandemic in the Indo-Pacific: How the Countries are Dealing Amidst Changing Geopolitics*, Bangalore (India): National Institute for Advanced Studies.

Morillas P. (2020) Coronavirus: Between the Global and the National. *CIDOB Opinion*. No 615. Available at: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/opinion/seguridad_y_politica_mundial/coronavirus_between_the_global_and_the_national, accessed 15.10.2020.

Mukherjee R. (2020) Chaos as Opportunity: The United States and World Order in India's Grand Strategy. *Contemporary Politics*, vol. 26, no 4, pp. 420–438. DOI: 10.1080/13569775.2020.1777040

Mullins S., Spence S.A. (2003) Re-Examining Thought Insertion: Semi-Structured Literature Review and Conceptual Analysis. *British Journal of Psychiatry*, no 182, pp. 293–298. DOI: 10.1192/bjp.182.4.293

Pawar A.V., Spence S.A. (2003) Defining Thought Broadcast: Semi-Structured Literature Review. *British Journal of Psychiatry*, no 183, pp. 287–291. DOI: 10.1192/bjp.183.4.287

Petito F. (2016) Dialogue of Civilisations in a Multipolar World: Toward a Multicivilisational-Multiplex World Order. *International Studies Review*, no 18, pp. 78–91. DOI: 10.1093/isr/viv030

Reinhart C., Reinhart V. (2020) The Pandemic Depression: The Global Econ-

omy Will Never be the Same. *Foreign Affairs*, November/December 2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-08-06/coronavirus-depression-global-economy>, accessed 15.10.2020.

Schweller R. (2011) Emerging Powers in an Age of Disorder. *Global Governance*, no 17, pp. 285–297. DOI: 10.1163/19426720-01703002

Scocozza C. (2020) Coronavirus Geopolitics. A Reflection on the Russian Case. *Culture e Studi del Sociale*, vol. 5, no 1, pp. 389–393. Available at: <http://www.cus-soc.it/index.php/journal/article/view/126>, accessed 15.10.2020.

Sevilla Jr. H.A. (2020) Middle East Geopolitics and China-India Strategic Interaction in the New Era. *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, vol. 14, no 2, pp. 179–193. DOI: 10.1080/25765949.2020.1760541

Simon S. (2020) Subtle Connections: Pandemic and the Authoritarian Impulse. *Survival*, vol. 62, no 3, pp. 103–111. DOI: 10.1080/00396338.2020.1763615

Simons G., Kukartseva M.A. (2019) New Cold War and the Crisis of the Liberal Global Order. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 3, pp. 77–93. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-77-93

Snyder H. (2019) Literature Review as a Research Methodology: An Overview and Guidelines. *Journal of Business Research*, no 104, pp. 333–339. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.07.039

Von Hlatky S., Hollander H., Massie J., Munier M., Skinner S. (2020) *The Geopolitical Impact of COVID-19*, Policy Brief 1, Network for Strategic Analysis.

Zhao S. (2020) Rhetoric and Reality of China's Global Leadership in the Context of COVID-19: Implications for the US-led World Order and Liberal Globalisation. *Journal of Contemporary China*. DOI: 10.1080/10670564.2020.1790900

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-2

Пандемия коронавируса и глобальные преобразования: создание или нарушение международных порядков?

Грег САЙМОНС

кандидат наук

University of Canterbury, Private Bag 4800, Christchurch 8140, Canterbury, New Zealand;

доцент политических наук

Uppsala University, IRES, Box 514, SE-751 20, Uppsala, Sweden;

ассоциированный исследователь

Дипломатическая академия МИД России, 119021, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1, Москва, Российская Федерация;

исследователь

Uppsala University (Sweden), Turība University (Latvia), Уральский федеральный университет (Российская Федерация)

E-mail: gregmons@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6111-5325

ЦИТИРОВАНИЕ: Simons G. (2020) The Corona Virus Pandemic and Global Transformations: Making or Breaking International Orders? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 20–37.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-2

Статья поступила в редакцию 12.08.2020.

АННОТАЦИЯ. В XXI столетии в период, предшествовавший пандемии коронавируса, все чаще звучали утверждения, что глобальный порядок с постепенной угасающей однополярной гегемонией Соединенных Штатов, который сложился после окончания холодной войны и в результате распада Советского Союза, якобы ослабевал и трансформировался. Глобальный порядок из однополярного преобразовывался в многополярный. Естественно, США не собирались оставлять эту трансформацию без внимания и стремились сохранить свое привилегированное положение на международной арене. Вспышка коронавируса стала подтверждением теории «черного ле-

бедя». Различные международные субъекты воспользовались теми возможностями, что открылись перед ними в связи с начавшейся эпидемией. США во время пандемии действовали агрессивно, пытаясь ослабить противников и повлиять на друзей, дабы обратить вспять фундаментальные социально-политические трансформации и сохранить свою глобальную гегемонию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобальная трансформация, однополярный миропорядок, многополярный миропорядок, коронавирус (COVID-19), международные отношения

Список литературы

- Allan J. et al. (2020) How the World Will Look after the Coronavirus Pandemic // *Foreign Policy*, March 20, 2020 // <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/>, дата обращения 15.10.2020.
- Bearman M., Smith C.D., Carbone A., Slade S., Baik C., Hughes-Warrington M., Neumann D.L. (2012) Systematic Review Methodology in Higher Education // *Higher Education Research & Development*, vol. 31, no 5, pp. 625–640. DOI: 10.1080/07294360.2012.702735
- Biscop S. (1) (2020) Coronavirus and Power: The Impact upon International Politics, Security Policy Brief 126, Brussels: Egmont Royal Institute for International Relations.
- Biscop S. (2) (2020) Weaker Together or Weaker Apart? Great Power Relations after the Coronavirus // *Asia Europe Journal*, 18, pp. 231–234. DOI: 10.1007/s10308-020-00582-3
- Blackwell R.D., Wright T. (2020) The End of World Order and American Foreign Policy, Council Special Report. No 86, New York: Council on Foreign Relations.
- Boréus K., Bergström G. (2017) *Analysing Text and Discourse: Eight Approaches for the Social Sciences*, Thousand Oaks (CA): Sage Publishing
- Borrell J. (2020) The Post-Coronavirus World is Already Here // *Politique Etrangere*, no 2, pp. 9–23.
- Bremmer I. (2020) Coronavirus and the World Order // *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*, no 16, Pandemics & Geopolitics: The Quickening, pp. 14–23.
- Brzezczyn K. (2020) The Coronavirus in Liberal and Illiberal Democracies and the Future of the Globalised World // *Society Register*, vol. 4, no 2, pp. 83–94. DOI: 10.14746/sr.2020.4.2.06
- Campbell K.M., Doshi R. (2020) The Coronavirus Could Reshape Global Order: China is Manoeuvring for International Leadership as the United States Falter // *Foreign Affairs*, March 18, 2020 // <https://www.foreignaffairs.com/node/1125706>, дата обращения 15.10.2020.
- Chebankova E. (2017) Russia's Idea of the Multipolar World Order: Origins and Main Dimensions // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no 3, pp. 217–234. DOI: 10.1080/1060586X.2017.1293394
- Cherkaoui M. (2020) The Shifting Geopolitics of Coronavirus and the Demise of Neoliberalism (Part 2) // *Al Jazeera*, March 22, 2020 // <https://studies.aljazeera.net/en/reports/shifting-geopolitics-coronavirus-and-demise-neoliberalism-%E2%80%93-part-2>, дата обращения 15.10.2020.
- Cole J. (2020) Missed Opportunities: The Trump Administration, Iran, and the Coronavirus Pandemic // *Gulf Insights Series*. No 31, College of Arts and Sciences, Qatar University // http://www.qu.edu.qa/static_file/qu/research/Gulf%20Studies/documents/Gulf%20Insights%2031.pdf, дата обращения 15.10.2020.
- Cooley A., Nexon D. (2020) *Exit from Hegemony: The Unravelling of the American Global Order*, New York: Oxford University Press.
- Cooper A.F., Flemes D. (2013) Foreign Policy Strategies of Emerging Powers in a Multipolar World: An Introductory Review // *Third World Quarterly*, vol. 34, no 6, pp. 943–962. DOI: 10.1080/01436597.2013.802501
- Dobrescu P., Ciocea M. (2020) This Time Is Different. The Globalisation of Uncertainty // *Romania Journal of Communication and Public Relations*, vol. 22, no 1(49), pp. 129–136 // <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=857282>, дата обращения 15.10.2020.
- Entman R.M. (2004) *Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy*, Chicago: University of Chicago Press.
- Farias H.C. (2020) Geopolitics and National Defence Capabilities: A Look at the

Emerging Scenario in Pandemic Times // Observatório Militar da Praia Vermelha, April 8, 2020 // <http://ompv.eceme.eb.mil.br/securanca-publica-e-crime-organizado-internacional/100-areas-tematicas/geopolitica-e-defesa/a-pandemia-e-a-ordem-mundial-sob-a-perspectiva-da-defesa/240-geopolitics-and-national-defense-capabilities-a-look-at-the-emerging-scenario-in-pandemic-times>, дата обращения 15.10.2020.

Femes D. (2013) Network Powers: Strategies of Change in the Multipolar System // *Third World Quarterly*, vol. 34, no 6, pp. 1016–1036. DOI: 10.1080/01436597.2013.802504

Figus A. (2020) Coronavirus COVID-19, a Complex Issue between Health, Economy, Politics, and Communication // *Geopolitical, Social Security and Freedom Journal*, vol. 3, no 1, pp. 1–13. DOI: 0.2478/gssfj-2020-0001

Fishman J. (2020) “This is Different” – The Coronavirus Pandemic as a “Transforming Event” // *Israel Journal of Foreign Affairs*, vol. 14, no 1, pp. 3–7. DOI: 10.1080/23739770.2020.1763028

Friedman G. (2020) The Corona Virus and Geopolitical Impact // *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*, no 16, *Pandemics & Geopolitics: The Quickening*, pp. 24–29.

Gough D. (2007) Weight of Evidence: A Framework for the Appraisal of the Quality and Relevance of Evidence // *Research Papers in Education*, vol. 22, no 2, pp. 213–228. DOI: 10.1080/02671520701296189

Grinin L., Korotayev A. (2020) COVID-19 Pandemic, Geopolitics, and Recession. WP 4, Moscow: International Centre for Education and Social and Humanitarian Studies.

Heisbourg F. (2020) From Wuhan to the World: How the Pandemic Will Reshape Geopolitics // *Survival*, vol. 62, no 3, pp. 7–24. DOI: 10.1080/00396338.2020.1763608

Hughes G. (2020) War in the Grey Zone: Historical Reflections and Con-

temporary Implications // *Survival*, vol. 62, no 3, pp. 131–158. DOI: 10.1080/00396338.2020.1763618

Hyett N., Kenny A., Dickson-Swift V. (2014) Methodology or Method? A Critical Review of Qualitative Case Study Reports // *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being*, vol. 9, no 1. DOI: 10.3402/qhw.v9.23606

Ikenberry G.J., Nexon D.H. (2019) *Hegemony Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders* // *Security Studies*, vol. 28, no 3, pp. 395–421. DOI: 10.1080/09636412.2019.1604981

Kalantzakos S. (2020) The Race for Critical Minerals in an Era of Geopolitical Realalignments // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, vol. 55, no 3, pp. 1–16. DOI: 10.1080/03932729.2020.1786926

Koenig N., Stahl A. (2020) *How the Coronavirus Pandemic Affects the EU's Geopolitical Agenda*, Policy Paper, Berlin: Hertie School Jaques Delors Centre.

Lukyanov F. (2010) Russia's Dilemmas in a Multipolar World // *Journal of International Affairs*, vol. 63, no 2, pp. 19–32 // <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/w84bhrdbjy/direct/159705545.pdf>, дата обращения 15.10.2020.

Mandelbaum M. (2020) China's Challenge: The Geopolitics of the Coronavirus // *The American Interest*, March 24, 2020 // <https://www.the-american-interest.com/2020/03/24/the-geopolitics-of-the-coronavirus/>, дата обращения 15.10.2020.

Mayilvaganan M. (ed.) (2020) *COVID-19 Pandemic in the Indo-Pacific: How the Countries are Dealing Amidst Changing Geopolitics*, Bangalore (India): National Institute for Advanced Studies.

Morillas P. (2020) Coronavirus: Between the Global and the National // *CIDOB Opinion*. No 615 // https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/opinion/seguridad_y_politica_mundial/coronavirus_between_the_global_and_the_national, дата обращения 15.10.2020.

Mukherjee R. (2020) Chaos as Opportunity: The United States and World Order in India's Grand Strategy // *Contemporary Politics*, vol. 26, no 4, pp. 420–438. DOI: 10.1080/13569775.2020.1777040

Mullins S., Spence S.A. (2003) Re-Examining Thought Insertion: Semi-Structured Literature Review and Conceptual Analysis // *British Journal of Psychiatry*, no 182, pp. 293–298. DOI: 10.1192/bjp.182.4.293

Pawar A.V., Spence S.A. (2003) Defining Thought Broadcast: Semi-Structured Literature Review // *British Journal of Psychiatry*, no 183, pp. 287–291. DOI: 10.1192/bjp.183.4.287

Petito F. (2016) Dialogue of Civilisations in a Multipolar World: Toward a Multicivilisational-Multiplex World Order // *International Studies Review*, no 18, pp. 78–91. DOI: 10.1093/isr/viv030

Reinhart C., Reinhart V. (2020) The Pandemic Depression: The Global Economy Will Never be the Same // *Foreign Affairs*, November/December 2020 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-08-06/coronavirus-depression-global-economy>, дата обращения 15.10.2020.

Schweller R. (2011) Emerging Powers in an Age of Disorder // *Global Governance*, no 17, pp. 285–297. DOI: 10.1163/19426720-01703002

Scocozza C. (2020) Coronavirus Geopolitics. A Reflection on the Russian Case // *Culture e Studi del Sociale*, vol. 5, no 1,

pp. 389–393 // <http://www.cussoc.it/index.php/journal/article/view/126>, дата обращения 15.10.2020.

Sevilla Jr. H.A. (2020) Middle East Geopolitics and China-India Strategic Interaction in the New Era // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, vol. 14, no 2, pp. 179–193. DOI: 10.1080/25765949.2020.1760541

Simon S. (2020) Subtle Connections: Pandemic and the Authoritarian Impulse // *Survival*, vol. 62, no 3, pp. 103–111. DOI: 10.1080/00396338.2020.1763615

Simons G., Kukartseva M.A. (2019) New Cold War and the Crisis of the Liberal Global Order // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 3, pp. 77–93. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-77-93

Snyder H. (2019) Literature Review as a Research Methodology: An Overview and Guidelines // *Journal of Business Research*, no 104, pp. 333–339. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.07.039

Von Hlatky S., Hollander H., Massie J., Munier M., Skinner S. (2020) The Geopolitical Impact of COVID-19, Policy Brief 1, Network for Strategic Analysis.

Zhao S. (2020) Rhetoric and Reality of China's Global Leadership in the Context of COVID-19: Implications for the US-led World Order and Liberal Globalisation // *Journal of Contemporary China*. DOI: 10.1080/10670564.2020.1790900

В национальном разрезе

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-3

Коронавирус в Африке: социально-экономические и политические последствия

Ирина Олеговна АБРАМОВА

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация
E-mail: irina.abramova@inafr.ru
ORCID: 0000-0001-8394-0214

ЦИТИРОВАНИЕ: Абрамова И.О. (2020) Коронавирус в Африке: социально-экономические и политические последствия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 38–56.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-3

Статья поступила в редакцию 28.09.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется текущая ситуация с коронавирусом в Африке, раскрываются специфические черты пандемии и ее социально-политические и экономические последствия. Автор приходит к выводу, что, воспользовавшись пандемией, США и их союзники будут пытаться ослабить позиции КНР в Африке и не допустить усиления влияния России, особенно после успешно проведенного саммита и экономического форума Россия – Африка в октябре 2019 г. в Сочи. Однако грандиозным планам Вашингтона на Африканском континенте мешает тот факт, что африканцы давно уже осознали свою «субъектность» в международных отношениях и отказываются занимать позицию пешки в сложной игре

за мировое лидерство между США, Китаем и другими игроками. Пандемия коронавируса, безусловно, изменит положение континента в новом «посткоронавирусном» мире, но эти изменения во многом зависят от того, как именно и с чьей помощью африканцы пройдут через это серьезное испытание.

В статье приводятся данные онлайн-опроса африканских экспертов, проведенного автором статьи.

Автор делает попытку объяснить «африканский феномен» пандемии коронавируса, оценивает основные риски распространения эпидемии и возможности ее преодоления. Отдельное внимание уделяется новым возможностям развития африканской экономики в «посткоронавирусном мире», а также

действиям властей по смягчению ее социально-экономических последствий.

Автор приходит к выводу, что готовность стран Африки, пока затронутых пандемией в меньшей степени, чем другие регионы мира, к борьбе с ней можно считать неудовлетворительной. Пессимистичный сценарий распространения коронавирусной инфекции в Африке полностью исключить нельзя, а социально-экономические последствия пандемии могут стать весьма серьезным испытанием для большинства стран континента. Одновременно следует ожидать определенного перераспределения баланса сил в регионе. Выигрывают те страны, которые своевременно смогут оказать Африке существенную поддержку в борьбе с пандемией. И у Российской Федерации появляется реальный шанс укрепить свои позиции на континенте, сотрудничество с которым в условиях изменения модели мирового развития может стать для России все более приоритетным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, коронавирус, мировая экономика, посткоронавирусный мир, российско-африканские отношения

Пандемия коронавирусной инфекции, выступив в качестве «спускового крючка» перезагрузки мирового порядка, в значительной степени повлияла на социально-экономическую ситуацию во всех регионах мира, по сути дела, нарушив привычные рамки функционирования мировой экономики, ограничив транспортные потоки и свободное перемещение товаров, услуг и рабочей силы. Был нанесен мощнейший удар по глобализации «западного образца», а настоятельная необходимость формирования новой экономической модели мира уже не вызывает сомнения у большинства мировых акторов. Однако вопрос о том, какая эта будет модель и какую роль в

ней будут играть те или иные страны и регионы, остается открытым [Фитуни, Абрамова 2020]. Да, глобальный Запад (в первую очередь США) в значительной степени растерял былое величие и привлекательность, как, впрочем, и экономическую мощь, постепенно уступая свои позиции Китаю, Индии, а в ближайшем будущем, возможно, и некоторым густонаселенным странам Юго-Восточной Азии. Но не следует забывать, что весь «инструментарий» управления мировой экономикой, включая военные, институционально-административные, финансовые и важнейшие в современную эпоху телекоммуникационные и информационные рычаги, все еще находится в руках западных держав. И слом этой системы управления может привести к сокрушительным последствиям, вплоть до глобального военного конфликта. Опасаясь прямого столкновения между собой, старые и новые лидеры, в первую очередь США, Китай и в определенной степени Россия, будут использовать для «выяснения отношений» региональные площадки, в т. ч. богатые разного рода ресурсами страны Азии, Африки и Латинской Америки.

В этом смысле роль Африканского континента в новом глобальном противостоянии трудно переоценить. Африка даже в географическом плане лежит по линии стратегического «разлома» между Западом и Востоком, а уникальность ее ресурсов и «демографический дивиденд» превращаются в козырную карту в игре между старыми и новыми лидерами мирового развития. Африка для Китая значит очень многое и как поставщик стратегических видов сырья, и как важнейшая часть Великого шелкового пути, и как объект экономического и политического влияния Пекина. Россия также начала постепенно осознавать значение Африканского континента и как политического союзника в решении вопросов на различных

международных площадках, в первую очередь в ООН, и как быстро растущего рынка для российского несырьевого экспорта. Очевидно, что, воспользовавшись пандемией, США будут пытаться ослабить позиции КНР в Африке и не допустить усиления влияния России, особенно после успешно проведенного Саммита и Экономического форума Россия – Африка в октябре 2019 г. в Сочи. Испортить имидж Китая в Африке, объявив его главным виновником распространения эпидемии, а также «расистом», применяющим неадекватные меры воздействия к нигерийским нарушителям антикоронавирусного режима в китайском городе Гуаньчжоу с многотысячной африканской общиной, – наиболее простой и эффективный способ для США и его западных союзников малыми средствами добиться важных стратегических результатов. Российская Федерация для Соединенных Штатов – пока еще несерьезный экономический противник на африканском направлении. Однако в сфере обеспечения безопасности и сохранения реального политического и экономического суверенитета африканских государств Россия активно конкурирует с западными державами и даже с Китаем.

Вот почему еще в ноябре 2018 г. главными задачами новой национальной стратегии США в Африке, озвученной советником президента США по национальной безопасности Дж. Болтоном, стало противостояние Китаю и России и усиление влияния США. Однако грандиозным планам Вашингтона на Африканском континенте мешает тот факт, что африканцы давно уже осознали свою «субъектность» в междуна-

родных отношениях и отказываются занимать позицию пешки в сложной шахматной партии за мировое лидерство между США, Китаем и другими игроками. Пандемия коронавируса, безусловно, изменит положение континента в новом «посткоронавирусном» мире, но эти изменения во многом зависят от того, как именно и с чьей помощью африканцы пройдут через это серьезное испытание.

Африка достаточно длительное время оставалась мало затронутой пандемией. Первый случай COVID-19 на территории Африканского континента был зафиксирован в Арабской Республике Египет 14 февраля 2020 г. в аэропорту Каира. Носителем оказался гражданин Китая, который был сразу же изолирован и перевезен в один из каирских госпиталей. По словам представителя Министерства здравоохранения АРЕ Халеда Мегахед, в соответствии с планом по борьбе с коронавирусом, разработанным в Египте, были выявлены все лица, с кем заболевший вступал в тесный контакт в аэропорту, которые также были отправлены на 14-дневный карантин¹. 25 февраля в Алжире был зафиксирован второй случай COVID-19 на Африканском континенте, завезенный гражданином Италии. А в Африке южнее Сахары впервые коронавирус появился в Нигерии 27 февраля. Заболевшим также оказался гражданин Италии, работающий в г. Лагос и вернувшийся из Милана². 1 марта первый случай COVID-19 был зафиксирован в ЮАР (занесен из Милана), а 2 марта – в Марокко и Се-

1 Egypt Announces First Coronavirus Infection (2020) // Egypt Today, February 14, 2020 // <https://www.egypttoday.com/Article/1/81641/Egypt-announces-first-Coronavirus-infection>, дата обращения 14.02.2020.

2 Coronavirus: Nigeria Confirms First Case in sub-Saharan Africa (2020) // BBC, February 28, 2020 // <https://www.bbc.com/news/world-africa-51671834>, дата обращения 28.02.2020.

негале (из Франции), а также в Тунисе (из Италии)³. В целом в 90% всех первых случаев коронавируса был завезен в Африку из Европы, за редким исключением – из стран Персидского Залива, США, Японии и соседних африканских государств. Непосредственно на Китай приходится всего лишь два случая проникновения заболевания на Африканский континент⁴.

Прогнозы относительно распространения пандемии COVID-19 в Африке были весьма мрачными. Специалисты ВОЗ в начале мая высказали опасения, что если не удастся быстро остановить распространение инфекции, то от 30 до 44 млн человек в Африке могут заболеть коронавирусом в течение года, а в дальнейшем опасная болезнь может унести жизни 190 тыс. африканцев⁵. Основатель Microsoft и глава благотворительного фонда в сфере здравоохранения Bill & Melinda Gates

Foundation (BMGF) Билл Гейтс в своих прогнозах пошел еще дальше. Он заявил 14 февраля, после того, как первый случай коронавируса был зафиксирован на территории Африканского континента, что болезнь унесет не менее 10 млн жизней африканцев⁶. В основе негативных сценариев развития событий лежали вполне объективные факторы. Так, расходы на здравоохранение в Африке составляют примерно 1% от мировых, в то время как доля африканцев в мировом населении превышает 17%. По оценкам экспертов ВОЗ, для выполнения Целей устойчивого развития ООН (ЦУР) африканское здравоохранение должно дополнительно ежегодно получать 370 млрд долл. США⁷. Откуда возьмутся эти деньги, непонятно.

Африка существенно отстает от остального мира и по таким важнейшим показателям, как число врачей и

3 Далее, 6 марта коронавирус был обнаружен в Камеруне и Того. В первом случае он был завезен из Франции, во втором – носитель до возвращения в страну путешествовал по Германии, Франции и Турции. 9 марта первый случай был отмечен в Буркина-Фасо (завезен из Великобритании), 10 марта – в ДРК (из Франции), 11 марта – в Реюньоне (из Франции) и в Кот Д'Ивуаре (из Италии), 12 марта – в Габоне (из Франции) и в Гане (из Норвегии), 13 марта – в Мавритании (из Франции), Гвинее (из Бельгии), Эфиопии (из Японии), Судане (из ОАЭ) и в Кении (гражданка Кении летела из США через Лондон). 14 марта вирус поразил сразу семь стран: ЦАР (из Италии), Республику Конго (из Франции), Экваториальную Гвинею (из Испании), Эсватини (зафиксированы сразу 3 случая, завезенные из США, Дании и Германии), Намибию (из Испании), Сейшельские острова (из Италии) и Руанду (из Индии). 16 марта первые случаи COVID-19 были зафиксированы в Либереии (носитель – правительственный чиновник, вернувшийся из Швейцарии), Сомали (из Китая), Танзании (из Бельгии) и в Бенине (источник не указан), 17 марта – в Гамбии (из Великобритании), 18 марта – в Джибути (из Испании) и Замбии (из Франции), 19 марта – в Нигере (из Нигерии) и Чаде (из Марокко), 20 марта – на Мадагаскаре (источник не указан) и на Кабо-Верде (из Великобритании). 21 марта вирус был обнаружен в Анголе (из Португалии), в Эритрее (из Норвегии), на Маврикии (из Франции) и в Зимбабве (из Великобритании), 22 марта – в Уганде (из Дубаи, ОАЭ) и в Мозамбике (из Великобритании), 24 марта – в Ливии (из Саудовской Аравии), 25 марта – в Гвинее-Биссау (из Республики Конго) и Мали (источник не указан), 30 марта – в Ботсване (источник не указан), 31 марта – в Бурунди (из Руанды и ОАЭ) и Сьерра-Леоне (из Франции). Таким образом, 48 из 54 африканских стран впервые зафиксировали вирус в марте 2020 г. 2 апреля COVID-19 был занесен в Малави (из Индии), 4 апреля – в Западный Сахар (источник не указан), 5 апреля – в Южный Судан (из Нидерландов). 6 апреля его обнаружили в Сан-Томе (источник не указан), а 30 апреля – на Коморских островах (из Франции). И лишь 13 мая первый случай коронавируса был зафиксирован в Лесото (источник не указан).

4 COVID-19 Pandemic in Africa // Wikipedia // https://en.wikipedia.org/wiki/COVID-19_pandemic_in_Africa, дата обращения 28.08.2020.

5 New WHO Estimates: Up to 190 000 People Could Die of COVID-19 in Africa If not Controlled (2020) // World Health Organization, May 7, 2020 // <https://www.afro.who.int/news/new-who-estimates-190-000-people-could-die-covid-19-africa-if-not-controlled>, дата обращения 15.06.2020.

6 Bill Gates Warns of 10 Million Deaths as Coronavirus Spreads to Africa (2020) // The Telegraph, February 15, 2020 // <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/02/15/coronavirus-bill-gates-warns-10-million-deaths-virus-spreads/>, дата обращения 19.02.2020.

7 SDG 3: Ensure Healthy Lives and Promote Wellbeing for All at All Ages // World Health Organization // <https://www.who.int/sdg/targets/en/>, дата обращения 16.06.2020.

медсестер на 1 тыс. жителей. В Субсахарской Африке соответствующие показатели составляют 0,3 и 1 соответственно. Для сравнения: аналогичные индикаторы по Европе – 3,3 и 8. Что касается больничных коек, то их в среднем на Африканском континенте всего 1,4 на 10 тыс. жителей [Казимиров, Ключарев, Матвеев 2020]. Для сравнения: в России в 2019 г. аналогичный показатель был равен 78⁸.

Кроме того, в Субсахарской Африке доля населения, использующая организованные и с соблюдением требований безопасности услуги санитарии, включая устройства для мытья рук с мылом, лишь в 11 странах превышает 50%. А в таких государствах, как Уганда, Либерия, Эритрея, Танзания, Республика Конго, Гана, Сьерра-Леоне, Чад, Мадагаскар, Того, Нигер и Южный Судан, соответствующий показатель не превышает 20%. Иными словами, подав-

ляющее большинство населения этих стран вообще не моет руки с мылом, что, по заключению эпидемиологов, является одним из важнейших условий профилактики коронавирусной инфекции⁹.

Кроме того, по данным ВОЗ, на 1 млн африканцев в среднем приходится всего 9 коек в отделениях интенсивной терапии [Казимиров, Ключарев, Матвеев 2020].

Таким образом, низкий уровень развития здравоохранения, недостаток квалифицированных кадров и медицинского оборудования, неразвитость сети медицинских стационаров, концентрация учреждений здравоохранения в городских центрах и ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию сельских жителей, недостаточное число машин скорой помощи и невозможность соблюдать элементарные санитарные нормы должны были не-

Таблица 1. Распространение коронавируса по странам и континентам на первую половину сентября 2020

Table 1. The spread of coronavirus across countries and continents in the first half of September 2020

Континент или страна	% заболевших по отношению ко всему населению	Число умерших на 1 тыс. жителей	Уровень смертности от коронавируса (% от числа инфицированных)
Африка	0,1	0,025	2,4
Азия	0,2	0,036	1,9
Европа	0,47	0,32	6,8
Северная Америка	1,3	0,47	3,7
Южная Америка	1,6	0,51	3,2
Австралия и Океания	0,07	0,019	2,7
Китай	0,0063	0,0033	5,2
Россия	0,71	0,12	1,7
США	1,9	0,57	3,0

Рассчитано автором по: COVID-19 World Statistics // <https://covid.observer/>, дата обращения 08.09.2020.

8 Здравоохранение по данным Росстат // Росстат // <https://rosinfostat.ru/zdravoohranenie/>, дата обращения 28.08.2020.

9 Мировая статистика здравоохранения, 2017 г. Мониторинг показателей здоровья в отношении Целей устойчивого развития (ЦУР) (2018) // ВОЗ. С. 78 // https://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2017/ru/, дата обращения 20.08.2020.

избежно привести к тяжелым формам проявления пандемии коронавируса на Африканском континенте. Но парадокс заключается в том, что на момент написания этой статьи (сентябрь 2020 г.) последствия эпидемии в Африке были не такими сокрушительными.

На начало сентября в Африке зафиксировано 1,3 млн случаев заболевания коронавирусной инфекцией, и лишь немногим более 30 тыс. человек скончались от этой болезни. Это 4,7% всех заболевших и 3,5% всех умерших от COVID-19 в мире. Заболевших в Африке на сегодняшний день примерно в 3 раза меньше, чем в Европе, в 5,8 раза меньше, чем в Северной Америке, в 6 раз меньше, чем в Азии, и в 5 раз – чем в Южной Америке¹⁰. И это несмотря на то, что доля африканского населения в мировом населении на сегодняшний день составляет 17%¹¹.

Как видно из данных табл. 1, болезнь на середину сентября, т. е. спустя 7 месяцев после первого случая коронави

руса, зафиксированного на Африканском континенте, затронула лишь 0,1% всего африканского населения – самый низкий показатель по сравнению с другими частями света, кроме Австралии и Океании. Предпоследнее место Африка занимает и по такому показателю, как число умерших от коронавируса на 1 тыс. жителей, причем данный индикатор на порядок ниже, чем в Европе, Северной и Южной Америке. А по уровню летальности от коронавируса (2,4%) континент также выглядит весьма достойно среди других регионов мира, лучше показатели только у Азии (1,9%).

Что же касается распространения коронавируса по регионам Африки, то картина выглядит следующим образом.

По уровню заражения COVID-19 лидирует Юг Африки, где отмечено 53% всех случаев коронавируса на континенте. На 2-м месте – Северная Африка (19% случаев). При этом на одну только ЮАР в первой половине сентября приходилось 639362 заражен-

Таблица 2. Статистика коронавируса по регионам Африки (по состоянию на 08.09.2020)

Table 2. Coronavirus statistics by region of Africa (as of 09/08/2020)

Регион	Всего зараженных	Всего выздоровевших	% выздоровевших	Всего умерших	Уровень смертности от COVID, %
Центральная Африка	55454	47743	86	1050	1,9
Восточная Африка	144906	78729	54	2874	2,0
Западная Африка	165049	140196	85	2472	1,5
Северная Африка	251233	178259	71	9042	3,6
Южная Африка	689515	600156	87	16056	2,3
Вся Африка	1306157	1045083	80	31494	2,4

Рассчитано автором по: Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // African Union // <https://africacdc.org/covid-19/>, дата обращения 08.09.2020.

¹⁰ COVID-19 World Statistics // <https://covid.observer/>, дата обращения 08.09.2020.

¹¹ World Population Prospects 2019 – Highlights // United Nations // https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf, дата обращения 25.08.2020.

ных, или почти половина всех заболевших в Африке [Gorelik 2020]. На середину сентября 2020 г. ЮАР вышла на 7-е место в мире по числу зафиксированных случаев коронавируса после США (6,5 млн), Индии (4,3 млн), Бразилии (4,2 млн), России (1,04 млн), Перу (691 тыс.) и Колумбии (679 тыс.). Второе место по числу зараженных в Африке занимает Египет (более 100 тыс. случаев), за ним следуют Марокко (73,7 тыс.), Эфиопия (59,6 тыс.), Нигерия (55,1 тыс.), Алжир (46,6 тыс.), Гана (45 тыс.) и Кения (35,2 тыс.). Всего на эти 8 стран к началу осени приходилось 80% всех выявленных случаев COVID-19 на Африканском континенте¹². И именно в этих странах было проведено и больше всего тестов на коронавирус. По этому показателю лидируют ЮАР (3,8 млн), Марокко (2,1 млн) и Эфиопия (1,1 млн). Весьма примечательно, что в одной из крупнейших по численности населения (более 102 млн человек) и первой по объему ВВП по ППС африканской стране, Египте, было проведено всего 135 тыс. тестов, т. е. примерно столько же, сколько и в Ботсване, население которой не превышает 2,4 млн человек¹³. Автор склонен полагать, что более тщательное тестирование может существенно изменить цифру числа зараженных в АРЕ (как, впрочем, и в других странах континента), однако египетские власти считают, что им удалось сдержать распространение эпидемии. Действительно, начиная с августа ежедневное число новых случаев в стране не превышает 200, и, по

мнению египетских врачей, в повальном тестировании населения нет необходимости¹⁴.

Если рассматривать такой показатель, как количество тестов на 1 млн жителей, то здесь пятерка лидеров выглядит следующим образом: Маврикий (178 757), Кабо-Верде (137 453), Джибути (70 061), ЮАР (64 073) и Габон (57 159). По числу заболевших на 1 млн жителей в Африке лидирует все та же ЮАР (10 755), за ней следуют Кабо-Верде (7 823) и Джибути (5 439)¹⁵.

Конечно, специалисты отмечают, что относительно низкий «охват» пандемией коронавируса африканского населения связан со слабостью статистического учета и диагностики, а также с недостаточным количеством проведенных тестов. И автор склонен согласиться с такой позицией. Однако не все так просто. По нашему мнению, существуют еще, по крайней мере, четыре причины, снижающие вероятность тяжелых медицинских последствий пандемии COVID-19 в африканских странах.

Во-первых, это молодое население, которое преобладает на континенте. Средний возраст африканцев – 19,5 лет. По мнению медиков, существует прямая связь между тяжестью заболевания и возрастом. Дети и молодые люди в основном переносят болезнь либо бессимптомно, либо в легкой форме. В Африке 40,5% населения – дети до 14 лет, еще 19,3% – молодые люди от 15 до 24 лет. Иными словами, 60% жителей континента находятся вне группы риска. Для сравнения приведем данные по

12 COVID-19 Coronavirus Pandemic // Worldometer // <https://www.worldometers.info/coronavirus/#countries>, дата обращения 09.09.2020.

13 COVID-19 Coronavirus Pandemic // Worldometer // <https://www.worldometers.info/coronavirus/#countries>, дата обращения 09.09.2020.

14 Egypt's Coronavirus Cases Surpass 100K with 178 New Infections on Monday (2020) // Egypt Today, September 8, 2020 // <https://www.egypttoday.com/Article/1/91741/Egypt-s-Coronavirus-cases-surpass-100K-with-178-new-infections>, дата обращения 08.10.2020.

15 COVID-19 Coronavirus Pandemic (2020) // Worldometer, October 8, 2020 // <https://www.worldometers.info/coronavirus/#countries>, дата обращения 08.10.2020.

европейским государствам: там дети до 14 лет составляют 16% населения, а молодые люди до 25 лет – еще 10,4%. Что же касается главной группы риска, людей старше 65 лет, то в Африке их доля всего 3,5%, а в Европе – 18,8%. Именно этим фактом, на наш взгляд, и объясняются сравнительно низкие показатели смертности от коронавируса в африканских странах и, наоборот, высокие – в европейских¹⁶. К тому же во многих африканских странах плотность населения значительно ниже, чем в Европе, где число зараженных и умерших от коронавируса наиболее высоко. Так, плотность населения в большинстве африканских стран составляет 30–40 человек на 1 кв. км, в ЮАР, наиболее пораженной пандемией, – 49 человек, в АРЕ – 103 человека, в то время как в Великобритании, например, данный показатель равен 281, а в Италии – 206¹⁷. Да и уровень урбанизации в Африке гораздо ниже, чем в Европе и США: на сегодняшний день лишь 43% африканского населения проживают в городах¹⁸.

Во-вторых, Африка на сегодняшний день сравнительно меньше, чем другие континенты, вовлечена в мировые транспортные потоки, в т. ч. туристические, а международная мобильность населения здесь также относительно невысока. Подтверждением этой гипотезы может служить тот факт, что на ЮАР, Египет, Эфиопию, Марокко, Нигерию, Алжир, Джибути, Кению и Гану, включенность которых в мировую транспортную систему и в международные туристические потоки относительно высока, приходится более 80% всех случаев заболеваний в Африке.

Что касается миграционного фактора, то с марта по май 2020 г. он не играл в распространении эпидемии внутри Африканского континента решающей роли, поскольку практически все страны-доноры и страны-реципиенты закрыли свои границы, а многие из них не сняли ограничения до сегодняшнего дня. Однако в условиях ослабления ограничений серьезную угрозу может представлять нелегальная миграция как внутри континента, так и за его пределы.

В-третьих, на большей части Африки – жаркий климат и много солнечных дней в году. Поскольку COVID-19 лучше всего распространяется при температуре в районе 8–10 °C выше нуля, почти все африканские государства оказываются вне основной зоны риска.

И, наконец, четвертое. По мнению ряда специалистов-медиков, в т. ч. видных российских ученых, академиков РАН Н.И. Брико и И.С. Колесникова, с которыми автор статьи неоднократно беседовал, африканцы обладают так называемым коллективным иммунитетом к вирусным инфекциям, т. к. постоянно сталкиваются с гораздо более тяжелыми инфекционными заболеваниями (СПИД, Эбола, желтая лихорадка, гепатит, малярия, туберкулез и т. п.). По данным Всемирной организации здравоохранения, 4,5% африканцев живут с ВИЧ, а это почти 60 млн человек. По данным Всемирного доклада ВОЗ по малярии 2018 г., большинство случаев заболевания малярией в 2017 г. было зафиксировано в Африканском регионе (200 млн, или 92%), за которым следовали регионы Юго-Восточной

16 World Population Prospects 2019 – Highlights // UN, p. 242 // https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf, дата обращения 25.08.2020.

17 Population by Country // Worldometer // <https://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/>, дата обращения 28.09.2020.

18 World Population Prospects 2018 – Highlights // UN, p. 21 // <https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018-Highlights.pdf>, дата обращения 28.09.2020.

Азии (5% случаев) и Восточного Средиземноморья (2%). Почти 80% глобального бремени малярии приходится на 15 стран Африки к югу от Сахары и Индию, а половина всех случаев – на пять стран: Нигерию (25%), Демократическую Республику Конго (11%), Мозамбик (5%), Индию (4%) и Уганду (4%). При этом от малярии, в отличие от коронавируса, в основном умирают дети. 70% детской смертности в Африке связано именно с малярией¹⁹.

Не менее серьезной остается ситуация и с туберкулезом в Африке. По данным ВОЗ, сегодня в мире насчитывается примерно 10 млн больных туберкулезом, из них 2,4 млн – на Африканском континенте. Ежегодно от туберкулеза в Африке умирает до 300 тыс. человек²⁰.

Однако, по мнению ряда специалистов, прививка от туберкулеза БЦЖ, которая получила значительное распространение в Африке, а также некоторые препараты против малярии и ВИЧ, которые применяют африканцы, ослабляют действие коронавируса и препятствуют переходу этого заболевания в тяжелую форму. Окончательные выводы по этому поводу делать рано, однако статистика заболеваемости и смертности в Африке говорит сама за себя.

Африканцы вообще с присущей им иронией относятся к коронавирусу. Они считают, что с этой болезнью вполне можно справиться при помощи традиционной медицины, которая получила большое распространение в Африке в условиях ограниченного доступа к профессиональным меди-

цинским услугам. В этом смысле весьма показательно заявление президента Мадагаскара Андри Радзуэлина об изобретении «чудодейственного» лекарства от COVID-19. Еще в конце апреля он сообщил, что Мадагаскар может внести неоценимый вклад в борьбу с пандемией коронавируса. По его словам, травяной напиток на основе полыни, получивший название «Ковид-органикс», стал результатом работы ученых из Института прикладных исследований Мадагаскара. «В результате два человека полностью вылечились от COVID-19. Этот чай дает результаты уже через неделю», – отметил лидер страны, выступая на специально созванной пресс-конференции²¹. Однако Всемирная организация здравоохранения, как и большинство специалистов-медиков, пока не склонны верить «мадагаскарскому чуду».

По результатам онлайн-опроса африканцев, проведенного автором этой статьи, лишь трое из 78 опрошенных считают коронавирус смертельно опасным заболеванием, 38 человек полагают, что это обычное ОРВИ, а оставшиеся 37 – что это серьезное заболевание, но в ближайшее время удастся его победить. 45 респондентов верят, что народная медицина может помочь в лечении и профилактике COVID-19, а 69 человек – что в ближайший год будет разработана эффективная вакцина против этой болезни. 71 человек заявили, что они доверяют только российской вакцине. Все опрошенные придерживаются мнения, что социально-экономические и политические последствия пан-

19 Всемирный доклад о малярии 2018 – ключевые тезисы (2018) // ВОЗ // <https://www.who.int/malaria/media/world-malaria-report-2018/ru/>, дата обращения 17.08.2020.

20 Доклад о всемирной борьбе с туберкулезом 2019 – резюме (2019) // ВОЗ // https://www.who.int/tb/publications/global-report/gtbr2019_ExecutiveSummary_ru.pdf?ua=1, дата обращения 17.08.2020.

21 Президент Мадагаскара рассказал о средстве от Ковид-19 на основе полыни (2020) // Российская газета. 22 апреля 2020 // <https://rg.ru/2020/04/22/prezident-madagaskara-rasskazal-o-sredstve-ot-covid-19-na-osnove-polyini.html>, дата обращения 27.07.2020.

демии будут гораздо серьезнее, чем медицинские²².

И это не случайно. Коронавирусная инфекция уже серьезно повлияла на обстановку на Африканском континенте. Подавляющее большинство стран Африки полностью закрыли свои границы. Во многих государствах объявлен режим чрезвычайной ситуации, введен режим самоизоляции населения либо в крупных городах, либо на всей территории страны [Казимиров, Ключарев, Матвеев 2020].

Коронавирус, можно ожидать, окажет серьезное влияние на экономику африканских стран. Согласно июньскому прогнозу Международного валютного фонда (МВФ), суммарный ВВП стран Африки к югу от Сахары сократится на 3,2% в 2020 г. (до пандемии коронавируса прогнозировался рост на 3,6%), а в 2021 г., по предварительным оценкам, рост экономики составит 3,4% (соответствующие показатели по миру в целом – минус 4,9 и плюс 5,4% соответственно). Особенно глубоким падение экономики ожидается в ЮАР – в стране, наиболее пораженной пандемией и глубже, чем другие африканские государства, интегрированной в мировую экономику (минус 8% в 2020 г., с последующим ростом 3,5% в 2021 г.)²³. Экономика ЮАР вошла в рецессию еще до пандемии коронавируса, и ны-

нешний спад считается самым продолжительным со времен Второй мировой войны.

По данным Южноафриканского центрального банка, ограничения, связанные с карантином, и сокращение потребительских расходов привели к уменьшению ВВП страны в годовом исчислении во II квартале этого года на 51%. Объем производства в годовом исчислении сократился с апреля по июнь на 40,1%. По мнению южноафриканских экспертов, экономическая активность в стране вернется к показателям конца прошлого года не ранее, чем в 2023 г.²⁴ Прогнозы, которые южноафриканские экономисты делают в интервью для СМИ финансово-экономической тематики, предполагают сокращение ВВП до конца этого года как минимум на 7–10%. Государственное казначейство ожидает падения ВВП на 7,3%. Эти данные в целом коррелируют с прогнозами МВФ²⁵.

В Нигерии – в стране, экономика которой во многом зависит от цен на нефть и газ, – падение прогнозируется на уровне 5,4% (в России – минус 6,6%), с последующим ростом 2,6% в 2021 г.²⁶ Только в результате снижения цен на нефть Нигерия рискует потерять в этом году 15,4 млрд долл., или 4% ВВП. Пандемия также способна спровоцировать кризис в области продовольствен-

22 Опрос проводился автором с июня по август 2020 г. Участники опроса – представители деловых и политических кругов 14 африканских государств (Алжир, Ангола, АРЕ, Бенин, Гана, Гвинея, Джибути, Замбия, Камерун, Марокко, Нигерия, Сенегал, Танзания, Эфиопия).

23 Бюллетень перспектив развития мировой экономики (2020) // МВФ. Июнь 2020. С. 9 // <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020>, дата обращения 25.08.2020.

24 SA Recession Deepens with GDP in Steep 51% Drop as Lockdown Restrictions Sting (2020) // IOL Business Report, September 8, 2020 // <https://www.iol.co.za/business-report/economy/sa-recession-deepens-with-gdp-in-steep-51-drop-as-lockdown-restrictions-sting-46e4408e-2175-47be-ac51-ff1415dd6683>, дата обращения 08.09.2020.

25 An Economic Crash of Any Size Should Be a Wake-up Call (2020) // Business Times, September 6, 2020 // <https://www.businesslive.co.za/bt/opinion/2020-09-06-hilary-joffe-an-economic-crash-of-any-size-should-be-a-wake-up-call/>, дата обращения 6.09.2020; SA Stock Hit Hard, Rand Takes a Knock as GDP Collapses (2020) // IOL Business Report, September 9, 2020 // <https://www.iol.co.za/business-report/economy/sa-stock-hit-hard-rand-takes-a-knock-as-gdp-collapses-bf53d152-ebc7-4eb7-9bca-5119e182d825>, дата обращения 09.09.2020.

26 Бюллетень перспектив развития мировой экономики (2020) // МВФ. Июнь 2020. С. 9 // <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020>, дата обращения 25.08.2020.

ной безопасности: сокращение объемов сельскохозяйственного производства может составить от 2,6 до 7%. Ситуация обостряется заметным ростом безработицы, уровень которой и до эпидемии превышал 20% трудоспособного населения [Денисова, Костелянец 2020].

В Египте, имеющем крупнейшую в Африке экономику по ППС, в июньском прогнозе МВФ ожидается рост ВВП на 1,5%, а по оценкам Всемирного банка – на 3%²⁷. Определенное влияние на такой благоприятный для Египта прогноз оказало и качество государственного администрирования: свои антикризисные меры разработали многие египетские министерства и ведомства. В то же время принимаемых в Египте мер по борьбе с экономическими последствиями пандемии явно недостаточно. Египет уже столкнулся с сокращением доходов от туризма (которые составляют около 13 млрд долл. в год), эксплуатации Суэцкого канала (порядка 6 млрд) и денежных переводов египтян (25 млрд в год), а значит, и с острой нехваткой иностранной валюты и понижением курса египетского фунта, который, благодаря усилиям Центрального банка Египта (ЦБЕ), остается пока стабильным²⁸.

В целом, по прогнозам Всемирного банка, в 2021 г. сокращение ВВП будет наблюдаться в 30 странах Африканского континента, при этом наиболее резкое падение ожидается в государствах, существующих в основном на доходы от туризма и вполне благополучных (Сейшельские острова, Маврикий, Кабо-Верде), а также в зависимых от

экспорта одного-двух сырьевых товаров, спрос на которые в условиях пандемии резко упал, или столкнувшихся с социально-экономическими проблемами и отрицательным ростом еще до пандемии (Зимбабве, Ботсвана, Экваториальная Гвинея, Алжир, Республика Конго). В любом случае даже африканские страны с прогнозируемой положительной динамикой ВВП в 2020 г. существенно снизят скорость роста. В первую очередь это касается таких быстро развивавшихся государств, как Эфиопия, Руанда, Кения, Танзания и Уганда.

К серьезным экономическим последствиям пандемии можно также отнести сокращение притока капитала в Африку. По данным Африканского союза, континент может лишиться 15% иностранных инвестиций, которые жизненно необходимы для развития ключевых отраслей экономики континента, в первую очередь для реализации инфраструктурных проектов²⁹.

В результате пандемии резко обострилась долговая проблема африканских государств. Каждый год треть того, что Африка экспортирует в коммерческих целях, используется для обслуживания долга, который в 2019 г. превысил 365 млрд долл. США. Платежи только по обслуживанию кредитов стран Черного континента в 2020 г. должны составить около 14 млрд долл. США. В 2012 г. долги африканских стран составляли 30% их ВВП, сегодня это уже 95%. В условиях пандемии некоторые африканские страны подвергаются риску дефолта по своим кредитным обязательствам, а частные за-

27 Global Economic Prospects (2020) // The World Bank, June 2020, pp. 208–209 // <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects>, дата обращения 27.08.2020.

28 Coronavirus Poses New Threat to Egypt's Economy (2020) // Reuters, March 10, 2020 // <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-egypt-economy-anal-idUSKBN20X25O>, дата обращения 18.03.2020.

29 Coronavirus in Africa: 'No Time for Half Measures in Helping the Economy' (2020) // BBC, April 16, 2020 // <https://www.bbc.com/news/world-africa-52296302>, дата обращения 25.04.2020.

емщики на континенте уже оказались в бедственном положении, их бизнес разрушается глобальным экономическим спадом³⁰.

Накануне онлайн-встречи G20-finance (Virtual meeting of the G20 finance ministers and central bank governors) 15 апреля 2020 г. президент Франции Эммануэль Макрон предложил министрам финансов стран «двадцатки» поддержать африканские страны, столкнувшиеся с угрозой пандемии, и призвал их согласиться на замораживание африканских задолженностей. По итогам встречи было принято коммюнике, в котором (помимо прочего) говорилось, что участники встречи признают необходимость незамедлительных и исключительных мер, которые позволят международным финансовым институтам оказывать критически важную поддержку странам с низким уровнем дохода. Однако речи о списании долгов африканским и другим беднейшим странам не было. План действий G20 включил в себя предоставление комплексного пакета поддержки МВФ, который позволит в срочном порядке реализовать поддержку стран с низким уровнем дохода на сумму более 200 млрд долл. США. Участники форума заявили о необходимости **приостановки платежей** (выделено автором) по обслуживанию долга для самых бедных стран и призывали частных кредиторов, работающих через Институт международных финансов, принять участие в этой инициативе³¹.

Несмотря на сложную ситуацию с долгами, африканские государства

продолжают привлекать внешние займы еще активнее, чем они делали это до пандемии. Так, например, правительство Южной Африки планирует довести объем средств на борьбу с пандемией и ее последствиями до 10% ВВП. Три четверти необходимой суммы должны быть получены за счет внешнего финансирования. Правительству удалось получить займы от Международного валютного фонда (4,3 млрд долл. США под 1,1% годовых; Инструмент быстрого финансирования (RFI)), Африканского банка развития (288 млн долл.) и Нового банка развития БРИКС (1 млрд долл.)³². Также ведутся переговоры о льготных займах с Всемирным банком.

Из-за масштабных заимствований ожидается, что государственный долг ЮАР к концу этого года превысит 81% ВВП и продолжит расти вплоть до 2024 г. По прогнозам МВФ, дефицит госбюджета Южной Африки увеличится в ближайшие годы до 16% ВВП³³.

Значительных средств африканская экономика недосчитается из-за падения цен на сырьевые и топливные товары, и речь идет не только о нефти и газе. Заккрытие ряда производств в мире привело к сокращению цен на некоторые металлы, экспорт которых во многих государствах является основой функционирования национальной экономики. В первую очередь речь идет об алюминии, спрос на который в условиях отмены авиаперевозок сократился вдвое (Гвинея – основной поставщик этого вида сырья), платине и палладии, необходимых при производстве автомобилей (ЮАР и Зимбабве), меди (Зам-

30 Africa's Debt Crisis Hampers Its Fight against Covid-19 (2020) // The Economist, April 11, 2020 // <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2020/04/11/africas-debt-crisis-hampers-its-fight-against-covid-19>, дата обращения 25.04.2020.

31 G20 замораживает африканские долги вопреки недовольству Пекина (2020) // Независимая газета. 15 апреля 2020 // https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/world/2020-04-15/6_7844_g20.html, дата обращения 25.04.2020.

32 South Africa Gets \$4.3bn IMF Loan. In Return, the Country Must Reform (2020) // Mail & Guardian, July 29, 2020 // <https://mg.co.za/business/2020-07-29-south-africa-gets-4-3bn-imf-loan-in-return-the-country-must-reform/>, дата обращения 10.08.2020.

33 South Africa Gets \$4.3bn IMF Loan. In Return, the Country Must Reform (2020) // Mail & Guardian, July 29, 2020 // <https://mg.co.za/business/2020-07-29-south-africa-gets-4-3bn-imf-loan-in-return-the-country-must-reform/>, дата обращения 10.08.2020.

бия). Цены на эти металлы упали более чем вдвое.

Африканская экономика недосчитается и доходов от туризма и денежных переводов из-за рубежа. В 2019 г. переводы мигрантов из Субсахарской Африки достигли 49 млрд долл., а доходы от 67 млн туристов, посетивших Африку в 2019 г., составили 8% ВВП континента и обеспечили работу 20 млн африканцев³⁴.

Пандемия коронавируса привела и к очень серьезным социальным последствиям. В странах Африки от 30 до 90% населения занято в неформальном секторе. Миллионы африканцев не имеют никаких сбережений, что обуславливает их зависимость от ежедневного заработка. Режим карантина и запрет уличной торговли не оставляет значительной доле африканского населения никаких способов для поддержания своего существования. По мнению экспертов Африканского Союза, более 20 млн человек в Африке могут в ближайшее время потерять работу, а правительства африканских государств лишатся 20–30% бюджетных доходов, что приведет к сокращению социальных расходов и росту социально-политической напряженности на Африканском континенте. Например, в Гане, по информации профсоюзов, 100 тыс. человек, занятых в формальном секторе экономики, и 400 тыс. – в неформальном, уже к июлю 2020 г. лишились работы³⁵. В ЮАР, по оценкам неправительственной организации Inclusive Society Institute, сделанным на основе опроса более тысячи предпринимателей во всех

провинциях страны, из-за карантина и экономического кризиса около 813 тыс. сотрудников малых, средних и микро-предприятий уже лишились работы. Продление карантина в нынешнем виде может привести к тому, что большинство малых и средних предприятий продолжат увольнять персонал³⁶. Такая же ситуация складывается и в других африканских государствах.

В результате резкого сокращения доходов населения в большинстве стран Африки остро встала проблема голода. Карантин затруднил своевременное начало сельскохозяйственных работ, в результате чего к 250 млн голодающих в Африке, по самым скромным нашим оценкам, могут прибавиться еще не менее 100 млн человек. Последствия коронавируса на Африканском континенте сопровождаются небывалой засухой в Южной Африке и нашествием саранчи на востоке континента. В июне 2019 г. стаи саранчи практически ликвидировали урожай в Эфиопии, Сомали и Эритрее, в Судане и Южном Судане, в Кении, Уганде и Джибути. Такая ситуация не наблюдалась в Африке с середины прошлого века [Казимиров, Ключарев, Матвеев 2020].

Серьезным испытанием стала пандемия и для африканских школьников. Перевод обучения в онлайн-режим попросту недоступен для значительно-го числа небогатых семей, не имеющих соответствующего оборудования и доступа в Интернет.

Для подавляющего большинства африканцев страшна не сама болезнь, а угроза окончательно подорвать осно-

34 Coronavirus in Africa: 'No Time for Half Measures in Helping the Economy' (2020) // BBC, April 16, 2020 // <https://www.bbc.com/news/world-africa-52296302>, дата обращения 25.04.2020.

35 COVID-19 Has Rendered 500,000 People Jobless in Ghana – TUC (2020) // The Ghana Report, July 23, 2020 // <https://www.theghanareport.com/covid-19-has-rendered-500000-people-jobless-in-ghana-tuc/>, дата обращения 10.08.2020.

36 SMMEs May Have Shed an Estimated 813 000 Jobs During Lockdown (2020) // IOL Business Report, April 17, 2020 // <https://www.iol.co.za/business-report/economy/smmes-may-have-shed-an-estimated-813-000-jobs-during-lockdown-46840253>, дата обращения 25.04.2020.

вы их и без того полунищенского существования. К тому же карантинные меры не дают должного эффекта в Африке, т. к. режим самоизоляции невозможно соблюдать в большинстве африканских городов с высокой скученностью населения, повсеместным наличием трущоб, большим числом бездомных и отсутствием возможностей для самоизоляции.

Серьезным психологическим испытанием для жителей Африки стала невозможность контактов и рукопожатий (африканцы, как правило, очень общительны), а также запрет на проведение официальных религиозных служб и похоронных церемоний, которые занимают особое место в жизненном укладе африканцев.

Сложная социально-экономическая и психологическая ситуация привела к вспышкам недовольства в ряде государств континента. В Нигерии, ЮАР, Кении, Уганде, Руанде были зафиксированы неоднократные случаи столкновений гражданского населения с полицией. Служители правопорядка часто превышали свои полномочия. В Нигерии, Сомали, Уганде, Кении нарушители карантина подвергались жестокому избиению, а ряд представителей гражданского населения были убиты.

Вместе с тем пандемия, как и любой кризис, открыла новые возможности для развития африканской экономики и социальной сферы.

В первую очередь это касается системы здравоохранения в Африке. Благодаря коронавирусу не только африканские политические лидеры, но и крупные предприниматели осознали необходимость выстраивания эффективной массовой системы оказа-

ния медицинских услуг. Так, в Нигерии богатейший в Африке бизнесмен Алико Данготе (его состояние оценивается в 15 млрд долл.) совместно с другими своими партнерами заявил о создании и финансировании специальной «Программы развития первичных медицинских услуг» для каждого жителя страны. Дело в том, что в условиях жесткого карантина нигерийская элита, привыкшая лечить за границей даже легкие недомогания, вынуждена была испытать на себе все «прелести» местной системы здравоохранения. Некоторые из высокопоставленных лиц страны умерли от коронавируса, в частности, шеф администрации президента Абба Киари. По словам А. Данготе, в рамках программы планируется создать 774 локальных центра по оказанию первичных медицинских услуг³⁷.

Пандемия дала определенный толчок и для развития местного производства в африканских странах. В первую очередь это касается средств индивидуальной защиты и медицинского оборудования, спрос на которые на внутреннем рынке резко возрос, но не только. Речь идет о повышении доли местных товаров с высокой степенью переработки в общем объеме промышленного производства в условиях сокращения их импорта. Главный лозунг для большинства африканцев сегодня – «Производить в Африке больше товаров, которые потребляют африканцы, и потреблять больше товаров, произведенных в Африке». По мнению африканских экономистов, этот подход не означает отказ Африки от участия в МЭО, но смещает фокус развития на внутренний рынок. И ключевую роль

37 Why Should Africa Suffer from Pandemics the Rest of the World Has Beaten? (2020) // The Africa Report, August 23, 2020 // <https://www.theafricareport.com/38544/why-should-africa-suffer-from-pandemics-the-rest-of-the-world-has-beaten-aig-imo-ukhue/>, дата обращения 20.08.2020.

в этом процессе должна сыграть интеграция в рамках Африканской континентальной зоны свободной торговли, что даст дополнительный импульс процессу индустриализации на Африканском континенте и снизит остроту внешних шоков³⁸.

Еще одним итогом пандемии может стать взрывное развитие процесса цифровизации в Африке, в первую очередь в финансовой, торговой и социальной сферах. Наиболее передовые позиции здесь у Кении, которая уже несколько лет активно использует онлайн-банкинг.

Однако сами по себе эти новые возможности развития не могут быть реализованы, если на государственном уровне не будут разработаны специальные меры и программы поддержки национальной экономики и социальной сферы.

И следует отметить, что действия африканских властей в период пандемии не свелись исключительно к установлению запретов, репрессиям и жесткому карантину. В Африке был реализован целый комплекс мер, направленных на стабилизацию социально-экономической ситуации. Рамки одной статьи не позволяют нам подробно остановиться на данном вопросе, поэтому мы их просто перечислим.

Наиболее популярными методами государственной поддержки в большинстве африканских государств были:

- выплаты зарплат сотрудникам компаний, пострадавших в результате карантина и экономического спада;
- выплаты пособий за счет различных государственных и благотворительных фондов сотрудникам, инфицированным на рабочем месте;

- льготные займы и кредиты, в т. ч. для малого и среднего бизнеса;
- реструктуризация задолженности предприятий и частных лиц;
- государственная поддержка важнейших секторов экономики (промышленность, сельское хозяйство, туризм, транспорт и т. п.);
- увеличение расходов на здравоохранение;
- снижение налоговых ставок и отсрочки по уплате налогов для структурообразующего и малого и среднего бизнеса;
- субсидии на развитие малого и среднего бизнеса с упрощенным порядком подачи заявлений;
- снижение ставки рефинансирования центральных банков;
- материальная и продовольственная помощь беднейшим слоям населения;
- привлечение средств международных финансовых организаций и частных инвесторов;
- создание благотворительных фондов по борьбе с последствиями коронавируса.

Все эти меры, применяемые различными африканскими государствами, привели к определенным результатам, но не смогли полностью сгладить последствия пандемии. Во многом этому препятствовала коррупция, которая подрывала доверие к властям, использующим внешнюю и внутреннюю финансовую помощь в борьбе с эпидемией для личного обогащения. Наиболее распространенными формами коррупции стали присвоение бюджетных средств и целевых международных кредитов, а также неправомерное повышение стоимости государственных за-

38 Africa's Key to Wealth Growth: Produce and Consume Locally (2020) // The Africa Report, August 19, 2020 // <https://www.theafricareport.com/38264/africas-key-to-wealth-growth-produce-and-consume-locally/> дата обращения 20.08.2020.

купок средств индивидуальной защиты, медикаментов и продуктов питания для малоимущих.

К тому же власти ряда африканских государств под предлогом пандемии пытаются сохранить свои полномочия на неопределенный срок, откладывая выборы (как в Уганде) и подавляя вероятные протесты против власти.

Одновременно ситуацией может воспользоваться и оппозиция, играя на настроениях «замученных карантинном» африканцев и дестабилизируя и без того непростую ситуацию, а также криминальные структуры и террористические группировки.

В любом случае справиться с социально-экономическими последствиями пандемии COVID-19 Африке в одиночку не удастся. Одновременно помощь в борьбе с коронавирусом может изменить баланс сил в Африке. И речь идет не только о финансовых вливаниях. Их эффективность в условиях коррумпированности ряда представителей властных структур вызывает большие сомнения. Более того, предоставленные кредиты (будь то МВФ, Франция, Великобритания, Китай или другой актор) будут способствовать дальнейшему закабалению стран континента. А в условиях падения мировых цен на сырье и обесценения активов африканских компаний можно ожидать и приобретения иностранными инвесторами по бросовым ценам африканских стратегических активов, пострадавших от кризиса.

Россия сегодня сама оказалась в непростой социально-экономической ситуации. Поэтому ожидать, что наша страна сможет оказать серьезную финансовую помощь африканским государствам, вряд ли возможно. Однако наша страна, использовав свой собственный опыт борьбы с коронавирусом, может активно подключиться к преодолению последствий эпидемии на самом континенте и тем самым су-

щественно поднять свой имидж, что в дальнейшем принесет важные экономические дивиденды. Россия уже положительно зарекомендовала себя в борьбе с серьезными эпидемиями в Африке. Центр исследований в области эпидемиологии и микробиологии и медицинского обслуживания, созданный компанией «Русал» в г. Киндия (Гвинейская Республика), в 2015 г. существенно способствовал подавлению лихорадки Эбола. В настоящее время Центр перепрофилирован для лечения больных коронавирусом. Аналогичные центры планируется создать в ближайшее время в Уганде и ДРК.

Сегодня наиболее важным вопросом является разработка вакцины против коронавируса. Россия занимает лидирующие позиции на этом направлении, и уже 11 августа зарегистрировала первую в мире вакцину, которая подвергается постоянным нападкам со стороны западных конкурентов. Об эффективности той или иной вакцины должны судить специалисты-медики, однако экономисты прекрасно осознают масштабы международного рынка данной продукции и доходов от ее применения. С этой точки зрения Африканский континент с населением в 1,3 млрд человек является для Российской Федерации весьма перспективным партнером. Для нашей страны является отрадным фактом, что две крупнейшие по численности населения африканские страны, Нигерия и АРЕ, а также Алжир, наряду с Индией, Бразилией и Мексикой, готовы применять именно российскую вакцину, разработанную в НИЦЭМ имени Н.Ф. Гамалеи, а интерес к ней проявляют еще 23 африканских государства. Российская Федерация может подключиться к борьбе с эпидемией на африканском направлении и путем направления врачей, медицинских препаратов и средств гигиены. Мы можем так-

же активно использовать опыт китайских коллег по организации видеоконференций с ведущими российскими и африканскими медиками по методам лечения и профилактики коронавируса. И даже незначительные средства в виде гуманитарной помощи, которые могут быть выделены на поддержку африканского населения в условиях пандемии как со стороны государства, так и, в первую очередь, заинтересованных представителей российского делового сообщества, могут способствовать укреплению позиций России в Африке.

Подводя итог, следует отметить, что готовность стран Африки, пока затронутых пандемией в меньшей степени, чем другие регионы мира, к борьбе с ней можно считать неудовлетворительной. Пессимистичный сценарий распространения коронавирусной инфекции в Африке полностью исключить нельзя, а социально-экономические последствия пандемии могут стать весьма серьезным испытанием для большинства стран континента. Одновременно следует ожидать определенного перераспределения баланса сил в регионе. Выиграют те страны, которые своевременно смогут оказать Африке существенную поддержку в борьбе с пандемией. И у Российской Федерации появляется реальный шанс укрепить свои

позиции на Африканском континенте, сотрудничество с которым в условиях изменения модели мирового развития может становиться для России все более приоритетным.

Список литературы

Денисова Т.С., Костелянец С.В. (2020) COVID-19 в Нигерии: вызовы и прогнозы // Азия и Африка сегодня. № 8 С. 26–30. DOI: 10.31857/S032150750010447-3

Казимиров В.Е., Ключарев Д.А., Матвеев Д.С. (2020) Африканский социально-политический контекст в условиях коронавируса: дальнейшая стабилизация или эффект пороховой бочки? // Росконгресс // https://roscongress.org/upload/medialibrary/511/Africa_soc_kult_cororna_.pdf, дата обращения 28.08.2020.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2020) Развивающиеся страны в политической экономии посткоронавирусного мира // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 9. С. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-5-14

Gorelik B.M. (2020) Putting out the Small Flames: South Africa's Approach to Combating // Азия и Африка сегодня. № 5. С. 58–62. DOI: 10.31857/S032150750009552-9

National Peculiarities

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-3

Coronavirus in African: Social, Economic and Political Consequences

Irina O. ABRAMOVA

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Economics, Professor, Director

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001, Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation

E-mail: irina.abramova@inafr.ru

ORCID: 0000-0001-8394-0214

CITATION: Abramova I.O. (2020) Coronavirus in African: Social, Economic and Political Consequences. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 38–56 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-3

Received: 28.09.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ABSTRACT. *The article offers an analysis of the current situation with the coronavirus in Africa. It reveals the specific features of the pandemic and the socio-political and economic consequences thereof. The author concludes that, taking exploiting the pandemic, the United States and its allies are like likely to attempt weakening the PRC's position in Africa and preventing Russia from building up its influence. The latter, especially, in view of the success of the Russia-Africa Summit and Economic Forum held in October 2019, in Sochi. However, Washington's grand plans on the African continent are seriously constrained by the fact that Africans have long asserted themselves as full-capacity subjects in international relations and refuse to be pawns in the intricate games between the United States, China and other*

players for world leadership. The coronavirus pandemic will undoubtedly change the position of the continent in the new "post-coronavirus" world, but these changes largely depend on how and with whose assistance Africans are to overcome this serious test.

The paper contains the results of on-line opinion-polling of African experts conducted by the author of the article.

The author makes an attempt to explain the "Africa phenomenon" of the coronavirus pandemic, assesses the main risks of the spread of the epidemic and the possibilities of overcoming it. Special attention is paid to new opportunities for the development of the African economy in the "post-coronavirus world", as well as the actions of the authorities to mitigate its socio-economic consequences.

The author arrives to the conclusion that African countries, while less affected by the pandemic than other regions of the world, are not satisfactorily ready to fight it. The pessimistic scenario of the spread of coronavirus infection in Africa cannot be completely ruled out, and the socio-economic consequences of the pandemic can become a very serious test for most countries of the continent. At the same time, a certain redistribution of the balance of power in the region should be expected. The nations that are able in a timely manner to offer Africa significant support in the fight against the pandemic will gain. The Russian Federation has a real chance to strengthen its positions on the continent, cooperation with which may increasingly become a priority for Moscow, given the changing model of world development.

KEY WORDS: Africa, COVID-19, World Economy, Post-Coronavirus World, Russian-African Relations

References

- Denisova T., Kostelyanets S. (2020) COVID-19 Pandemic in Nigeria: Challenges and Forecasts. *Asia and Africa Today*, no 8, pp. 26–30 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750010447-3
- Fituni L., Abramova I. (2020) Developing Countries in the Political Economy of the Post-coronavirus World. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 9, pp. 5–14 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-5-14
- Gorelik B. (2020) Putting out the Small Flames: South Africa's Approach to Combating. *Asia and Africa Today*, no 5, pp. 58–62. DOI: 10.31857/S032150750009552-9
- Kazimirov V.E., Klyucharev D.A., Matveev D.S. (2020) African Socio-political Context in the Context of Coronavirus: Further Stabilization or the Powder Keg Effect? *Roscongress*. Available at: https://roscongress.org/upload/medialibrary/511/Africa_soc_kult_cororna_.pdf, accessed 28.08.2020 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-4

Китай и Африка в борьбе с COVID-19

Татьяна Лазаревна ДЕЙЧ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исследования российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация
E-mail: tdeich@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6745-9586

ЦИТИРОВАНИЕ: Дейч Т.Л. (2020) Китай и Африка в борьбе с COVID-19 // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 57–72.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-4

Статья поступила в редакцию 16.08.2020.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена проблемам воздействия пандемии коронавируса на страны Африки и участию Китая в борьбе с COVID-19 на континенте. Автор анализирует особенности китайско-африканского сотрудничества в сфере медицины как важного инструмента пекинской политики «мягкой силы». При этом рассматривается участие государства, китайских компаний и частного бизнеса в этом сотрудничестве. В статье анализируются факторы, позволившие Пекину справиться со вспышкой пандемии коронавируса в Китае и приобрести опыт, нашедший применение в практике китайской помощи странам Африки. В фокусе внимания – особенности медицинской помощи Китая африканским странам в борьбе с новой угрозой: присылка медикаментов и средств защиты, врачей и медицинского персонала, строительство и переоборудование больниц. Наряду с этим в статье рассматривается проблема экономических последствий пандемии для Африки и участия Китая в восстановлении африканской экономики, а также роль, которую призвана сыграть в этих процессах китайская инициатива «Один пояс – один путь».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, Африка, COVID-19, медицина, помощь, сотрудничество, медикаменты, больницы, экономика, «Пояс-путь»*

Медицинская помощь как инструмент «мягкой силы» Китая в Африке

Сотрудничеству Китая со странами Африки в сфере медицины и здравоохранения – 57 лет. С 1960-х гг. Пекин направляет в Африку медицинские бригады, оказывает ей помощь в борьбе с малярией, тропическими болезнями, эпидемиями инфекционных заболеваний. В 1998 г. Китай помог Гвинее-Бисау, Коморским островам, Уганде справиться с распространением холеры. Одним из первых он пришел на помощь странам Западной Африки, где в 2014 г. разразилась эпидемия лихорадки Эбола. В общей сложности на медикаменты, продовольствие и другую помощь в борьбе с Эболой Пекин израсходовал 120 млн долл. 1 200 китайских специалистов были направлены на борьбу с этим заболеванием и за время работы в Африке обучили 1 600 местных медицинских ра-

ботников. 25 ноября 2015 г. одновременно в Китае и Африке состоялась церемония награждения отдельных лиц и медицинских бригад за участие в борьбе против эпидемии Эбола. Награды получили 280 человек и 60 бригад [Дейч 2017, с. 205–223].

В плане действий на 2019–2021 гг., принятом на пекинском саммите Форума китайско-африканского сотрудничества в Пекине в 2018 г., вновь ставится задача помочь Африке облегчить бремя таких инфекционных заболеваний, как ВИЧ, туберкулез, шистоматоз; особое внимание уделяется борьбе с малярией, с которой, согласно плану, к 2030 г. в Африке должно быть покончено [The Forum on China-Africa Cooperation 2015].

Проведенные в 2014 г. международные исследования 255 проектов, реализованных с 2000 по 2012 г. в сфере здравоохранения и санитарии Африки, где сравнивались медицинские проекты Китая и других стран, позволили сделать вывод, что Китай является одним из 10 ведущих доноров Африки в сфере здравоохранения [Дейч 2017, с. 205–223]. На 2018 г. Пекин оставался самым крупным экспортером в Африку лекарств. С 1963 по 2019 г. в Африку было направлено не менее 40 тыс. китайских медицинских специалистов. «Китай является самым значительным провайдером гуманитарной помощи, каким ранее были США, – заявил Эрик Оландер, менеджер китайско-африканского проекта (*China Africa Project*) [Kwasi Gyambi Asiedu 2020].

Китай первым столкнулся с COVID-19

Китай стал первой страной, столкнувшейся с COVID-19. Вначале правительство КНР препятствовало распространению информации о коронавирусе, что привело к 5 млн заболев-

ших. Однако затем власти стали действовать достаточно жестко. Был закрыт очаг заболевания – город Ухань и провинция Хубей, введен карантин на большей части страны, несмотря на негативные экономические и социальные последствия этого шага. Были приняты срочные меры по расширению возможностей лечения больных. В условиях нехватки коек было предпринято быстрое (в течение 10 дней) строительство 1 000- и 1 600-коечных больниц в Ухане; при этом к обеим больницам были срочно подведены все коммуникации. Компании Huawei и China Telecom совместно создали видеодиагностический центр China Telecom с медицинским штатом, карту, где были обозначены реальные очаги заболеваемости. Была обнародована «Медипедия» – энциклопедия, содержащая описание симптомов болезни, лекарства и меры предупреждения заболевания, предлагаемые экспертами, а также карта клиник. Стали проводиться онлайн-консультации, видеоконференции, онлайн-классы, где удаленно вели учебные курсы преподаватели. Поскольку многие люди лишились работы, компании Alibaba Group и JD создали временные рабочие места в ресторанах, барах, мелких магазинах, супермаркетах, курьерских службах. Это внесло вклад в копилку борьбы с последствиями COVID-19, позволив поддержать экономику.

В начале марта 2020 г. Си Цзиньпин прибыл в эпицентр эпидемии – Ухань, где приветствовал успехи Китая в борьбе с вирусом, чему СМИ посвятили видео под заголовком «Народный лидер объявляет решительную битву коронавирусу» [Kurlantzick 2020]. Помимо этого, китайское правительство опубликовало книгу, посвященную китайской модели сдерживания распространения инфекционных заболеваний. Позже свою модель Пекин стал предлагать другим

странам. Посылая медикаменты в особенно пострадавшие от пандемии Испанию и Италию, которые вначале не получали помощи от ЕС, Китай предлагал этим странам, а также Ирану и Ираку свою методику борьбы с коронавирусом. Как заметил в этой связи известный китаевед Дж. Курланчик, «Пекин, кажется, готов дать зеленую улицу сигналу о том, что китайская модель эффективна, особенно в кризисных ситуациях и особенно в сравнении с моделями большинства демократий» [Kurlantzick 2020].

Выступая на Специальном саммите «Китай – Африка» по солидарности в борьбе с эпидемией COVID-19, организованном Пекином 17 июня 2020 г., Председатель КНР Си Цзиньпин сказал: «Китайский народ приложил колоссальные усилия и заплатил огромную цену, чтобы взять под контроль эпидемическую ситуацию внутри страны, но Китай все еще находится под угрозой возобновления эпидемии» [Си Цзиньпин выступил с предложениями 2020].

Многие страны задавались вопросом: как удалось китайским врачам так быстро справиться с эпидемией? Были попытки обвинить Китай в том, что он сам изготавил коронавирус в своей лаборатории, а потому знал, как от него лечить. Следует, однако, напомнить, что за последние 100 лет в мире было отмечено 10 смертельных эпидемий, 7 из которых начались именно в Китае, так что он имел богатый опыт лечения опасных инфекций. В числе факторов успеха Китая в борьбе с COVID-19 называют активное использование китайскими врачами, наряду с классическими методами лечения, методы традиционной китайской медицины. Китайские врачи давно используют достижения традиционной китайской медицины (TCM) в сво-

ей зарубежной практике, в т. ч. в Африке. Организованный в 2002 г. Министерством здравоохранения КНР и Государственным управлением китайской традиционной медицины и фармацевтики Китайско-африканский форум по вопросам традиционной медицины и фармацевтики посетили представители 21 африканской страны¹. Методы традиционной китайской медицины активно применялись при лечении африканцев от малярии. За использование этих методов и разработку противомаларийного лекарства, известного как *artemin*, китайский врач Ту Юйюй получила в 2015 г. Нобелевскую премию [Wang, Bateman 2018].

Традиционные методы лечения получают в Китае поддержку государства: за это направление медицины отвечает Государственная администрация, подчиняющаяся Национальной комиссии по здравоохранению; считается, что врач, получивший медицинское образование, должен владеть и тонкостями традиционной медицины. А в опубликованном в конце марта 2020 г. заключении Госадминистрации по вопросам традиционной медицины говорилось, что более 90% людей, переживших вспышку коронавируса в Китае, использовали природные лекарства, и это помогло.

23 апреля 2020 г. Институт Конфуция при Университете Коимбра (Португалия) провел онлайн академическую конференцию, посвященную интеграции традиционной китайской медицины и западной медицины в профилактике и лечении COVID-19, в которой приняли участие более 10 китайских и западных ученых [Online Academic Conference of Integrated TCM and Western Medicine 2020].

1 China: Support to NEPAD (period June 2002 – June 2003) (2002) // United Nation // <http://www.un.org/esa/africa/support/China.htm>, дата обращения 15.10.2015.

Своим успехам в борьбе с COVID-19 китайские врачи в немалой степени обязаны применению клинического и организационного опыта, связанного с методикой и подходами к лечению пациентов. Этим опытом китайские врачи поделились в мае 2020 г. с российскими коллегами в ходе прошедшего в онлайн-формате круглого стола. В частности, профессор Цзя Сяоминь рассказал, как была организована работа в многопрофильной больнице в городе Ухане, где он руководил отделением. Важный момент: за 51 день работы больницы в инфекционном режиме (с 23 января по 14 марта здесь лечились 515 человек, с которыми работали 300 медицинских специалистов) коллектив не потерял ни одного врача или медсестры. Тех, у кого был подтвержден диагноз, лечили максимально удаленно, чтобы медицинский персонал соприкасался с больными как можно реже. Опыт, обретенный в борьбе с эпидемией в Китае, был позже применен китайскими врачами при оказании медицинской помощи другим странам, включая африканские.

Пандемия коронавируса охватила Африку

Спустя пять лет после эпидемии Эболы Африка подверглась пандемии коронавируса. Для стран континента это особенно опасно, учитывая такие факторы, как дефицит водных ресурсов (36% африканцев не имеют доступа к водоснабжению), нехватка электричества (не имеют доступа более 2/3 населения, а в сельских районах – 85%), высокая плотность населения (56% проживают в трущобах), бедность, низкий уровень образования, распространенность таких бо-

лезней, как малярия, туберкулез, СПИД. Серьезные проблемы – с состоянием медицины: нехватка лекарств, медицинского оборудования и приборов. Африка импортирует 94% лекарств, а 71 государство запретило или ограничило экспорт лекарств для борьбы с коронавирусом. В Африке меньше 2 больничных коек на 1 тыс. человек (во Франции – 6). Так, в Кении оказалось лишь 130 коек для интенсивной терапии. Африке требуются в большом количестве наборы для тестирования, средства индивидуальной защиты, приборы ИВЛ для лечения тяжелых больных². Серьезная проблема – нехватка медицинского персонала, в частности, вследствие утечки мозгов. В 2011 г. результаты исследований на тему «Финансовая стоимость врачей, эмигрировавших из Африки южнее Сахары», показали, что африканские страны потеряли 2 млрд долл., потраченные на обучение медицинских специалистов, эмигрировавших затем в развитые страны [Wang, Bateman 2018].

Первый случай заболевания коронавирусом в Африке был зафиксирован 27 февраля в Нигерии. Сообщалось, однако, что случаи заражения единичны, и во всех странах Африки меньше заразившихся, чем в одной Португалии [Вендик 2020]. Однако 23 марта зараженные были уже в 27 странах. На 30 марта было зарегистрировано 4 847 заразившихся и 155 смертей. Более половины носителей приходилось на четыре страны: ЮАР, Египет, Алжир и Марокко, причем ½ всех случаев были зафиксированы в Египте; большинство заболевших составили пассажиры и члены экипажа круизного судна «Нил». В ЮАР 7 случаев пришлось на заболевших из группы в 10 человек, вернувшейся из отпуска на севере Италии.

2 В Африке от COVID-19 могут скончаться порядка 300 тыс. человек (2020) // REGNUM. 18 апреля 2020 // <https://regnum.ru/news/2920741.html>, дата обращения 15.10.2020.

Сравнительно небольшое число заболевших объясняли нехваткой систем тестирования. До пандемии в Африке было всего две лаборатории для проведения тестов: в Сенегале и ЮАР. В конце марта ВОЗ сообщила, что тесты доставлены в 47 из 54 стран, но в небольшом количестве, так что их не хватало. 18 марта Генеральный директор ВОЗ заявил, что число носителей коронавируса в Африке значительно больше, чем сообщают официальные источники, и выразил тревогу по поводу способности африканских стран противостоять пандемии [Вендик 2020].

В следующие месяцы число заразившихся коронавирусом в Африке росло, превысив на 2 июля 2020 г. 400 тыс. человек (421 301), а число скончавшихся от COVID-19 превысило 10 тыс. человек (10 443). На 1-м месте по числу заболевших оказалась ЮАР (159 333 человека, число смертей – 2 749); на 2-м – Египет (69 814, смертей – 3 034); на 3-м – Нигерия (26 484, число смертей 603). А 21 июля число инфицированных в Африке составило уже 736 214 человек. ВОЗ выразила крайнюю обеспокоенность темпами распространения инфекции: число заболевших превышало за сутки 15 тыс. человек. Количество инфицированных увеличилось в Намибии на 69%, Замбии – на 57%, на Мадагаскаре – на 50%, в Кении и ЮАР – на 30%. А 29 июля число выявленных случаев заражения COVID-19 в Африке составило уже 873 378 человек, число скончавшихся – 18 478 человек. Лидировала по-прежнему ЮАР (459 761 человек), далее шли Египет (92 947 человек) и Нигерия (41 804 заболевших).

Заметно опережала ЮАР другие африканские страны и по числу летальных исходов (7 257), на 2-м месте – Египет (4 691), далее – Алжир (1 174)³.

По словам руководителя Африканской организации здравоохранения (АНО) Грасиано Масауо, 30 июля 2020 г. Южная Африка находилась на 5-м месте в мире по числу подтвержденных заболеваний, и на нее приходилось более половины случаев заболевания COVID-19 в Африке, что может «свидетельствовать о более широком распространении заболевания на континенте, масштабы которого, возможно, преуменьшаются, прежде всего по причине отсутствия достаточного количества тестов». «В ЮАР больше всего случаев заболевания, – сказал он, – но и больше всего тестов (в начале июля – более 30 тестов на 1 тыс. человек), тогда как в Нигерии – 0,7 тестов на 1 тыс. человек, в Гане – 10, в Кении – 3, а в целом 80% тестов на коронавирус в Африке приходится на 10 стран». Между тем, считает Масауо, сокрытие информации некоторыми государствами может помешать континенту предвидеть пик пандемии и лучше к нему подготовиться⁴.

Вышеуказанные тенденции сохранили силу и в августе: число заболевших на континенте превысило 1 млн, составив 1 113 143 человека. Впрочем, летальность в Африке оказалась ниже, чем на других континентах (36 умерших на 1 тыс. зараженных). Продолжала лидировать ЮАР (583 653 зараженных, 11 677 умерших), на 2-м месте Египет (966 336 зараженных, 5 141 умерших), на 3-м – Нигерия (48 770 и 974 соответственно)⁵.

3 В Африке число заразившихся коронавирусом превысило 870 тыс. (2020) // РИА Новости. 29 июля 2020 // <https://ria.ru/20200729/1575121423.html>, дата обращения 15.10.2020.

4 Эксперт прокомментировал быстрый рост числа заражений коронавирусом в ЮАР (2020) // РИА Новости. 30 июля 2020 // <https://ria.ru/20200730/1575147635.html>, дата обращения 15.10.2020.

5 Последние новости коронавируса в Африке на сегодня со статистикой, по данным на 16 августа 2020 // <https://horoshotam.ru/afrika/coronavirus>, дата обращения 16.08.2020.

Китай приходит на помощь

Вопреки собственным экономическим трудностям вследствие пандемии, пекинское руководство выразило готовность помочь Африке. «Китай уделяет пристальное внимание эпидемиологической ситуации в Африке и уже предоставил помощь в виде средств борьбы с эпидемией Африканскому союзу и всем африканским странам, которые установили с КНР дипломатические отношения», – заявил 7 апреля 2020 г. Председатель КНР Си Цзиньпин.

16 мая 2020 г. в телефонном разговоре с президентом ЮАР Сириллом Рамафосой Си Цзиньпин отметил, что в настоящее время эпидемия COVID-19 быстро распространяется по Африканскому континенту. Под руководством Рамафосы правительство ЮАР приняло ряд противоэпидемических мер, которые дали позитивные результаты. Китайская сторона, как заявил Си Цзиньпин, продолжит оказывать ЮАР решительную поддержку и посильную помощь, укреплять двустороннее сотрудничество в сфере медицины и здравоохранения⁶.

Считая, что в Африке ситуация «может превратиться в катастрофу», китайское правительство направило в страны континента наборы индивидуальной защиты, тесты, другое медицинское оборудование. В марте Алжир стал первой страной, куда были направлены медицинские эксперты по борьбе с COVID-19 – бригада из 13 человек [Olander 2020]. Уже в конце марта 2020 г. аэропорты в Шанхае, Пекине и других крупных китайских городах превратились в центры поставки медицинского оборудования и медицинского персонала. Обозреватели писали в этой свя-

зи, что новая «ковид-дипломатия» предоставила Китаю возможность заполнить нишу «глобального лидерства», которую неожиданно оставили Соединенные Штаты. В Африке китайский ответ на пандемию ускорил геополитический тренд, который стал эмблемой более активной и уверенной внешней политики президента Си Цзиньпина [Morgan 2020]. «Китай активно помогает африканским странам в борьбе с новой коронавирусной инфекцией с момента ее возникновения», – заявили в Госкомитете по делам здравоохранения КНР в апреле 2020 г. «В настоящее время в Африке работают почти 1 тыс. медиков», – сообщил представитель Госкомитета Ли Минчжу. – Медицинские бригады провели более 250 мероприятий по обучению и подготовке специалистов в области здравоохранения, в которых участвовали более 10 тыс. человек». Обучали раннему выявлению болезни, диагностике и клиническому лечению больных. Китайские медицинские бригады распространяли руководства по борьбе с COVID-19 на нескольких языках. Проводились видеоконференции. Китайское правительство также оказало помощь в борьбе с пандемией Африканскому центру по контролю и профилактике заболеваний. «Мы будем и дальше делать все возможное, чтобы помочь африканским странам повысить свой потенциал в борьбе с COVID-19», – сказал Ли Минчжу⁷.

2 июля 2020 г. состоялась видеоконференция сотрудников Института Африки РАН с сотрудниками посольства КНР во главе с полномочным министром Су Фанцу. Отвечая на вопрос, каким странам Китай оказал наибольшую поддержку в борьбе с коро-

6 Агентство Синьхуа. 16 мая 2020, дата обращения 16.05.2020.

7 Китай активно помогает Африке в борьбе с коронавирусом – Госкомитет (2020) // Seldon News. 3 апреля 2020 // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/226929562>, дата обращения 15.10.2020.

навирусной инфекцией, Су Фанцу назвал Зимбабве, Того, Алжир, Камерун, Намибию, Уганду и Экваториальную Гвинею. Китай направил мобильные бригады медиков в 45 африканских государств, а в 11 странах работают на постоянной основе группы китайских экспертов (всего 148 человек). Китай поставляет на возмездной и безвозмездной основе практически во все страны Африки средства профилактики коронавируса, тесты и лекарства. С начала пандемии до июля 2020 г. были организованы 5 видеоконференций с участием китайских медиков и врачей из 42 африканских стран по методам профилактики и лечения COVID-19 [Абрамова 2020].

Однако более внимательный взгляд на китайскую «ковид-дипломатию» позволяет обнаружить еще один, крайне важный, но часто остающийся незамеченным тренд в китайской помощи Африке. Хотя наиболее заметный аспект ответа Пекина на коронавирус соответствует традиционным правительственным моделям, успешно применявшимся и в прошлом, активно и по-новому ведут себя в сегодняшней ситуации китайские провинции, компании, фирмы и отдельные филантропы.

Расширяет стратегию внешней помощи китайское Международное агентство сотрудничества в развитии (China International Development Cooperation Agency, CIDCA) в Пекине. Оно работает в тесном контакте с Министерством коммерции (MOFCOM) и МИД КНР (Ministry of Foreign Affairs), при участии офиса китайского Экономического и коммерческого советника (ЕСС) и китайских посольств в странах Африки.

В секторе здравоохранения также играют важную роль провинци-

альные власти. Провинциальные комиссии здравоохранения организуют и осуществляют отправку в африканские страны медицинских бригад; они же отвечали за направление медицинских бригад в эти страны уже в течение многих лет. Так, например, провинция Хубэй, ставшая эпицентром китайского коронавируса, отвечает за направление медицинских бригад в Алжир с 1963 г. Столь давние и устойчивые связи провинциального уровня облегчают, в частности, обмен информацией. Так, в апреле 2020 г. официальные лица и эксперты провинции провели онлайн-конференцию с алжирскими коллегами, чтобы поделиться с ними своим опытом борьбы с заболеванием [Morgan 2020]. В мае, как заявил представитель МИД КНР Чжао Лицзянь, власти КНР должны были направить в Алжир, ДРК и Зимбабве специалистов для борьбы с коронавирусной инфекцией, причем предполагалось их отправить из провинций Хунань (центр страны) и Хубей (север), а также из города центрального подчинения Чунцин (юго-запад)⁸.

Заметно выросла роль в оказании медицинской помощи странам Африки и государственных предприятий КНР (SOEs). Традиционно такого рода предприятия являлись контракторами, реализующими, как правило, инфраструктурные строительные проекты. Оплачивались проекты обычно за счет займов от китайских банков (China Development Bank, Eximbank of China и др.) или грантов от китайского правительства. Однако сегодня китайские SOE, помимо своей традиционной роли, выполняют еще и роль поставщиков медицинского оборудования в Африку. Например, China State Construction Engineering Corpora-

8 Китай направит в Африку специалистов по борьбе с коронавирусом (2020) // News.ru. 11 мая 2020 // <https://news.ru/world/kitaj-napraivit-v-afriku-specialistov-po-borbe-s-koronavirusom/>, дата обращения 15.05.2020.

tion (CSCEC), крупное SOE, известное реализацией многих объектов инфраструктуры, предоставило Алжиру сотни тысяч масок, респираторов и других медицинских изделий. Еще одна компания, China Jiangxi, ответственная за транспортные проекты в Гане, предоставила 10 тыс. масок Ганскому Министерству дорог и шоссе.

В свое время в рамках борьбы с малярией Пекин открыл в Африке 30 больниц и 30 противомаларийных центров и поставил им все необходимое оборудование. В рамках борьбы с коронавирусом Пекин вызвался построить в Алжире госпиталь на 10 тыс. коек. Китайские компании потратили 500 тыс. долл. на переоборудование больницы Wilkins Hospital в Зимбабве в первый в стране центр лечения коронавируса [Olander 2020].

Сенегал одним из первых в Африке был затронут пандемией: сообщалось о 5 783 случаях заражения и 82 умерших. 19 июня 2020 г. китайская бригада техпомощи, работающая в построенной с китайской помощью детской больнице в Диамниадо, при поддержке строительной компании Jiangsu Construction Engineering Group Co Ltd предоставила больнице медицинское оборудование, включая маски, перчатки, бахилы, защитную одежду, а также медицинские приборы, в т. ч. трехканальные портативные электрокардиографы, мониторы и т. д. Больница в Диамниадо – самая крупная и технически оснащенная педиатрическая больница в Сенегале. Наряду с этим в рамках инициативы «Один пояс – один путь» в 2018 г. был запущен китайский проект строительства женской и детской больницы, который был завершен в 2019 г. Эта больница также оснащена необходимым оборудованием, она имеет 84 койки и 3 операционные. С началом эпидемии сенегальское правительство решило использовать эту больницу как второй

центр лечения пациентов с коронавирусом. Министерство здравоохранения и социального обеспечения решило добавить в больницу еще 100 коек для тяжело больных пациентов с COVID-19, что было сделано в рекордно короткие сроки. А китайская бригада провела для врачей больницы семинар по профилактике заражений, протоколу диагностики и лечения пневмонии.

В борьбу с COVID-19 включились не только китайские государственные компании, но и частные фирмы, а также отдельные предприниматели. При этом все большую популярность приобретает такой фактор деятельности китайских компаний, как корпоративная социальная ответственность. С 2008 г. китайская телекоммуникационная компания Huawei – один из самых активных популяризаторов образовательных программ – с началом пандемии компания стала поставлять в Африку медицинское оборудование. Так, защитные маски, термометры и санитайзеры для мытья рук были направлены в мае 2020 г. Министерству образования Эфиопии. На церемонии вручения этих даров эфиопский министр образования заметил, что деятельность компании помогает укреплять партнерство между компанией Huawei, которая уже является ключевым поставщиком в Эфиопию телекоммуникационного оборудования, и Министерством образования Эфиопии. А Palm-рау, мобильная платежная система для Африки, получила помощь от главного, расположенного в Шэньчжэне, но ориентированного на Африку, производителя смартфонов Transsion и планирует организовать передачу недорогих и даже бесплатных гаджетов потребителям, заразившимся коронавирусом.

Китайское сотрудничество с Африкой не раз критиковали за то, что оно мало затрагивает гражданское обще-

ство. Сегодня китайские организации гражданского общества стали более многочисленными и активными в Африке, хотя они и слабо отвечают пока на COVID-19. Неправительственная организация, весьма энергично ответившая на пандемию, – Фонд Джека Ма, китайского миллиардера и основателя компании Alibaba Group, который отправил в дар странам Африки 1 млн наборов для тестирования, 6 млн масок и 60 тыс. комплектов защитной одежды. Второй дар, направленный Джеком Ма в Эфиопию в апреле, включал 500 вентиляторов и 200 тыс. комплектов защитной одежды. При этом было объявлено, что помощь получит каждая страна Африки, включая Эсватини – единственное африканское государство, сохранившее дипломатические отношения с Тайванем. Из Эфиопии материалы распространялись по другим странам континента, а президент страны Абий Ахмед Али контролировал этот процесс. Джек Ма – представитель бизнесменов нового типа, символизирующий большую открытость китайской помощи Африке.

На встрече с группой африканских и прибывших в Африку журналистов Госсекретарь США Майк Помпео сказал, что «ни одна страна не может соперничать с США в вопросе помощи Африке в борьбе против пандемии COVID-19». Комментируя заявление Помпео, корреспондент BBC Эндрю Хардинг заметил, что 170 млн долл. помощи Африке от Соединенных Штатов, которыми хвастался Помпео, уступают по масштабам дару одного китайского миллиардера Джека Ма⁹.

Ожидается, что к концу этого года или в начале следующего будет гото-

ва китайская вакцина от коронавируса, и ежегодно будет производиться 100–120 млн вакцин¹⁰. В выступлении на Специальном саммите по COVID-19 с участием африканских представителей Си Цзиньпин заявил, что африканцы в числе первых получают прививку вакциной от этого заболевания.

В Пекине 17 июня 2020 г. в режиме видеоконференции прошел Специальный саммит «Китай – Африка» по солидарности в борьбе с эпидемией COVID-19. В Саммите приняли участие председатель КНР Си Цзиньпин и руководители ряда африканских государств, в т. ч. стран – членов президиума Ассамблеи глав государств и правительств АС, лидеры стран, председательствующих в основных африканских субрегиональных организациях, и председатель Комиссии Африканского Союза, в т. ч. президент Южно-Африканской Республики Сирил Рамафоса, президент Республики Сенегал Маки Салл, а также президенты Египта, Демократической Республики Конго, Алжира, Габона, Кении, Мали, Нигера, Нигерии, Руанды, Зимбабве, премьер-министр Эфиопии и председатель Комиссии АС Мусса Факи Махамат. В качестве специальных гостей присутствовали Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш и Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Аданом Губреисус.

Председатель КНР Си Цзиньпин выступил на саммите с речью «Солидарность в борьбе с эпидемией для преодоления временных трудностей», где говорилось: «Китай и Африка перенесли тяжелые испытания. Африканский союз приложил усилия по координации и

9 Harding A. (2020) China–US Rivalry in Africa Fuelled by Coronavirus // BBC News, June 9, 2020 // <https://www.bbc.com/news/world-africa-52966148>, дата обращения 15.10.2020.

10 Prognosis U.S.Quit WHO, Vaccine Progress in China \$ Virus Update (2020) // Bloomberg News, May 30, 2020 // дата обращения 15.10.2020.

принятию решительных мер для эффективного смягчения эпидемической ситуации. Китай и Африка поддерживают друг друга и сражаются плечом к плечу. В самое трудное для Китая время в борьбе с эпидемией Африка оказала нам ценную поддержку, и мы всегда будем помнить об этом. После вспышки эпидемии в Африке Китай поспешил на помощь и твердо поддержал африканский народ. Китай очень дорожит устоявшейся китайско-африканской дружбой и независимо от того, как будут меняться международные отношения, решимость Китая укреплять солидарность и сотрудничество с Африкой не будет поколеблена». Си заявил также, что Китай продолжит совместную с Африкой борьбу с COVID-19 и в рамках этой борьбы досрочно приступит к строительству в Аддис-Абебе (Эфиопия) штаб-квартиры Африканского Союза по контролю и профилактике заболеваний, а также реализует проект строительства китайско-африканского Госпиталя дружбы; продолжится и практика сотрудничества между китайскими и африканскими больницами (20+20) [Си Цзиньпин выступил с предложениями 2020]. Си Цзиньпин также призвал ускорить подготовку к предстоящему в 2021 г. саммиту Форума китайско-африканского сотрудничества, на котором будет отдан приоритет сотрудничеству в сфере здравоохранения, спасению жизней людей и восстановлению экономики.

«Ложка дегтя»: взаимные обвинения в условиях COVID-19

Как отмечалось выше, в марте Алжир стал первой страной Африки, куда были направлены китайские вирусологи, и алжирцы с благодарностью приняли китайскую помощь, но так было отнюдь не везде. В ряде стран Пекин обвинили в распространении вируса, в част-

ности, сотрудниками работающих в Африке китайских компаний, уезжавшими на родину на празднование китайского Нового года, а потом вернувшимися в Африку. Так, сообщалось, что вернувшиеся с родины сотрудники китайской компании, добывающей медь в г. Китве (Замбия), штаб-квартира которой расположена в эпицентре распространения вируса – Ухане, где находится и китайско-замбийский госпиталь, жаловались на кашель, но не были изолированы. Это дало повод для обвинений китайцев в распространении «уханьского вируса». В Гане в социальных сетях появлялись фейковые новости о том, что использование китайского оборудования привело к смерти пациентов. Наиболее серьезным нападкам подвергся Пекин в Нигерии. Нигерийское правительство, объявив, что китайская медицинская бригада из 18 человек прибудет в страну вместе с грузом медикаментов для борьбы с коронавирусом, подверглось резкой критике со стороны медицинских и других профессиональных ассоциаций. Последние выступили против решения министра здравоохранения Осаги Эханире пригласить китайцев, ссылаясь на опыт Италии, где вспышка COVID-19 привела к множеству смертей якобы после прибытия в страну китайских врачей. В социальных сетях Нигерии распространялись слухи о том, что медицинское оборудование, прибывшее из Китая, заражено вирусом. И Нигерия была не одинока в стремлении опорочить китайскую помощь [Kwasi Gyambi Asiedu 2020].

И все же слова благодарности в адрес Китая за помощь в борьбе с эпидемией в Африке звучат намного чаще. Словами благодарности ответил, в частности, на медицинскую помощь, присланную Джеком Ма Африке, президент Эфиопии, получивший почетное право выступить распределяющим эту помощь по странам континента. В

своем обращении он сказал: «Спасибо Джек Ма и Алибаба групп за присылку материалов для защиты от первой волны COVID-19. Распространение присланных в дар медицинских изделий по странам континента начнется на следующий день» [Morgan 2020]. А директор детской больницы в Сенегале Mamme Fama Dieng Gaye выразила глубокую благодарность китайской бригаде, оказавшей больнице техническую и административную поддержку, обеспечив ее нормальную работу: «Я хочу использовать эту возможность, чтобы поблагодарить от имени сенегальского Министерства здравоохранения и социального обеспечения и от лица больницы за поддержку, которую мы получили от бригады техпомощи и китайского правительства»¹¹.

Достаточно серьезные инциденты расового характера, мишенью которых стали уже африканцы, произошли в разгар пандемии в Гуанчжоу – самом населенном африканскими мигрантами городе Китая. (По некоторым данным, там более 200 тыс. африканцев: это торговцы, бизнесмены, студенты.) По распоряжению китайских властей медицинские бригады провели поголовное тестирование африканцев на вирус. В результате, по словам руководителей местной африканской общины, подавляющее большинство африканцев оказалось в карантине или на улице, поскольку хозяева занимаемых ими жилищ предложили их покинуть, опасаясь заражения. Африканцы жаловались на «коронавирусную дискриминацию» и расизм, обвиняя китайские власти в том, что их приносят в жертву стремлению сохранить здоровым китайское население [Vincent 2020]. Африканцы Гуанчжоу организовали

группы в социальных сетях, где разместили фото людей, спящих на улице, и результаты тестов, свидетельствующие, что они не заражены. Китайское правительство опровергает слухи о расизме, настаивая на том, что все последние годы африканцы в Гуанчжоу встречали лояльное к себе отношение и успешно сотрудничали с местным населением в бизнесе. Власти Гуанчжоу открыли «горячую линию», куда могут обращаться иностранцы, испытывающие дискриминацию [Vincent 2020].

Китай намерен помочь африканской экономике

Первая волна пандемии оказала непосредственное влияние на китайскую экономику: экономические потери вследствие COVID-19 добавились к трудностям, переживаемым китайской экономикой в связи с ее спадом на протяжении последних лет. В январе-феврале 2020 г. ВВП КНР упал на 13%. Общая эффективность инвестиций заметно не улучшилась, а структурные проблемы остались серьезными. Экономический рост Китая оказался в стадии структурной трансформации и последовательного замедления из-за ограниченного денежного потока¹².

Госсовет КНР объявил о создании Координационного национального механизма для министерств, призванного помочь восстановлению бизнеса. Сообщалось, что китайское правительство планирует массивный стимулирующий пакет вложений для оживления национальной экономики.

Пандемия сказалась на масштабных внешнеполитических проектах Китая.

11 Chinese Community Provides Aid to Senegal's COVID-19 Fight (2020) // China Daily, June 29, 2020 // <https://www.chinadailyhk.com/article/135168>, дата обращения 15.10.2020.

12 Эксперт рассказал, сколько теряет экономика Китая из-за коронавируса (2020) // РИА Новости. 17 февраля 2020 // <https://ria.ru/20200217/1564854827.html>, дата обращения 15.10.2020.

Карантин, запрещение поездок для граждан КНР и другие ограничения негативно повлияли на планы правительства. Под ударом оказался мегапроект Пекина «Один пояс – один путь», призванный создать новую инфраструктуру во многих странах мира, но зависящий от массивных дешевых кредитов китайских банков, китайских поставщиков и рабочей силы. Более 130 стран установили ограничения на въезд китайских граждан, что затормозило участие китайских рабочих в реализации проектов, предусмотренных инициативой. Кризис нарушил цепочки поставок промышленных изделий, на которых держалось осуществление проектов. В первые два месяца года у Китая возник дефицит в торговле. Замедлилась судостроительная промышленность. Ухань, ставший эпицентром пандемии, ранее снабжал страны – партнеры Китая по проекту станками и другим оборудованием; объем работ в этом направлении также резко сократился [Lancaster, Rubin, Rapp-Hooper 2020].

Пандемия нанесла удар и по африканской экономике. Резко упали цены на африканский сырьевой экспорт. Только Нигерия потеряла от 14 до 19 млрд долл. доходов от экспорта нефти. Затормозились африканские транспортные проекты в рамках инициативы «Пояс-путь» в Африке. В 2019 г. был открыт участок длиной 470 км железной дороги Момбаса – Найроби. «Он работает, но не приносит прибыль, поскольку строительство уперлось в сонную деревню к западу от Найроби», – сообщало агентство Блумберг. Предполагалось, что дорога Момбаса – Найроби пойдет в Уганду, Руанду, Южный Судан, позволив соединить сеть железных дорог всю Восточную Африку. Однако Китай

не смог предоставить обещанное для завершения строительства финансирование. Чтобы продлить строительство, президент Кении Ухуру Кениатта дал согласие соединить построенную дорогу со старой узкоколейкой. Решила восстановить линию колониальной эпохи на своей стороне границы и Уганда, которой Пекин также задержал финансирование. Правительство Китая «затормозило планы внешней экспансии из-за собственных проблем с корпоративным долгом», – заявил экономист NKC African Economics Жак Нель¹³.

Китай, однако, прилагает усилия, чтобы активизировать работы по проекту «Пояс-путь». Выступая на Специальном саммите «Китай – Африка» по солидарности в борьбе с COVID-19, Си Цзиньпин обратил особое внимание на необходимость крепить сотрудничество в реализации этой инициативы. О серьезности таких намерений свидетельствует проведение министром иностранных дел КНР Ван И на следующий день после Специального саммита, 18 июня 2020 г., видеоконференции на высоком уровне «Один пояс – один путь» с участием министров иностранных дел или чиновников на уровне министров из 25 стран Африки, а также директора ВОЗ Тедроса Аданом Гебрейесуса и администратора Программы развития ООН Ахима Штайнера. В своей речи Ван И подчеркнул, что в настоящее время победа над эпидемией и восстановление экономики являются общими и неотложными задачами для всех стран, и Китай готов уделять приоритетное внимание укреплению связей и координации действий с партнерами в рамках инициативы «Один пояс – один путь», включая поддержку всех стран в борьбе с эпидемией и восстановлении

13 Китай построил в Кении железную дорогу в никуда (2019) // Вести. Экономика. 19 июля 2019 // <https://news.rambler.ru/other/42526296-kitay-postroil-v-kenii-zheleznuyu-dorogu-v-nikuda/>, дата обращения 20.10.2020.

экономического и социального развития. Ахим Штайнер, выступая от имени генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, отметил, что Китай играет все более важную роль в повестке дня о продолжительном развитии в глобальном масштабе. ООН придает большое значение реализации инициативы «Один пояс – один путь» и также готова укрепить сотрудничество с ее участниками. Тедрос Аданом Гебрейесус заявил, что ВОЗ высоко оценила действия Китая в области глобального противоэпидемического сотрудничества, предоставления помощи нуждающимся странам. В нынешней ситуации инициатива создания сообщества здравоохранения и здоровья, выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином, имеет большое значение. Совместная реализация инициативы «Один пояс – один путь» может внести активный вклад в эту работу. ВОЗ всесторонне поддерживает создание «Здорового Шелкового пути» и «Зеленого Шелкового пути». По итогам встречи была опубликована совместная декларация видеоконференции высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [Ван И возглавил работу конференции 2020].

Что касается продвижения данной инициативы, то Китайский банк развития (China Development Bank) вызвался поддержать пострадавшие от пандемии компании, заявив, что предоставит под низкий процент займы тем, кто работает по проекту. Но будет ли эта поддержка оказана только китайским компаниям или коснется также африканских, пока неясно. Так или иначе, потребуется время, чтобы получить эффект от этих мер. В марте 2020 г. около 60% мелких и средних китайских компаний возобновили операции. В целом же реализация проектов BRI и восстановление цепочек снабжения зависят не только от эффективности борьбы

Китая с вирусом, но и от скорости его экономического восстановления [Lancaster, Rubin, Rapp-Hooper 2020].

Сообщалось также, что китайские предприятия за первые четыре месяца 2020 г. инвестировали 4,2 млрд долл. в 52 страны – участницы инициативы, что на 11,7% больше, чем за тот же период 2019 г., а общий объем прямых инвестиций в экономики стран – участников проекта в 2020 г. превысит 25 млрд долл., что вдвое больше, чем в 2014 г. Хотя и незначительно, но все же вырос и объем торговли Китая со странами вдоль «пути» – на 0,9% [Гао Цяо 2020].

Чтобы помочь Африке преодолеть экономические последствия пандемии, Китай обязался в рамках ФОКАК списать долги, подлежащие выплатам в конце 2020 г. Он также обязался сотрудничать с международным сообществом в вопросе оказания большей поддержки, например, путем продления льготного периода выплаты долга странам, особенно пострадавшим от COVID-19 и находящимся в тяжелом финансовом положении. В частности, он предполагает работать со странами «двадцатки» над выполнением G20's Debt Service Suspension Initiative (DSSI) в отношении стран Африки, выражая надежду, что развитые страны и международные финансовые институты будут действовать более решительно в вопросе списания долгов странам Африки.

Список литературы

Абрамова И.О. (2020) Россия и Китай в Африке: конкуренты или партнеры? // Азия и Африка сегодня. № 9. С. 4–9. DOI: 10.31857/S032150750010853-0

Ван И возглавил работу конференции высокого уровня по международному сотрудничеству «Один пояс – один путь» (2020) // Seldon News. 19 июня 2020 // <http://russian.cri.cn/>

news/homeList/380/20200619/490428.html, дата обращения 15.10.2020.

Вендик Ю. (2020) Коронавирус в Африке: ВОЗ призывает готовиться к худшему // BBC. Русская служба. 30 марта 2020 // <https://www.bbc.com/russian/features-52092242>, дата обращения 15.10.2020.

Гао Цяо (2020) Страны-партнеры вместе строят «Шелковый путь здоровья» // Российская газета. 25 марта 2020 // <https://rg.ru/2020/05/25/odin-poiias-odin-pup-stimuliruet-razvitie-mirovoj-ekonomiki.html>, дата обращения 15.10.2020.

Дейч Т.Л. (2017) Китай и Африка: сотрудничество в сфере здравоохранения // Денисова Т.С. (ред.) Традиционная и современная медицина в Африке. Сборник статей. М. Институт Африки РАН. С. 205–223.

Си Цзиньпин выступил с предложениями на Специальном саммите «Китай-Африка» по солидарности в борьбе с эпидемией COVID-19 (2020) // Синьхуа. 18 июня 2020 // http://russian.news.cn/2020-06/18/c_139147108.htm, дата обращения 15.10.2020.

Kurlantzick J. (2020) China and Coronavirus: From Home-Made Disaster to Global Mega-Opportunity // The Globalist. Rethinking Globalization, March 16, 2020 // <https://www.theglobalist.com/china-soft-power-coronavirus-covid19-pandemic-global-health/>, дата обращения 15.10.2020.

Kwasi Gyambi Asiedu (2020) China Wants to Help Africa Fight Coronavirus but not Everyone Is Welcoming // Yahoo Finance, April 8, 2020 // https://www.yahoo.com/news/china-wants-help-africa-fight-093850797.html?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly95YW5kZXgucnUv&guce_referrer_sig=AQAAAFpFIT5U-PQiqNLdG-MFSYp4qH0TF9vDVN3z4AhrJoWX-G2XpX7BDYTEE46cxrwRmhUus5F-GGMS8-JSSDyOteLt75SLMZJBF03pIvkLIYvBihZHk8qLZBn09S0Fcrb4dP-

pUw0GI3urm1VfBIeHizcRXGy81mRb-plOc2VH8gcSLc8vX, дата обращения 15.10.2020.

Lancaster K., Rubin M., Rapp-Hooper M. (2020) What the COVID-19 Pandemic May Mean for China's Belt and Road Initiative // The Council on Foreign Relations, March 17, 2020 // <https://www.cfr.org/blog/united-states-and-south-korea-are-unprepared-real-burden-sharing-negotiations>, дата обращения 15.10.2020.

Morgan P. (2020) The China Africa Project. Who Is Who in China's COVID-19 Diplomacy // The China Africa Project, June 11, 2020 // <https://chinaafricaproject.com/analysis/whos-who-in-chinas-covid-19-diplomacy/>, дата обращения 15.10.2020.

Olander E. (2020) China Sends Medical Teams to Africa as Part of New Stepped-up Aid Push // The China-Africa Project, April 6, 2020 // <https://chinaafricaproject.com/analysis/china-sends-medical-teams-to-africa-as-part-of-new-stepped-up-aid-push/>, дата обращения 15.10.2020.

Online Academic Conference of Integrated TCM and Western Medicine on Prevention and Treatment of COVID-19 (2020). Confucius Institute at University of Coimbra, Portugal.

The Forum on China-Africa Cooperation Johannesburg Action Plan (2016–2018) (2015) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, December 10, 2015 // https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1323159.shtml, дата обращения 15.10.2020.

Vincent D. (2020) Africans in China: We Face Coronavirus Discrimination // BBC News, April 17, 2020 // <https://www.bbc.com/news/world-africa-52309414>, дата обращения 15.10.2020.

Wang L., Bateman J. (2018) China Is Doing More than Building Roads in Africa. It's Also Curing Patients // The Diplomat, March 14, 2018 // <https://thediplomat.com/2018/03/chinas-medical-aid-in-africa/>, дата обращения 15.10.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-4

China and Africa in the Fight against COVID-19

Tatiana L. DEYCH

DSc in History, Leading Researcher, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001, Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation

E-mail: tdeich@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6745-9586

CITATION: Deych T.L. (2020) China and Africa in the Fight against COVID-19. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 57–72 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-4

Received: 16.08.2020.

ABSTRACT. *The article deals with the problem of China's medical assistance to African countries and, first of all, of its participation in the fight against the coronavirus pandemic on the continent. The author analyzes the features of Sino-African cooperation in the field of medicine as of important tool of Beijing's "soft power" policy. The role of both the state and Chinese companies and private businesses in this cooperation, as well as the role of classical and traditional Chinese medicine in the fight against diseases such as malaria, HIV - AIDS, and the Ebola epidemic in Africa, is considered. The article examines the factors that allowed Beijing to cope with the outbreak of the coronavirus pandemic in the country and to gain experience that has found application in the practice of Chinese assistance to African countries. The author analyzes the features of the COVID-19 pandemic on the African continent, where its spread is fraught with a serious threat. The focus is on the specifics of China's medical assistance to African countries in the fight against this threat: sending medicines and protective equipment, doctors and medical personnel, and*

building and refurbishing hospitals. At the same time, the article analyzes the problem of eliminating the economic consequences of the pandemic for Africa and China's participation in the recovery of the African economy, as well as the role that the global Chinese project "One belt, one road" is intended to play in these processes.

KEY WORDS: *China, Africa, COVID-19, medicine, aid, cooperation, medicines, hospitals, economy, "One belt-one road"*

References

Abramova I. (2020) Russia and China in Africa: Competitors or Partners? *Asia and Africa Today*, no 9, pp. 4–9 (In Russian). DOI: 10.31857/S032150750010853-0

Deych T.L. (2017) China and Africa: Cooperation in Healthcare. *Traditional and Modern Medicine in Africa. Collected Papers* (ed. Denisova T.S.), Moscow: Institute for African Studies RAS, pp. 205–223 (in Russian).

Gao Tsjaio (2020) Countries-partners Are Building a "Silk Road of the Health".

Rossiyskaya gazeta, May 25, 2020. Available at: <https://rg.ru/2020/05/25/odin-poi-as-odin-put-stimuliruet-razvitie-mirovoj-ekonomiki.html>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Kurlantzick J. (2020) China and Coronavirus: From Home-Made Disaster to Global Mega-Opportunity. *The Globalist. Rethinking Globalization*, March 16, 2020. Available at: <https://www.theglobalist.com/china-soft-power-coronavirus-covid19-pandemic-global-health/>, accessed 15.10.2020.

Kwasi Gyambi Asiedu (2020) China Wants to Help Africa Fight Corona-virus but not Everyone Is Welcoming. *Yahoo Finance*, April 8, 2020. Available at: https://www.yahoo.com/news/china-wants-help-africa-fight-093850797.html?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly95YW5kZXgucnUv&guce_referrer_sig=AQAAAFpFIT5U-PQiQNLdG-MFSYp4qH0TF9vDVN3z4AHRJoWX-G2XpX7BDYTEE46cxrwRmhUus5F-GGMS8-JSSDyOteLt75SLMZJBF03pIv-kLIYvBihZHK8qLZBn09S0Fcrb4dPpUw0GI3urm1VfBIeHizcRXGy81mRb-plOc2VH8gcSLc8vX, accessed 15.10.2020.

Lancaster K., Rubin M., Rapp-Hooper M. (2020) What the COVID-19 Pandemic May Mean for China's Belt and Road Initiative. *The Council on Foreign Relations*, March 17, 2020. Available at: <https://www.cfr.org/blog/united-states-and-south-korea-are-unprepared-real-burden-sharing-negotiations>, accessed 15.10.2020.

Morgan P. (2020) The China Africa Project. Who Is Who in China's COVID-19 Diplomacy. *The China Africa Project*, June 11, 2020. Available at: <https://chinaafricaproject.com/analysis/whos-who-in-chinas-covid-19-diplomacy/>, accessed 15.10.2020.

Olander E. (2020) China Sends Medical Teams to Africa as Part of New Stepped-up

Aid Push. *The China-Africa Project*, April 6, 2020. Available at: <https://chinaafricaproject.com/analysis/china-sends-medical-teams-to-africa-as-part-of-new-stepped-up-aid-push/>, accessed 15.10.2020.

Online Academic Conference of Integrated TCM and Western Medicine on Prevention and Treatment of COVID-19 (2020). Confucius Institute at University of Coimbra.

The Forum on China-Africa Cooperation Johannesburg Action Plan (2016–2018) (2015). *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*, December 10, 2015. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1323159.shtml, accessed 15.10.2020.

Vendic Y. (2020) Coronavirus in Africa. WHO Calls to Get Ready to Worst. *BBC Russian Service*, March 30, 2020. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-52092242>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Vincent D. (2020) Africans in China: We Face Coronavirus Discrimination. *BBC News*, April 17, 2020. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-africa-52309414>, accessed 15.10.2020.

Wang L., Bateman J. (2018) China Is Doing More than Building Roads in Africa. It's Also Curing Patients. *The Diplomat*, March 14, 2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/03/chinas-medical-aid-in-africa/>, accessed 15.10.2020.

Wang Yi Led the Work of the High-level Conference on International Cooperation (2020). *Seldon News*, June 19, 2020. Available at: <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20200619/490428.html>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Xi Jinping Made Suggestions at the Extraordinary China-Africa Summit On Solidarity Against COVID-19 (2020). *Xinhua*, June 18, 2020. Available at: http://russian.news.cn/2020-06/18/c_139147108.htm, accessed 15.10.2020 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-5

Латинская Америка: дорога к коронакризису

Наиля Магитовна ЯКОВЛЕВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр политических исследований

Институт Латинской Америки РАН, 115035, ул. Б. Ордынка, д. 21/16, Москва, Российская Федерация

E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1707-6901

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ

доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований

Институт Латинской Америки РАН, 115035, ул. Б. Ордынка, д. 21/16, Москва, Российская Федерация;

профессор

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 117997,

Стремянный пер., д. 36, Москва, Российская Федерация

E-mail: petr.p.yakovlev@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0751-8278

ЦИТИРОВАНИЕ: Яковлева Н.М., Яковлев П.П. (2020) Латинская Америка: дорога к коронакризису // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 73–93. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-5

Статья поступила в редакцию 28.09.2020.

АННОТАЦИЯ. Среди всех регионов мира Латинская Америка оказалась в максимальной степени уязвимой к распространению коронавирусной эпидемии. Пандемия COVID-19 не только обнажила слабые места национальных систем здравоохранения, но и послужила катализатором кризисных социально-экономических явлений, развивавшихся в регионе в последнее десятилетие. Удар, который нанесла пандемия по Латинской Америке, должен послужить наглядным уроком и мотивировать местный политический и деловой истеблишмент на существенную корректировку содержания региональной стратегии развития. Логично, на наш взгляд, поставить вопрос о переосмыслении роли государства

в общественной жизни, выработке современной, отвечающей требованиям момента, латиноамериканской концепции эпидемиологической и социально-экономической безопасности. В постковидный период в центр общественного внимания и целенаправленных государственных усилий выдвигаются задачи радикального улучшения здравоохранения на основе приоритетного развития тех отраслей экономики, которые способны обеспечить хозяйственную диверсификацию и, как следствие, повышение уровня кризисоустойчивости латиноамериканских государств. Речь, в первую очередь, должна идти об обрабатывающей промышленности, включая производство широкого спектра медицинских препаратов и

оборудования, а также о секторах, обеспечивающих развитие и модернизацию социально-экономической инфраструктуры: коммунальном хозяйстве, транспорте, альтернативной энергетике, телекоммуникациях. В области международных отношений ощутимо повысилась значимость сотрудничества с теми государствами, которые стали пионерами в разработке вакцин от коронавируса COVID-19. В данном контексте следует упомянуть тот интерес, который вызвала в Латинской Америке регистрация в Российской Федерации первой отечественной вакцины «Спутник V».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пандемия, Латинская Америка, эпицентр, динамика распространения, региональные особенности, страновые кейсы, правительственные меры, экономические, социальные и политические последствия, международный аспект

К началу сентября 2020 г. Латинская Америка (или Латино-Карибская Америка – ЛКА) установила печальный мировой рекорд: число инфицированных коронавирусом SARS-CoV-2 в регионе перешагнуло символическую отметку в 7 млн человек. Под влиянием эффектов пандемии латиноамериканские страны не только заняли верхние строчки в списках государств, население которых подверглось заражению коронавирусом, но и втянулись в воронку самого глубокого социально-экономического кризиса за последние 100 лет.

Распространение пандемии и реакция властей

После того, как мир узнал о пандемии COVID-19, восприятие этого беспрецедентного бедствия в странах Латинской Америки и реакция на нее властей предрежающих неоднократно меня-

лись. На первом этапе – традиционного «латиноамериканского легкомыслия» (март 2020 г.) – наблюдалась недооценка опасности заболевания, масштаба и скорости распространения коронавируса, на втором этапе – «чрезмерного оптимизма» – воцарилась уверенность, что ситуация в регионе находится под контролем, в т. ч. из-за географической удаленности от очага инфекции и полуженной временной форы. Учитывался и тот факт, что в большинстве стран были приняты превентивные меры, основанные на опыте азиатских и европейских государств [Malamud, Núñez 2020].

Действительно, еще в марте-апреле обстановка в ЛКА была вполне терпимой в сравнении с другими районами мира. По данным Университета Джона Хопкинса, с марта по май 2020 г. 1-е место по числу зараженных прочно удерживали европейские страны, в то время как латиноамериканский регион явно отставал по темпам распространения COVID-19. Однако уже в конце мая ВОЗ забила тревогу из-за резкого увеличения числа зараженных в Южной Америке, к июню пандемия охватила Мексику. В результате Латинская Америка в считанные недели превратилась в эпицентр бедствия, «вырвалась вперед» по динамике главных пандемических показателей [Coronavirus Resource Center 2020].

По мере наступления коронавируса и его распространения в ЛКА образовались субрегиональные зоны, где количество зараженных увеличивалось особенно стремительно. Региональное лидерство сразу захватила Бразилия и уже никому его не уступала. В конце мая – начале июня ситуация стала обостряться в Перу, Чили и Мексике. Постепенно к «лидерам» стали подтягиваться и другие государства: Эквадор, Колумбия, Аргентина и Боливия в Южной Америке, Гватемала и Гондурас – в Центральной. Общая числен-

ность зараженных коронавирусом в регионе к 15 августа 2020 г. составила около 6 млн человек, или 28,2% от общемировых данных. По этому показателю Латино-Карибская Америка далеко опередила Азию, Африку и Европу.

Еще в середине июля четыре латиноамериканские страны оказались в первой мировой десятке по числу инфицированных, а через месяц их ста-

ло уже пять. При этом главный очаг зараженности находился в Южной Америке (суммарно 4,9 млн человек, или 90,7%) (см. табл. 1).

Следует признать, что руководство латиноамериканских стран использовало большое разнообразие мер, направленных на борьбу с распространением пандемии. Жесткий карантин или чрезвычайное положение были

Таблица 1. Динамика количества зараженных коронавирусом в ЛКА

Table 1. Dynamics of the number of people infected with coronavirus in Latin-Caribbean America

Страна	15.03.2020	15.06.2020	15.08.2020	Рост 15.03– 15.08.2020 (кол-во раз)	Место в мире на 15.08.2020
Аргентина	34	30 295	282 437	8 307	15
Боливия	10	17 842	97 950	9 795	28
Бразилия	151	850 514	3 275 520	21 692	2
Венесуэла	2	2 904	31 381	15 690	60
Гаити	0	4 165	7 831	7 831	83
Гватемала	1	9 491	61 428	61 428	43
Гондурас	2	8 455	49 467	24 733	48
Доминиканская Республика	11	22 572	84 488	7 681	33
Колумбия	16	46 994	445 111	27 819	8
Коста-Рика	26	1 662	26 931	1 036	66
Куба	4	2 238	3 229	807	105
Мексика	15	142 690	511 369	34 091	7
Никарагуа	2	1 464	4 115	2 057	98
Панама	36	20 059	79 402	2 206	36
Парагвай	6	1 261	9 022	1 504	77
Перу	38	220 749	516 296	13 587	6
Сальвадор	0	3 603	22 314	22 314	70
Уругвай	4	847	1 421	355	127
Чили	3	167 355	382 111	127 370	9
Эквадор	26	46 356	99 409	3 823	27
ВСЕГО:	387	1 601 516	5 991 232	15 481	1

Источник: [Coronavirus Resource Center 2020].

введены в Перу, Парагвае, Аргентине, Колумбии, Эквадоре, Боливии, Сальвадоре. В Чили и на Кубе власти приняли решение о частичном ограничении свободы передвижения и деятельности предприятий (*lockdown*), в Уругвае и Коста-Рике население предупредило о необходимости соблюдения новых правил «социального поведения». В трех странах – Бразилии, Мексике и Никарагуа – главы государств поначалу отказывались предпринимать какие-либо шаги в связи с пандемией. Следствием недооценки возникшей опасности стало впечатляющее количество летальных исходов.

Однако и в странах, где были приняты вполне адекватные меры предосторожности, рост числа летальных исходов остановить не удалось. Более того, в целом ряде случаев их количество росло опережающими темпами. В Колумбии они возросли в 8,9 раза; в Сальвадоре – в 7,4 раза; в Боливии – в 6,7 раза, в Аргентине – в 6,8 раза (см. табл. 2). К середине августа среди тридцати стран с самой высокой смертностью от SARS-CoV-2 находились Бразилия (2-е место), Мексика (3-е), Перу (9-е), Колумбия (12-е), Чили (14-е), Эквадор (20-е), Аргентина (25-е) и Боливия (28-е место). Суммарно количество умерших

Таблица 2. Динамика смертности от коронавируса с июня по август 2020 г.

Table 2. Dynamics of coronavirus deaths from June to August 2020

Страна	Летальные исходы		Рост (количество раз)
	15.06.2020	15.08.2020	
Аргентина	815	5 565	6,8
Боливия	585	3 939	6,7
Бразилия	42 720	106 523	2,5
Венесуэла	24	266	11,1
Гаити	70	196	2,8
Гватемала	367	2 341	6,4
Гондурас	310	1 548	5,0
Доминиканская Республика	577	1 409	2,4
Колумбия	1 623	14 492	8,9
Коста-Рика	12	281	23,4
Куба	84	88	1,0
Мексика	16 872	55 908	3,3
Никарагуа	55	128	2,3
Панама	429	1 734	4,0
Парагвай	11	108	9,8
Перу	6308	25856	4,1
Сальвадор	72	595	7,4
Уругвай	23	38	1,7
Чили	3101	10340	3,2
Эквадор	3874	6030	1,6
ВСЕГО	77932	237385	3,0

Источник: [Coronavirus Resource Center 2020].

в этих восьми государствах ЛКА составило 228,7 тыс., или без малого 30% от мирового показателя (766,5 тыс.) [Coronavirus Resource Center 2020].

Относительного успеха в сдерживании распространения коронавируса удалось достичь Уругваю, Коста-Рике и Парагваю, что подтвердило географическое, культурное, политическое и экономическое многообразие государств ЛКА. Трудно найти общий знаменатель успеха или неудач в борьбе с коронавирусом, также как сложно оценивать принятые антиковидные меры из-за вероятности проявления отложенных эффектов. В частности, страны региона пока заметно отстают по общему количеству проведенных тестов и такому важному показателю, как число тестов на 1 млн человек, что чревато увеличением числа реально зараженных [Number of Tests 2020].

К тому же распространение коронавируса существенно растянуто во времени и пространстве, а эффективность начальных строгих решений, принимаемых властями, может сводиться на нет дальнейшей нерешительностью действий и коллапсом систем жизнеобеспечения. Например, правительство Аргентины еще в марте 2020 г. приняло, казалось, самые жесткие меры, но не смогло предотвратить пика заражений SARS-CoV-2 сначала в столице, а впоследствии в густо населенной провинции Буэнос-Айрес, после чего вирус распространился на всю страну. Сильный продолжительный карантин, введенный аргентинскими властями, не предотвратил нарастания количества зараженных и не улучшил статистику смертности. В середине августа Аргентина заняла 15-е место в мире по первому показателю, а вместе с Перу, Колумбией, Эквадором и Венесуэлой вошла в число государств ЛКА с восходящей траекторией числа инфицированных коронавирусом.

В ряде стран достоверность предоставленных правительствами статистических данных подвергалась сомнению как политической оппозицией, так и в экспертном сообществе. Это касалось в первую очередь Венесуэлы и Никарагуа. Например, режим Даниэля Ортеги в Никарагуа подозревался в сокрытии реального числа больных, погибших от коронавируса, и их тайных захоронениях. Если по официальной правительственной статистике в начале августа в стране было 123 смертельных исхода, то по данным критиков режима – 2 591, или в 21 (!) раз больше [La oposición al régimen de Daniel Ortega 2020]. В свою очередь, оппозиция в Венесуэле считала цифры, предоставленные правительством Николаса Мадуро заниженными вдвое, недоверие к ним неоднократно высказывала и международная организация *Human Right Watch*, так что венесуэльским властям в конечном счете пришлось подкорректировать статистику [La oposición denunció 2020].

Оппозиционные силы в Аргентине и Бразилии также подозревали власти в занижении или «лукавом» подсчете числа летальных исходов. Да и сами власти признавали, что в некоторых «серых зонах», таких как Патагония в Аргентине, районы фавел и Амазония в Бразилии, произвести более или менее точные подсчеты чрезвычайно трудно, а иногда просто невозможно. «Официальные цифры не могут передать весь масштаб кризиса..., а рассказы представителей похоронных служб, медицинского персонала и следования ученых наводят на мысль, что от последствий вируса скончалось намного больше людей, чем объявлено», – писал немецкий журнал *Der Spiegel* [Sarovic 2020]. С каждым месяцем растущее число стран Латинской Америки оказывалось в силовом поле «вирусного апокалипсиса», и выхода из этого положения не просматривалось. В чем

были причины столь удручающих результатов?

К началу 2020 г. регион оказался в состоянии системного кризиса, главными составляющими которого стали затянувшаяся экономическая рецессия, социальный застой, острые политические конфликты, а зримым выражением – повышение градуса общественно-го напряжения и рост гражданского активизма, когда по многим странам ЛКА прокатилась мощная волна массовых протестов [Яковлев, Яковлева (1) 2020]. Системный кризис, безусловно, подготовил почву для широкого распространения пандемии, но нельзя сбрасывать со счетов и сложившиеся цивилизационные особенности латиноамериканских народов, их поведенческие стереотипы, культурные традиции и бытовые (вплоть до гигиенических) привычки и навыки. Нередко серьезно вредила делу и до боли знакомая своего рода «российско-латиноамериканская бо-

лезнь», когда нарочитая внешняя строгость принимаемых мер, включая массовый и самый продолжительный в мире карантин и почти тотальный экономический локдаун, с лихвой компенсировалась фактической необязательностью их соблюдения большей частью населения. В результате распространение случаев заражения коронавирусом (а главное – рост числа смертельных исходов) не было своевременно взято под эффективный контроль и остановлено [Яковлев, Яковлева (2) 2020].

Но главное – пандемия высветила недостаточную подготовленность систем здравоохранения ЛКА к подобным масштабным вызовам. Более того, можно говорить о санитарном кризисе, вызванном эпидемией COVID-19. Тяжелому испытанию подверглись все сферы жизнеобеспечения людей, но в первую очередь экстремальные нагрузки легли на инфраструктуру, задействованную в выявлении зараженных

Таблица 3. Страны мира с наибольшим числом зараженных и умерших (на 1 млн человек, на 15.08.2020)

Table 3. Countries with the highest number of infected and dead (by 1 million people, as of 15.08.2020)

	Страна	Число зараженных		Страна	Число умерших
	Весь мир	2 721		Весь мир	98
1	Катар	39 753	1	Сан-Марино	1 238
2	Бахрейн	27 064	2	Бельгия	847
3	Сан-Марино	20 921	3	Перу	784
4	Чили	19 989	4	Андорра	686
5	Панама	18 402	5	Испания	612
6	Кувейт	17 605	6	Великобритания	609
7	Оман	16 203	7	Италия	583
8	США	16 051	8	Швеция	573
9	Перу	15 659	9	Чили	541
10	Бразилия	15 410	10	США	509

Источник: данные [European Centre 2020].

и лечении больных коронавирусом, а также на сферу ритуальных услуг, вызвав в отдельных городах коллапс в работе похоронных служб (например, в Эквадоре и Перу).

Ситуация выглядит несколько лучше, если представить статистику по числу инфицированных и умерших не в абсолютных числах, а по данным на 1 млн человек. Но даже в этом случае в первой мировой десятке по числу инфицированных фигурировали четыре страны ЛКА (Чили, Панама, Перу и Бразилия), а по числу умерших – две (Перу и Чили) (см. табл. 3). При этом надо учитывать сказанное выше о сомнительности предоставляемых в международных центрах официальных данных некоторых латиноамериканских государств.

Во второй половине августа, когда в отдельных районах Азии и Европы начиналась вторая волна заражений, в Ла-

тинской Америке власти ослабили карантинные меры. Результат не заставил себя долго ждать: если 15 августа среди государств с наибольшим числом зараженных находились Бразилия, Перу, Мексика, Колумбия и Чили (совокупно – 5 130 тыс. человек), то к 1 сентября ситуация осложнилась еще больше – количество инфицированных увеличилось на 620 тыс. и составило почти 5 750 тыс. человек (см. табл. 4). К перенаселенным странам быстрыми темпами приближалась Аргентина, которая вошла в первую десятку, потеснив Чили.

Кроме того, среди двадцати государств мира с наибольшей смертностью от коронавируса 1 сентября фигурировали шесть латиноамериканских стран, в которых умерло свыше 254 тыс. человек, в то время как всего в ЛКА – более 277 тыс. человек (см. табл. 5). По этому показателю регион оказался безусловным мировым лидером.

Таблица 4. 10 стран мира с наибольшим числом заражений (в абсолютных числах)
Table 4. 10 countries with the highest number of infections (in absolute numbers)

№	Страна	Кол-во зараженных на 15.08.2020	В % от общего числа зараженных в мире	№	Страна	Кол-во зараженных на 01.09.2020	В % от общего числа зараженных в мире
Весь мир		21 243 513	100,0	Весь мир		25 572 216	100,0
1	США	5 316 637	25,0	1	США	6 045 064	23,6
2	Бразилия	3 275 520	15,4	2	Бразилия	3 908 272	15,3
3	Индия	2 525 922	11,9	3	Индия	3 691 166	14,4
4	Россия	915 808	4,3	4	Россия	997 072	3,9
5	ЮАР	579 140	2,7	5	Перу	627 041	2,5
6	Перу	516 296	2,4	6	ЮАР	627 041	2,5
7	Мексика	511 369	2,4	7	Колумбия	615 094	2,4
8	Колумбия	445 111	2,1	8	Мексика	599 560	2,3
9	Чили	382 111	1,8	9	Испания	470 973	1,8
10	Испания	342 813	1,6	10	Аргентина	417 735	1,6

Источник: [Coronavirus Resource Center 2020].

В середине сентября эпидемиологическое положение региона оставалось тяжелым. Оно может усугубиться в случае, если будет реализовано масштабное тестирование на коронавирус. Как уже отмечалось, по количеству проведенных тестов на 1 млн населения страны ЛКА серьезно отстают от лидеров тестирования. Это означает, что в мировые «антилидеры» могут выдвигаться страны, до сих пор не фигурировавшие в качестве наиболее затронутых пандемией, как, например, Аруба, или не входившие в десятку государств мира с наибольшим числом зараженных и умерших, в частности, Боливия, Бразилия и Эквадор (см. табл. 6).

При сравнении данных таблиц 3 и 6 бросается в глаза, что, в отличие от некоторых европейских стран, где показатель смертности за месяц не изменился (Сан-Марино, Андорра) или изменился незначительно (Бельгия, Испания, Великобритания), в Латинской Америке

произошли существенные подвижки к худшему. По количеству зараженных и умерших на 1 млн человек в мировую десятку вошли уже 5 стран ЛКА.

В эпицентре пандемии: парадигмальные страновые кейсы

Рассмотрим более детально эпидемиологическую ситуацию в латиноамериканских странах, входивших в первую мировую десятку по числу зараженных коронавирусом и в первую пятерку в регионе по абсолютным показателям. За исключением Мексики, это страны Южной Америки.

БРАЗИЛИЯ

Население Бразилии (210 млн человек) стало заложником ошибочного, если не сказать безответственного, отношения властей к борьбе с коронави

Таблица 5. Страны ЛКА с наибольшим числом летальных исходов от коронавируса (на 01.09.2020)

Table 5. Latin-Caribbean countries with the highest number of deaths from coronavirus (as of 01.09.2020)

Страна	Число летальных исходов	В % от общего числа умерших в мире	Место в мире
Весь мир	852 405	100,0	–
Латинская Америка	277 272	32,5	1
<i>в том числе:</i>			
Бразилия	121 381	14,2	2
Мексика	64 414	7,6	4
Перу	28 944	3,4	9
Колумбия	19 662	2,3	11
Чили	11 321	1,3	14
Аргентина	8 730	1,0	18
Всего шесть стран	254 452	29,8	–

Источник: данные [Coronavirus Resource Center 2020].

русом [Neiburg 2020]. Президент Жаир Болсонару демонстрировал скепсис, называл пандемию «легким гриппом» и отказывался от введения всеобщего карантина. Лишь в конце марта губернаторы крупнейших штатов Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, разобравшись (хотя и с опозданием) с ситуацией, объявили частичный карантин, но окончательное решение переложили на мэров городов. За свое поведение бразильский президент подвергался суровой критике в стране и мире, однако полностью ее игнорировал. Из-за несоблюдения правил безопасности сам Ж. Болсонару, первая леди и шесть министров правительства переболели коронавирусом, но это не изменило отношения главы государства к пандемии. Первый случай был зафиксирован в феврале, когда проходили парады школ самбы и уличные вечеринки, но традиционный карнавал не был отменен. Первыми пострадали крупнейшие центры – Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу,

затем эпидемия охватила и другие районы, где наблюдалась большая скученность населения и отсутствие современных бытовых условий. Это явилось идеальной средой для распространения COVID-19. В итоге Бразилия закрепилась на 2-м месте в мире после США по количеству заболевших и умерших (до сентября, когда ее обошла Индия) и лидировала в регионе вместе с Перу и Чили по количеству смертей на 100 тыс. человек.

МЕКСИКА

Похожую недалёковидную тактику борьбы с коронавирусом поначалу выбрало правительство Мексики, встав на путь эксперимента по выработке своего рода коллективного иммунитета. Опираясь на опыт борьбы со «свиным» гриппом, или гриппом А (H1N1), пережитым страной в 2009 г., президент Андрес Мануэль Лопес Обрадор отказывался от принятия чрезвычайных мер и отрицал необходимость введения ка-

Таблица 6. Страны мира с наибольшим числом зараженных и умерших (на 1 млн человек, на 15.09.2020)

Table 6. Countries with the highest number of infected and dead (per 1 million people, as of 15.09.2020)

	Страна	Число зараженных		Страна	Число умерших
	Весь мир	3 760		Весь мир	119
1	Катар	4 2337	1	Сан-Марино	1 238
2	Бахрейн	35 442	2	Перу	934
3	Аруба	28 661	3	Бельгия	857
4	Панама	23 682	4	Андорра	686
5	Чили	22 831	5	Испания	642
6	Кувейт	22 356	6	Боливия	633
7	Перу	22 257	7	Чили	628
8	Сан-Марино	21 274	8	Бразилия	621
9	Бразилия	20 444	9	Эквадор	619
10	США	19 803	10	Великобритания	613

Источник: данные [European Centre 2020].

рантина. Мексика и Никарагуа, единственные в регионе, не закрывали воздушных границ и не вводили меры по изоляции для приезжих. Тем не менее мексиканские власти были вынуждены пойти на ряд ограничений: был введен режим самоизоляции для людей старше 70 лет, прекращены занятия в учебных заведениях, а в апреле-мае на фоне широкого распространения эпидемии коронавируса глава государства отдал распоряжение о временном закрытии ряда предприятий и мест скопления людей. При этом карантин в Мексике официально не был введен, чтобы не ограничивать работу гигантского неформального сектора экономики и не оставлять миллионы мексиканцев без средств к существованию [Bravo Regidor, Beck, Iber 2020]. Принятых мер оказалось явно недостаточно, и они плохо соблюдались, подчеркивал Франсиско Гонсалес, профессор Университета Джонса Хопкинса, оценивая действия правительства Мексики [Coronavirus en México]. К тому же, по оценке ВОЗ, страна испытывала серьезный дефицит врачей и другого медицинского персонала [México]. Неудивительно, что Мексика вошла в первую мировую десятку по обоим показателям – числу зараженных коронавирусом и летальных исходов. Кроме того, Мексика возглавляла мировой антирейтинг стран с наибольшим количеством новых зараженных и умерших [Corona] и с наибольшим количеством жертв SARS-CoV-2 среди медперсонала [Coronavirus en México 2020].

ПЕРУ

В отличие от своих коллег в Бразилии и Мексике президент Перу Мартин Вискаarra объявил жесткий карантин и ввел чрезвычайное положение на всей территории страны еще в середине марта, а в начале июня в связи с неблагоприятной обстановкой продлил его

до конца сентября. Эти жесткие решения были дополнены комендантским часом и рядом других ограничений. За выполнением объявленных мер следила полиция [Pighi Bel, Horton 2020]. Однако результат борьбы с распространением коронавируса оказался не лучше, чем у «ковидных антилидеров» – Бразилии и Мексики. Более того, андская страна с населением в 32 млн человек перешла полумиллионный рубеж по количеству зараженных и по этому показателю опередила Мексику (с населением около 130 млн человек). Как и в других государствах региона, в Перу слабым звеном оказалась система здравоохранения, которая не справилась со стремительно возрастающим количеством больных коронавирусной инфекцией и по большей части перестала оказывать услуги пациентам с другими заболеваниями. Нехватка средств санитарной защиты и медицинского оборудования, во многом образовавшаяся из-за недофинансирования и несогласованности действий центральной и местных властей, привела к забастовкам врачей и другого персонала больниц. Плохой новостью оказалось массовое заражение детей и наличие летальных исходов в этой возрастной группе. От отчаяния люди верили самым экзотическим рецептам спасения. Так, губернатор региона Арекипа Эльмер Касерес в условиях переполненных клиник и высокой смертности предложил в качестве антидота потреблять в пищу мясо ламы и лечиться диоксидом хлора, а также выразил надежду на скорое получение спасительной российской вакцины [“Hay que consumir carne de llama” 2020].

КОЛУМБИЯ И ЧИЛИ

Колумбия и Чили также вошли в мировую десятку стран с наибольшим количеством инфицированных SARS-CoV-2. Как и в Перу, здесь были вве-

дены различные, но в целом адекватные ситуации ограничения, призванные воспрепятствовать распространению коронавируса. Согласно индексу строгости изоляционистских мер (*The Stringency Index of the severity of the lockdown measures*), оценивающему по 100-градусной шкале действия правил разных стран в условиях пандемии, Чили получила 89 из 100 пунктов, введя, пусть и не сразу, всеобщий карантин (для сравнения: у Колумбии – 87 пунктов, Бразилии – 72, Мексики – 70, России – 62 пункта). Кроме того, Чили захватила лидерство в регионе по числу реализованных тестов, тогда как Колумбия заняла 3-е место [Our World 2020]. В середине марта на всей национальной территории Колумбии президентским декретом был введен режим «экономического, социального и экологического чрезвычайного положения», который затем продлевался. По официальным данным, главный пандемический очаг находился в столице Боготе, но заражения коронавирусом были зафиксированы на всей территории, при этом больше всего летальных исходов приходилось на возрастную группу от 60 до 80 лет [Gobierno de Colombia 2020]. В обеих странах наблюдалась высокая смертность среди зараженных коронавирусом, по этому показателю они приблизились к первой мировой десятке. В Чили максимальная смертность пришлась на пациентов старшего возраста, но самый высокий процент зараженных наблюдался в возрастной группе от 20 до 40 лет. Очаг заражения, как и в других странах Латинской Америки, находился в столичном округе. Характерно, что чилийской системе здравоохранения, поначалу испытывавшей значительные трудности, со временем удалось приспособиться к ситуации, о чем свидетельствовали официальные данные по излечившим-

ся от коронавируса и последовательное снижение в мировом рейтинге зараженных и умерших.

Социально-экономические последствия пандемии

Согласно исследованию Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), в решающей степени из-за последствий коронавируса общерегиональный ВВП стран ЛКА в 2020 г. сократится на 9,1%, причем экономика южноамериканских государств (наиболее крупных и развитых) уменьшится на 9,4%, Центральной Америки и Мексики – на 8,4%, Карибского бассейна – на 7,9%. В документе этого престижного Think tank подчеркивалось, что «сжатие» экономической активности «отбросит» Латинскую Америку на десятилетие назад, поскольку объем ВВП по итогам 2020 г. будет равен аналогичному показателю за 2010 г. Большую тревогу в регионе вызвали и другие прогнозные оценки ЭКЛАК: прирост числа безработных с 26,1 до 44,1 млн человек (с 8,1 до 13,5% экономически активного населения), увеличение количества латиноамериканцев, живущих за чертой бедности, со 185,5 до 230,9 млн человек (с 29,9 до 37,3% населения ЛКА), а также зафиксированный наблюдателями рост неравномерности в распределении национального богатства, другими словами, углубление и без того вопиющего имущественного неравенства и обострение социальной несправедливости [Enfrentar los efectos cada vez mayores del COVID-19 2020].

В частности, в период с 18 марта по 12 июля 2020 г. (меньше чем за четыре месяца распространения коронавируса COVID-19), когда в регионе разорились или обеднели десятки миллионов человек, 73 латиноамериканских мульт-

тимиллионера увеличили личные состояния на 48,2 млрд долл. В Бразилии, например, 42 местных сверхбогача нарастили совокупные активы на 28% – со 123,1 до 157,1 млрд долл. (+34 млрд). «Великолепная семерка» чилийских миллиардеров стала богаче на 27% – с 21 до 26,7 млрд долл.; в такой же пропорции разбогатели аргентинские магнаты – с 8,8 до 11,2 млрд долл. В других странах обогащение было не таким шокирующим, но состояния местных богачей также увеличились. Колумбийских – с 13,7 до 14,1 млрд, перуанских – с 5,2 до 5,5 млрд, венесуэльских – с 3,4 до 3,5 млрд долл. [Latin American Billionaires Surg]. «Богатые в Латинской Америке обладают иммунитетом к пандемии и преумножают свои фортуны», – писал в этой связи и с долей горькой иронии влиятельный в регионе журнал деловых кругов *América Economía* [Los ricos “permanecen inmunes” 2020].

Удручающую картину финансово-экономического и социального положения дополнили разработки экспер-

тов известной международной неправительственной организации Oxfam International. По их оценкам, из-за эффектов коронавируса Латинская Америка в течение 2020 г. потеряет свыше 113 млрд долл. налоговых поступлений, что соответствует 59% агрегированных государственных расходов на здравоохранение. Заполнить эту глубокую бюджетную брешь можно единственным способом – введением эффективного контроля крупных доходов и ощутимым увеличением фискального давления на наиболее состоятельную часть латиноамериканского общества. Резервы для этого имеются и немалые, поскольку многие богатые и сверхбогатые граждане либо очень умело практически полностью уклоняются от уплаты налогов, либо платят их в минимальном размере. В результате реальные фискальные платежи самых состоятельных 10% населения в среднем не превышают 4,8% их доходов, а применяемые разнообразные налоговые ухищрения обходятся прави-

Таблица 7. Динамика глобальной торговли товарами (декабрь 2019 г. – май 2020 г., %)
 Table 7. Dynamics of global trade in goods (December 2019 – May 2020, %)

Группа стран, регион	Экспорт	Импорт
Весь мир	–18,3	–15,8
Развитые государства	–22,7	–15,8
Соединенные Штаты Америки	–30,8	–15,8
Япония	–22,1	–4,4
Государства зоны евро	–22,0	–16,6
Страны с формирующимися рынками	–12,8	–15,8
Страны Азии (без Китая)	–13,1	–17,2
Китай	–7,7	–13,8
Страны Восточной Европы и СНГ	–4,4	–13,4
Африка и Ближний Восток	–13,9	–2,5
Латино-Карибская Америка	–26,1	–27,4

Источник: данные [Los efectos del COVID-19 en el comercio internacional y la logística 2020].

тельствам ЛКА в 6,1% регионального ВВП. По мнению специалистов Oxfam International, данное обстоятельство недвусмысленно указывает на необходимость безотлагательного проведения в латиноамериканских странах налоговой реформы [Ruiz 2020].

Другая огромная «черная дыра» доходной части подавляющего большинства национальных бюджетов государств Латинской Америки – неформальный сектор региональной экономики. В нем, по имеющимся прикидкам (точной статистики нет и быть не может), в разных странах занято до 55% экономически активного населения. В условиях пандемии коронавируса плотные ряды латиноамериканских «неформалов» пополнились работниками, ранее занятыми в формальном секторе экономики и потерявшими свои рабочие места, что также осложнило финансовое положение стран региона.

Сильнейшим хозяйственным потрясением, вызванным пандемией COVID-19, явилось сворачивание внешнеторговых связей латиноамериканских государств. Конечно, можно сказать, что сокращение коснулось всей международной торговли, но разные страны и районы мира далеко не в одинаковой степени пережили падение внешнеторгового оборота.

Согласно данным табл. 7, в период с декабря 2019 г. по май 2020 г. мировой товарный экспорт уменьшился (по стоимости) на 18,3%, а импорт – на 15,8%, тогда как для Латинской Америки эти показатели были существенно более высокими: 26,1 и 27,4% соответственно, или, округляя, в 2 раза выше, чем в среднем у стран с формирующимися рынками (12,8 и 15,8%). По сути, в данном отношении регион ЛКА на пике распространения пандемии коронавируса пережил настоящий макроэкономический шок, поскольку не только лишился значительной доли валютных

поступлений от экспорта, но и не получил из-за рубежа многие необходимые ему потребительские товары и – самое главное – компоненты для предприятий глобальных цепочек стоимости, а также критически важное высокотехнологичное промышленное оборудование из США и Европейского союза.

Далеко не случайно в начале июня 2020 г. большая группа представителей политического и делового истеблишмента стран Латинской Америки солидарно выступила в пользу «безотлагательной реформы» Всемирной торговой организации, усмотрев в таком шаге способ ослабления негативного воздействия COVID-19 на международную (и латиноамериканскую) торговлю [Ramírez 2020].

Особенно глубокие провалы товарного экспорта ЛКА наблюдались в апреле-мае 2020 г. – сокращение на 29,5 и 37,1%. При этом характерно, что в максимальной степени уменьшился вывоз готовых изделий местных предприятий обрабатывающей промышленности (31,2 и 43,1%) и продукции стратегически важных сырьевых секторов, включая энергоносители (41,6 и 43,0%), тогда как поставки на внешние рынки сельскохозяйственных продуктов сократились значительно меньше – на 5,2 и 4,2% (см. табл. 8). Негативными долговременными последствиями такого положения дел могут стать следующие контрпродуктивные факторы: крайне нежелательное торможение в регионе процесса индустриализации и инноватизации экономики, сохранение большинства государств Латинской Америки в традиционной роли преимущественных поставщиков на мировой рынок продовольствия и сельскохозяйственного сырья, консервация сравнительно отсталых производственных структур, слабо связанных с современными технико-технологическими и научными достижениями.

25 мая 2020 г., в День Африки, генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш поздравил африканские страны не только с этим знаменательным праздником, но и с результатами целенаправленных совместных усилий в борьбе с пандемией коронавируса. Действительно, Африканский союз, объединяющий 55 государств «черного континента», буквально «на ходу» создал новые (или задействовал уже существовавшие) механизмы межгосударственного взаимодействия, учредил финансовые фонды ad hoc для поддержки групп населения, особо пострадавших от коронавируса, стимулировал эффективную координацию антикризисных действий на континентальном уровне и широкую мобилизацию иностранной помощи африканским странам в их усилиях по снижению эпидемиологических рисков распространения COVID-19. Другой ключевой целью panaфриканского сотрудничества явилось уменьшение (насколько это было возможно) негативного экономического воздействия коронавируса [COVID-19: African Union and APO Group 2020].

Во многом иная ситуация наблюдалась в Латинской Америке, где в последние годы чрезвычайно обострились политико-идеологические разногласия между государствами (взять, хотя бы, отношение разных стран к кризисным со-

бытиям в Венесуэле) икратно усилились националистические настроения и тенденции, ставшие барьером на пути дальнейшего углубления региональных объединительных процессов [Яковлев 2020]. Характерный момент: еще в 1902 г. (на 46 лет раньше учреждения ВОЗ) была создана Панамериканская организация здравоохранения (ПАОЗ), но, как показало знакомство с ее деятельностью в разгар пандемии коронавируса, роль ПАОЗ в деле противодействия распространению COVID-19 и координации национальных санитарных усилий стран региона в практическом плане была низко эффективной и, по большому счету, ограничивалась участием в подготовке совместно с ЭКЛАК информационно-аналитических материалов [Coronavirus Disease 2020].

Во второй половине 2010-х гг. страны региона в большинстве своем все чаще категорически отказывались поступаться даже малозначительными элементами суверенных компетенций в пользу межгосударственных органов, созданных в Латинской Америке для развития интеграции. В результате начали ослабевать (или, по крайней мере, терять динамизм) взаимные торгово-экономические связи, зримо снизилась роль большинства интеграционных группировок. Можно констатировать, что ЛКА вступила в период кризиса межлатиноамериканского

Таблица 8. Изменения стоимости товарного экспорта ЛКА по секторам экономики (%)
Table 8. Changes in the value of commodity exports of Latin-Caribbean America by economic sector (%)

Сектор экономики	Январь–май 2019	Январь–май 2020	Апрель 2020	Май 2020
Все сектора	–0,3	–16,6	–29,5	–37,1
Сельское хозяйство	2,7	0,9	–5,2	–4,2
Добывающая отрасль	–5,1	–25,8	–41,6	–43,0
Обрабатывающая промышленность	1,0	–18,5	–31,2	–43,1

Источник: данные [Los efectos del COVID-19 en el comercio internacional y la logística 2020].

сотрудничества, фрагментации регионального хозяйственного пространства. Пандемия коронавируса усилила и акцентировала этот тренд, чреватый серьезными рисками. Все это в совокупности можно назвать настоящей «латиноамериканской трагедией» – эпидемиологическим, социально-экономическим и внешнеторговым провалом стран региона, в большинстве своем не выдержавших очной ставки с разнообразными последствиями пандемии коронавируса.

Пандемия COVID-19, вызвавшая исключительно широкий по географическому охвату и беспрецедентный по глубине коронакризис, предельно заострила основополагающий вопрос структурного отставания экономики государств Латинской Америки, высветила серьезные недостатки в развитии социальной сферы, акцентировала ключевые проблемы региона во внутренней политике и в сфере международных отношений. Вместе с тем несколько месяцев жизни стран ЛКА в суровых условиях эпидемии коронавируса не только послужили катализатором уже длительное время развивавшихся в этом районе мира кризисных социально-экономических трендов, но и вскрыли немало новых негативных факторов и явлений, до этого момента остававшихся как бы в тени, за пределами постоянного и пристального общественного внимания.

Прежде всего, как отмечалось в совместном аналитическом докладе ЭКЛАК и ПАОЗ, стал очевидным почти повсеместный коллапс национальных систем здравоохранения: хроническое недофинансирование этой жизненно важной отрасли, острая нехватка квалифицированного медицинского персонала, ограниченность коечного фонда, отсутствие в достаточном количестве необходимого оборудования, дефицит современных санитарно-гигиенических условий [Salud y economía 2020, pp. 20–

25]. Одновременно в период пандемии произошли серьезные сбои в функционировании специального транспорта, предоставлении ритуальных услуг.

В целом ряде случаев со стороны властей латиноамериканских стран была проявлена недостаточная управленческая компетентность, допускались досадные просчеты в оценке серьезности возникших вызовов, угроз и рисков, совершались ошибки в использовании национальных материальных и финансовых ресурсов. «Не существует совершенной антикризисной модели. Главное – умение оперативно и правильно распределять имеющиеся ресурсы», – справедливо отмечал в данной связи исследователь из Университета штата Мичиган (США) Рафаэль Лосано [Belchi, Arredondo 2020]. Большинство экспертов сходится во мнении, что решение проблемы нужно искать в разработке эффективной вакцины и массовой вакцинации населения. В данном контексте нельзя не упомянуть тот интерес, который вызвала в Латинской Америке регистрация в Российской Федерации первой отечественной вакцины «Спутник V». Об этом заявили официальные представители Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Кубы, Мексики и других стран региона.

Удар, который пандемия коронавируса нанесла по странам ЛКА, должен послужить наглядным уроком и мотивировать местный политический и деловой истеблишмент на существенную корректировку содержания региональной стратегии развития. Логично поставить вопрос о переосмыслении роли государства в экономике Латинской Америки и – самое главное – о выработке современной, отвечающей требованиям момента, латиноамериканской концепции эпидемиологической и социально-экономической безопасности.

Список литературы

Яковлев П., Яковлева Н. (1) (2020) Протестный потенциал Латинской Америки: региональный срез глобального феномена // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 7. С. 89–99. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-89-99

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. (2) (2020) Три волны системного кризиса в Латинской Америке // *Латинская Америка*. № 10. С. 6–20. DOI: 10.31857/S0044748X0011327-8

Яковлев П.П. (2020) Латинской Америке необходим экономический форсаж // *Латинская Америка*. № 2. С. 6–18. DOI: 10.31857/S0044748X0008141-4

Belchi A., Arredondo A. (2020) ¿Por qué América Latina es el nuevo epicentro del coronavirus? // *VOA*, Junio 5, 2020 // <https://www.voanoticias.com/america-latina/por-que-america-latina-foco-coronavirus-claves-tesis>, дата обращения 15.10.2020.

Bravo Regidor C., Beck H., Iber P. (2020) El primer año del México de AMLO // *Nueva Sociedad*, no 287, pp. 80–97 // https://nuso.org/media/articles/downloads/5.TC_Beck_287.pdf, дата обращения 15.10.2020.

Coronavirus Disease (COVID-19) Pandemic (2020) // *Pan American Health Organization* // <https://www.paho.org/en>, дата обращения 15.10.2020.

Coronavirus en México | Por qué es “el país de América Latina con más muertes de personal sanitario” por covid-19 (2020) // *BBC*, September 24, 2020 // <https://www.laprensa.com.ni/2020/09/24/internacionales/2724873-coronavirus-en-mexico-por-que-es-el-pais-de-america-latina-con-mas-muertes-de-personal-sanitario-por-covid-19>, дата обращения 15.10.2020.

Coronavirus Resource Center (2020) // *Johns Hopkins University* // <https://coronavirus.jhu.edu/>, дата обращения 15.03.2020 – 1.09.2020.

COVID-19: African Union and APO Group in Partnership to Reach More African News Media, as the Union Works to Prevent Deaths, Save Lives and Prevent Unnecessary Harm to African Economies (2020) // *African Union*, August 3, 2020 // <https://au.int/en/pressreleases/20200803/apo-group-support-au-covid19-communication>, дата обращения 15.10.2020.

Enfrentar los efectos cada vez mayores del COVID-19 para una reactivación con igualdad: nuevas proyecciones (2020) // *CEPAL* // <https://www.cepal.org/es/publicaciones/45782-enfrentar-efectos-cada-vez-mayores-covid-19-reactivacion-igualdad-nuevas>, дата обращения 15.10.2020.

European Centre for Disease Prevention and Control (2020) // <https://www.ecdc.europa.eu/en>, дата обращения 15.10.2020.

Gobierno de Colombia (2020) // <https://coronaviruscolombia.gov.co/Covid19/index.html>, дата обращения 15.10.2020.

González Díaz M. (2020) Coronavirus en México: “No hay hasta el momento cómo dar puntos positivos a la estrategia de México frente al coronavirus” // *BBC*, August 14, 2020 // <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-53778836>, дата обращения 15.10.2020.

“Hay que consumir carne de llama”: la receta de un gobernador peruano contra el coronavirus (2020) // *Infobae*, 16 de Agosto de 2020 // <https://www.infobae.com/america/america-latina/2020/08/16/hay-que-consumir-carne-de-llama-la-receta-de-un-gobernador-peruano-contr-el-coronavirus/>, дата обращения 15.10.2020.

La oposición al régimen de Daniel Ortega denunció 2.591 muertes con síntomas de coronavirus en Nicaragua, muy por encima de las cifras oficiales (2020) // *Infobae*, 9 de Agosto de 2020 // <https://www.infobae.com/america/america-latina/2020/08/09/la-oposicion-al-regimen-de-daniel-ortega-denuncio-2591-muertes-con-sintomas-de-coronavirus/>

navirus-en-nicaragua-muy-por-encima-de-las-cifras-oficiales/, дата обращения 15.10.2020.

La oposición denunció que la cantidad real de muertos por coronavirus en Venezuela duplica la que reporta el régimen de Nicolás Maduro (2020) // Infobae, 11 de Agosto de 2020 // <https://www.infobae.com/amERICA/venezuela/2020/08/11/la-oposicion-denuncio-que-la-cantidad-real-de-muertos-por-coronavirus-en-venezuela-duplica-la-que-reporta-el-regimen-de-nicolas-maduro/>, дата обращения 15.10.2020.

Latin American Billionaires Surge as World's Most Unequal Region Buckles under Coronavirus Strain (2020) // Oxfam International, July 27, 2020 // <https://www.oxfam.org/en/press-releases/latin-american-billionaires-surge-worlds-most-unequal-region-buckles>, дата обращения 15.10.2020.

Los efectos del COVID-19 en el comercio internacional y la logística (2020) // CEPAL // https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/45877/1/S2000497_es.pdf, дата обращения 15.10.2020.

Los ricos “permanecen inmunes” a la pandemia y multiplican su fortuna en América Latina (2020) // América Economía, 27 de Julio de 2020 // <https://www.americaeconomia.com/economia-mercados/finanzas/los-ricos-permanecen-inmunes-la-pandemia-y-multiplican-su-fortuna-en>, дата обращения 15.10.2020.

Malamud C., Núñez R. (2020) América Latina: “del exitismo” al pico de la pandemia // Elcano Royal Institute, June 5, 2020 // http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari79-malamud-nunez-america-latina-del-exitismo-al-pico-de-la-pandemia, дата обращения 15.10.2020.

Neiburg F. (2020) La politización de la pandemia, los féretros vacíos y el abismo brasileño // Nueva Sociedad, 3 de ma-

yo 2020 // <https://nuso.org/articulo/Brasil-Bolsonaro-coronavirus/>, дата обращения 15.10.2020.

Number of Tests for Coronavirus COVID-19 by Country (2020) // Covid-Stat.com // <https://covid-stat.com/ru/kolichestvo-testov-koronavirus/>, дата обращения 15.10.2020.

Ortega F. (2020) México encara la Fase 3 del COVID-19 con déficit y personal médico en riesgo // Expansión, Abril 24, 2020 // <https://politica.expansion.mx/mexico/2020/04/24/mexico-encara-la-fase-3-del-covid-19-con-deficit-y-personal-medico-en-riesgo>, дата обращения 15.10.2020.

Our World in Data (2020) // <https://ourworldindata.org/coronavirus>, дата обращения 15.10.2020.

Pighi Bel P., Horton J. (2020) Coronavirus: What's Happening in Peru? // BBC, July 9, 2020 // <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-53150808>, дата обращения 15.10.2020.

Ramírez N.V. (2020) Líderes latinoamericanos proponen reformas urgentes en la OMC para reducir impacto del COVID-19 en el comercio internacional // América Economía, 12 de Junio de 2020 // <https://www.americaeconomia.com/economia-mercados/comercio/lideres-latinoamericanos-proponen-reformas-urgentes-en-la-omc-para>, дата обращения 15.10.2020.

Ruiz S. (2020) ¿Quién paga la cuenta? Gravar la riqueza para enfrentar la crisis de la COVID-19 en América Latina y el Caribe // Oxfam International, July 27, 2020 // <https://www.oxfam.org/en/node/13642>, дата обращения 15.10.2020.

Salud y economía: una convergencia necesaria para enfrentar el COVID-19 y retomar la senda hacia el desarrollo sostenible en América Latina y el Caribe (2020) // CEPAL – OPS // <https://www.cepal.org/es/publicaciones/45840-salud-economia-convergencia-necesaria-enfrentar-covid-19-retomar-la-senda>, дата обращения 15.10.2020.

Sarovic A. (2020) Das nächste Zentrum der Corona-Pandemie // Der Spiegel, May 17, 2020 // [https://www.spiegel.de/content-a-?targetUrl=https%3A%2F%2Fwww.spiegel.de%2Fpolitik%2Fausland%2Flateinamerika-der-naechste-corona-hotspot-a-a7273f89-36e9-4331-b261-9ee47e8580c6&](https://www.spiegel.de/content-a-?targetUrl=https%3A%2F%2Fwww.spiegel.de%2Fpolitik%2Fausland%2Flateinamerika-der-naechste-corona-hotspot-a-a7273f89-36e9-4331-b261-9ee47e8580c6&ref=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F, дата обращения 15.10.2020.)

ref=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F, дата обращения 15.10.2020.

Top Countries with Daily New Cases (2020) // Corona Tracker // [https://www.coronatracker.com/analytics,](https://www.coronatracker.com/analytics, дата обращения 15.10.2020.) дата обращения 15.10.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-5

Latin America: The Road to Coronacrisis

Nailya M. YAKOVLEVA

PhD in History, Leading Researcher, Center for Political Studies
Institute of Latin America of Russian Academy of Sciences, 110035, B. Ordynka St.,
21/16, Moscow, Russian Federation
E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1707-6901

Petr P. YAKOVLEV

DSc in Economics, Head, Center for Iberian Studies
Institute of Latin America of Russian Academy of Sciences, 110035, B. Ordynka St.,
21/16, Moscow, Russian Federation;
Professor
Plekhanov Russian University of Economics, 117997, Stremyanny Lane, 36, Moscow,
Russian Federation
E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0751-8278

CITATION: Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. (2020) Latin America: The Road to Coronacrisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 73–93 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-5

Received: 28.09.2020.

ABSTRACT. *Among all the regions of the world, Latin America has been the most vulnerable to the spread of the coronavirus epidemic. The COVID-19 pandemic not only exposed the weaknesses of national health systems, but also served as a catalyst for the crisis socio-economic phenomena that have developed in the region over the past decade. The impact of the pandemic should serve Latin America as a clear lesson and motivate the local political and business establishment to make a significant ad-*

justment to the content of the regional development strategy. It is logical, in our opinion, to raise the question of rethinking the role of the state in public life, the development of a modern, meeting the requirements of the moment, the Latin American concept of epidemiological and socio-economic security. In the post-covid period, at the center of public attention and targeted government efforts ought to be the challenges of radically improving health care through the priority development of those sectors of the econo-

my that can provide diversification and, as a result, increase the level of crisis-sustainability of Latin American states. First of all, they should focus on the manufacturing industry, including the production of a wide range of medicines and equipment, as well as the sectors that ensure the development and modernization of socio-economic infrastructure: utilities, transport, alternative energy, telecommunications. In the field of international relations, the importance of cooperation with those States that have pioneered the development of COVID-19 coronavirus vaccines has increased significantly. In this context, it must be mentioned the interest that the registration in the Russian Federation of the first domestic vaccine Sputnik V provoked in Latin America.

KEY WORDS: *Pandemic, Latin America, epicenter, spread dynamics, regional features, country cases, government measures, economic, social and political consequences, international aspect*

References

- Belchi A., Arredondo A. (2020) ¿Por qué América Latina es el nuevo epicentro del coronavirus? VOA, Junio 5, 2020. Available at: <https://www.voanoticias.com/america-latina/por-que-america-latina-foco-coronavirus-claves-crisis>, accessed 15.10.2020.
- Bravo Regidor C., Beck H., Iber P. (2020) El primer año del México de AMLO. *Nueva Sociedad*, no 287, pp. 80–97. Available at: https://nuso.org/media/articles/downloads/5.TC_Beck_287.pdf, accessed 15.10.2020.
- Coronavirus Disease (COVID-19) Pandemic (2020). *Pan American Health Organization*. Available at: <https://www.paho.org/en>, accessed 15.10.2020.
- Coronavirus en México | Por qué es «el país de América Latina con más muertes de personal sanitario» por covid-19 (2020). BBC, September 24, 2020. Available at: <https://www.laprensa.com.ni/2020/09/24/internacionales/2724873-coronavirus-en-mexico-por-que-es-el-pais-de-america-latina-con-mas-muertes-de-personal-sanitario-por-covid-19>, accessed 15.10.2020.
- Coronavirus Resource Center (2020). *Johns Hopkins University*. Available at: <https://coronavirus.jhu.edu/>, accessed 15.03.2020 – 1.09.2020.
- COVID-19: African Union and APO Group in Partnership to Reach More African News Media, as the Union Works to Prevent Deaths, Save Lives and Prevent Unnecessary Harm to African Economies (2020). *African Union*, August 3, 2020. Available at: <https://au.int/en/press-releases/20200803/apo-group-support-au-covid19-communication>, accessed 15.10.2020.
- Enfrentar los efectos cada vez mayores del COVID-19 para una reactivación con igualdad: nuevas proyecciones (2020). CEPAL. Available at: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/45782-enfrentar-efectos-cada-vez-mayores-covid-19-reactivacion-igualdad-nuevas>, accessed 15.10.2020.
- European Centre for Disease Prevention and Control* (2020). Available at: <https://www.ecdc.europa.eu/en>, accessed 15.10.2020.
- Gobierno de Colombia* (2020). Available at: <https://coronaviruscolombia.gov.co/Covid19/index.html>, accessed 15.10.2020.
- González Díaz M. (2020) Coronavirus en México: “No hay hasta el momento cómo dar puntos positivos a la estrategia de México frente al coronavirus”. BBC, August 14, 2020. Available at: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-53778836>, accessed 15.10.2020.
- “Hay que consumir carne de llama”: la receta de un gobernador peruano contra el coronavirus (2020). *Infobae*, 16 de Agosto de 2020. Available at: <https://www.infobae.com/america/america-latina/2020/08/16/hay-que-consumir-carne-de-llama-la>

receta-de-un-gobernador-peruano-contra-el-coronavirus/, accessed 15.10.2020.

La oposición al régimen de Daniel Ortega denunció 2.591 muertes con síntomas de coronavirus en Nicaragua, muy por encima de las cifras oficiales (2020). *Infobae*, 9 de Agosto de 2020. Available at: <https://www.infobae.com/america/america-latina/2020/08/09/la-oposicional-regimen-de-daniel-ortega-denuncio-2591-muertes-con-sintomas-de-coronavirus-en-nicaragua-muy-por-encima-de-las-cifras-oficiales/>, accessed 15.10.2020.

La oposición denunció que la cantidad real de muertos por coronavirus en Venezuela duplica la que reporta el régimen de Nicolás Maduro (2020). *Infobae*, 11 de Agosto de 2020. Available at: <https://www.infobae.com/america/venezuela/2020/08/11/la-oposicion-denuncio-que-la-cantidad-real-de-muertos-por-coronavirus-en-venezuela-duplica-la-que-reporta-el-regimen-de-nicolas-maduro/>, accessed 15.10.2020.

Latin American Billionaires Surge as World's Most Unequal Region Buckles under Coronavirus Strain (2020). *Oxfam International*, July 27, 2020. Available at: <https://www.oxfam.org/en/press-releases/latin-american-billionaires-surge-worlds-most-unequal-region-buckles>, accessed 15.10.2020.

Los efectos del COVID-19 en el comercio internacional y la logística (2020). *CEPAL*. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/45877/1/S2000497_es.pdf, accessed 15.10.2020.

Los ricos “permanecen inmunes” a la pandemia y multiplican su fortuna en América Latina (2020). *América Economía*, 27 de Julio de 2020. Available at: <https://www.americaeconomia.com/economia-mercados/finanzas/los-ricos-permanecen-inmunes-la-pandemia-y-multiplican-su-fortuna-en>, accessed 15.10.2020.

Malamud C., Núñez R. (2020) América Latina: “del exitismo” al pico de la pan-

demia. *Elcano Royal Institute*, June 5, 2020. Available at: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari79-malamud-nunez-america-latina-del-exitismo-al-pico-de-la-pandemia, accessed 15.10.2020.

Neiburg F. (2020) La politización de la pandemia, los féretros vacíos y el abismo brasileño. *Nueva Sociedad*, 3 de mayo 2020. Available at: <https://nuso.org/articulo/Brasil-Bolsonaro-coronavirus/>, accessed 15.10.2020.

Number of Tests for Coronavirus COVID-19 by Country (2020). *Covid-Stat.com*. Available at: <https://covid-stat.com/ru/kolichestvo-testov-koronavirus/>, accessed 15.10.2020.

Ortega F. (2020) México encara la Fase 3 del COVID-19 con déficit y personal médico en riesgo. *Expansión*, Abril 24, 2020. Available at: <https://politica.expansion.mx/mexico/2020/04/24/mexico-encara-la-fase-3-del-covid-19-con-deficit-y-personal-medico-en-riesgo>, accessed 15.10.2020.

Our World in Data (2020). Available at: <https://ourworldindata.org/coronavirus>, accessed 15.10.2020.

Pighi Bel P., Horton J. (2020) Coronavirus: What's Happening in Peru? *BBC*, July 9, 2020. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-53150808>, accessed 15.10.2020.

Ramírez N.V. (2020) Líderes latinoamericanos proponen reformas urgentes en la OMC para reducir impacto del COVID-19 en el comercio internacional. *América Economía*, 12 de Junio de 2020. Available at: <https://www.americaeconomia.com/economia-mercados/comercio/lideres-latinoamericanos-proponen-reformas-urgentes-en-la-omc-para>, accessed 15.10.2020.

Ruiz S. (2020) ¿Quién paga la cuenta? Gravar la riqueza para enfrentar la crisis de la COVID-19 en América Latina y el Caribe. *Oxfam International*, July 27, 2020.

Available at: <https://www.oxfam.org/en/node/13642>, accessed 15.10.2020.

Salud y economía: una convergencia necesaria para enfrentar el COVID-19 y retomar la senda hacia el desarrollo sostenible en América Latina y el Caribe (2020). *CEPAL – OPS*. Available at: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/45840-salud-economia-convergencia-necesaria-enfrentar-covid-19-retomar-la-senda>, accessed 15.10.2020.

Sarovic A. (2020) Das nächste Zentrum der Corona-Pandemie. *Der Spiegel*, May 17, 2020. Available at: <https://www.spiegel.de/consent-a-?targetUrl=https%3A%2F%2Fwww.spiegel.de%2F-politik%2Fausland%2Flateinamerika-der-naechste-corona-hotspot-a-a7273f89-36e9-4331-b261-9ee47e8580c6&ref=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F>, accessed 15.10.2020.

Top Countries with Daily New Cases (2020). *Corona Tracker*. Available at: <https://www.coronatracker.com/analytics>, accessed 15.10.2020.

Yakovlev P., Yakovleva N. (2020) Protest Potential of the Latin America: Regional Aspect of Global Phenomenon. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 7, pp. 89–99 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-89-99

Yakovlev P.P. (2020) Latin America Needs an Economic Boost. *Latinska-ya Amerika*, no 2, pp. 6–18 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0008141-4

Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. (2020) Three Waves of the Systemic Crisis in Latin America. *Latinska-ya Amerika*, no 7, pp. 6–20 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0011327-8

Проблемы Старого Света

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-6

Пандемические стратегии западноевропейских ультраправых партий

Анна Сергеевна БАДАЕВА

кандидат политических наук, научный сотрудник, Сектор теории политики Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: annabadaeva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8345-6051

ЦИТИРОВАНИЕ: Бадаева А.С. (2020) Пандемические стратегии западноевропейских ультраправых партий // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 94–113.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-6

Статья поступила в редакцию 14.07.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется поведение западноевропейских ультраправых партий в условиях коронавирусного кризиса. Оппозиционные крайне правые националистически настроенные партии уже на начальном этапе пандемии COVID-19, охватившей Европейский Союз весной 2020 года, попытались с выгодой для себя воспользоваться сложившейся критической ситуацией в области здравоохранения и последовавшими за ней социальным шоком и экономическими трудностями. Поведение и риторика этих партий варьировались в зависимости от обстоятельств и специфики каждой конкретной страны: количества жертв эпидемии, строгости предпринятых правительством ограничительных мер и их эффективности, национальных особенностей. Воспользовавшись кризисом, праворадикальные нацио-

налисты смогли добиться желаемого успеха именно в тех странах Западной Европы, где общество оказалось недостаточно консолидировано. Подтверждением этому стал стремительный рост популярности «Фламандского интереса» в Бельгии, а также «Братьев Италии». Напротив, национальная сплоченность и единство общества дали решительный отпор антиправительственной агитации ультраправых партий. Кампании скандинавских ультраправых партий, немецкой «Альтернативы для Германии», французского «Национального объединения», Австрийской партии свободы продемонстрировали свою неэффективность. Так или иначе, сложившаяся ситуация в Западной Европе беспрецедентна и неопределенна на фоне затянувшегося коронавирусного кризиса. Все стороны политического процесса находятся в напря-

жени и просчитывают всевозможные сценарии дальнейшего развития событий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Западная Европа, ультраправые партии, популизм, национализм, пандемия, COVID-19, «Альтернатива для Германии», «Национальное объединение» (Франция), «Лига», «Братья Италии», «Фламандский интерес», «Шведские демократы»*

Борьба с коронавирусной инфекцией еще далека от завершения, но уже в начале этого пути стало очевидным, что кризис в области здравоохранения будет иметь не только серьезные экономические последствия, но и готовит катаклизмы для политических систем западного мира. Шок, вызванный пандемией 2020 г., в ряде западноевропейских стран обратил вспять такие тенденции, как падение популярности традиционных партий. Не дремлет и оппозиция, в т. ч. из ультраправого лагеря. Их популистская атииммиграционная повестка оказалась не столь популярна в условиях коронавирусного кризиса. Тем не менее западноевропейские праворадикалы постарались не упустить случая усилить свое влияние, играя на возможных просчетах правительства и охвативших общество страхах. Как действовали эти партии, какие стратегии применяли и какие цели перед собой ставили, насколько удачными оказались их действия – вот о чем пойдет речь в статье.

Представляется необходимым внести ясность относительно терминологии, пояснив, какие партии автор относит к праворадикальным. Обратимся к получившим широкую международную известность исследованиям профессора Джорджтаунского университета США Каса Мудде, специалиста по европейским крайне правым партиям. Среди современных ультраправых пар-

тий ученый выделяет три группы: праворадикалов, праворадикалов-популистов и правых экстремистов. К. Мудде отождествляет понятия «ультраправые» и «праворадикалы» [Mudde 2016]. По его мнению, наиболее успешной подгруппой среди всего европейского ультраправого лагеря являются именно праворадикальные популисты [Mudde 2007], использующие своеобразную «тонкую идеологию», стилизирующую «бедных людей» и «коррумпированную элиту» и ставящую правление большинства выше прав человека и конституционной системы сдержек и противовесов. Ультраправые популисты в настоящее время активно участвуют в выборном процессе, в некоторых случаях попадают в парламенты и даже в коалиционные правительства ряда западноевропейских стран. Типичными представителями данной группы можно считать Австрийскую партию свободы, французское «Национальное объединение», итальянские «Лигу» и «Братьев Италии», норвежскую Партию прогресса, «Истинных финнов», Датскую народную партию, «Шведских демократов», «Альтернативу для Германии» и в некоторой степени «Фламандский интерес», выделяющийся своим сепаратизмом. Поведение вышеперечисленных западноевропейских партий в условиях коронавирусного кризиса представляет непосредственный интерес для исследования, за рамками которого оставлены прочие радикализированные и экстремистки настроенные организации, не способные участвовать в демократическом политическом процессе. Хотя даже с ними ультраправые популисты имеют определенный общий набор идеологических черт: нативизм (объединяющий в себе национализм и ксенофобию) и авторитаризм (призывающий к сильной государственной власти и строгим законам).

«Альтернатива для Германии» в борьбе с карантинными ограничениями

Ситуация с коронавирусом демонстрирует относительную стабильность в Германии: число заболевших велико, но смертность довольно низкая. Согласно данным на 27 мая 2020 г., она составляла 101 человек на 1 млн жителей. Для сравнения: в соседней Бельгии в тот же период смертность от коронавируса составляла 808, в Испании – 580, Великобритании – 546, Италии – 545, Нидерландах – 343, во Франции – 437, в Швеции – 418, в США – 305 человек на 1 млн жителей [Radtke (1) 2020]. Принятые коалиционным правительством Германии меры по борьбе с опасной инфекцией были восприняты населением положительно, о чем свидетельствовали социологические опросы и уверенно растущие рейтинги народных партий. В ходе пандемии Германия анонсировала самую мощную в мире финансовую поддержку населению как в социальной, так и в бизнес-сфере [Nienaber 2020]. С 7 марта по 9 мая 2020 г. популярность правящего блока ХДС/ХСС выросла на 14 пунктов, достигнув 40%.¹ Практически не изменилось в этот период доверие немцев к СДПГ, также входящей в состав текущего правительства страны. Возложив надежды на правящие партии на начальном этапе развернувшейся пандемии, немцы существенно потеряли интерес к повестке оппозиционных партий. Больше всего пострадали «Зеленые». Положение ультраправой «Альтернативы для Германии» (АдГ) также оказалось неустойчивым, чему способствовал целый ряд причин и условий.

В самом начале эпидемии в марте 2020 г. «Альтернатива для Германии»

сыграла в унисон общему настроению масс. Все значимые персоны АдГ, включая Александра Гауланда и Алису Вайдель, высказались единогласно в поддержку предложенных правительством долгосрочных мер по борьбе с распространением опасного вируса и даже позволили себе раскритиковать руководство страны за недостаточную решительность, скорость закрытия границ и расширения больничных возможностей. «Быть вместе – это первый гражданский долг в настоящий момент», – заявил в бундестаге А. Гауланд, один из соучредителей и негласный лидер АдГ [Schlieben 2020].

Однако уже в апреле рейтинги АдГ медленно поползли вниз (снизившись с 11 до 9%), несмотря на все усилия, предпринятые ее сторонниками в социальных сетях, считающихся важнейшей коммуникационной средой и сферой влияния немецких ультраправых. Неудача объяснялась общим снижением оппозиционных настроений у масс. В условиях текущего кризиса, связанного прежде всего со здоровьем, люди склонны получать информацию от авторитетных СМИ и исследовательских институтов, а не проводить время на сомнительных сайтах, аккумулирующих недовольных действиями правительства граждан. Серьезного успеха в Facebook и Twitter за апрель 2020 г. достиг лишь один пост АдГ, гласящий: «Комендантский час, даже для беженцев!» [Fiedler (1) 2020], из чего следовало, что вернуть популярность ультраправые смогут только в том случае, если им удастся каким-то образом связать свои традиционные (в частности миграционные) вопросы с коронавирусом.

Не отказалась АдГ и от явно популистских методов борьбы за электро-

1 Wenn am nächsten Sonntag Bundestagswahl wäre ... Sonntagsfrage – Forsa (Wahlumfragen zur Bundestagswahl) // <http://www.wahlrecht.de/umfragen/forsa.htm>, дата обращения 25.07.2020.

рат. Тем более что неясность эпидемиологической обстановки, затянувшийся Lockdown (карантин) и постепенное снижение уровня доверия населения к правительству, прежде всего на востоке Германии, где традиционно выше влияние ультраправых, сыграли в конечном счете на руку АдГ. Чувствуя растущее общественное недовольство ограничительными мерами, уже в конце апреля А. Вайдель, А. Гауланд, а также непосредственные руководители АдГ Йорг Мойтен и Тино Хрупалла выступили с требованием «незамедлительного возобновления экономической жизни» Германии как решающего фактора в борьбе со стремительно растущей безработицей и бедностью. Газета *Die Welt* отметила, что АдГ перепрофилировалась в *Anti-Shutdown Partei*, партию, выступающую за отмену экономических ограничений и посягательств на права граждан, осуществляемых государством на фоне пандемии [Kamann (1) 2020]. С мая 2020 г. представители АдГ начали открыто и активно участвовать в акциях протеста против карантинных мер [Kamann (2) 2020], апеллируя порой к весьма спорным мнениям некоторых ученых о том, что «смертность от коронавируса не выше, чем от обычного гриппа», а «действия федерального правительства не более, чем паника» [Fiedler (2) 2020].

Безусловно, деятели «Альтернативы для Германии» надеются получить в скором времени политическую выгоду от все более осложняющейся экономической обстановки в стране. Но есть ряд обстоятельств, препятствующих этому. Во-первых, лишь небольшое количество немцев, согласно опросам, видят АдГ компетентной в вопросах экономики [Fiedler (1) 2020]. К тому же пропаганда оппозиционной АдГ меркнет на фоне тех мер экономической поддержки предприятий и граждан, которую может себе позволить правительство ФРГ. Во-вторых, вну-

три ультраправой АдГ постоянно происходят разногласия между ее умеренным и радикальным крыльями. За свою семилетнюю историю партия пережила несколько крупных расколов и сменила лидеров. Внутрипартийная борьба существенно ослабляет АдГ, а склонность партии притягивать к себе ярких радикалов и националистов (к примеру, бывших членов Национал-демократической партии Германии (НДПГ) или движения «Пегида») не способствует улучшению ее имиджа.

Кроме того, весной 2020 г. у АдГ появился новый конкурент, способный переманить на свою сторону лабильный электорат ультраправых. Речь идет о самопровозглашенной популистской партии под названием «Сопrotивление 2020», основатели которой утверждают, что их «партия является ни правой, ни левой, но бесплатной» [Sternberg 2020]. Появление данного движения, активно использующего популистский нарратив, едва ли можно рассматривать серьезно в прагматичной Германии, однако оно настораживает, поскольку раскачивает общественную и политическую стабильность в охваченной эпидемией стране, популяризируя, среди прочего, коронавирус как элемент теории заговора. Официальные представители АдГ пытаются всячески отмежеваться от подобных идей, стараясь сохранить лицо серьезной политической партии в Германии, претендующей на роль главной оппозиционной силы в стране.

Неудачи Австрийской партии свободы

В целом австрийские и немецкие ультраправые оказались в достаточно синонимичной ситуации: Австрийская партия свободы (АПС), как и «Альтернатива для Германии», не смогла извлечь для себя выгоды из коронавирус-

ного кризиса. Не помог увеличить популярность АПС даже разразившийся скандал вокруг крупнейшего горнолыжного курорта Австрии Ишгль, превратившегося в марте 2020 г. в очаг заражения COVID-19, из которого вирус распространился по Западной Европе от Германии до Исландии, Норвегии и Швеции. Австрия подверглась массовой международной критике и запятнала свой туристический имидж. Ситуация произошла, в том числе, из-за халатности правительства, состоящего из главных политических конкурентов АПС – Австрийской народной партии (АНП) и «Зеленых», заключивших в 2019 г. коалиционный союз после досрочных парламентских выборов в Австрии. Именно тогда начались первые крупные неудачи и потери АПС, казалось бы, одной из самых ярких и успешных ультраправых партий Западной Европы. На предыдущих парламентских выборах 2017 г. АПС поддержали 26,0% избирателей. АПС стала младшим партнером в правительстве с АНП. Однако «дело Ибицы» в мае 2019 г. привело к краху этого правительства, а лидер ультраправых Хайнц-Кристиан Штрахе потерял не только пост вице-канцлера Австрии, но и был исключен из рядов АПС. В результате внеочередных парламентских выборов 2019 г. популярность австрийских ультраправых упала до 16,2%. АПС вернулась в ряды оппозиции. Параллельно с этим упрочилась позиция АНП и ее молодого харизматичного лидера Себастьяна Курца, являющегося канцлером Австрии с 2017 г. Его партию поддержали 31,5% австрийцев.

Как и в Германии, в ходе коронавирусной весны 2020 г. в Австрии суще-

ственно выросла популярность правящей партии. За три весенних месяца рейтинг АНП взлетел до 44%, а АПС, в свою очередь, приблизилась к своему минимуму 20-летней давности в 10%². Ни требование ввести жесткий контроль на границах в самом начале пандемии, ни разногласия внутри еврозоны об экономической помощи наиболее пострадавшим от пандемии странам, ни требования о выходе из карантина и распространение теорий заговора не принесли каких-либо политических дивидендов АПС.

Напротив, ситуация с COVID-19 обнажила всю бедность повестки австрийских ультраправых. Закрытие государственных границ остановило потоки беженцев и мигрантов, являющихся основной мишенью риторики АПС. Единственное, чем новый лидер АПС Норберт Хофер смог привлечь внимание общественности, так это его провокационное высказывание о том, что «Коран опаснее короны» [Ichner 2020]. Впрочем, лидер АПС был тут же обвинен различными религиозными организациями в разжигании межнациональной и межэтнической розни.

Агрессивная стратегия Марин Ле Пен

Марин Ле Пен, лидер французского «Национального объединения», одной из старейших и авторитетных ультраправых партий в Западной Европе, уже объявила себя кандидатом в президенты Франции на предстоящих в 2022 г. выборах [Soullier (1) 2020]. Впрочем, еще в 2017 г. эта амбициозная женщина-политик продемонстрировала свой «исторический» результат в этом каче-

2 Austria – National Parliament Voting Intention // Politico Poll of Polls – Austrian Polls, Trends and Election News for Austria // <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/austria/>, дата обращения 25.08.2020.

стве, получив 21,3% голосов избирателей в первом туре президентских выборов и 33,9% – во втором. В настоящий же момент, когда страна проходит нелегкий путь пандемических испытаний, М. Ле Пен, не связанная никакими прошлыми предвыборными обязательствами, больно и откровенно бьет по всем тем недостаткам и ошибкам, которые допустил ее основной противник Эммануэль Макрон, получивший пост президента Франции в 2017 г. и являющийся членом молодой партии «Вперед, Республика!».

Как и в других странах, на начальном этапе борьбы с коронавирусной эпидемией уровень доверия лидеру страны подскочил на 10 пунктов – с 29 до 39% (март-апрель 2020 г.). Вырос он и к ключевым фигурам Социалистической партии и Партии республиканцев. Однако в мае их рейтинги пошли вниз. Уровень доверия президенту Э. Макрону и премьер-министру Франции Эдуарду Филиппу опустился до 34% [Maziur 2020]. Начала сказываться усталость французов затягивающимся карантинном и недоверие его эффективности. К середине мая Франция вышла на 4-е в мире место по количеству умерших от коронавируса (27 529 человек на 16 мая 2020 г.)³.

Неудовлетворенность граждан результативностью действий первых лиц государства и исполнительной власти выразилась в росте популярности оппозиционных партий. К маю 2020 г. Жан-Люк Меланшон от левой «Непокоренной Франции» в своем рейтинге доверия достиг 16%, а М. Ле Пен, лидер ультраправого «Национального объединения», – 22% [Poussieltgue 2020].

Французская газета *Le Monde* констатировала, что именно эти оппозиционные лидеры с противоположных концов политического спектра традиционно используют в своих целях гнев французов: как это было в случае с «желтыми жилетами» зимой 2018–2019 гг., так и в ходе текущего коронавирусного кризиса [Mestre, Soullier 2020].

Вполне правомерно назвать агрессивной стратегию, выбранную М. Ле Пен, которая буквально противопоставляет себя, как защитника народа, системной элите и ее партиям. Традиционные праворадикальные темы, а именно массовая иммиграция и связанные с ней правонарушения, стали ядром последней предвыборной кампании М. Ле Пен, завершившейся первым туром муниципальных выборов 15 марта 2020 г. Однако уже на следующий день после оглашения результатов риторика поменялась. М. Ле Пен резко осудила муниципальные выборы в стране, проведенные по настоянию властей на подъеме эпидемии. 17 марта «Национальным объединением» была распространена листовка с лозунгом «Коронавирус: правительство знало, но оно ничего не сделало!»⁴. Сама М. Ле Пен поддержала лозунг на своей странице в Twitter. В дальнейшем в ходе эпидемии лидер французских ультраправых полностью сконцентрировалась на делегитимации власти, обвинениях ее во лжи и некомпетентности, подвергающей опасности людей, сражающихся на передовой против вируса [Sapin 2020]. Речь шла о нехватке масок и лекарств в стране, о позднем закрытии границ и падении государственного суверенитета, о необходимости ре-

3 Трекер пандемии COVID-19. Международные сопоставления – абсолютные показатели (2020) // ИМЭМО РАН. 16 мая 2020 // https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1557&id=1, дата обращения 25.07.2020.

4 Coronavirus: le gouvernement savai, mais il n'a rien fait! // Rassemblement National // https://m.facebook.com/RassemblementNational/posts/10158126602645750/?locale=zh_CN&refsrc=http%3A%2F%2Fwww.google.com%2F%2F_rdr, дата обращения 25.07.2020.

квизиции частных клиник страны и о крайне недостаточной поддержке малого и среднего бизнеса в условиях разразившегося коронавирусного кризиса.

Не стала М. Ле Пен опровергать и набирающую популярность «теорию заговора», распространяющуюся на сайтах и в социальных сетях, имеющих отношение и к «Национальному объединению». Крайне правые ратуют за любой способ расширения собственной электоральной базы. Согласно исследованиям IFOP, около 17% французов считают, что «коронавирус был умышленно произведен из лаборатории». Однако среди сторонников французских ультраправых количество подобно мыслящих людей достигает 40%⁵. Сложная экономическая ситуация, еще более углубившееся расслоение общества, являющиеся следствием того, что лишь небольшая часть французов смогла сохранить свой прежний уровень дохода в условиях самоизоляции и дистанцирования, безусловно способствуют популяризации Национального объединения.

Лишь мощный план восстановления, сопровождающийся решительными мерами поддержки со стороны власти, сможет смягчить влияние социального шока, на который рассчитывают в ближайшем будущем М. Ле Пен и ее сторонники, обостряя противостояние бедных и богатых во Франции. Впрочем, положение самого «Национального объединения» тоже далеко от идеала. Прежний лидер Жан-Мари Ле Пен (отец Марин Ле Пен) позволял себе настолько нелицеприятные расистские высказывания, что в 2015 г. его членство в партии было приостановлено в ходе кампании по улучшению

ее имиджа. Французский политолог Жан-Ив Камю, директор Центра политического радикализма в Фонде Жана Жореса, упрекает «Национальное объединение» в «экстремальном национализме и авторитаризме» и рекомендует ни при каких условиях не допускать эту антисистемную партию к управлению страной [Soullier (1) 2020]. Негативный образ французских ультраправых дополняется обвинением их в получении денег из России. И наконец, в 2017 г. структура Национального объединения несколько пошатнулась кадровыми перипетиями, а именно уходом из него Флориана Филиппо, ближайшего соратника М. Ле Пен, и ряда других видных партийных членов.

В свою очередь, итоги последних муниципальных выборов во Франции подчеркнули слабую эффективность антиправительственной кампании «Национального объединения». Первый тур выборов состоялся 15 марта, накануне введения жесткого карантина в стране, а второй тур – спустя три месяца, 28 июня, когда наметилась тенденция к спаду коронавирусной инфекции. Выборы были отмечены рекордно низкой явкой и закрепили общий тренд – разочарованность французов правящей партией. За 4 года своего существования партия президента Э. Макрона «Вперед, Республика!» не смогла закрепиться на местах. Граждане Франции в условиях кризиса предпочли отдать свои голоса старым традиционным партиям, социалистам и республиканцам. Наибольшего успеха добились французские левые силы и экологи, отбившие позиции и у националистов на муниципальном уровне.

5 L'origine perçue du Covid19 (2020) // Ifop pour Fondation Jean-Jaurès et L'Observatoire du conspirationnisme, Mars 2020 // https://jean-jaures.org/sites/default/files/redac/commun/productions/2020/2803/117275_rapport_covid_19.pdf, дата обращения 25.07.2020.

«Лига» и «Братья Италии»

Ситуация в Италии выделяется большим количеством жертв COVID-19: на 22 мая 2020 г. Италия занимала 3-е место в мире, после США и Великобритании, как по общему количеству смертей (32 616 человек) [Radtko (1) 2020], так и по количеству умерших на 1 млн жителей (537 человек) после Бельгии и Испании [Radtko (2) 2020].

Главная оппозиционная ультраправая партия страны «Лига» во главе с Маттео Сальвини попыталась в жесткой форме раскритиковать действия коалиционного правительства, в котором, к слову сказать, она сама участвовала с июня 2018 г. по сентябрь 2019 г., пока своими действиями не спровоцировала правительственный кризис. В ночь с 29 на 30 апреля 2020 г. М. Сальвини и его сторонники попытались провести своеобразный госпереворот, оккупировав парламент страны с осуждениями экономической блокады, ограничения свободы передвижения и задержки выплаты обещанной помощи гражданам [Mari 2020]. Данная инициатива в большей мере вызвала насмешки и негодование итальянцев. Также правомерные подозрения у людей вызвал ряд явно популистских лозунгов М. Сальвини, обращенный, очевидно, к его собственной электоральной базе: слишком быстро лидер «Лиги» сменил риторiku от требований жесткой блокады Италии ради сохранения жизней в самом начале эпидемии до разрешения немедленного возвращения к работе служащим, мелким предпринимателям и торговцам. Двойственное и по-

спешное поведение активистов «Лиги» отразилось на рейтингах самой партии. В ходе пандемической весны 2020 г. популярность «Лиги» снизилась с 27,7% в начале марта до 26,4% в конце мая⁶. А за год до этого за партию М. Сальвини отдали голоса 34,3% избирателей на выборах в Европарламент в мае 2019 г.

Впрочем, в течение коронавирусного кризиса не сильно улучшили свои показатели и правящие партии. Личный рейтинг премьер-министра Джузеппе Конте к концу мая находился на высоком уровне – 59%⁷, однако популярность основных партий, представляющих его правительство, практически не изменилась в течении всей весны 2020 г.: «Движение пяти звезд» держалось на уровне 15,8%, Демократическая партия Италии – 21%.

Настоящим сюрпризом для итальянской политической системы стало возвышение националистической партии «Братья Италии», которая, по сути, перетянула на себя электоральную базу «Лиги», потерявшей за год поддержку 8% избирателей. Популярность «Братьев Италии», напротив, плавно выросла за год на те же 8% (с 6,5% на выборах в Европарламент в мае 2019 г. до 14,3% в мае 2020 г.). Итальянская газета La Repubblica отмечает, что «Братья Италии» в течение пандемии COVID-19 практически догнали рейтинги «Движения пяти звезд», в то время как поддержка «Лиги» продолжает плавно спускаться навстречу показателям Демократической партии [Pucciarelli 2020]. Кроме того, аналитики отмечают, что итальянцы акцентируют свое внимание в большей мере на личности, на ли-

6 La Lega scende ancora nei sondaggi, Fdl tallona M5s (2020) // AGI, Maggio 21, 2020 // <https://www.agi.it/blog-italia/youtrend/post/2020-05-21/sondaggi-partiti-politici-supermedia-elezioni-8686188/>, дата обращения 25.07.2020.

7 Sondaggi, fiducia stabile poco sotto al 60% per Conte e governo. La maggioranza promuove l'esecutivo per emergenza e decreto Rilancio (2020) // Il Fatto Quotidiano, Maggio 20, 2020 // <https://www.ilfattoquotidiano.it/2020/05/20/sondaggi-fiducia-stabile-poco-sotto-al-60-per-conte-e-governo-la-maggioranza-promuove-leseecutivo-per-emergenza-e-decreto-rilancio/5807426/amp/>, дата обращения 25.07.2020.

дере, чем на различных партиях в целом. Поэтому стоит обратить внимание на рейтинги доверия итальянцев своим политическим деятелям. Второе место после Дж. Конте в этих рейтингах занимает авторитетная женщина-политик Джорджа Мелони, председатель «Братьев Италии». В конце мая 2020 г. ей доверяли 34% итальянцев. М. Сальвини, лидер «Лиги», находился на 3-м месте с 29% голосов.

Партия «Братья Италии» достаточно молодая. Она была основана в декабре 2012 г. бывшими членами правоцентристской партии «Народ Свободы» Сильвио Берлускони. Среди них была и Дж. Мелони, которая еще в 2008 г. в возрасте 31 года стала министром без портфеля по делам молодежи в четвертом правительстве С. Берлускони. Тогда она оказалась самым молодым министром в истории Итальянской Республики.

В начале 2014 г. «Братья Италии» соединились с партией «Национальный альянс», который, в свою очередь, являлся преемником послевоенного неонацистского Итальянского социального движения. По сути, можно констатировать, что партия «Братья Италии» «впитала» в себя идейных националистов и наследников итальянского «постфашизма». Весной 2018 г. на парламентских выборах «Братья Италии» получили 4,3% голосов избирателей, а весной 2020 г. их поддержка более чем утроилась. Итальянцы весьма благосклонно отнеслись к требованию Дж. Мелони выплачивать ежемесячное пособие в размере 500 евро на ребенка и оплачивать отпуск по уходу за ним в размере 70% от заработной платы во время эпидемии. В ходе коронавирусной весны лидер «Братьев Италии» не раз произносила резкие речи против правительства Дж. Конте [Magri 2020], однако они были более выразительными и конструктивными, в от-

личие от выступлений лидера «Лиги» М. Сальвини, что в целом и сказалось на эволюции рейтингов доверия этим итальянским крайне правым политическим деятелям. На руку «Братьям Италии» сыграла позиция ЕС и Германии, которые в начале пандемии не оказали стране должной финансовой и практической помощи. Отсутствие поддержки со стороны европейских партнеров вызвало разочарование итальянцев, усилив их евроскептические настроения. Социологический опрос, проведенный весной 2020 г. в разгар пандемии, показал, что 49% итальянцев готовы были в тот момент проголосовать за выход Италии из ЕС. Годом ранее лишь 30% граждан негативно относились к ЕС [Kirst 2020].

Обострение регионального сепаратизма в Бельгии

Если исходить из расчета количества жертв на душу населения, то Бельгия весной 2020 г. оказалась самой пострадавшей от коронавируса страной в мире: 820 летальных исходов на 1 млн жителей, согласно данным от 3 июня 2020 г. Кризис в системе здравоохранения моментально отразился на политической ситуации в стране: еще больше обострились и без того не затухающие противоречия между богатым, стремящимся к независимости нидерландскоговорящим севером и менее экономически развитым франкоязычным югом. Пандемия спровоцировала взрывной рост популярности праворадикальной партии «Фламандский интерес» во главе с Томом Ван Грикеном.

Фландрия взрастила мощные ультраправые и националистические партии, которые активно поддерживаются населением этой северной части Бельгии. Современный фламандский национализм концентрируется вокруг

трех основных тем – это культурная самобытность северян-фламандцев, неприятие бесконтрольной миграции и нежелание делиться доходами с южанами-валлонами. Именно последний пункт на фоне сложной эпидемиологической обстановки оказался в центре разгорающегося политического кризиса в Бельгии. Споры разгорелись вокруг темпов выхода из карантина и методов восстановления экономики страны. Эпидемия обнажила проблемы государственного устройства Бельгии. В частности, разделение системы здравоохранения между федеральным и региональными правительствами продемонстрировало свою неэффективность в решении самых простых вопросов, например, таких, как поставки масок, что в очередной раз доказало в глазах избирателей правоту националистов, ратующих за создание конфедерации в Бельгии.

На последних парламентских выборах в Бельгии в мае 2019 г. ультраправая партия «Фламандский интерес» и правая националистическая партия «Новый фламандский альянс» во главе с Бартом Де Вевером получили соответственно 11,95 и 16,03% голосов избирателей-северян⁸. Южане, наоборот, предпочли отдать свои голоса социалистам и крайне левым. Эти выборы не смогли изменить ситуацию политической раздробленности и политического кризиса в стране, тянувшегося еще с 2018 г. На протяжении 15 месяцев шли переговоры о формировании нового правительства. Перед опасностью пандемии было принято решение о формировании чрезвычайного коалиционного правительства меньшинства во главе с либералкой Софи Вильмес, наде-

ленного особыми полномочиями для борьбы с коронавирусом.

Однако лидер «Фламандского интереса» смог удачно обыграть сложившиеся обстоятельства, назвав новое правительство «политическим обманом», поскольку оно подкреплено всего 38 из 150 депутатов, и при его формировании решающее значение имело «не здоровье людей», а интересы «левых и франкоязычных сил»⁹. Националисты из «Фламандского интереса» постоянно поднимают вопрос о том, кто будет платить за разразившийся кризис, а также о затянувшемся карантине, который не спешат снимать чрезвычайное правительство и готовый на компромисс с ним «Новый фламандский альянс». В итоге в марте 2020 г. рейтинги «Фламандского интереса» взлетели до 26%. А популярность идущего на уступки югу «Нового фламандского альянса» упала до 19%. При этом ультраправый «Фламандский интерес» оказался самой мощной, но не представленной в правительстве Бельгии партией.

Скандинавские ультраправые и особый шведский путь борьбы с коронавирусом

Большинство скандинавских стран встретили пандемию COVID-19 под аплодисменты своим социал-демократическим партиям. За исключением Норвегии, где власть уже продолжительное время находится в руках Консервативной партии, формирующей еще с 2013 г. коалиционное правительство, несмотря на то, что на парламентских выборах как в 2013 г., так и в

8 Belgium – National Parliament Voting Intention (2020) // Politico Poll of Polls – Belgian Polls, Trends and Election News for Belgium // <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/belgium/>, дата обращения 25.08.2020.

9 Noodregering is voor Vlaams Belang "politiek bedrog" (2020) // Healthcare Executive, Maart 16, 2020 // <https://www.healthcare-executive.be/nl/nieuws/noodregering-is-voor-vlaams-belang-politiek-bedrog.html>, дата обращения 25.08.2020.

2017 г. именно социал-демократическая Рабочая партия получала большинство голосов избирателей.

В ходе пандемической весны рейтинги норвежской Консервативной партии значительно улучшились. Как и в других странах, это объясняется ростом доверия граждан своим правительствам в кризисной ситуации. Благоприятная относительно других европейских стран эпидемиологическая ситуация в Норвегии закрепила данный тренд. На 5 июня 2020 г. в стране было зафиксировано 8 510 случаев заражения COVID-19 и всего 237 смертей от него [Norrestad (1) 2020].

Ультраправая норвежская Партия прогресса долгое время считалась партнером Консервативной партии и даже входила в коалиционное правительство страны с 2013 г. Однако ее рейтинги неумолимо падали параллельно ее слиянию с правящей партией. В январе 2020 г., буквально накануне пандемии, Партия прогресса заявила о своем выходе из коалиционного правительства. Находясь в оппозиции, норвежские ультраправые, очевидно, надеются поднять свою падающую популярность. В июне 2020 г., согласно соцопросам, к сторонникам Партии прогресса относили себя 11% населения.

Еще ниже поддержка крайне правых в Дании. Последний год за Датскую народную партию готовы были проголосовать не более 7% избирателей. Основная борьба за власть разворачивается между Социал-демократической партией, сформировавшей в 2019 г. свое правительство меньшинства, и либеральной партией Венстре, традиционно кооперирующейся с Датской народной партией. В ходе коронавирус-

ной весны рейтинги датских социал-демократов подскочили с 27 до 35%, а их оппонентов, соответственно, уменьшились¹⁰. Датчане в целом поддерживают меры, принятые правительством против распространения COVID-19. Они продемонстрировали эффективность: к 6 июня было зарегистрировано лишь 580 летальных случаев из 12 тыс. заболевших граждан в Дании [Norrestad (1) 2020].

Две другие скандинавские страны, Швецию и Финляндию, объединяет тот факт, что в настоящее время их ультраправые партии пользуются широкой поддержкой населения, однако истеблишмент наотрез отказывается с ними сотрудничать. У власти в Финляндии находится коалиционное правительство во главе с Социал-демократической партией. Ультраправые «Истинные финны» проиграли им на последних парламентских выборах в апреле 2019 г.: всего 0,3% голосов с итоговым результатом 17,48% голосов избирателей. Однако уже в декабре 2019 г. «Истинные финны», согласно опросам, достигли 23%, став бесспорным лидером на политической сцене Финляндии. И лишь угроза распространения в стране коронавируса, а также эффективность предпринятых правительством мер повернули события вспять: возросла поддержка правящих социал-демократов. За весну 2020 г. она поднялась с 14% до 22%, тогда как рейтинг ультраправых «Истинных финнов» плавно спустился с 23 до 18%¹¹.

Шведская Социал-демократическая партия также в ходе коронавирусной весны 2020 г. совершила существенный рывок. Всего за один месяц (апрель) она полностью восстановила до-

10 Denmark – National Parliament Voting Intention (2020) // Politico Poll of Polls – Danish Polls, Trends and Election News for Denmark // <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/denmark/>, дата обращения 25.08.2020.

11 Finland – National Parliament Voting Intention (2020) // Politico Poll of Polls – Finish Polls, Trends and Election News for Finland // <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/finland/>, дата обращения 25.08.2020.

верие избирателей после пятилетнего драматического снижения собственной популярности, поднявшись с 23,8 до 30,6%. Таких успехов шведские социал-демократы не добивались с 1967 г. Последние годы репутация социал-демократов была сильно подорвана в Швеции. Страна едва не погрузилась в политический кризис после внеочередных парламентских выборов в сентябре 2018 г. Больше четырех месяцев ушло на формирование нового – самого слабого в истории страны – «красно-зеленого» правительства меньшинства под руководством растерявшего свою популярность лидера социал-демократов Стефана Лёвена.

Коронавирусная пандемия резко изменила расклад политических сил в Швеции. На фоне укрепления социал-демократов существенно пошатнулась позиция ультраправых «Шведских демократов», спустившихся в рейтинге популярности с 22 до 19% и даже, с большой долей вероятности, потерявших место крупнейшей оппозиционной силы в Риксдаге. Аналитики полагают, что новое игровое поле, которое образуется на политической сцене в Швеции после коронавируса и вызванного им экономического кризиса, будет способствовать усилению Умеренной коалиционной партии, которая уже сейчас в опросах общественного мнения незначительно опережает «Шведских демократов». В решении финансовых вопросов шведские избиратели однозначно предпочитают «Умеренных» [Lönegård (2) 2020], тогда как проблемы здравоохранения и борьба с безработицей считались сильной стороной социал-демократов, что, среди прочего, объясняет рост их популярности не только в Швеции, но и во всей Скандинавии в целом. Что касается крайне правых «Шведских демократов», то им пока не помогла продолжительная работа над собственным имиджем, отсе-

кающая все радикальные элементы и сдвигающая идеологические установки в сторону центра. В глазах избирателей за «Шведскими демократами» закреплён образ партии одного вопроса, традиционная антииммиграционная риторика которой в настоящий момент малоактуальна. Ультраправым остается лишь критиковать выбранную стратегию шведского правительства по борьбе с коронавирусом, которая действительно вызывает немало споров как внутри страны, так и за ее пределами.

Швеция оказалась единственной страной в ЕС, которая пошла по пути всеобщего иммунитета и не стала вводить жесткие карантинные меры [Волков 2020]. Несмотря на стремительно растущее количество зараженных COVID-19 и связанных с ним летальных исходов, в середине мая, согласно опросу DN/Ipsos, 7 из 10 шведов все еще продолжали доверять главному государственному эпидемиологу Андерсу Тегнеллу, продвигающему уникальную шведскую стратегию по борьбе с коронавирусом. Учитывая общественное мнение, лидер «Шведских демократов» Йимми Окессон, долгое время не умалял репутацию А. Тегнелла, однако указывал на то, что премьер-министр Стефан Лёвен прячется за спиной этого популярного чиновника-эпидемиолога, в то время как должен максимизировать защиту пожилых людей и жилья престарелых, на которые приходится большая доля распространения COVID-19 с летальным исходом [Lönegård (1) 2020]. И лишь когда в первые июньские дни 2020 г. заболеваемость коронавирусом в Швеции стала самой высокой в мире в перерасчете на душу населения, лидер ультраправых «Шведских демократов» с гневом обрушился на главного эпидемиолога, потребовав от него «взять на себя ответственность перед народом за допущенные ошибки» и «уйти в отставку». К 4 июня 2020 г. COVID-19 был

подтвержден у 42 712 человек, умерло от него 4 639 человек, а количество ежедневно выявляемых новых случаев стало превышать 1 000 [Norrestad (1) 2020].

Усложнившаяся эпидемиологическая обстановка в Швеции к началу лета 2020 г., по сути, развязала руки шведским ультраправым. С целью перехватить инициативу у истеблишмента и увеличить электоральную поддержку за счет недовольных ситуацией граждан «Шведские демократы» могут обратиться к опыту Марин Ле Пен, переняв агрессивную стратегию французских ультраправых. Йимми Окессон уже приступил к обличению власти, написав в DN Debatt, что «политический престиж никогда не должен ставиться выше ценности спасения жизни»¹².

Пандемия COVID-19 оказала резонансное воздействие на системы здравоохранения европейских стран. Перед лицом угрозы смертельной эпидемии европейцы выразили полное доверие своим правительствам, повернув вспять прежние тенденции драматического снижения популярности партий истеблишмента. Консервативные, либеральные и социал-демократические силы резко улучшили собственную популярность на начальном этапе борьбы с коронавирусной инфекцией.

Этот тренд закрепился прежде всего для тех стран, которые отчетливо продемонстрировали эффективность принимаемых мер, где не было существенных финансовых и организационных проблем, где правительство смогло оказать должную поддержку населению, которое, в свою очередь, объединилось перед лицом общей опасности. Подтверждением тому стали Германия и стра-

ны Скандинавии. Так, в Швеции находящиеся у власти социал-демократы, выбравшие весьма своеобразный путь борьбы с коронавирусной инфекцией, всего за один месяц (апрель 2020 г.) полностью восстановили доверие избирателей после пятилетнего драматического снижения собственной популярности, достигнув планки 30,6%. Еще больше упрочил свое положение в борьбе с пандемией блок ХДС/ХСС, состоящий из двух партий, входящих в правительство ФРГ. С марта по май 2020 г. его популярность выросла на 10%.

Напротив, в тех странах, где общество недостаточно консолидировано и перед стремительно распространяющимся вирусом правительство продемонстрировало, скорее, собственное бессилие, вызванное рядом внутренних проблем и внешних обстоятельств, наметился рост радикальных, прежде всего националистических, крайне правых настроений. Наличие серьезного раскола внутри бельгийского общества и проблемы государственного устройства Бельгии обеспечили в ходе пандемии взрывной рост популярности праворадикальной партии «Фламандский интерес». Непростая ситуация сложилась в Италии, где страна вступила в острейший кризис здравоохранения под руководством коалиционного правительства, ядром которого являются популистское антисистемное «Движение пяти звезд» и Демократическая партия Италии. Согласно социологическим опросам, за время эпидемии доверие этому правительству выросло лишь незначительно [Rubino 2020]. Лидером оппозиции по-прежнему остается ультраправая «Лига». Впрочем, и она не увеличила свою электоральную поддержку. Настоящий сюрприз преподнесла дру-

12 DN Debatt. "Tegnell måste ta ansvar för misstagen och avgå" (2020) // Dagens Nyheter, Juni 6, 2020 // <https://www.dn.se/debatt/tegnell-maste-ta-ansvar-for-misstagen-och-avgal>, дата обращения 25.08.2020.

гая крайне правая партия «Братья Италии», взвешенно и конструктивно раскритиковавшая действия правительства и практически сравнившая свою популярность с рейтингом «Движения пяти звезд» (14 и 16% соответственно в мае 2020 г.).

Неопределенная обстановка сложилась во Франции и Швеции к концу пандемической весны 2020 г., несмотря на диаметрально противоположные методы правительственной борьбы с COVID-19 в этих странах. Жесткие карантинные меры во Франции и, напротив, толерантные, рекомендательные ограничения в Швеции подготовили благоприятную почву для агрессивного наступления ультраправых в этих странах. Французское «Национальное объединение» и «Шведские демократы» уже приступили к реализации собственных планов по обличению всевозможных ошибок, допущенных элитой в ходе коронавирусного кризиса. Оппозиционное положение, а именно в нем находятся большинство западноевропейских ультраправых партий, в кризисные периоды может оказаться весьма выгодным в плане перетягивания на свою сторону популистскими методами недовольного властью избирателя.

Список литературы

- Волков А. (2020) Стратегия борьбы с коронавирусом в Швеции // ИМЭМО РАН. 20 апреля 2020 // <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/strategiya-borybi-s-koronavirusom-v-shvetsii>, дата обращения 25.08.2020.
- Fiedler M. (1) (2020) “Die Wutmaschine funktioniert nicht mehr” Warum die AfD in der Corona-Krise an Reichweite verliert // Der Tagesspiegel, April 7, 2020 // <https://m.tagesspiegel.de/agenda/die-wutmaschine-funktioniert-nicht-mehr-warum-die-afd-in-der-corona-krise-an-reichweite-verliert/25720228.html>, дата обращения 25.08.2020.
- Fiedler M. (2) (2020) Mit voller Kraft gegen den Lockdown Wie die AfD versucht, aus dem Corona-Tief zu kommen // Der Tagesspiegel, Mai 8, 2020 // <https://m.tagesspiegel.de/politik/mit-voller-kraft-gegen-den-lockdown-wie-die-afd-versucht-aus-dem-corona-tief-zu-kommen/25808282.html>, дата обращения 25.08.2020.
- Ichner B. (2020) “Koran gefährlicher als Corona”: Muslime zeigen Norbert Hofer an // Kurier, Juni 17, 2020 // <https://kurier.at/chronik/wien/koran-gefaehrlicher-als-corona-muslime-zeigen-norbert-hofer-an/400942760>, дата обращения 25.08.2020.
- Kamann M. (1) (2020) Anti-Lockdown-Demos: AfD und die neuen Verschwörungstheoretiker. So belebt die AfD ihr Feindbild Merkel wieder // Die Welt, Mai 11, 2020 // <https://amp.welt.de/politik/deutschland/plus207902751/Anti-Lockdown-Demos-AfD-und-die-neuen-Verschwörungstheoretiker.html>, дата обращения 25.08.2020.
- Kamann M. (2) (2020) Corona-Krise: Jetzt wird die AfD zur Anti-Shutdown-Partei // Die Welt, April 29, 2020 // <https://www.welt.de/politik/deutschland/plus207617803/Corona-Krise-Jetzt-wird-die-AfD-zur-Anti-Shutdown-Partei.html>, дата обращения 25.08.2020.
- Kirst V. (2020) Italiens tiefe Enttäuschung über Deutschland // Die Welt, April 16, 2020 // <https://amp.welt.de/politik/ausland/plus207292031/Corona-Krise-Italiens-Wut-auf-Deutschland.html>, дата обращения 25.08.2020.
- Lönegård Cl. (1) (2020) Åkesson: Löfven gömmer sig bakom tjänstemän // Svenska Dagbladet, Maj 7, 2020 // <https://www.svd.se/akesson-tegnell-ar-inte-en-lysande-kommunikator/i/utvalt/om/jimmie-akesson>, дата обращения 25.08.2020.
- Lönegård Cl. (2) (2020) Rekordökning för S i ny SvD/Sifo: “Exceptionellt”

// Svenska Dagbladet, April 9, 2020 // <https://www.svd.se/rekordokning-for-s-i-pny-svd-sifo-exceptionellt>, дата обращения 25.08.2020.

Magri U. (2020) Meloni all'attacco sulla Fase 2: "Conte sfida la nostra pazienza Ma sulla piazza Salvini sbaglia" // La Stampa, Aprile 28, 2020 // <https://www.lastampa.it/topnews/primo-piano/2020/04/28/news/meloni-all-attacco-sulla-fase-2-conte-sfida-la-nostra-pazienza-ma-sulla-piazza-salvini-sbaglia-1.38771920/amp/>, дата обращения 25.08.2020.

Mari L. (2020) La Lega occupa il Parlamento, ma sui social è rivolta: "Ci fate vergognare del nostro Paese" // La Repubblica, Aprile 30, 2020 // <https://www.repubblica.it/politica/2020/04/30/news/lega-occupa-parlamento-e-social-in-rivolta-255265706/amp/>, дата обращения 25.08.2020.

Mazuir V. (2020) Sondage – L'Observatoire politique Elabe "Les Echos" // Les Echos, Septembre 10, 2020 // <https://www.lesechos.fr/amp/1017387>, дата обращения 25.08.2020.

Mestre A., Soullier L. (2020) Coronavirus: La France insoumise et le Rassemblement national veulent profiter de la colère // Le Monde, Mai 12, 2020 // https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/05/12/coronavirus-la-france-insoumise-et-le-rassemblement-national-veulent-profiter-de-la-colere_6039375_823448.html?_ga=2.24033594.107467483.1589480794-1052328830.1589480794, дата обращения 25.08.2020.

Mudde C. (2007) Populist Radical Right Parties in Europe, Cambridge University Press.

Mudde C. (2016) Populist Radical Right Parties in Europe Today. Transformations of Populism in Europe and the Americas: History and Recent Tendencies, London: Bloomsbury Academic // https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_19850/objava_25030/fajlovi/Popu-

<list%20radical%20right%20Europe.pdf>, дата обращения 14.07.2020.

Nienaber M. (2020) Germany Launches 750 Billion Euro Package to Fight Coronavirus // Reuters, March 23, 2020 // <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-germany-budget-idUSKBN21A2XU>, дата обращения 25.08.2020.

Norrestad F. (1) (2020) Coronavirus (COVID-19) in the Nordics – Statistics & Facts // Statista, September 17, 2020 // <https://www.statista.com/topics/6123/coronavirus-covid-19-in-the-nordics/>, дата обращения 20.09.2020.

Norrestad F. (2) (2020) Cumulative Number of Coronavirus (COVID-19) Cases in Sweden since February 2020 // Statista, June 4, 2020 // <https://www.statista.com/statistics/1102203/cumulative-coronavirus-cases-in-sweden/>, дата обращения 20.09.2020.

Poussielgue G. (2020) Exclusif – La confiance envers Emmanuel Macron rechute avant le déconfinement // Les Echos, Mai 7, 2020 // <https://www.lesechos.fr/amp/1201107>, дата обращения 25.08.2020.

Pucciarelli M. (2020) Sondaggi, effetto Covid sui partiti: in due mesi cala la Lega e il Pd si avvicina. E i 5S tornano a respirare // La Repubblica, Maggio 13, 2020 // https://www.repubblica.it/politica/2020/05/13/news/covid_sondaggi_politica-256477818/amp/, дата обращения 25.08.2020.

Radtke R. (1) (2020) Todesfälle in Zusammenhang mit dem Coronavirus (COVID-19) je Million Einwohner in ausgewählten Ländern // Statista, Mai 22, 2020 // <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1111794/umfrage/todesfaelle-mit-coronavirus-covid-19-je-millionen-einwohner-in-ausgewaehlten-laendern/>, дата обращения 22.05.2020.

Radtke R. (2) (2020) Todesfälle in Zusammenhang mit dem Coronavirus (COVID-19) seit Dezember 2019 nach am schwersten betroffenen Ländern // Statista, Mai 22, 2020 // <https://de.statista.com/>

statistik/daten/studie/1100818/umfrage/todesfaelle-aufgrund-des-coronavirus-2019-ncov-nach-laendern/, дата обращения 22.05.2020.

Rubino M. (2020) Sondaggi politici: Lega sempre più giù, sale Il M5s. Pd stabile // La Repubblica, Aprile 8, 2020 // https://www.repubblica.it/politica/2020/04/08/news/sondaggi_politici_8_aprile_lega_giu_-253441550/, дата обращения 25.08.2020.

Sapin Ch. (2020) Marine Le Pen: “Les Français mesurent l’effondrement de l’État”. Interview // Le Figaro, Mars 27, 2020 // <https://www.lefigaro.fr/politique/marine-le-pen-les-francais-mesurent-l-effondrement-de-l-etat-20200327>, дата обращения 25.08.2020.

Schlieben M. (2020) Bundestag: Der große Corona-Konsens // Zeit Online, März 25, 2020 // <https://www.zeit.de/amp/politik/deutschland/2020-03/bundestag-coronavirus-scholz-gauland-lindner-kip-ping>, дата обращения 25.08.2020.

Soullier L. (1) (2020) Coronavirus: Marine Le Pen et la rhétorique du “men-

songe d’Etat” // Le Monde, Mars 30, 2020 // https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/03/30/coronavirus-marine-le-pen-et-la-rethorique-du-mensonge-d-etat_6034940_823448.html, дата обращения 25.08.2020.

Soullier L. (2) (2020) Deux ans et demi avant l’échéance, Marine Le Pen se déclare candidate à la présidentielle de 2022. La chef de file de l’extrême droite française avait déjà fait part de ses ambitions en fin d’année dernière // Le Monde, Janvier 16, 2020 // https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/01/16/deux-ans-et-demi-avant-l-echeance-marine-le-pen-se-declare-candidate-a-la-presidentielle-de-2022_6026133_823448.html, дата обращения 25.08.2020.

Sternberg J. (2020) Widerstand 2020: Was ist das und was steckt hinter der Protestpartei? // Redaktionsnetzwerk Deutschland, Mai 28, 2020 // <https://www.rnd.de/politik/widerstand-2020-was-ist-das-und-was-steckt-hinter-der-protestpartei-R2CPFI4ITJHU5DSZZXRPZXQFRM.html>, дата обращения 25.08.2020.

Problems of the Old World

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-6

The Pandemic Strategies of the Far-Right Parties in Western Europe

Anna S. BADAIEVA

PhD in Politics, Researcher, Theory of Politics Section

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: annabadaeva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8345-6051

CITATION: Badaeva A.S. (2020) The Pandemic Strategies of the Far-Right Parties in Western Europe. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 94–113 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-6

Received: 14.07.2020.

ABSTRACT. *The author explores the behavior of the West-European far-right parties under the coronavirus crisis circumstances. In the beginning stage of the COVID-19 pandemic in spring 2020 opposition right-wing nationalist parties tried immediately to take advantage of the difficult health situation and of the following social shock and economic problems. The actions and the rhetoric of these parties varied depending on the each country specific circumstances: number of pandemic casualties, strictness and effectiveness of measures taken by the government, national characteristic. Right-wing nationalist were able to achieve success exactly in those West-European countries, where the society was not enough consolidated. For example, Vlaams Belang in Belgium and Brothers of Italy became very popular. In front of this national cohesion and unity of society have created a formidable opposition to anti-government right-wing agitation. Political campaigns of Scandinavian far-right parties, Alternative for Germany, National Rally and the Freedom Par-*

ty of Austria were almost ineffective. The current situation is unprecedented and indefinite. All sides of the political process are under tension and they are trying to calculate all possible scenarios for further development of events.

KEY WORDS: *Far Right parties, Western Europe, nationalism, populism, National Rally (RN), Brothers of Italy (Fdl), Alternative for Germany (AfD), Sweden Democrats (SD), Vlaams Belang (VB), Coronavirus disease 2019 (COVID-19)*

References

Fiedler M. (1) (2020) “Die Wutmaschine funktioniert nicht mehr” Warum die AfD in der Corona-Krise an Reichweite verliert. *Der Tagesspiegel*, April 7, 2020. Available at: <https://m.tagesspiegel.de/agenda/die-wutmaschine-funktioniert-nicht-mehr-warum-die-afd-in-der-corona-krise-an-reichweite-verliert/25720228.html>, accessed 25.08.2020.

Fiedler M. (2) (2020) Mit voller Kraft gegen den Lockdown Wie die AfD versucht, aus dem Corona-Tief zu kommen. *Der Tagesspiegel*, Mai 8, 2020. Available at: <https://m.tagesspiegel.de/politik/mit-voller-kraft-gegen-den-lockdown-wie-die-afd-versucht-aus-dem-corona-tief-zu-kommen/25808282.html>, accessed 25.08.2020.

Ichner B. (2020) “Koran gefährlicher als Corona”: Muslime zeigen Norbert Hofer an. *Kurier*, Juni 17, 2020. Available at: <https://kurier.at/chronik/wien/koran-gefaehrlicher-als-corona-muslime-zeigen-norbert-hofer-an/400942760>, accessed 25.08.2020.

Kamann M. (2020) Anti-Lockdown-Demos: AfD und die neuen Verschwörungstheoretiker. So belebt die AfD ihr Feindbild Merkel wieder. *Die Welt*, Mai 11, 2020. Available at: <https://amp.welt.de/politik/deutschland/plus207902751/Anti-Lockdown-Demos-AfD-und-die-neuen-Verswoerungstheoretiker.html>, accessed 25.08.2020.

Kamann M. (2) (2020) Corona-Krise: Jetzt wird die AfD zur Anti-Shutdown-Partei. *Die Welt*, April 29, 2020. Available at: <https://www.welt.de/politik/deutschland/plus207617803/Corona-Krise-Jetzt-wird-die-AfD-zur-Anti-Shutdown-Partei.html>, accessed 25.08.2020.

Kirst V. (2020) Italiens tiefe Enttäuschung über Deutschland. *Die Welt*, April 16, 2020. Available at: <https://amp.welt.de/politik/ausland/plus207292031/Corona-Krise-Italiens-Wut-auf-Deutschland.html>, accessed 25.08.2020.

Lönegård Cl. (1) (2020) Åkesson: Löfven gömmer sig bakom tjänstemän. *Svenska Dagbladet*, Maj 7, 2020. Available at: <https://www.svd.se/akesson-tegnell-ar-inte-en-lysande-kommunikator/i/utvalt/om/jimmie-akesson>, accessed 25.08.2020.

Lönegård Cl. (2) (2020) Rekordökning för S i ny SvD/Sifo: “Exceptionellt”. *Svenska Dagbladet*, April 9, 2020. Available at: <https://www.svd.se/rekordokning-for-s-i-ny-svd-sifo>

s-i-ny-svd-sifo-exceptionellt, accessed 25.08.2020.

Magri U. (2020) Meloni all’attacco sulla Fase 2: “Conte sfida la nostra pazienza Ma sulla piazza Salvini sbaglia”. *La Stampa*, Aprile 28, 2020. Available at: <https://www.lastampa.it/topnews/primo-piano/2020/04/28/news/meloni-all-attacco-sulla-fase-2-conte-sfida-la-nostra-pazienza-ma-sulla-piazza-salvini-sbaglia-1.38771920/amp/>, accessed 25.08.2020.

Mari L. (2020) La Lega occupa il Parlamento, ma sui social è rivolta: “Ci fate vergognare del nostro Paese”. *La Repubblica*, Aprile 30, 2020. Available at: https://www.repubblica.it/politica/2020/04/30/news/lega_occupa_parlamento_e_social_in_rivolta-255265706/amp/, accessed 25.08.2020.

Mazuir V. (2020) Sondage – L’Observatoire politique Elabe “Les Echos”. *Les Echos*, Septembre 10, 2020. Available at: <https://www.lesechos.fr/amp/1017387>, accessed 25.08.2020.

Mestre A., Soullier L. (2020) Coronavirus: La France insoumise et le Rassemblement national veulent profiter de la colère. *Le Monde*, Mai 12, 2020. Available at: https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/05/12/coronavirus-la-france-insoumise-et-le-rassemblement-national-veulent-profiter-de-la-colere_6039375_823448.html?_ga=2.24033594.107467483.1589480794-1052328830.1589480794, accessed 25.08.2020.

Mudde C. (2007) *Populist Radical Right Parties in Europe*, Cambridge University Press.

Mudde C. (2016) *Populist Radical Right Parties in Europe Today. Transformations of Populism in Europe and the Americas: History and Recent Tendencies*, London: Bloomsbury Academic. Available at: https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_19850/objava_25030/fajlovi/Populist%20radical%20right%20Europe.pdf, accessed 14.07.2020.

Nienaber M. (2020) Germany Launches 750 Billion Euro Package to Fight Coronavirus. *Reuters*, March 23, 2020. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-germany-budget-idUSKBN21A2XU>, accessed 25.08.2020.

Norrestad F. (1) (2020) Coronavirus (COVID-19) in the Nordics – Statistics & Facts. *Statista*, September 17, 2020. Available at: <https://www.statista.com/topics/6123/coronavirus-covid-19-in-the-nordics/>, accessed 20.09.2020.

Norrestad F. (2) (2020) Cumulative Number of Coronavirus (COVID-19) Cases in Sweden since February 2020. *Statista*, June 4, 2020. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1102203/cumulative-coronavirus-cases-in-sweden/>, accessed 20.09.2020.

Poussielgue G. (2020) Exclusif – La confiance envers Emmanuel Macron rechute avant le déconfinement. *Les Echos*, Mai 7, 2020. Available at: <https://www.lesechos.fr/amp/1201107>, accessed 25.08.2020.

Pucciarelli M. (2020) Sondaggi, effetto Covid sui partiti: in due mesi cala la Lega e il Pd si avvicina. E i 5S tornano a respirare. *La Repubblica*, Maggio 13, 2020. Available at: https://www.repubblica.it/politica/2020/05/13/news/covid_sondaggi_politica-256477818/amp/, accessed 25.08.2020.

Radtke R. (1) (2020) Todesfälle in Zusammenhang mit dem Coronavirus (COVID-19) je Million Einwohner in ausgewählten Ländern. *Statista*, Mai 22, 2020. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1111794/umfrage/todesfaelle-mit-coronavirus-covid-19-je-millionen-einwohner-in-ausgewaehlten-laendern/>, accessed 22.05.2020.

Radtke R. (2) (2020) Todesfälle in Zusammenhang mit dem Coronavirus (COVID-19) seit Dezember 2019 nach am schwersten betroffenen Ländern. *Statista*, Mai 22, 2020. Available at: [\[die/1100818/umfrage/todesfaelle-aufgrund-des-coronavirus-2019-ncov-nach-laendern/\]\(https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1100818/umfrage/todesfaelle-aufgrund-des-coronavirus-2019-ncov-nach-laendern/\), accessed 22.05.2020.](https://de.statista.com/statistik/daten/stu-</p>
</div>
<div data-bbox=)

Rubino M. (2020) Sondaggi politici: Lega sempre più giù, sale Il M5s. Pd stabile. *La Repubblica*, Aprile 8, 2020. Available at: https://www.repubblica.it/politica/2020/04/08/news/sondaggi_politici_8_aprile_lega_giu_-253441550/, accessed 25.08.2020.

Sapin Ch. (2020) Marine Le Pen: “Les Français mesurent l’effondrement de l’État”. Interview. *Le Figaro*, Mars 27, 2020. Available at: <https://www.lefigaro.fr/politique/marine-le-pen-les-francais-mesurent-l-effondrement-de-l-etat-20200327>, accessed 25.08.2020.

Schlieben M. (2020) Bundestag: Der große Corona-Konsens. *Zeit Online*, März 25, 2020. Available at: <https://www.zeit.de/amp/politik/deutschland/2020-03/bundestag-coronavirus-scholz-gauland-lindner-kipping>, accessed 25.08.2020.

Soullier L. (1) (2020) Coronavirus: Marine Le Pen et la rhétorique du “mensonge d’Etat”. *Le Monde*, Mars 30, 2020. Available at: https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/03/30/coronavirus-marine-le-pen-et-la-rethorique-du-mensonge-d-etat_6034940_823448.html, accessed 25.08.2020.

Soullier L. (2) (2020) Deux ans et demi avant l’échéance, Marine Le Pen se déclare candidate à la présidentielle de 2022. La chef de file de l’extrême droite française avait déjà fait part de ses ambitions en fin d’année dernière. *Le Monde*, Janvier 16, 2020. Available at: https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/01/16/deux-ans-et-demi-avant-l-echeance-marine-le-pen-se-declare-candidate-a-la-presidentielle-de-2022_6026133_823448.html, accessed 25.08.2020.

Sternberg J. (2020) Widerstand 2020: Was ist das und was steckt hinter der Protestpartei? *Redaktionsnetzwerk Deutschland*, Mai 28, 2020. Availab-

le at: <https://www.rnd.de/politik/widerstand-2020-was-ist-das-und-was-steckt-hinter-der-protestpartei-R2CPFI4IT-JHU5DSZZXRPZXQFRM.html>, accessed 25.08.2020.

Volkov A. (2018) Sweden's Strategy on Fighting against COVID-19.

IMEMO RAS, April 20, 2020. Available at: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/strategiya-borybi-s-koronavirusom-v-shvetsii>, accessed 22.07.2020 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-7

Европейский правый центризм перед лицом коронавирусного кризиса

Алексей Николаевич СМЕРНОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: stp@imemo.ru
ORCID: 0000-0001-5532-8685

ЦИТИРОВАНИЕ: Смирнов А.Н. (2020) Европейский правый центризм перед лицом коронавирусного кризиса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 114–127. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-7

Статья поступила в редакцию 14.07.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается реакция европейских политиков правоцентристского толка на угрозы, сопряженные с распространением коронавирусной инфекции. При этом анализируется политический контекст восприятия проблемы, особенно рельефно выраженный в подходах к пониманию наступившего кризиса и его последствий для европейского интеграционного проекта. Констатируется тесная взаимосвязь, существующая между актуализацией национально-государственной идентичности европейцев и возрастающими требованиями к их безопасности. По оценкам ведущих представителей Европейской народной партии, сегодня страх играет более заметную роль в политике, превалируя над дружными социальными эмоциями. В подобных условиях важнейшим политическим фактором становится фундаментальная потребность людей идентифицировать себя как часть более крупного сообщества через язык, религию или общее понимание истории.

По мнению автора статьи, вирусная опасность выступает как фактор

спонтанного обострения противоречий между национальными суверенитетами и лояльностью общеевропейским структурам. В то же время экстренные действия национальных правительств, вынужденных бороться с вирусной опасностью, не несут в себе прямой угрозы европейским институтам, но ставят под сомнение их эффективность. Руководству Евросоюза придется найти правильные решения и приложить неординарные усилия, чтобы сохранить общий интеграционный вектор при возросшей актуальности национальных компетенций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Евросоюз, коронавирусный кризис, правый центризм, Европейская народная партия, интеграция, национализм, европейский проект, солидарность, координация, безопасность

Начало XXI в. стало временем нелегких испытаний для европейского политического сообщества. Драматические события современности задают новые, часто неожиданные и непривычные

условия существования социальной среды, формируют иную, созвучную происходящему, политическую повестку, качественно отличную от той, что волновала людей в совсем недавнем прошлом. Столь серьезные вызовы не могут не повлиять на состояние и пути эволюции основных политических сил Старого Света. Их программные установки и мировоззренческие принципы, являясь барометрами массовых настроений, довольно точно отображают динамику актуальных событий. В среднесрочной перспективе подобная зависимость ведет к трансформации идейных основ различных политических течений и, как следствие, к серьезному изменению идеологического ландшафта современной Европы. В числе наиболее чувствительных стрессов, оставивших заметный отпечаток в европейском политическом сознании, следует назвать мощный всплеск террористической угрозы в первом десятилетии XXI в., мировой экономический кризис 2008–2009 гг., миграционный кризис, украинский кризис с рецидивами глобального геополитического противостояния. С начала 2020 г. этот перечень нападений, еще отнюдь не изжитых и не ставших достоянием прошлого, пополняется пандемией COVID-19.

В настоящей статье будет рассмотрена реакция европейских политиков правоцентристского толка на угрозы, сопряженные с распространением коронавирусной инфекции. При этом внимания заслуживает политический контекст восприятия проблемы, особенно рельефно выраженный в подходах к пониманию наступившего кризиса и его последствий для европейского интеграционного проекта. Предваряя анализ сложившейся ситуации, следует подчеркнуть, что ковидная опасность стала для правоцентристов не только суровым вызовом, но и серьезным экзаменом, дающим возможность проде-

монстрировать зрелость и надежность созданных ими наднациональных институтов. Вероятно, пока слишком преждевременно судить о том, насколько успешно выдержан этот экзамен. Однако, как бы то ни было, события 2020 г. сами по себе наверняка послужат уроком европейским политикам и в данном качестве пойдут им на пользу.

Правые центристы накануне пандемии: будущее как вызов

Обращаясь к теме политического осмысления нового глобального кризиса, следует в первую очередь взглянуть на тот комплекс проблем, с которым европейские умеренные консерваторы подошли к началу 2020 г. На прошлогодних выборах в Европарламент правые центристы из Европейской народной партии (ЕРП) добились довольно скромных результатов. Формально лидируя по числу депутатских мандатов (179), они уже не могут составить большинство даже со второй по численности фракцией Прогрессивного альянса социалистов и демократов (152 места), представляющей другое направление политического мейнстрима. Позиции центристов оказались заметно ослаблены за счет незначительного усиления правых популистов – националистов и жестких евроскептиков (в совокупности 111 мест), а также, в еще большей степени, благодаря успеху либералов и «зеленых» (105 и 69 мандатов соответственно). Впрочем, видя в «европозитивно» настроенных силах либерально-демократической и социально-экологической ориентации близких по духу союзников, деятели ЕРП связывали основную угрозу европейской стабильности и собственному положению на политической арене именно с ростом национал-популизма. Консерваторы-евроскептики из партии «Евро-

пейские консерваторы и реформисты» (EKR), занимавшие 3-е место в прежнем составе Европарламента, также сократили свою численность до 60 мест. Объективной причиной этого послужил отток евродепутатов, избранных от Великобритании, в другие фракции, условно объединяющие сторонников и противников Брекзита. Однако трудно отделаться от мысли, что в связи с глубинными подвижками в электоральных предпочтениях европейских избирателей правый консерватизм переживает постепенную маргинализацию, неминуемо ведущую к падению популярности. Для консервативно настроенного электората, хоть и не безоговорочно, но все же принимающего евроинтеграцию в существующем виде, данная партия излишне радикальна, а для настоящих радикалов-евроскептиков – чересчур умеренна [Гуселтов 2019, с. 26–29].

Наиболее очевидным результатом выборов стало фактическое признание нарастающей фрагментации политического пространства Европы, теперь уже на уровне Европарламента. С одной стороны, более двух третей депутатских мест все же осталось за сторонниками интеграции. С другой стороны, наблюдатели отмечают, что утрата ощутимой связи между партийными идеологиями и электоральным поведением граждан Евросоюза даже при большом желании не позволяет считать подобный выбор закономерным. Под стать этому и динамика процессов, протекающих на институциональном уровне. Авторы исследования «Чего в действительности хотят европейцы: пять развенчанных мифов» следующим образом описывают сложившуюся ситуацию: «Вместо того, чтобы сформировать стабильное, предсказуемое избирательное сообщество граждан, которые организованы в партии, европейская политическая система превратилась в непредсказуемое по-

ле битвы постоянно меняющихся союзов между группировками, которые на мгновение собираются вместе, а затем снова взрываются» [Krastev, Leonard, Dennison 2019, p. 7].

Хотя уровень поддержки членства в Евросоюзе достаточно высок и две трети избирателей считают его положительным для благополучия своих стран, основным тоном, задающим настроение европейского электората, является почти нескрываемый пессимизм. Такая парадоксальная картина складывается по результатам опроса, проведенного социологической службой YouGov для Европейского совета по международным отношениям (ECFR) в апреле 2019 г. Как показали исследования, не отрицание установленного порядка вещей, не критика достигнутого, а именно пессимистический настрой граждан в оценке перспектив европейского проекта становится все более серьезной проблемой для руководства Евросоюза, способной превзойти угрозу, исходящую от популистов-евроскептиков [Dennison, Leonard, Lury 2019, pp. 11–12].

Почти во всех государствах объединенной Европы не менее 40% граждан допускают, что ЕС прекратит свое существование в ближайшие 10–20 лет, т. е. не в отдаленной туманной перспективе, за которую «не у кого спросить», а буквально «на глазах» активного ныне поколения [Dennison, Leonard, Lury 2019, p. 2]. Крайне неприятный симптом, характеризующий болезненное состояние европейского общества и вызывающий наибольшее беспокойство у представителей партийного мейнстрима, заключается в отсутствии приемлемого сценария будущего. Чувства тревоги, неуверенности, апатии, выявленные в ходе социологических опросов, коррелировали с неверием в способность государственных органов и общеевропейских структур противостоять грядущим вызовам

и опасностям, прежде всего социально-экономического характера. В сложном сочетании разного рода стрессов друг на друга наслаивались трудновскрываемые проблемные пласты, связанные с миграционным законодательством, бюджетной политикой Евросоюза, геополитикой, энергетической и стратегической безопасностью, изменениями климата, терроризмом, активностью национал-радикалов. Основным выводом исследователей стала констатация смены психологического вектора в реализации европейского проекта. ЕС был создан обществами, которые боялись своего прошлого. Теперь европейцы боятся будущего [Dennison, Leonard, Lury 2019, p. 14]. События последующего года показали, что опасения не беспочвенны, а непредсказуемость будущего отнюдь не является расхожей фигурой речи и может иметь крайне жесткие варианты воплощения.

К концу 2019 г. политическая повестка европейских правоцентристов, по-прежнему занимающих наиболее прочные позиции в руководстве ЕС, включала ряд актуальных вопросов, каждый из которых в той или иной мере затрагивал сложившуюся систему представлений о демократических устоях и конфигурации власти в Евросоюзе. Среди предметов особой озабоченности фигурировали затянувшийся Брекзит, сохранение международных позиций ЕС, в т. ч. непростые отношения с США, поддержание согласованной санкционной политики в отношении России, достижение общеевропейского единства в сфере политики расширения ЕС, набирающий силу приток новой волны иммигрантов из стран Ближнего Востока. Перечисленные проблемы, значимые сами по себе, создавали дополнительное бремя для консерваторов из ЕРР, являясь источниками возрастающего влияния их политических оппонентов. Речь

идет о правых популистах, чей прорыв во властные структуры воспринимается едва ли не как главная угроза объединенной Европе. В том же проблемном ключе выступают и действия авторитарного премьер-министра Венгрии Виктора Орбана – «агрессивного» харизматичного консерватора, не только демонстративно пренебрегающего требованиями ЕС, но и бросающего системный вызов политике Брюсселя.

Описанная ситуация задала общее направление дискуссии на очередном, 24-м, съезде Европейской народной партии, открывшемся 20 ноября 2019 г. в Загребе. Делегаты съезда избрали нового президента партии. Им стал видный представитель польской либерально-консервативной партии «Гражданская платформа» Дональд Туск, на момент избрания готовившийся покинуть пост главы Европейского совета, а ранее длительное время возглавлявший правительство Польши. Выступая на партийном форуме, Туск расценил итоги майских выборов в Европарламент как безусловную победу ЕРР, одержанную несмотря на негативные тенденции и усилия противников.

Основной же посыл выступления новоизбранного лидера сводился к констатации тесной взаимосвязи, существующей между актуализацией национально-государственной идентичности европейцев и возрастающими требованиями к их безопасности. По его словам, до недавнего времени безопасность и идентичность, генерируемые государственной властью, воспринимались как достояние прошлого, имеющее неочевидную значимость для последующих поколений. Реальность опровергает подобные прогнозы. Сегодня страх играет более заметную роль в политике, превалируя над другими социальными эмоциями. Острую нехватку безопасности провоцируют атаки террористов и перманентный мигра-

ционный кризис. В условиях нарастающей неопределенности особенно велик спрос на решительных и самоуверенных политиков, все громче звучат голоса тех, кто, апеллируя к национальному достоинству и ценностям государственного суверенитета, предлагает простые рецепты избавления от проблем. Противодействие националистам Туск считает одной из основных задач возглавляемой им партии: «Ни при каких обстоятельствах мы не можем отдать сферу безопасности и порядка политическим популистам, манипуляторам и автократам, которые заставляют людей поверить, что свободу нельзя примирить с безопасностью, а защиту границ и территорий с либеральной демократией» [Tusk 2019].

Вместе с тем выступающий подчеркнул, что «людям нужен порядок, гармония и понимание окружающего их мира», призвав однопартийцев «глубоко укорениться в наших традициях, понятных культурных кодах и местах, которые мы называем своими». Тема нации также не осталась без внимания. Дональд Туск считает важнейшим политическим фактором фундаментальную потребность людей идентифицировать себя как часть более крупного сообщества через язык, религию или общее понимание истории. Несмотря на глобальные изменения, происходящие в современном мире, нация по-прежнему является наиболее полным воплощением идеи подобного общества. Соответственно, тому, кто изгоняет из своего политического лексикона и аксиологических приоритетов понятие «родины», очень трудно справиться с вышеупомянутой задачей – дать людям чувство безопасности и защищенности, заключает лидер ЕРР, вновь формулируя свою позицию в категоричной форме: «Ни при каких условиях мы не можем отказаться от этой задачи. Это на самом деле заводи-

ровано в генах христианской демократии». В силу вышеизложенных обстоятельств Европейская народная партия, выступающая носителем и защитником идей христианской демократии, должна предъявить людям достойный образец общественного устройства, основанного на сложном синтезе свободы, порядка и традиций.

Как следует из речи господина Туска, либерально-консервативный фланг европейского политического сообщества пребывает в некотором замешательстве, отражающем противоречивое состояние идейного поля. С одной стороны, адаптируясь к смене социально-политической конъюнктуры, Европейская народная партия постепенно смещается вправо, к евроеализму и более выраженному консерватизму. В ней все отчетливее проявляется христианско-демократическое начало с характерным для данной идеологии подчеркнутым уважением к национальной традиции. Подобный выбор в целом оправдан существующей системой распределения власти в ЕС, отводящей национальным правительствам ключевую роль при выработке общего курса. Следовательно, умеренно-консервативные политики, солидарные или даже ассоциированные с брюссельской евробюрократией, должны мыслить в категориях национального интереса.

С другой стороны, правым центристам важно сохранять имидж идейных борцов за мир непоколебимых либеральных ценностей. Дональд Туск назвал приоритетность гражданских прав и свобод основной темой внутренних дебатов в Европейской народной партии. При этом он заметил, что деятели, готовые поступиться идеалами правового государства и открытого общества, принесли их в жертву «на алтаре безопасности и порядка», «де-факто ставят себя вне пределов нашей семьи» [Tusk 2019]. Последний пассаж яв-

но касается идейного противоборства между руководством ЕРР и Виктором Орбаном. Весьма богатая на ассоциации идеома «семьи», настойчиво зыбающая к архетипам массового сознания европейцев, здесь сталкивается со столь же глубинными патерналистскими комплексами, имеющими качество важного ресурса во властной системе венгерского премьера.

Европейская народная партия призывает к солидарности: декларации и реальность

С началом острой фазы кризиса, вызванного распространением в Европе коронавирусной инфекции, прежде существовавшие опасения за судьбу интеграционного проекта подтвердились и усилились. Серьезным поводом для этого стала явная неготовность европейских институтов к столь тяжким испытаниям и неспособность оперативно координировать действия государств-членов, по-одиночке приступивших к отражению пандемии. Причем в описанной ситуации вирусная угроза выступает как фактор спонтанного обострения противоречий между национальными суверенитетами и лояльностью общеевропейским структурам.

В частности, 10 марта 2020 г. представители действующей в Европарламенте группы Европейской народной партии (EPP Group) призвали внедрить единые правила, нормы и стандарты, регламентирующие борьбу с коронавирусом на всей территории ЕС. «Почему футбольные матчи в Испании проходят на пустых стадионах, в то время как в других странах матчи проходят в обычном режиме? Почему некоторые страны закрывают школы, если член семьи учащегося заражен, а другие нет? Мы требуем максимально возможной координации между государствами –

членами ЕС и европейскими властями. Вместо национальных решений нам нужен европейский стандарт», – заявили Эстер де Ланге и Питер Лизе – парламентарии, курирующие здравоохранение, пищевую промышленность и защиту окружающей среды. Следует заметить, что постановка упомянутых вопросов производилась с явным запозданием: к тому моменту европейские государства уже не могли полагаться на какие-либо меры по сдерживанию заболеваний, кроме национальных [React to Coronavirus 2020].

Столь же запоздалой оказалась постановка другого острого вопроса, касающегося защиты «медицинского суверенитета» ЕС. Вышеупомянутый вице-президент EPP Group Питер Лизе выразил сожаление в связи с нехваткой медикаментов и средств индивидуальной защиты. Причиной сложившейся ситуации стала критическая зависимость европейского здравоохранения от производства лекарств за пределами Европы, главным образом в Китае, где, например, вырабатывается до 80% ингредиентов для потребляемых европейцами антибиотиков. Лизе назвал подобную зависимость следствием «десятилетий ошибок» в промышленной политике Евросоюза, призвав вернуть производство основных лекарственных средств обратно в Европу и нарастить производственные мощности. В то же время европарламентарий настаивал на важности совместного европейского подхода к проблеме. По его словам, необходимы солидарность и согласованные меры, а не односторонние действия на уровне национальных систем здравоохранения, приводящие к дефициту лекарств и оборудования в отдельных наименее обеспеченных ими странах [React to Coronavirus 2020].

Заявления официальных представителей Европейской народной пар-

тии свидетельствуют о стремлении сохранить единство сообщества, оградить его как от внешних глобальных опасностей, так и от угроз внутреннего обособления, спровоцированных экстремальными обстоятельствами. Однако главным врагом интеграции стал не вирус как таковой, а разрастающийся вместе с пандемией страх перед неведомым будущим. Это подспудное ощущение уязвимости, проявлявшее себя через тревогу, неуверенность, смятение, социальный дискомфорт, начало окутывать европейские социумы задолго до прихода коронавируса и, получив столь серьезную «подпитку», едва ли исчезнет после его ухода. Вспышка COVID-19 предельно конкретизировала источник опасности, если так можно выразиться, «приблизила» его к каждому гражданину Евросоюза, но ничего не добавила к общему пониманию ситуации. Напротив, даже самые краткосрочные перспективы оказались скрыты туманом неопределенности. Как заявил вице-президент ЕРР Group Эстебан Гонсалес Понс, выступая 26 марта в ходе дебатов в Европейском парламенте, «по правде говоря, мы не знаем, что произойдет в ближайшие несколько недель. Вот почему мы должны помнить, что солидарность, которую мы проявим сегодня, это солидарность, которую мы получаем завтра» [COVID19 2020].

Призывая к солидарности со всеми странами и регионами, пострадавшими от вспышки коронавируса, представитель партийной группы вновь сделал акцент на сохранении внутреннего европейского рынка для лекарств и медицинского оборудования. Он также выразил сожаление по поводу отсутствия единства среди европейских государств, особенно необходимого в столь тяжелый момент. «Столкнувшись с одной проблемой, европейские государства-члены дали 27 различных от-

ветов, как будто вирус остановился на каждой границе. Европейские институты не терпят крах, но терпят неудачу солидарность между европейскими правительствами, Европейский Союз не проигрывает, но проигрывают европейские национальные лидеры», – констатировал Гонсалес Понс [COVID19 2020].

Принятое в те же дни заявление ЕРР Group не содержало упреков в адрес национальных правительств и сожалений по поводу разобщенности их действий. Выдержанный в решительном духе документ содержал призыв к Еврокомиссии и руководствам государств-членов мобилизовать все свободные ресурсы Евросоюза на борьбу с пандемией и ее последствиями. «Европа должна быть более сплоченной, чем когда-либо прежде, поскольку преодолеть этот кризис мы можем только вместе», – говорится в конце заявления [United in Solidarity against the Coronavirus 2020].

Наконец, 7 апреля группой ЕРР в Европарламенте был принят Европейский пакт солидарности против пандемии коронавируса – масштабный документ, содержащий наиболее полный набор мер по борьбе с заболеванием и преодолению последствий кризиса. Текст открывается словами Римского Папы Франциска, произнесенными за несколько дней до этого в связи с происходящим: «Мы все в одной лодке, все мы хрупкие и дезориентированные, но в то же время важно и необходимо, чтобы все мы гребли вместе» [A European Solidarity Pact 2020]. Обращение к авторитету понтифика является зримым напоминанием о христианско-демократической традиции, лежащей в основе идеологии партии, а также о ценностях христианской цивилизации, составляющих, по мнению консерваторов, фундамент Европейского союза. Кроме того, в преамбуле документа звучит излюбленный правыми центри-

стами мотив «европейской семьи», от солидарности и ответственности всех членов которой зависит успешность преодоления кризиса.

Далее следует перечень конкретных приоритетных действий в основных сферах жизнеобеспечения общества, включая здравоохранение, финансы, сельское хозяйство, транспорт, торговлю, управление, образование, информационную и социальную политику, цифровые технологии. Все предложения, адресованные европейскому руководству, можно разделить на три категории по степени срочности их исполнения: немедленные и безотлагательные меры, призванные погасить вспышку заболевания, а также обеспечить нормальное функционирование жизненно важных отраслей в неблагоприятных условиях; последующие меры, направленные на восстановление привычного социально-экономического уклада и смягчение кризисной волны, порожденной пандемией; дальнейшие меры, имеющие своей целью укрепление безопасности Евросоюза и эффективное противодействие перспективным угрозам подобного рода.

Пакт содержит массу пожеланий и рекомендаций по части бесперебойного функционирования единого европейского рынка, беспрепятственного перемещения необходимых товаров и рабочей силы, неукоснительного проведения общеевропейской сельскохозяйственной политики, всесторонней поддержки производителей и т. д. На этом фоне выделяется ряд политически значимых требований, указывающих на предметы особого беспокойства авторов документа. Аналогичным образом следует рассматривать и некоторые инициативы, относящиеся к порядку устройства европейской жизни после окончания пандемии.

Во-первых, как следует из текста, внутренний пограничный контроль

рассматривается лишь в качестве крайней меры, необходимой «на случай непредвиденных обстоятельств», он должен оставаться строго ограниченным по времени, соразмерным возникающим угрозам и «использоваться только в течение периода, который компетентные органы здравоохранения считают необходимым». Авторы пакта настаивают на обязательном сохранении шенгенской зоны, выполняющей «цементирующие» функции для всего здания Евросоюза.

Во-вторых, отдельным пунктом звучит призыв к Европейской комиссии обеспечить контроль за политической и правовой ситуацией в странах ЕС, ведущих борьбу с коронавирусной инфекцией. Отмечается, что все меры, принимаемые национальными правительствами или общеевропейскими политическими структурами в связи с исключительными обстоятельствами кризиса COVID-19, должны непременно соответствовать принципам верховенства права и быть адекватными сложившейся необходимости.

В-третьих, представители Европейской народной партии выдвинули инициативу укрепления и расширения компетенции Европейского центра по профилактике и контролю заболеваний с преобразованием его в полноценное Европейское агентство здравоохранения, включающее систему раннего предупреждения и реагирования, «с уникальными полномочиями в каждом государстве-члене и научном сообществе». Планируется использовать возможности искусственного интеллекта для создания всеобъемлющей модели распространения инфекции.

В последнем пункте Пакта говорится о геополитических последствиях пандемии. На взгляд авторов, «замораживание западных экономик и ожидаемая рецессия могут ускорить изменение глобального баланса сил. Усилен-

ное геополитическое соперничество кажется неизбежным, что может привести к периоду политического хаоса». Евросоюз в подобной сложной ситуации «должен использовать момент, укрепляя основанный на правилах международный порядок» [A European Solidarity Pact 2020].

Полторы недели спустя в ходе европейских парламентских дебатов по вопросу о мерах борьбы с коронавирусом уже упомянутый Гонсалес Понс обратился к моральным основам, делающим возможным само существование «европейской семьи». Подчеркивая судьбоносность текущего момента, он заявил: «Это время, чтобы продемонстрировать, что границы никогда не будут решением. Если Европейский Союз не служит для того, чтобы противостоять пандемии, которая может опустошить континент, для чего он тогда нужен?». Европарламентарий также призвал не подходить к принятию решений, долженствующих оказание поддержки наиболее пострадавшим странам, как к обыкновенному бизнесу. По его словам, некоторые правительства приезжают в Брюссель, чтобы посмотреть, сколько денег они могут взять, а другие – чтобы увидеть, сколько денег они могут помешать взять другим, но никто не думает о европейцах в целом. «Прибытие в Брюссель исключительно для защиты национальных интересов – также национализм, хотя наши премьер-министры этого не знают, – замечает Понс и затем подводит впечатляющую черту, не оставляющую места для иных оценок, более терпимых к проявлениям государственного национализма, – если страх и смерть затрагивают всех нас, если они не различают страны, то для национальных правительств не имеет смысла различать здоровых, больных и мертвых по национальности» [This Is Europe's Now or Never Moment 2020].

Наиболее очевидный смысл происходящего заключается в наступлении «момента истины» как для оценки функциональности европейских структур, так и для европейского проекта в целом. С момента запуска интеграционного процесса его необходимость обосновывалась тем, что объединение делает отдельные государства более сильными и устойчивыми как перед внешними опасностями, так и перед внутренней нестабильностью. Разразившаяся пандемия заставляет подтвердить либо опровергнуть данный тезис, хотя любые оценки, ограниченные горизонтом текущих событий, не могут претендовать на объективность. Повсеместное закрытие границ и комплексы чрезвычайных мер, предпринимаемых национальными правительствами в отсутствие активных действий со стороны Брюсселя, казалось бы, заставляют усомниться в состоятельности объединения. Однако восстановление контроля за ситуацией, осуществимое в пределах национальных легитимностей, является лишь первым шагом, за которым неизбежно последует продолжительная работа по преодолению нынешнего кризиса и предотвращению подобных катастроф в будущем. Решение этих задач возможно и осуществимо лишь в масштабах Евросоюза.

Оценки и опасения Дональда Туска

Приведенные выше выдержки из документов и отдельные высказывания европарламентариев – функционеров Европейской народной партии – демонстрируют степень озабоченности евроинтеграторов судьбой возглавляемого ими проекта. В условиях болезненного «развода» с Великобританией, опровергнувшего тезис о необратимом и поступательном характере интегра-

ции, а также на фоне ощутимых помех, чинимых «общеευропейской идее» евроскептиками и национал-популистами, «коронавирусный кризис» выступил реальной угрозой существованию Евросоюза. Свои опасения на сей счет высказал президент Европейской народной партии Дональд Туск. В интервью журналу *Der Spiegel* он дал развернутый обзор тревожного положения, в котором оказалось европейское сообщество к середине апреля 2020 г. Причем некоторые оценки и рассуждения политика перекликаются с тезисами его прошлогоднего выступления на ноябрьском партийном съезде в Загребе.

Прежде всего, Туск констатировал существенную потерю авторитета европейских структур, наблюдаемую на юге Европы – в Италии, Испании, Португалии и в ряде государств на западе Балкан. Эти страны оказались в числе наиболее пострадавших и не получили своевременной помощи по каналам Евросоюза, что привело к всплеску антиевропейских настроений. «Мы должны спасти Италию и Испанию и, возможно, европейский проект. Сейчас не время для копания в цифрах и долгах. Мы должны восстановить репутацию Европы в этих странах», – призвал бывший председатель Европейского совета [Tusk 2020].

Далее Туск изложил свое видение принципов солидарности и координации между странами – членами ЕС. Согласно ему, настоящая солидарность предполагает большую отдачу от тех, кто располагает более широкими возможностями. В рассуждениях на эту тему лидер ведущей общеευропейской партии использовал целый набор критических пассажей, адресованных Германии. Возможно, польское происхождение заставляет его с опаской смотреть на лидирующую роль Берлина в будущем европейского проекта. Германия обладает достаточной финансо-

вой мощью, чтобы защитить свою промышленность и предприятия от последствий пандемии, чего не могут сделать другие страны ЕС. Соответственно, в результате разразившегося кризиса конкурентное преимущество Германии перед этими странами еще больше возрастет. По мнению Туска, «если кто-то захочет использовать кризис с коронавирусом, чтобы получить больше власти над своими гражданами или создать преимущества для своей экономики, это будет означать конец ЕС». Есть веские основания полагать, что по итогам пандемии именно Европа понесет наибольший экономический и политический урон, а значит, ее интеграционная модель, до последнего момента сохранявшая функциональность, окажется в самом уязвимом положении с перспективой перехода в полностью нерабочее состояние. Избежать подобного сценария, на взгляд Туска, можно, лишь сохраняя чувство общности и сдерживая националистические тенденции, разрушительные для здания Евросоюза: «Нам нужны не немецкие, не итальянские, а европейские решения. Если мы в этом кризисе еще больше отдалимся друг от друга, мы не переживем этого в политическом плане. Миграционный кризис был первым предупреждающим выстрелом, пандемия стала вторым – и для Европы он может оказаться последним», – уже не столько предостерегает, сколько предостерегает политик.

Основным практическим средством противодействия национализму должна послужить координация усилий, прилагаемых отдельными европейскими государствами в борьбе с инфекцией и кризисом. Дональд Туск справедливо полагает, что если в одних странах (в качестве примеров предсказуемо фигурируют Германия и Австрия) будут сниматься ограничения на выход из дома, а в других странах

они продолжают действовать, открытие внутренних границ ЕС останется под вопросом, т. е. под ударом вновь окажется идея европейского единства. В том же проблемном ключе рассматриваются геополитические риски коронавируса кризиса. Туск указывает на попытки России и Китая «хладнокровно использовать» сложное положение и разобщенность европейских держав, чтобы оказанием «символической помощи» углубить противоречия, существующие между европейцами [Tusk 2020].

Как и во многих иных случаях, связанных с реакцией общеевропейских политиков на угрозу COVID-19, цитируемое интервью лишь обрамляет благими пожеланиями неутешительную картину происходящего. В действительности координация, осуществляемая на уровне ЕС, не спасла Европу ни от вируса ни, тем более, от национализма, поскольку на начальном, наиболее сложном этапе фактически отсутствовала. С наступлением острой фазы пандемического кризиса, отмеченной стремительным распространением инфекции, большинство стран шенгенской зоны в одностороннем порядке закрыли свои границы, не прибегая к дополнительным согласованиям и ничуть не заботясь о наднациональных интересах. Точно так же, руководствуясь собственными потребностями, некоторые страны уже со второй половины апреля начали отменять введенные ранее внутренние ограничения. Лишь последнее обстоятельство заставило Брюссель всерьез задуматься о необходимости общего европейского регламента и настойчиво рекомендовать странам-членам не открывать границы до лета.

Ярким примером национального подхода к ситуации распространения коронавируса служит Австрия, власти которой с начала марта предприняли

комплекс оперативных мер, ограничивающих контакты с соседними странами. Уже в середине апреля сравнительно невысокий уровень заболеваемости позволил начать смягчение режима, постепенно возвращая граждан к привычному образу жизни. Во многом это обусловлено экономической потребностью, в частности стремлением не допустить волны «коронавирусной» безработицы.

Выводы

Обобщая сказанное, следует признать, что даже самый поверхностный взгляд на ситуацию обнаруживает малоубедительность рассуждений о высшей непреходящей ценности европейского интеграционного проекта и антагонистичной природе государственного национализма, готового погубить этот проект под покровом разразившегося кризиса. Экстренные действия национальных правительств, вынужденных бороться с вирусной опасностью, не несут в себе прямой угрозы европейским институтам, но ставят под сомнение их эффективность. По всей видимости, на данный момент руководство Европейской народной партии также в большей степени озабочено не реальными националистическими проявлениями, которые, несомненно, еще будут, а теми последствиями, которые повлечет за собой стихийное возвращение национальных компетенций.

Вглядываясь в лицо коронавирусного кризиса, Европа видит свое отражение в нем, как в треснувшем зеркале. Как сказал еще десятилетие назад французский философ Реджис Дебре, хорошо защищенная граница – это «вакцина против эпидемии стен» [Debrey 2010, p. 96]. В мире, где за последние годы сложилась устойчивая тенденция

к размыванию почти всех мыслимых границ и к элиминированию самого понятия о них, признали спасительную необходимость контроля и ограничений. Оказалось, что реальная безопасность плохо сочетается с политическими декларациями, а солидарность и открытость отнюдь не являются синонимами. Столь серьезное испытание, пережитое европейцами, послужит поводом к осмыслению и даже критической переоценке совместно пройденного пути, но, возможно, оно же станет «прививкой» от распространившегося «европессимизма». Осознание уязвимости существующих связей приведет к необходимости наполнить интеграционный проект новым практическим смыслом и воплотить его в будущее вопреки возникающим угрозам.

Список литературы

- Гуселетов Б.П. (2019) Новый состав Европарламента: прогнозы и результаты // Квашнин Ю.Д., Кудрявцев А.К., Плевако Н.С., Швейцер В.Я. (ред.) Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции. М.: ИМЭМО РАН. С. 26–29.
- A European Solidarity Pact against the Coronavirus Pandemic (2020) // EPP Group's Newsroom, April 7, 2020 // <https://www.eppgroup.eu/newsroom/publications/a-european-solidarity-pact-against-the-coronavirus-pandemic>, дата обращения 15.10.2020.
- COVID19: Solidarity We Give Today Is Solidarity We Receive Tomorrow (2020) // EPP Group's Newsroom, March 26, 2020 // <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/covid19-solidarity-we-give-is-solidarity-we-receive>, дата обращения 15.10.2020.
- Debray R. (2010) *Éloge des Frontières*, Paris: Éditions Gallimard.
- Dennison S., Leonard M., Lury A. (2019) What Europeans Really Feel: The Battle for the Political System // European Council on Foreign Relations, May 16, 2019 // https://www.ecfr.eu/publications/summary/what_europeans_really_feel_the_battle_for_the_political_system_eu_election, дата обращения 15.10.2020.
- Krastev I., Leonard M., Dennison S. (2019) What Europeans Really Want: Five Myths Debunked // European Council on Foreign Relations, April 2019 // https://www.ecfr.eu/specials/what_europeans_really_want_five_myths_debunked, дата обращения 15.10.2020.
- React to Coronavirus with Unified Prevention Rules and New Economic Stimulus (2020) // EPP Group's Newsroom, March 10, 2020 // <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/coronavirus-unified-prevention-rules-and-economic-stimulus>, дата обращения 15.10.2020.
- This Is Europe's Now or Never Moment (2020) // EPP Group's Newsroom, April 16, 2020 // <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/this-is-europe-s-now-or-never-moment>, дата обращения 20.04.2020.
- Tusk D. (2019) Speech by President Tusk at EPP Congress // The European People's Party, November 20, 2019 // <https://www.epp.eu/press-releases/speech-by-president-at-epp-congress/>, дата обращения 15.10.2020.
- Tusk D. (2020) “Was die Wirtschaft angeht, brauchen wir einen Blitzkrieg”. Ein Interview von Peter Müller und Jan Puhl // Der Spiegel, April 16, 2020 // <https://www.spiegel.de/politik/ausland/donald-tusk-was-die-wirtschaft-angeht-brauchen-wir-einen-blitzkrieg-a-e46f8eb9-426f-4f83-bbfe-6600c18391c5>, дата обращения 15.10.2020.
- United in Solidarity against the Coronavirus (2020) // EPP Group's Newsroom, March 25, 2020 // <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/united-in-solidarity-against-the-coronavirus>, дата обращения 16.04.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-7

European Right-Wing Centrism in the Face of the Coronavirus Crisis

Alexey N. SMIRNOV

PhD in Politics, Senior Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: stp@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-5532-8685

CITATION: Smirnov A.N. (2020) European Right-Wing Centrism in the Face of the Coronavirus Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 114–127 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-7

Received: 14.07.2020.

ABSTRACT. *The article examines the reaction of European right-centrist politicians to the threats associated with the spread of coronavirus infection. At the same time, the political context of the perception of the problem is analyzed, especially vividly expressed in approaches to understanding the current crisis and its consequences for the European integration project. The close relationship that exists between the actualization of the national-state identity of Europeans and the increasing requirements for their security is stated. According to leading representatives of the European People's Party, today fear plays a more prominent role in politics, prevailing over other social emotions. In such conditions, the fundamental need for people to identify themselves as part of a larger community through language, religion or a common understanding of history becomes a critical political factor.*

According to the author of the article, the viral danger acts as a factor of spontaneous exacerbation of contradictions between national sovereignty and loyalty to all-European structures. At the same time, the emergency actions of national govern-

ments forced to deal with the viral threat do not pose a direct threat to European institutions, but raise doubts about their effectiveness. The leadership of the European Union will have to find the right solutions and make extraordinary efforts to maintain a common integration vector with the increased relevance of national competencies.

KEY WORDS: *European Union, coronavirus crisis, right-wing centrism, European People's Party, integration, nationalism, European project, solidarity, coordination, security*

References

A European Solidarity Pact against the Coronavirus Pandemic (2020). *EPP Group's Newsroom*, April 7, 2020. Available at: <https://www.eppgroup.eu/newsroom/publications/a-european-solidarity-pact-against-the-coronavirus-pandemic>, accessed 15.10.2020.

COVID19: Solidarity We Give Today Is Solidarity We Receive Tomorrow (2020). *EPP Group's Newsroom*, March 26, 2020.

Available at: <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/covid19-solidarity-we-give-is-solidarity-we-receive>, accessed 15.10.2020.

Debray R. (2010) *Éloge des Frontières*, Paris: Éditions Gallimard.

Dennison S., Leonard M., Lury A. (2019) What Europeans Really Feel: The Battle for the Political System. *European Council on Foreign Relations*, May 16, 2019. Available at: https://www.ecfr.eu/publications/summary/what_europeans_really_feel_the_battle_for_the_political_system_eu_election, accessed 15.10.2020.

Guseletov B.P. (2019) The New Composition of the European Parliament: Forecasts and Results. *European Parliament Elections – 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration* (eds. Kvashnin Yu.D., Kudryavtsev A.K., Plevako N.S., Shvejtser V.Ya.), Moscow: IMEMO, pp. 26–29 (in Russian).

Krastev I., Leonard M., Dennison S. (2019) What Europeans Really Want: Five Myths Debunked. *European Council on Foreign Relations*, April 2019. Available at: https://www.ecfr.eu/specials/what_europeans_really_want_five_myths_debunked, accessed 15.10.2020.

React to Coronavirus with Unified Prevention Rules and New Economic Stimu-

lus (2020). *EPP Group's Newsroom*, March 10, 2020. Available at: <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/coronavirus-unified-prevention-rules-and-economic-stimulus>, accessed 15.10.2020.

This Is Europe's Now or Never Moment (2020). *EPP Group's Newsroom*, April 16, 2020. Available at: <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/this-is-europe-s-now-or-never-moment>, accessed 20.04.2020.

Tusk D. (2019) Speech by President Tusk at EPP Congress. *The European People's Party*, November 20, 2019. Available at: <https://www.epp.eu/press-releases/speech-by-president-at-epp-congress/>, accessed 15.10.2020.

Tusk D. (2020) “Was die Wirtschaft angeht, brauchen wir einen Blitzkrieg”. Ein Interview von Peter Müller und Jan Puhl. *Der Spiegel*, April 16, 2020. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/donald-tusk-was-die-wirtschaft-angeht-brauchen-wir-einen-blitzkrieg-a-e46f8eb9-426f-4f83-bbfe-6600c18391c5>, accessed 15.10.2020.

United in Solidarity against the Coronavirus (2020). *EPP Group's Newsroom*, March 25, 2020. Available at: <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/united-in-solidarity-against-the-coronavirus>, accessed 16.04.2020.

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-8

Экономика Индии под давлением COVID-19

Елена Аркадьевна БРАГИНА

доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центр проблем развития и модернизации

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: braglen@mail.ru

ORCID 0000-0002-9180-5503

ЦИТИРОВАНИЕ: Брагина Е.А. (2020) Экономика Индии под давлением COVID-19 // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 128–144. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-8

Статья поступила в редакцию 26.09.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются негативные изменения в экономике Индии с начала 2020 года под давлением пандемии COVID-19 и меры по их преодолению. Увеличение числа заболевших, введение карантина привели к быстрому сокращению производства, массовой безработице, снижению ВВП страны. В сложившихся чрезвычайных условиях объективной необходимостью стало усиление в разных формах воздействия на ситуацию национального государства. Потребовались кардинальные изменения в экономической политике Индии предыдущего периода, когда значительно, особенно в промышленности и услугах, укреплялись позиции частного предпринимательства. Пандемия COVID-19 заставила правительство страны решать первоочередную сложную задачу – удержать страну от сползания в тотальный длительный застой и одновременно поддерживать многомиллионное бедствующее насе-

ление. Основным методом стала политика финансового насыщения экономики путем финансовых вливаний, а также прямое распределение денег и продовольствия в натуральной форме среди бедствующих слоев населения. Обвальное сокращение экономической активности в Индии в первой половине 2020 года сменилось в III квартале текущего года признаками некоторого хозяйственного оживления. Для Индии, по оценке ЮНКТАД, в 2021 году повышается возможность привлечь значительные иностранные инвестиции ведущих стран мира, заинтересованных в расширении своих позиций на ее огромном внутреннем рынке. Особо значимой в условиях пандемии стала роль Индии в расширении по инициативе Н. Моди политических и экономических контактов в Южной Азии между членами СААРК.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индия, коронавирус, карантин, падение темпов ро-

ста, экономическая политика правительства, роль государства, признаки хозяйственного восстановления, взаимодействие стран – членов СААРК

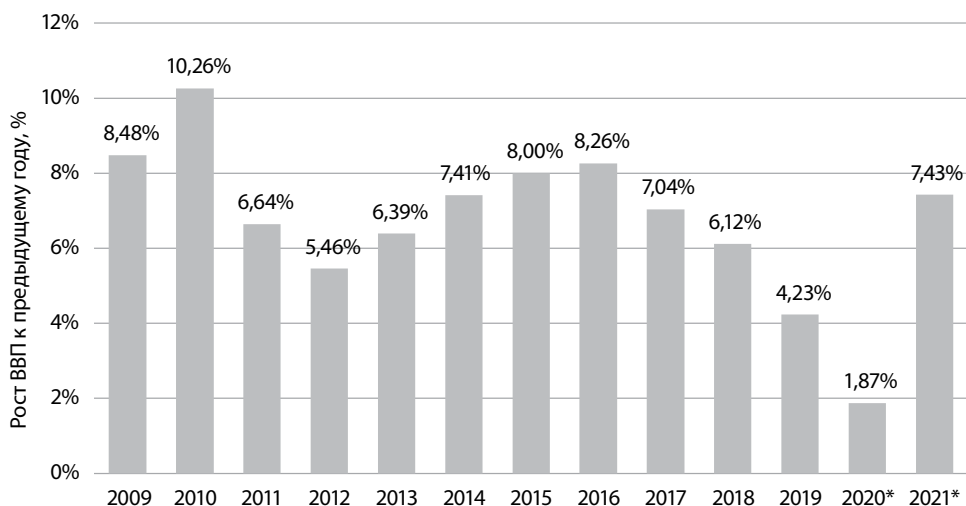
Пандемия COVID-19 изменила мировое хозяйство, резко ухудшила экономическое и социальное состояние всех стран, поразила тяжелой болезнью миллионы людей. Индия не стала исключением, попав в ситуацию нарастающего хозяйственного спада, усиленного и осложненного ранее неизвестной инфекционной болезнью. Прямым следствием стало существенное снижение уровня экономики страны.

Первые признаки появления в Индии неизвестной ранее болезни – коронавируса COVID-19, ставшего всемирной угрозой, – обозначились в начале 2020 г., но масштабы связанной

с ним тотальной опасности не были своевременно оценены правительством Н. Модии, как и всеми участниками мирового хозяйства. Не исключено, что в это время руководители Индии были преимущественно озабочены поисками мер борьбы с начавшимся в конце 2019 г. экономическим спадом. Тотальная опасность, порождаемая COVID-19 на ранних этапах распространения болезни, неравномерно, но быстро захватывавшей один штат Индии за другим, не была в полной мере учтена правительством Н. Модии, как и в большинстве других стран. Было упущено время, средства, методы защиты населения и экономики оказались запоздавшими. Первый случай заболевания COVID-19 был зарегистрирован в стране 30 января 2020 г., 5 человек заболели 2 марта, 112 человек – 15 марта, и в корот-

Рисунок 1. Индия: реальный рост внутреннего валового продукта (ВВП) с 2009 по 2021 г. (*2020, 2021 гг. – оценка), %

Figure 1. India: Real gross domestic product (GDP) growth rate from 2009 to 2021 (*2020, 2021 Estimate), %

* Statista GmbH, Germany, May 5, 2020 // <https://www.statista.com/statistics/263617/gross-domestic-product-gdp-growth-rate-in-india/>, дата обращения 15.05.2020.

кий срок болезнь поразила несколько сот человек, затем счет пошел на тысячи. 14 марта 2020 г. новое вирусное заболевание было признано правительством Индии катастрофой. Число заболевших с начала апреля 2020 г. росло лавинообразно: 1 апреля – 2 тыс., 1 мая – 37 тыс., 1 июня – 198 тыс., 15 июля – более 1 млн, 15 августа – более 2,5 млн, 10 сентября – 4,5 млн, 26 сентября – 5,9 млн человек, второе место после США¹.

Финансовый 2019/20 год в Индии закончился 31 марта 2020 г., его основные социальные и экономические показатели были сформированы до начала массового распространения COVID-19 и рассчитывались без учета его влияния. В апреле 2020 г. МВФ оценивал рост ВВП развивающихся стран Азии за предыдущий год в среднем в 3,7%, предполагал спад до 1,0% в 2020 г. и возможный рост 6,6% в 2021 г. Схожую динамику спада и роста экономики МВФ намечал в Индии – 4,2; 1,9; 7,2% соответственно [World Economic Outlook 2020, p. x]. Но ожидаемый МВФ переход Индии к значительному подъему хозяйства в 2021 г., как показано на рис. 1, после глубокого спада в результате атаки COVID-19 пока еще остается лишь одним из возможных вариантов.

Вместе с тем опыт хозяйственного оживления после снятия карантинных ограничений в странах Северной Америки и Европы, в ВВП которых большую часть составляют услуги, позволяет предположить, что и в Индии с сектором услуг около 50% национально-го ВВП не исключен быстрый и существенный рост экономики².

Здравоохранение Индии в борьбе с коронавирусом

Статистические показатели развития COVID-19 в Индии из-за трудностей учета не отражают его реального распространения. Перед этой угрозой ограниченные возможности медицинских служб страны всех уровней были очевидны. Число квалифицированных врачей-специалистов и вспомогательного медицинского персонала было кратно меньше уровня, рекомендуемого ВОЗ. Особенностью Индии стало преимущественное число заболевших и умерших молодого, а не старшего возраста, как в большинстве стран. Видимо, это связано с 45% долей людей младше 25 лет в структуре ее населения – один из самых высоких аналогичных показателей в мире (в КНР – 30%, в Японии – 22%)³. Почти сразу обнаружился устойчивый дефицит самых необходимых населению простых средств защиты: масок, перчаток, очков.

Введенный с 25 марта 2020 г. главой правительства Индии Н. Модии тотальный социальный карантин в условиях страны с высокой долей бедного населения на практике оказался недостаточно эффективным по реализации, ограничения были быстро сняты. В некоторых городских ареалах страны плотность населения почти в 30 раз выше, чем в Нью-Йорке, что объективно создало среду быстрого распространения коронавируса. Значительная часть горожан обитает в тесных помещениях без доступа к чистой воде. В Мумбаи, богатейшем городе Индии, только 58% его жителей пользуются водопроводом

1 Coronavirus Outbreak in India // <https://www.covid19india.org/>, дата обращения 26.09.2020.

2 Plecher H. (2020) India: Distribution of Gross Domestic Product (GDP) across Economic Sectors from 2009 to 2019 // Statista // <https://www.statista.com/statistics/271329/>, дата обращения 08.10.2020.

3 Japan Age Structure (2018) // Index Mundi // https://www.indexmundi.com/japan/age_structure.html, дата обращения 20.05.2020.

и туалетом. На этом фоне довольно неожиданным выглядит факт выздоровления десятков заболевших в Дхара-ви, части Мумбая, крупнейшей трущобе Индии, возможно, и мира, с фантастической плотностью населения и антисанитарией. Но и в этих условиях отряды индийских врачей-добровольцев сумели организовать помощь на ранней стадии заражения и добивались успеха.

В июне число заболевших COVID-19 индийцев продолжало стремительно расти, став самым высоким среди стран Южной Азии. Тем не менее в конце июля в Индии был реализован третий этап смягчения режима ограничений, введенный в связи с пандемией, но не все штаты могли начать этот сложный процесс из-за большого числа заразившихся.

Эффективных лекарств, способных остановить или хотя бы замедлить распространение коронавирусной инфекции, высокоразвитая индийская фармацевтическая отрасль разработать в короткие сроки не смогла. Современные меры медицинской помощи в борьбе с COVID-19 остаются недоступными для подавляющего большинства жителей огромной страны. Но уже в начале пандемии Индия действительно стала «всемирной аптекой», наладив поставки многих своих лекарств в 133 страны на благотворительной и коммерческой основах. По сообщениям индийского Совета медицинских исследований, в III квартале текущего года была получена индийская вакцина против коронавируса. Вакцина «Спутник V», разработанная Российским научно-исследовательским центром эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи, в августе поступила

в производство, и мощная фармацевтическая промышленность Индии проводит исследования, необходимые перед выпуском прошедших испытания вакцин с учетом мировой потребности. Заключено соглашение с Россией на производство «Спутник V». Но даже при наличии вакцины, по предварительным оценкам, для вакцинации 70% населения Индии потребуются два года.

Сокращение производства, безработица, миграция населения

Эпидемия, в короткий срок ставшая пандемией, резко ухудшила социально-экономическое положение Индии. Снижение основных хозяйственных показателей Индии началось еще на исходе 2019 г. с падения темпов роста ВВП ниже 6%, что заметно меньше предыдущих лет, но не было воспринято правительством как реальная угроза. К марту 2020 г. темп экономического роста сократился до 2,1% (согласуется с прогнозом на 2020 г., рис. 1). Затем в короткие сроки под давлением COVID-19 произошло существенное снижение уровня экономики страны. Почти одновременно с увеличением заболеваемости коронавирусом в Индии началось сокращение производства. По оценке Азиатского банка развития (далее ADB), на 20% упали розничные продажи [ADB 2020, р. 32]. Опрос в конце мая 2020 г. показал, что 35% малых и средних предприятий, 37% самозанятых, вынужденно оказавшихся не у дел в связи с пандемией, не надеялись снова заняться своим бизнесом, остальные называли отдаленные сроки возможного начала работы⁴.

4 Опрос: в Индии треть малого и среднего бизнеса не восстановит свою работу (2020) // REGNUM. 4 июня 2020 // <https://regnum.ru/news/economy/2972458.html>, дата обращения 15.10.2020.

Замедление экономической активности быстро перешло в падение, ускорив разорение компаний и рост числа банкротств не только предприятий, но и банков. Резкое сокращение объемов производства во всех отраслях экономики стало причиной массовых увольнений, превысив, по неполным данным, 120 млн человек. Полностью в связи с закрытием границ прекратилась работа туристическая отрасль Индии, обеспечивавшая разные формы занятости, в т. ч. за пределами крупных городов, а также важный источник поступлений в страну иностранной валюты.

Крупнейший аналитический центр Индии Crisil в мае 2020 г. прогнозировал 5%-й экономический спад в 2020/21 финансовом году. По его оценке, это четвертая и, возможно, самая тяжелая рецессия за все время независимости Индии и первая с тех пор, как ее экономика стала открытой в 1991 г. Прогноз Crisil учитывал расширение и возможное продолжение национального локдауна, рост экономических издержек, а также ограниченность пакетов экономической помощи и финансового стимулирования со стороны правительства страны. В августе 2020 г. участвовали негативные оценки дальнейшего существенного, порядка 45%, падения ВВП страны – результат причиненного пандемией ущерба. Но такой показатель не может считаться адекватным отражением происходящих в экономике и социуме Индии процессов, поскольку подтверждающие его расчеты не приводились.

Результатом этого сложного комплекса воздействий стало быстрое сокращение доходов основных слоев населения. Как следствие, значительно снизились требования к качеству товаров, в короткий срок на треть уменьшился объем и ухудшилась структура покупательского спроса со всеми не-

избежными отрицательными последствиями для домохозяйств и экономики страны в целом, важных составляющих экономической устойчивости страны. Показательно, например, сокращение на 70% продаж популярного в стране массового автомобиля Bajaj.

Раньше всех и в наибольшей степени пострадали от массовых сокращений занятые в сфере услуг. Число рабочих мест как в официальном, так и в теневом секторах снизилось до исторического минимума, в ряде отраслей до нуля, в связи с разорением и ликвидацией множества мелких предприятий. Из-за быстрого снижения объема продаж малый и средний бизнес, самый многочисленный по масштабам наемного труда, с устойчиво высокой долей теневой занятости, с началом пандемии понес существенные потери, потянув за собой ухудшение национальной экономики. Крупные предприятия в условиях карантина также резко уменьшали численность персонала и выпуск продукции. Их не остановили призывы Министрства труда Индии со ссылками на законы, ограничивавшие права предпринимателей на увольнение работников и сокращение заработной платы.

Реакцией правительства стали попытки поддержать национальное хозяйство денежными вливаниями – практика, ставшая общепринятой в большинстве государств в ходе пандемии COVID-19, но с существенной разницей в масштабах этих ранее непредусмотренных расходов. Падение индийской экономики затормозить не удалось, действовала сильнейшая инерция спада и, скорее, выжидательное, а не инвестиционное настроение деловой элиты страны, особенно крупной. По опросам, весной 2020 г. только 5% индийских компаний планировали нанимать работников, причем не ранее III квартала 2020 г. в надежде на улучшение хозяйственной конъюнктуры.

У бизнесменов чутье есть – некоторые признаки оживления экономики наметились в Индии именно в это время.

Сжатие деловой среды быстро и тяжело сказалось на самой массовой по числу наемного персонала форме хозяйственной активности в Индии, как и в большинстве развивающихся стран, – мелких, малых и средних предприятиях, особенно в сфере услуг. В индийской экономической литературе для них используется аббревиатура MSME – Micro, Small, Medium Enterprises [ADB 2020, р. 28]. Это, как правило, разные по специализации и обороту, но количественно преобладающие на внутреннем рынке мелкие мастерские, семейные лавки с двумя, а то и одним работником-хозяином. Безработица в Индии выросла с 6,7% в конце марта 2020 г. до 27,1% в мае, к 19 июля 2020 г. – до 38,4%. Но эти показатели не дают реальной картины сокращения работников, поскольку относятся в основном к городам, в сельских районах такой учет ведется слабо⁵. Официальные оценки безработицы из-за трудностей подсчета занижены, в них не отражена ликвидация миллионов рабочих мест в теневой экономике. На этот сектор в Индии приходится, по оценкам МОТ, около 80% всей занятости, не учитываемой статистикой и не защищенной национальным трудовым законодательством. Соответственно, число потерявших работу подсчитано лишь приблизительно. Некоторую его часть составляют незаконные иммигранты, особенно из Бангладеш, пересекающие границу с Индией в поисках любой занятости.

Введение карантина сразу же лишило работы и средств существования

миллионы людей, в первую очередь в городах, начались вынужденные массовые перемещения безработных, стремившихся вернуться в родные деревни. Это стало для страны началом настоящей гуманитарной катастрофы. В индийской печати публиковались многочисленные фотографии вынужденных мигрантов, осаждавших поезда и автобусы, забиравшихся даже на крыши любого транспорта. Миллионные толпы безработных двинулись со своим скудным скарбом по дорогам страны. Эти спонтанные перемещения людей, среди которых были больные, способствовали переносу болезней, в т. ч. COVID-19. Только в середине III квартала 2020 г. обозначился, по оценкам, некоторый спрос на наемных работников.

Государственные меры поддержки населения

Введенный премьер-министром Н. Модии с 25 марта 2020 г. жесткий карантин на 21 день на территории всей страны стал одним из основных способов затормозить распространение COVID-19. Объявив его, Н. Моуди подчеркнул, что самоизоляция – крайне болезненная, но необходимая и единственно возможная мера, т. к. вакцины от коронавируса еще нет⁶. Упор был сделан на персональную изоляцию граждан, запрет появляться на улицах с 21 часа до 5 утра. За нарушение режима строгой социальной изоляции налагался высокий штраф. Полицейские в городах при нарушении запрета пребывания людей вне дома в эти часы вели себя жестко. Они активно использовали бамбуковые палки, загоняя граждан без раз-

5 Unemployment Rate Soars to 27.11% Amid COVID-19 Pandemic: CMIE // The Indian Express, May 6, 2020 // <https://indianexpress.com/article/business/unemployment-rate-soars-to-27-11-amid-covid-19-pandemic-cmie-6395714/>, дата обращения 15.10.2020.

6 Один миллиард дома (2020) // Коммерсантъ. 26 марта 2020 // <https://www.kommersant.ru/doc/4301283>, дата обращения 15.10.2020.

личия возраста в любые укрытия, породив популярное выражение «бамбуковый массаж» (bamboo massage).

Традиционно в критические периоды жизни страны существенно и в разных формах усиливается роль государства. В Индии его финансовые возможности, оперативность, ответственность во многом определили жизнь населения в условиях пандемии. Правительство 26 марта объявило о распределении среди нуждающихся 1,7 трлн рупий (22,6 млрд долл.) по программе помощи, включающей денежные средства, а также бесплатную раздачу зерна⁷. Были выделены значительные средства с целью затормозить экономический спад, но остановить его, как и рост безработицы, не удавалось. Финансовые вливания должны были помочь наиболее пострадавшим группам населения, составляющим большинство в Индии, а также укрепить их доверие к правительству. Крупные индийские фирмы, наряду со значительным сокращением штатов, пытались использовать в разных формах современный опыт заочной работы своих сотрудников (co-working, teleworking).

В I квартале 2020 г. государством существенно наращивались инвестиции в здравоохранение – было выделено 22,5 млрд долл., это 0,8% ВВП Индии [ADB 2020, p. 231]. Министр финансов Н. Ситхараман сообщила о мерах правительственной поддержки оставшихся без работы людей, несколько отодвинув интересы бизнеса⁸. Правитель-

ство Н. Моды (по его предложению в начале апреля 2020 г. была снижена наполовину заработная плата членов кабинета) наметило меры прямой поддержки бедных слоев населения. Как заявил министр по делам продовольствия Рам В. Пасван, администрации штатов страны должны обеспечить распределение между нуждающимися, а это 810 млн человек, ежемесячно и бесплатно определенного количества пшеницы или риса. Помимо этого, бедствующие могли приобретать эти самые распространенные продукты питания по субсидируемым правительством ценам. Продовольственная корпорация Индии тогда же оплатила закупки 18,9 млн тонн риса и 7,0 млн тонн пшеницы для внутреннего потребления в ближайшие три месяца⁹.

После 3 мая 2020 г. в Индии последовало некоторое ослабление режима карантина и одновременно был введен 70%-й налог на спиртные напитки с целью избежать скопления людей в точках продажи алкоголя. Это не помогло, в газетах отмечали «хаос вокруг магазинов, продающих спиртное». Результатом стали стихийные протесты и столкновения с полицией в ряде городов. Быстро оживилась, несмотря на запреты, традиционная для Индии уличная торговля, важная особенность массового мелкого и мельчайшего бизнеса в Индии и одновременно устойчивая форма повседневного общения горожан, с трудом подчиняющихся социальному дистанцированию.

7 India Announces \$23bn Welfare Package to Combat Coronavirus (2020) // The Nikkei Asian Review, March 26, 2020 // <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Coronavirus/India-announces-23bn-welfare-package-to-combat-coronavirus>, дата обращения 15.10.2020.

8 Fifth Tranche of Economic Package Will Have Transformative Impact on Health, Education Sectors: PM Narendra Modi (2020) // The Economic Times, May 17, 2020 // https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/fifth-tranche-of-economic-package-will-have-transformative-impact-on-health-education-sectors-pm-narendra-modi/articleshow/75789038.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst, дата обращения 15.10.2020.

9 Food Minister Ram Vilas Paswan Asks States to Ensure Free Distribution of Food Grains to Poor (2020) // The Economic Times, April 4, 2020 // https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/agriculture/food-minister-ram-vilas-paswan-asks-states-to-ensure-free-distribution-of-food-grains-to-poor/articleshow/74982665.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst, дата обращения 15.10.2020.

13 мая 2020 г. правительство приняло программу стимулирования экономики крупными финансовыми вливаниями в размере 10% национального дохода Индии (266 млрд долл.). По мнению Н. Модии, это должно стимулировать экономический рост, поддержать мелкий, малый и средний бизнес, фермеров и уличных торговцев¹⁰. Это была необходимая мера в условиях растущей безработицы, но формулировка расплывчатая, не определено, как будут распределяться эти средства.

Пытаясь поддержать наиболее уязвимые слои населения, попавшие под увольнение и лишенные средств существования, правительство частично сократило продолжительность карантина в некоторых регионах, а также для самозанятых, разрешив начать работы в сельском хозяйстве раньше установленного срока, с 4 мая 2020 г. Резервный банк Индии (РБИ) под давлением быстро снижающегося спроса начал наращивать кредитование розничного сектора, в первую очередь малых, средних и микропредприятий. Но эта мера не могла компенсировать начавшиеся массовые банкротства и сокращение занятости.

Особые трудности для потерявших работу возникают в Индии в связи со слабостью государственной системы их поддержки, которая охватывает ограниченную группу предприятий и доступна лишь небольшой части работников. Призывы правительственных чиновников не проводить массовые увольнения в частном секторе не дали положительных результатов в условиях нарастания экономического спада. Правительство и местные власти в штатах после первого шока, порожденного пандемией COVID-19, пы-

тались централизованно распределять продовольственную помощь, насколько это было возможно в условиях перемещения миллионов бедствующих людей. Трудно реализуемая мера и не всегда эти действия были адресными, конкретно ориентированными.

В разгар пандемии правительство с 1 июля 2020 г. ввело новый, более высокий финансовый критерий для малых и средних предприятий, признав в очередной раз важность этого массового предпринимательского слоя в экономике, занимающего основные позиции в производстве, торговле, соответственно, в занятости. Казалось бы, время для такой реформы не совсем подходящее, но правительственная мера подтвердила возросшую роль этой группы в экономике страны. Однако давление спада оказалось сильнее, темпы роста большинства таких предприятий, особенно в занятости населения, продолжали снижаться.

В III квартале оценки экономического положения были весьма негативными – газеты писали о тяжелейшей рецессии в Индии, безработица превысила 24%, дефицит в ряде штатов достиг 4,5% их ВВП. С резкой оценкой социальной и экономической ситуации в стране и политики Н. Модии выступил руководитель оппозиционного Индийского Национального Конгресса (ИНК) Рахул Ганди. Но, как часто бывает в сложные для страны периоды, авторитет Н. Модии как премьер-министра существенно укрепился. Несмотря на критику в его адрес со стороны ряда индийских экономистов и профсоюзных руководителей, его массовая поддержка оставалась очень высокой, 76% в марте и 83% в конце апреля 2020 г. От

10 Aftab A., Manoj K. (2020) Modi's Stimulus Package so Far Is All about liquidity, Indian Officials Say // Reuters, May 15, 2020 // <https://in.reuters.com/article/us-health-coronavirus-india-stimulus/modis-stimulus-package-so-far-is-all-about-liquidity-indian-officials-say-idINKBN22R1SP>, дата обращения 15.10.2020.

него рядовые индийцы ждали реальной помощи, и правительство провело ряд конкретных мер для поддержки людей, попавших в трудное положение.

Изменения в сфере финансов и инвестиций

Признавая особый риск распространения COVID-19 в многонаселенных странах с недостаточно развитой медицинской инфраструктурой, Мировой банк включил Индию в число первых 25 стран, получивших его помощь, выделив 1 млрд долл. на приобретение диагностического оборудования, средств защиты и создания специализированных медицинских отделений. Следующие 750 млн долл. будут переведены Мировым банком до конца 2020 г. и 250 млн долл. в 2021 г. для ока-

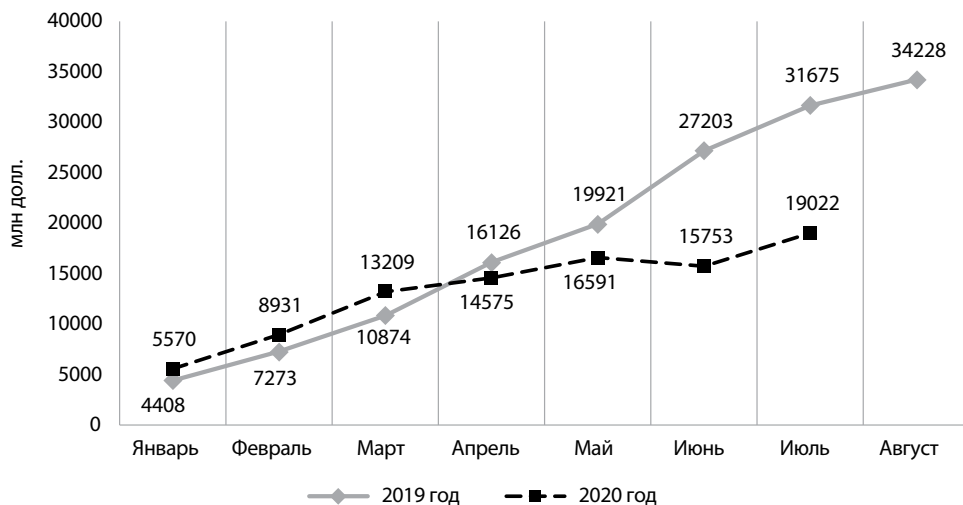
зания помощи в социальной сфере [1 Billion from World Bank 2020].

На конец 2019/20 финансового года Индия располагала валютными резервами в 475 млрд долл., на 25 сентября 2020 г. они достигли 545 млрд долл. – свидетельство высокого международного рейтинга страны¹¹. Рост валютных резервов при значительных расходах, вероятнее всего, может быть связан с изменениями объема и структуры импорта товаров (апрель–июль 2020 г. – 52,4% против уровня того же периода прошлого года, снижен объем закупок дорогостоящего сырья: золота, угля, нефти) [OECD 10.09.2020].

Политика РБИ нацелена на сохранение стабильности финансовой системы страны, сильно пострадавшей за последние месяцы. Ставка по операциям РЕПО (базовая) оставлена на уровне 4% – это минимум с 2000 г., по

Рисунок 2. Объем прямых иностранных инвестиций в Индию с начала года в 2019, 2020 гг., млн долл.

Figure 2. FDI inflows to India 2019, 2020, USD Million

Источники: FDI Statistics 2020; Foreign Direct Investment in India 2020.

¹¹ More on this. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/export_prohibitions_report_e.pdf, accessed 26.09.2020.

операциям обратного РЕПО тоже не изменена – 3,35%. Это также укрепило доверие к финансовой системе Индии и помогло сохранить привлекательность для иностранных инвестиций, в т. ч. благодаря политике Н. Моды, удержавшей страну от длительного экономического спада.

Правительство Индии провело в предыдущем году ряд реформ в целях дальнейшей либерализации норм и правил в привлечении иностранных инвестиций, прежде всего в торговлю, информатику и промышленность. Несмотря на замедление мировой экономики, приток иностранных инвестиций в 2019 г. в Южную Азию увеличился на 10% и достиг 57 млрд долл., в т. ч. в Индию – 51 млрд долл. (на 20%), в Бангладеш и Пакистан – по 2 млрд долл. (соответственно на 56% и 28%) [Investment Flows to Developing Countries 2020]. Индия стала 9-м крупнейшим в мире реципиентом прямых иностранных инвестиций¹². Но, как считают в МВФ, страна нуждается в дальнейших экономических реформах для обеспечения устойчивого и более инклюзивного роста. В сообщении фонда в июле 2020 г. отмечено, что несколько международных компаний обещали инвестировать в Индию до 40 млрд долл. в текущем году¹³.

В I квартале 2020 г. число заявленных инвестиций в новые индийские предприятия сократилось на 4%, а слияний и поглощений – на 58%. «Однако экономика страны может оказаться наиболее устойчивой в регионе. Прямые иностранные инвестиции в Индию имеют долгосрочную тенденцию роста. Позитивный, хотя и более

низкий экономический рост в период после пандемии, и крупный рынок Индии продолжит привлекать в страну инвестиции в поисках рынков», – говорится в докладе [World Investment Report 2020]. Изменение притока инвестиций в январе–июле 2020 г. по сравнению с предыдущим годом представлено на рис. 2. (на начало сентября данные за июнь–июль 2020 г. не поступили).

Финансовые ресурсы некоторых индийских семей заметно снизились в связи с сокращением на четверть ежегодных валютных переводов от зарубежных родственников. По величине этого показателя (свыше 80 млрд долл. в 2019 г.) Индия занимала первое место в мире, и его снижение лишило поддержки многих индийцев, ограничив их экономическую активность.

Торговля, экспорт/импорт в условиях пандемии

В апреле 2020 г. индийский экспорт товаров снизился по сравнению с апрелем 2019 г. на 60% [India's Foreign Trade. Press Information Bureau 15 May 2020]. В мае текущего года ситуация улучшилась и объем товарного экспорта стал постепенно приближаться к обычным месячным показателям (рис. 3).

Объем экспорта Индией машиностроительной продукции снизился в апреле с. г. на 64% против показателя апреля 2019 г. В индийском экспорте продукции машиностроения зафиксирован рост в апреле 2020 г. только в Сингапур (на 95%), оттеснивший США с первой позиции, Китай на второй, в

12 India 9th Largest Recipient of FDI in 2019: UNCTAD (2020) // BusinessLine, June 17, 2020 // <https://www.thehindubusinessline.com/economy/india-9th-largest-recipient-of-fdi-in-2019-UNCTAD/article31848580.ece>, дата обращения 15.10.2020.

13 India Needs Further Economic Reforms to Attract More Investment, According to IMF (2020) // The Economic Times, July 24, 2020 // <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/india-needs-further-economic-reforms-to-attract-more-investment-according-to-imf/articleshow/77141917.cms>, дата обращения 15.10.2020.

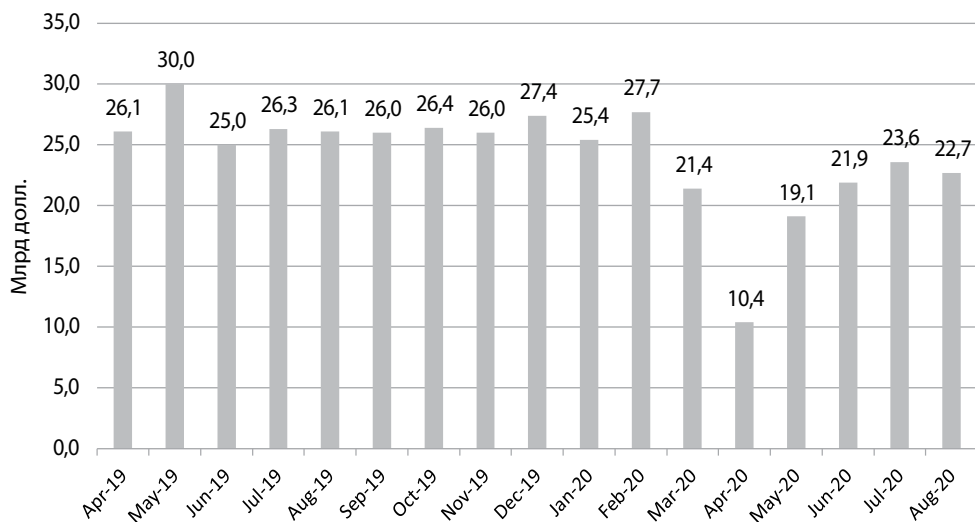
остальные страны объем экспорта снижен, в некоторые – на 90%¹⁴.

Одной из постоянных проблем Индии остается обеспечение крупных нефтеперерабатывающих заводов сырой нефтью. В год страна потребляет без малого 240 млн т нефти при собственном производстве в 6 раз меньше, а газа меньше половины из необходимых 58 млрд куб. м. Разница покрывается за счет импорта, в т. ч. из России¹⁵. В течение десяти лет мощности нефтеперерабатывающей промышленности Индии планируется удвоить до 450–500 млн т в год для удовлетворения

как растущего внутреннего спроса на топливо, так и экспорта нефтепродуктов¹⁶. На случай чрезвычайных ситуаций страна создает с 2004 г. стратегические резервы нефти, эквивалентные не менее 90 дням (на первом этапе – в течение 87 дней) работы промышленности без импорта.

Пандемия COVID-19 взбудоражила мировой рынок сырой нефти. Цены на Brent падали в марте-апреле 2020 г. до 25–21 долл./баррель, в июне-сентябре колебались в пределах 39–44 долл./баррель¹⁷. Стоимость индийской корзины сырой нефти в среднем составля-

Рисунок 3. Экспорт товаров Индии в апреле 2019 г. – августе 2020 г., млрд долл.
Figure 3. Merchandise exports from India 2019–2020, USD Billion

Source: Government of India. Ministry of Commerce & Industry.

14 India's Engineering Exports Fell Drastically in April; China & Singapore Manage Positive Growth (2020) // The Economic Times, June 10, 2020 // <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/indias-engineering-exports-fell-dramatically-in-april-china-singapore-manage-positive-growth/articleshow/76297169.cms?from=mdr>, дата обращения 15.10.2020.

15 Петлевой В., Топорков А. (2019) Министр нефти и газа Индии: «Роснефть» – очень надежный партнер, «Газпром» – с ним приятно работать // Ведомости. 4 сентября 2019 // <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2019/09/04/810419-ministr-nefti-gaza>, дата обращения 15.10.2020.

16 Paraskova S. (2020) India Looks to Double Oil Refining Capacity by 2030 // Oilprice.com, June 16, 2020 // <https://oilprice.com/Energy/Crude-Oil/India-Looks-To-Double-Oil-Refining-Capacity-By-2030.html>, дата обращения 15.10.2020.

17 Oil Price Charts Brent Crude (2020) // Oilprice.com, September 4, 2020 // <https://oilprice.com/oil-price-charts/>, дата обращения 15.10.2020.

ла в 2018–2019 гг. 56–70 долл./баррель, а в декабре 2019 г. – 65,5 долл./баррель¹⁸. В связи с этим в правительстве Индии рассматривается вопрос о закупке при низких ценах на сырую нефть объемов сырья, необходимых для заполнения имеющихся и создаваемых хранилищ¹⁹.

Внешнеторговый баланс Индии в I квартале 2020/21 финансового года, в отличие от предыдущих лет, сведен с профицитом 11,7 млрд долл. за счет резкого сокращения импорта товаров и сохранения значительного объема экспорта услуг [India's Foreign Trade. Press Release 15 July 2020].

Индия и СААРК в условиях пандемии

Крайне тяжелым стало влияние пандемии COVID-19 на ближайших соседей Индии – Афганистан, Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Непал, Пакистан, Шри-Ланку, членов СААРК – Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (КНР – в статусе наблюдателя). Темпы роста экономики стран этого региона к середине 2020 г. опустились до 0,1%, резко упала хозяйственная активность и внешний спрос. В Пакистане развивался тяжелый экономический кризис. Шри-Ланка также переживала глубокий спад, связанный, в числе прочего, с высокой внутренней и внешней задолженностью. Бангладеш удерживала 1,6%-й рост, который, по оценке Мирового банка, едва ли продлится в связи с обвальным спадом ее экспорта.

Оценки перспектив региона международными организациями противо-

речивы, но в основном пессимистичны. Так, Мировой банк предупредил, что Южная Азия в связи с пандемией COVID-19 стоит перед самым тяжелым кризисом за последние 40 лет. В этих условиях активизировались попытки взаимопомощи стран региона. Индия направила на Мальдивы, члену СААРК, бригаду врачей для помощи местным органам здравоохранения. Бангладеш выделила Мальдивам медицинскую помощь в размере 1,5 млн долл.

Премьер-министр Индии Н. Моди проявил незаурядную политическую дальновидность и дипломатическую гибкость, обратившись в разгар эпидемии, 15 марта 2020 г., в ходе организованной по его инициативе видеоконференции к главам стран – членов СААРК с предложением создать на добровольных началах чрезвычайный фонд для взаимной поддержки. Был назван взнос Индии в размере 10 млн долл. Инициатива Н. Моды была своевременной, в духе ранее провозглашенного им лозунга «Соседство прежде всего» (Neighborhood is first). Идея объединения усилий на началах взаимопомощи получила поддержку всех членов СААРК. Такая быстрая, а главное, положительная реакция произошла чуть ли не впервые за годы существования этой организации.

Реальность общей опасности была осознана участниками СААРК. На мартовской видеоконференции 2020 г. обсуждались возможные формы и масштабы взаимодействия в противостоянии COVID-19. Н. Моди сообщил, что правительство Индии в счет предложенного фонда в 10 млн долл., его еще называли чрезвычайным, закупило на

18 India to Leverage Low Prices to Fill Strategic Crude Oil Reserves (2020) // MINT, March 17, 2020 // <https://www.livemint.com/news/india/india-to-leverage-low-prices-to-fill-strategic-crude-oil-reserves-11584431985105.html>, дата обращения 15.10.2020.

19 India Plans to Top up Strategic Tanks with Cheap Saudi, UAE Oil: Sources (2020) // The Economic Times, March 17, 2020 // <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/india-plans-to-top-up-strategic-tanks-with-cheap-saudi-uae-oil-sources/articleshow/74667632.cms?from=mdr>, дата обращения 15.10.2020.

1,7 млн долл. лекарства и медицинское оборудование для доставки в шесть стран-членов СААРК, за исключением Пакистана. В фонде участвовали все страны Южной Азии (в млн долл.): Афганистан и Непал – по 1,0; Бангладеш – 1,5; Бутан – 0,1; Индия – 10, Мальдивы – 0,2; Шри-Ланка – 5,0; Пакистан – 3,0. В итоге члены СААРК сформировали чрезвычайный фонд в размере 21,8 млн долл., первый в истории этой организации²⁰.

Инициатива Н. Модии, сразу поддержанная правительствами всех стран Южной Азии, показала, что потребность в объединении усилий территориально близких государств региона в противостоянии пандемии была объективно необходима и востребована. До начала пандемии COVID-19 в мировом хозяйстве и экономических стратегиях большинства стран побеждала идея глобализации. Удары опасной болезни в разных масштабах поразили все государства, вынудив использовать для защиты прежде всего экономическую изоляцию. Как закономерное следствие, особое значение в сложившихся условиях обрели внутренние ресурсы и возможности выживания страны. В то же время пример СААРК – территориально близких, во многом исторически связанных государств, – наглядно подтвердил необходимость общих решений. Впервые 8 государств – членов Ассоциации сумели не только договориться, но и начать действовать совместно.

Большинство прогнозов возможных экономических изменений в странах Южной Азии под давлением COVID-19 выглядят довольно пессимистично. Пересмотрены темпы развития региона на конец 2020 г. Вместо

прогнозируемого в апреле годового роста на 4,1% названы 3%, но и новый ориентир, судя по состоянию экономики, не будет достигнут. В сложившейся ситуации прогноз 6% роста экономики СААРК на 2021 г. также был снижен до 4,9%, и нет признаков, что такой рост окажется реальным.

В ходе подъема глобализации считалось, что страны Южной Азии будут постепенно экономически интегрироваться в зону процветания, присоединяясь к быстро развивающимся государствам, расположенным восточнее. Теперь страны Восточной и Юго-Восточной Азии восстанавливаются относительно быстро после пандемии, в то время как Южной Азии еще предстоит с ней бороться. Одним из длительных последствий может стать углубление различий в развитии стран Азии. Перспективы СААРК, организации с огромной численностью населения и массовой бедностью, представляются в лучшем случае неопределенными.

Помимо бедствий, связанных с COVID-19, обострились отношения Индии и Китая. В Восточном Ладакхе, отдаленном районе на севере Гималаев, в ночь на 16 июня 2020 г. произошло прямое столкновение между индийскими и китайскими пограничниками.

Определенной неожиданностью стало оживление в связи с этим конфликтом подзабытой, несмотря на экономическую мощь и политический вес ее участников, международной организации, названной по их числу QUAD (Квадрат, Четверка), – Австралии, Индии, США, Японии. Эти влиятельные страны могли продемонстрировать определенную реакцию в связи с конфликтной для Индии, ее члена, ситуа-

20 Pakistan Pledges \$3m for SAARC COVID Fund (2020) // DAWN, April 10, 2020 // <https://www.dawn.com/news/1547946>, дата обращения 15.10.2020.

цией. QUAD на некоторое время оказалась в центре внимания, но никаких активных действий с ее стороны не последовало. Индия и Китай, несмотря на взаимные резкие заявления, тоже их не начинали. Несложно прогнозировать и в дальнейшем обострение такого рода временно «спящих», особенно пограничных, конфликтов. Это подтверждает сложность взаимоотношений стран Азии даже в условиях необходимости объединенного противодействия всеобщей угрозе коронавирусной инфекции. В современном мире нет отдаленных районов и незамеченных событий.

Заключение

Ухудшение в связи с COVID-19 экономической ситуации в Индии, как и в других странах Азии, подтвердило самые негативные прогнозы. Появились оценки возможного снижения темпов ее экономического роста в диапазоне от –3,2 до –9,5%. Выход экономики страны из кризиса может быть существенно затруднен и вполне предсказуемо растянут по времени²¹. Перспективы развития стран Южной Азии в условиях продолжающейся пандемии противоречивы и свидетельствуют, скорее, о высокой степени неопределенности в сроках и формах восстановления хозяйственных процессов. «Неопределенность», опасная социально-экономическая категория, стала одной из самых распространенных характеристик в современных публикациях по мировой экономике [World Economic Outlook 2020].

Прямым следствием начавшегося спада стало изменение ведущими мировыми кредитными агентствами, в т. ч. Fitch, Мировым банком, МВФ, АБР, финансового рейтинга и ожидаемых темпов роста экономики Индии в 2020 г. до самого низкого уровня за последние десятилетия²². Агентство Moody's на фоне продолжающегося давления коронавируса понизило долгосрочные рейтинги Индии в иностранной и национальной валютах с «Baa2» до самых низких «Baa3», мотивируя эти оценки опасным ростом долгового бремени до 84% ВВП в текущем финансовом году²³.

Вместе с тем РБИ предполагает экономический рост Индии в 2020 г. порядка 4,5–5%. ADB прогнозирует восстановление темпов ее роста в 2021 г., хотя не совсем ясны его основания для такого скорого преодоления кризисных явлений в экономике страны [ADB 2020, р. 231]. Не исключено, что Индия с ее огромным рынком сбыта и трудовыми резервами может стать одним из первых получателей иностранных инвестиций. С июля 2020 г. стали появляться прогнозы роста ее экономики в следующем году. Разные источники информации начали находить признаки хозяйственного оживления, в т. ч. рост потребления электроэнергии, увеличение объема железнодорожных перевозок, розничной торговли и даже некоторое (0,1–0,3%) повышение занятости. Заслуживает внимания мнение председателя 15-й финансовой комиссии Индии Н.К. Сингха, высказанное еще в июле 2020 г., что экономика страны

21 Число заразившихся коронавирусом в Индии превысило 1 млн (2020) // РБК. 17 июля 2020 // <https://www.rbc.ru/society/17/07/2020/5f1126649a79471d04efe215>, дата обращения 15.10.2020.

22 Rating History. India (2020) // FitchRatings, June 18, 2020 // <https://www.fitchratings.com/entity/india-80442259#ratings>; IMF Projects Sharp Contraction of 4.5% in Indian Economy in 2020 (2020) // The Hindu, June 24, 2020 // <https://www.thehindu.com/business/Economy/imf-projects-sharp-contraction-of-45-in-indian-economy-in-2020/article31907715.ece>, дата обращения 15.10.2020.

23 Government of Credit Rating. India // Moody's // https://www.moody.com/credit-ratings/India-Government-of-credit-rating-401565?stop_mobi=yes, дата обращения 15.10.2020.

пройдет этап восстановления по принципу V – быстрое падение с последующим отскоком вверх. И такой вариант не исключен.

Многое будет зависеть от выбранного Индией на ближайшее время курса, необходимого соотношения мер по защите здоровья населения и стимулирования восстановления экономики.

Список литературы

\$1 Billion from World Bank to Protect India's Poorest from COVID-19 (Coronavirus) (2020) // World Bank, May 14, 2020 // <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/05/13/world-bank-covid-coronavirus-india-protect-poor>, дата обращения 15.10.2020.

ADB (Asian Development Bank) (2020), Asian Development Outlook, April 2020.

FDI Statistics. FDI Equity Inflows. Delhi, January 2019 – March 2020 (2020) // Government of India. Ministry of Commerce and Industry. Department for Promotion of Industry and Internal Trade // <https://dipp.gov.in/publications/fdi-statistics>, дата обращения 15.10.2020.

Foreign Direct Investment in India Increased by 3269 USD Million in May of 2020 (2020) // Trading Economics // <https://tradingeconomics.com/india/foreign-direct-investment#:~:text=Foreign%20Direct%20Investment%20in%20India%20averaged%201419.55%20USD%20Million%20from,Million%20in%20November%20of%202017.&text=India%20Foreign%20Direct%20Investment%20%2D%20values,updated%20on%20September%20of%202020>, дата обращения 15.10.2020.

India's Foreign Trade. Press Information Bureau, Delhi, 15 Apr 2020 – 15 Aug 2020 (2020) // Government of India. Ministry of Commerce & Industry.

India's Foreign Trade. Press Release, Delhi, 15 July 2020 (2020) // Government of India. Ministry of Commerce & Industry.

Indian Economic Development & Growth Report (2020) // IBEF, July 31, 2020 // <https://www.ibef.org/economy/monthly-economic-report>, дата обращения 15.10.2020.

Investment Flows to Developing Countries in Asia Could Fall up to 45% in 2020 (2020) // UNCTAD, June 16, 2020 // <https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2399>, дата обращения 16.10.2020.

Monthly International Merchandise Trade (2020) // OECD // https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MEI_TRD#, дата обращения 10.09.2020.

OECD. Organisation for Economic Cooperation and Development.

World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown (2020) // IMF // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>, дата обращения 15.10.2020.

World Investment Report (2020) // UNCTAD // <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2020>, дата обращения 15.10.2020.

From the Point of Economic

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-8

India's Economy under Pressure from COVID-19

Elena A. BRAGINA

DSc in Economics, Chief Researcher, Center for Development and Modernization Problems

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: braglen@mail.ru

ORCID 0000-0002-9180-5503

CITATION: Bragina E.A. (2020) India's Economy under Pressure from COVID-19. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 128–144 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-8

Received: 26.09.2020.

ABSTRACT. *The article examines the negative changes in the Indian economy since the beginning of 2020 under the pressure of the COVID-19 pandemic and measures to overcome them. The increase in the number of cases, the introduction of quarantine led to a rapid reduction in production, mass unemployment, and a decrease in the country's GDP. In the current emergency conditions, it became an objective necessity to increase the impact on the situation of the nation state in various forms. It took dramatic changes in the economic policy of India of the previous period, when the position of private entrepreneurship was significantly strengthened, especially in industry and services. The COVID-19 pandemic forced the government of the country, led by Prime Minister Narendra Modi, to tackle the primary challenge - to keep the country from sliding into total prolonged stagnation and at the same time to support a multimillion poverty-stricken population. The main method of the gov-*

ernment was the policy of financial saturation of the economy through direct financial injections, as well as the direct distribution of money and food in kind among the poor. The collapse of economic activity in India in the first half of 2020 was replaced in the third quarter of this year by signs of some economic recovery. For India, according to UNCTAD, in 2021, the opportunity to attract significant foreign investment from the leading countries of the world, interested in expanding their positions in its huge domestic market, is increasing. In the context of the pandemic, India's role in revitalizing, at the initiative of N. Modi, political and economic contacts in South Asia between SAARC members became especially significant.

KEY WORDS: *India, coronavirus, quarantine, decline in growth rates, economic policy of the government, role of the state, signs of economic recovery, interaction of SAARC member countries*

References

\$1 Billion from World Bank to Protect India's Poorest from COVID-19 (Coronavirus) (2020). *World Bank*, May 14, 2020. Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/05/13/world-bank-covid-coronavirus-india-protect-poor>, accessed 15.10.2020.

ADB (Asian Development Bank) (2020), *Asian Development Outlook*, April 2020.

FDI Statistics. FDI Equity Inflows. Delhi, January 2019 – March 2020 (2020). *Government of India. Ministry of Commerce and Industry. Department for Promotion of Industry and Internal Trade*. Available at: <https://dipp.gov.in/publications/fdi-statistics>, accessed 15.10.2020.

Foreign Direct Investment in India Increased by 3269 USD Million in May of 2020 (2020). *Trading Economics*. Available at: <https://tradingeconomics.com/india/foreign-direct-investment#:~:text=Foreign%20Direct%20Investment%20in%20India%20averaged%201419.55%20USD%20Million%20from,Million%20in%20November%20of%202017.&text=India%20Foreign%20Direct%20Investment%20%2D%20values,updated%20on%20September%20of%202020>, accessed 15.10.2020.

India's Foreign Trade. Press Information Bureau, Delhi, 15 Apr 2020 – 15 Aug

2020 (2020). *Government of India. Ministry of Commerce & Industry*.

India's Foreign Trade. Press Release, Delhi, 15 July 2020 (2020). *Government of India. Ministry of Commerce & Industry*.

Indian Economic Development & Growth Report (2020). *IBEF*, July 31, 2020. Available at: <https://www.ibef.org/economy/monthly-economic-report>, accessed 15.10.2020.

Investment Flows to Developing Countries in Asia Could Fall up to 45% in 2020 (2020). *UNCTAD*, June 16, 2020. Available at: <https://unctad.org/en/pages/news-details.aspx?OriginalVersionID=2399>, accessed 16.10.2020.

Monthly International Merchandise Trade (2020). *OECD*. Available at: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MEI_TRD#, accessed 10.09.2020.

OECD. Organisation for Economic Cooperation and Development.

World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown (2020). *IMF*. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>, accessed 15.10.2020.

World Investment Report (2020). *UNCTAD*. Available at: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2020>, accessed 15.10.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-9

США: экономический аспект политики «национального эгоизма» в условиях пандемии

Людмила Федоровна ЛЕБЕДЕВА

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт США и Канады РАН, 121069, Хлебный пер., д. 2/3, Москва, Российская
Федерация

E-mail: l.lebedeva@iskran.ru

ORCID: 0000-0002-4464-2916

ЦИТИРОВАНИЕ: Лебедева Л.Ф. (2020) США: экономический аспект политики «национального эгоизма» в условиях пандемии // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 5. С. 145–157.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-9

Статья поступила в редакцию 15.07.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00001 А «Глобальные и региональные последствия экономической политики США во втором – начале третьего десятилетия XXI века: новые вызовы и возможности для России».

АННОТАЦИЯ. Политика Соединенных Штатов Америки и до пандемии коронавируса COVID-19 характеризовалась возрастающим экономическим, политическим, финансовым, информационным давлением на другие государства, в т. ч. на союзников и торговых партнеров. Со времени инаугурации президента Д. Трампа (20 января 2017 года) устойчивый характер приобрела практика использования санкций, защиты внутренних производителей многоступенчатным введением таможенных пошлин на импортируемую продукцию по ее видам, по странам происхождения; ужесточения экспортного контроля. Борьба с эпидемией и ее последствиями привела к усилению действий, принимаемых Вашингтоном, исходя из «национального эгоизма», – вплоть до объявления о выходе США из Всемирной орга-

низации здравоохранения в период, когда столь важно объединение усилий перед эпидемиологической угрозой. Пандемия коронавируса, в сочетании с политикой Соединенных Штатов, ускорила глобальную «диффузию» «национального эгоизма», изменения в торгово-экономических взаимосвязях стран и их объединений; поиски новых форматов взаимодействия субъектов мирового хозяйства в условиях, когда национальные интересы становятся превалирующими; углубление конфронтации между двумя крупнейшими экономиками мира – США и Китаем. В новых реалиях Соединенные Штаты перешли к системе противодействия «стратегическим соперникам». Применение Вашингтоном инструментов торможения их технологического, экономического развития, использование санкционного режима, та-

рифных и иных ограничений может привести к усилению государственного контроля взаимодействия США с внешним миром; оказать сдерживающее влияние на восстановление международных связей, а также способствовать сохранению высокой степени неопределенности, снижению доверия в отношениях между странами в постпандемическую эпоху. Вместе с тем задачи противодействия новому глобальному эпидемиологическому вызову усиливают запрос мирового сообщества на сотрудничество и международное взаимодействие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая политика, США, международная торговля, коронавирус COVID-19

Введение

Пандемия COVID-19 с ее беспрецедентными последствиями для глобальных, национальных, локальных трансформаций заставили переоценить новые эпидемиологические, экономические, финансовые, социальные вызовы в их взаимосвязи. Стремительное распространение в мире коронавируса, с одной стороны, актуализировало международное гуманитарное сотрудничество, а с другой, стало новым фактором усиления экономического соперничества, воздействия на расстановку ключевых акторов в глобальном пространстве, степень их «дистанцирования».

В условиях переосмысления рисков общественного развития, национальных приоритетов и механизмов их осуществления, направлений и форматов международного взаимодействия в мире наблюдается усиление «национального эгоизма». По мере перемещения эпицентра распространения коронавируса из Китая в США нарастало и противостояние двух крупнейших экономических держав, которое приобрело

многовекторный характер, вплоть до ситуации, когда Вашингтон возложил ответственность за распространение коронавируса и экономические последствия борьбы с ним на Китай.

Процесс количественных ограничений, санкций после трех лет периода администрации Д. Трампа привел к их переходу в новое качество – к формированию «стратегии соперничества». Именно такой подход – в развитии Стратегии национальной безопасности страны (National Security Strategy of the United States of America, 2017) – сформулирован в апреле 2020 г. в Докладе Госдепартамента Соединенных Штатов «Стратегия соперничества по отношению к Китаю и России» [Ford 2020]. Установка на глобальное лидерство США, базирующаяся на «недосягаемости» «преимуществ Соединенных Штатов над другими странами мира» в военно-политической, технологической, финансово-экономической сферах получила в Докладе новые импульсы и направления развития.

Речь идет о создании комплексной системы торможения экономического, технологического развития Китая, России, других стран, представляющих, с точки зрения авторов доклада, «критический вызов» «американским ценностям и интересам» с тем, чтобы они «бежали медленнее», а США и их союзники «бежали быстрее».

«Вирус» ограничений

«Вирус» ограничений – санкционных, тарифных и нетарифных, по контролю за деятельностью иностранных компаний – показал не менее высокую контагиозность и живучесть, чем COVID-19.

Многие западные эксперты считают, что в период пандемии коронавируса и преодоления ее последствий

«национализм усилится» (*Stephen M. Walt, Harvard University*); «теперь каждая страна будет действовать, исходя из своих интересов», вопрос – «как их определить» (*Professor Joseph Nye, Harvard University*) [How the Global System Will Be Shaped 2020]. Действительно, в мире наблюдается тренд к повышению роли государства, значения государственной политики для решения социальных и экономических задач, исходя из национальных приоритетов. На фоне резко возросшей – в условиях пандемии и введенных ограничений – уязвимости международных производственных цепочек, разрыва хозяйственных связей по многим направлениям в национальных экономиках усиливается фактор их самодостаточности, прежде всего применительно к особо значимой для внутренней экономики и общественного потребления продукции.

Эпидемия коронавируса COVID-19 особо наглядно высветила риски бесперебойной поставки критически востребованных медикаментов, специальных средств защиты, медицинского оборудования. Соединенные Штаты, будучи «крупнейшим в мире рынком фармацевтической продукции по совокупному объему продаж уже более 20 лет» [Мамедьяров 2019, с. 37], как и многие другие страны, столкнулись с вероятностью возникновения дефицита медицинских препаратов; была «выявлена целая группа медикаментов в зоне риска из-за того, что либо их активные субстанции, либо сами препараты поставлялись только из Китая»¹. Наряду с разрывами в производственных цепочках, в условиях эпидемии COVID-19 торговые ограничения могут стать не только экономической, но также гуманитарной проблемой.

В начале текущего года национальные системы по борьбе с коронавирусом испытали на себе достигнутый уровень зависимости от иностранных производителей медицинского оборудования, специальных средств защиты (масок, бахил, халатов и т. п.), свыше 86% мирового экспорта которых сосредоточено в 20 странах, при этом в странах – ключевых производителях одних противозидемических видов продукции одновременно наблюдается потребность в импорте других видов предназначенной для этих целей продукции.

Взаимозависимость по некоторым видам товаров, необходимых для сдерживания распространения, лечения и преодоления последствий коронавируса, достигла такой степени, что в случае чрезвычайных ситуаций, очередных волн заболеваемости, даже в ведущих странах-производителях резкий рост спроса может остаться неудовлетворенным. С учетом такой ситуации по состоянию на апрель 2020 г. ограничения на экспорт продукции для борьбы с COVID-19 (в ряде случаев временные) действовали в 69 странах.

К началу 2020 г. основным производителем защитных масок был Китай (около половины мирового производства), однако по мере распространения эпидемии COVID-19 внутреннего производства оказалось недостаточно для удовлетворения потребностей в них. В январе китайские производители могли выпускать 20 млн масок в день, в то время как для обеспечения работников системы здравоохранения, транспорта, промышленности их требовалось 240 млн.

К концу февраля производство масок в Китае достигло 116 млн в день, а к концу марта – около 200 млн [The Face

1 Мамедьяров З.А. (2020) COVID-19 и глобальные цепочки добавленной стоимости // ИМЭМО. 2 апреля 2020 // <https://www.imemo.ru/news/events/text/covid-19-i-globalnyie-tsepochki-dobavlennoy-stoimosti>, дата обращения 15.10.2020.

Mask Global Value 2020, p. 6]. Ни одна страна мира не производит все необходимые для борьбы с COVID-19 виды продукции (в т. ч. медикаменты, медицинское оборудование, средства специальной защиты для работников медицинских учреждений) и их составляющие.

Непосредственно перед глобальным распространением коронавируса доля США в мировом импорте такой продукции составляла 18%, а по некоторым ее видам значительно выше: средства специальной защиты – 28%, медицинское оборудование – 22,9%. Далее по степени зависимости от поставок из-за рубежа следовали Германия, Нидерланды, с наиболее высокой долей мирового импорта инструментов и аппаратуры для тестирования – 9,6% и 7,4% соответственно (табл. 1).

Около двух третей экспорта инструментов и аппаратуры для тестирования, средств специальной защи-

ты и 55% медицинского оборудования, в т. ч. для кислородной терапии, поставляется всего из пяти стран. Основными поставщиками инструментов и аппаратуры для тестирования являются Германия (21,0%) и США (16,3%); медицинского оборудования, в т. ч. для кислородной терапии, – США (17,6%) и Германия (13,5); средств специальной защиты – Китай (41% мирового экспорта) (табл. 2).

Потребность в импорте, в т. ч. в Соединенных Штатах, продукции медицинского назначения, жизненно необходимой, в числе прочего, в процессе лечения пациентов с коронавирусом COVID-19, столь значительна, что его объем увеличивался, несмотря на введение тарифов. Из попавших под 25%-й тариф товаров, например, объем импорта рентгеновского оборудования из Китая, возрос в 2017–2019 гг. на 45%; а объем импорта защитных перчаток (подпадающих под 15%-й тариф,

Таблица 1. Основные страны – импортеры продукции, необходимой для борьбы с коронавирусом COVID-19: доля в мировом импорте, %

Table 1. Major importing countries for products needed to fight the COVID-19 coronavirus: share of global imports, %

Страны	Инструменты и аппаратура для тестирования	Страны	Средства специальной защиты	Страны	Медицинское оборудование, в т. ч. для кислородной терапии
США	12,9	США	28,2	США	22,9
Германия	9,6	Германия	7,4	Германия	8,0
Нидерланды	8,8	Нидерланды	6,3	Швейцария	7,1
Бельгия	5,8	Бельгия	4,7	Нидерланды	6,8
Италия	5,8	Италия	4,0	Япония	5,1
5 ведущих стран-импортеров	42,8	5 ведущих стран-импортеров	50,7	5 ведущих стран-импортеров	49,9

Данные 2018 г.

Источник: Trade Interdependencies in Covid-19 Goods (2020) // OECD, May 5, 2020 // <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/trade-interdependencies-in-covid-19-goods-79aaa1d6/>, дата обращения 15.10.2020.

введенный в сентябре 2019 г.) – на 42%². Борьба с пандемией выявила проблемы зависимости от целого ряда импортируемых видов продукции и компонентов не только в США.

В предшествующие эпидемии годы такая картина наблюдалась практически во всех группах стран: и развитых, и развивающихся. При столкновении с коронавирусной угрозой в ряде стран были предприняты меры по либерализации импорта ряда видов продукции, критически необходимых в условиях пандемии. Одновременно в своем стремлении снизить зависимость от поставок из других стран, прежде всего из Китая, обеспечить средствами индивидуальной защиты, медикаментами и их компонентами, оборудованием, необходимыми для борьбы с коро-

навирусом, с марта текущего года на их экспорт вводились ограничения как отдельными странами, так и на уровне их объединений.

В то время как некоторые страны ЕС, производящие защитные маски, ввели ограничения на их экспорт, общая установка ЕС, одобренная 15 марта 2020 г., состояла в том, что при выдаче разрешения на экспорт необходимо учитывать нужды стран – членов ЕС. В целях обеспечения стран Евросоюза необходимыми для борьбы с коронавирусом товарами (защитными масками, перчатками и одеждой) был установлен порядок получения специальных разрешений на экспорт такого рода средств защиты за пределы Евросоюза [The Face Mask Global Value 2020]. Похожая система введена и в

Таблица 2. Основные страны – экспортеры продукции, необходимой для борьбы с коронавирусом COVID-19: доля в мировом импорте, %

Table 2. Major exporting countries for products needed to fight the COVID-19 coronavirus: share of global imports, %

Страны	Инструменты и аппаратура для тестирования	Страны	Средства специальной защиты	Страны	Медицинское оборудование, в т. ч. для кислородной терапии
Германия	21,0	Китай	41,0	США	17,6
США	16,3	Малайзия	10,1	Германия	13,5
Швейцария	13,7	Германия	5,2	Китай	9,0
Ирландия	10,4	Вьетнам	4,2	Мексика	8,8
Нидерланды	5,7	Таиланд	3,7	Япония	5,7
5 ведущих стран-экспортеров	67,2	5 ведущих стран-экспортеров	64,2	5 ведущих стран-экспортеров	54,6

Данные 2018 г.

Источник: Trade Interdependencies in Covid-19 Goods (2020) // OECD, May 5, 2020 // <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/trade-interdependencies-in-covid-19-goods-79aaa1d6/>, дата обращения 15.10.2020.

2 Bown C.P. (2020) Trump's Trade Policy Is Hampering the US Fight against COVID-19 // PIIE, March 13, 2020 // <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/trumps-trade-policy-hampering-us-fight-against-covid-19>, дата обращения 15.10.2020.

США (с 10 апреля 2020 г.), а также в ряде других стран.

Влияние пандемии и последствий борьбы с ней на международное «дистанцирование», «диффузию» политики ограничений в системе экономических отношений между странами показало, что ситуация, подобная критической зависимости от поставок необходимых для борьбы с коронавирусом видов продукции, может возникнуть и в любой другой сфере, в т. ч. при нарушении функционирования производственных цепочек.

В Соединенных Штатах курс на самодостаточность в ключевых сферах экономики, усиление мотивации производства внутри страны четко прослеживается в годы президентства Д. Трампа. Проблема высокой доли импорта в используемых особо значимых для экономики сырьевых материалов, компонентов, некоторых видов продукции, оборудования и технологий в контексте национальной безопасности была поставлена на президентском уровне еще в самом начале периода администрации Д. Трампа в 2017 г. изданием Указа о создании рабочей группы по исследованию степени и рисков зависимости от импорта.

В докладе президенту, подготовленном согласно данному Указу («Об оценке и укреплении индустриальной базы и гибкости цепочек снабжения обрабатывающей промышленности и оборонного сектора США» (*Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States*, 2018)) «был выявлен длинный перечень рисков по рассмотренным вопросам» [Report to President Donald J. Trump 2018]. К их

числу относится, в частности, высокая степень зависимости национальной промышленности, оборонного сектора Соединенных Штатов от импорта ряда сырьевых материалов, редкоземельных металлов, а также некоторых видов оборудования и технологий [Лебедева 2020, с. 33]. Особо подчеркивалась роль поставок из Китая.

Эксперты, подготовившие доклад, отметили, например, что из «ведущих 20 мировых производителей печатных плат лишь один базируется в США»; «90% их производства сосредоточено в Азии, в т. ч. свыше половины – в Китае; а на Соединенные Штаты приходится всего 5% глобального производства печатных плат» [Report to President Donald J. Trump 2018, pp. 48, 91]. Политика администрации Д. Трампа по данному вопросу формулируется довольно просто – «товары хорошо производить в самих Соединенных Штатах», что было подтверждено и в период борьбы с пандемией³. Среди основных направлений сокращения зависимости от иностранных поставщиков предлагается поощрение внутреннего производства, в т. ч. посредством налоговых льгот, субсидий.

Стратегия соперничества на третье десятилетие: американский подход

В новых реалиях идеи «национального эгоизма» проявились в трансформации американского подхода к сохранению и упрочению своих позиций в мире в начале третьего десятилетия 2000-х гг. – от отдельных мер противодействия конкурентам к *системному* соперничеству.

3 President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing (2020) // The White House, April 20, 2020 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-28/>, дата обращения 15.10.2020.

В Докладе Госдепартамента США о «стратегии соперничества» (*Competitive Strategy vis-a-vis China and Russia*), обнародованном в мае 2020 г. и содержащем концепцию достижения превосходства США над соперниками (в качестве которых рассматриваются прежде всего Китай и Россия), представлена установка на обеспечение лидерства Соединенных Штатов за счет формирования комплексной системы торможения развития ключевых конкурентов с тем, чтобы они «бежали медленнее», а США и их союзники «бежали быстрее».

Такой подход в полной мере согласуется со Стратегией национальной безопасности Соединенных Штатов (2017 г.), в которой экономические связи рассматриваются не только в контексте утверждения позиций в мировом хозяйстве, но также для формирования взаимоотношений с другими странами по достижению задач, связанных с «общими интересами в сфере политики и безопасности» [National Security Strategy 2017, р. 38]. В документе Госдепартамента США о «стратегии соперничества» и механизмах торможения развития основных конкурентов уточнены инструменты экспортного контроля, мониторинга иностранных инвестиций, других мер, которые могут помешать (или замедлить) укреплению научно-технологического, экономического потенциалов соперников.

В докладе о стратегическом подходе Соединенных Штатов к Китайской Народной Республике (*United States Strategic Approach to the People's Republic of China*) подчеркивается «фундаментальная переоценка Соединенными Штатами понимания и ответа» правящим

кругам «второй крупнейшей национальной экономики» в мире на основе «долгосрочного стратегического соперничества»⁴.

Системное сдерживание научно-технологического развития Китая, а также других конкурентов предполагается осуществлять, и опираясь на «особенности американской системы экспортного контроля над товарами и технологиями двойного назначения, позволившие ей стать важным инструментом обеспечения национальной безопасности и внешней политики» [Кириченко 2020, с. 74]. Ужесточение Соединенными Штатами порядка экспорта продукции и технологий, контроля за выполнением установленных норм и правил призвано стать барьером на пути их приобретения соперниками, в т. ч. (по предположениям Вашингтона) через другие страны.

В апреле 2020 г. Министерством торговли США были объявлены новые положения экспортного контроля в целях предотвращения доступа к американским технологиям, которые могли быть использованы предприятиями в Китае, России, Венесуэле в развитии производства продукции для применения в системе вооружений, военного самолетостроения. Регламентируется также доступ к технологиям, которые могут быть получены соперниками посредством участия в производственных цепочках.

Новые условия регулирования экспорта введены, по словам министра торговли Соединенных Штатов Уилбура Росса (Wilbur Ross), «во избежание обхода со стороны Китая, России, Венесуэлы американского экспортного контроля и подрыва американских ин-

4 United States Strategic Approach to the People's Republic of China // The White House // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.20.20.pdf>, дата обращения 15.10.2020.

тересов» [Ross 2020]. Функции проверки исполнения положений экспортного контроля, регламентации экспорта товаров и технологий двойного назначения возложены в рамках Министерства торговли США на Бюро промышленности и безопасности (*Bureau of Industry and Security*), которое занимается вопросами, связанными с высокими технологиями в контексте обеспечения национальной безопасности страны.

В этом же русле представлены уточненные правила инвестиций в американскую экономику, конкретизирующие порядок их одобрения Комитетом по иностранным инвестициям, в частности в случаях, когда в США инвестирует иностранная компания с государственным участием, что открывает иностранному государству возможности доступа к данным американского бизнеса, в т. ч. в высокотехнологичных сферах телекоммуникаций и других. «В условиях возросшей неопределенности ... тенденция к ограничительной практике в отношении иностранных инвестиций, диктуемая соображениями национальной безопасности» [Емельянов 2020] наблюдается не только в Соединенных Штатах, но и в ряде других стран.

Практика введения национальных мер контроля и (или) ограничительных регуляторов притока иностранных инвестиций в последние годы показывает, что степень их строгости в ряде случаев зависит от того, входит ли страна – источник притока капитала в то же объединение, что и страна – реципиент инвестиций⁵. Канада, Австралия, например, установили более жесткие условия

мониторинга инвестиций из стран, которые не входят во Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства (*Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership*⁶), чем для стран данного объединения.

Общественное мнение о лидерстве США в мире

Восприятие мирового лидерства широко изучается на всех континентах. Регулярно проводимые *Gallup*-опросы позволяют проследить динамику оценки Соединенных Штатов как мирового лидера, которая показывает существенное снижение доли респондентов (в среднем по 135 странам), «одобряющих» лидерство США в мире в годы президентства Д. Трампа, при увеличении доли тех, кто «не одобряет».

К концу второго десятилетия значительно меньше респондентов (чем в его начале) продолжали верить в лидерство США – их доля снизилась до 30–33% в сравнении с 47% в 2010 г. и 48% в 2016 г. (когда на президентских выборах победил Д. Трамп). При этом существенно возросла доля тех, кто не одобряет мировое лидерство Соединенных Штатов (до 42%) (табл. 3).

В результате в годы президентства Д. Трампа впервые за второе десятилетие уверенность в лидерстве США стала столь непопулярной, что его «неодобрение» в мире превзошло «одобрение»⁷. Наименьший индикатор одоб-

5 Инвестиции из стран, заключивших Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства, подлежат проверке; например, в Австралии начиная с объема 1 154 млн австралийских долл., а из стран, которые не входят в данное объединение, – с 266 млн австралийских долл.

6 Объединяет следующие страны: Канада, Австралия, Новая Зеландия, Япония, Сингапур, Вьетнам, Бруней, Малайзия, Мексика, Перу, Чили (после выхода США из Транстихоокеанского партнерства в 2017 г.) [Report on G20 Investment Measures 2019].

7 Ray J. (2020) U.S. Leadership Remains Unpopular Worldwide // GALLUP, July 27, 2020 // <https://news.gallup.com/poll/316133/leadership-remains-unpopular-worldwide.aspx>, дата обращения 15.10.2020.

рения отмечен в Европе (24%, в сравнении с 44% в 2016 г.), при том что доля тех, кто не одобряет, достигла рекордного значения 61%. В противовес общему европейскому тренду наиболее высокий уровень одобряющих лидерство США остался в Косово (82%), Албании (67%), Польше (59%).

Немногом выше, чем в Европе, показатель одобрения лидерства США в целом по странам Азии (32%), а в Африке остался на уровне 51–52%.

В самих Соединенных Штатах в начале 2020 г., согласно *Gallup*-опросу 3–16 февраля, позициями США в мире были удовлетворены 53% американцев – самая высокая доля респондентов за период с февраля 2003 г. Но такой результат получен в основном за счет сторонников республиканцев (85%) при крайне низкой оценке сторонников демократов (19%), отражая их уверенность в том, что США как «лидирующая экономическая держава» существенно укрепи-

лись с 2016 г. (год избрания президентом Д. Трампа).

В феврале 2020 г. так считали 50% респондентов, в сравнении с 37% в 2016 г. В то же время доля респондентов, придерживающихся мнения, что «лидирующая экономическая держава» – Китай, снизилась в этот период с 50 до 39%, а в отношении ЕС такого мнения придерживались всего 4% респондентов, Японии – 4%, России – 2%, Индии – 1% [Jones 2020].

Судя по результатам изучения общественного мнения, резко упало и в целом благоприятное отношение американцев к основному сопернику – Китаю, устойчиво сокращаясь в последние годы – с 53% респондентов 2018 г. до 33% в 2020 г. (опрос 3–16 апреля) – самый низкий показатель с 1979 г., сравнимый разве что с 34% в 1989 г. после событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

В этот же период резко возросла доля американцев, считающих Китай «главным противником» (табл. 4).

Таблица 3. Уровень одобрения лидерства США в мире во втором десятилетии 2000-х гг.
Table 3. Level of approval for US leadership in the world in the second decade of the 2000s

Годы	Доля респондентов в мире, которые «одобряют», %	Доля респондентов в мире, которые не одобряют, %
2010	47	21
2011	46	22
2012	41	25
2013	46	24
2014	45	27
2015	45	28
2016	48	28
2017	30	43
2018	31	40
2019	33	42

Источник: Ray J. (2020) U.S. Leadership Remains Unpopular Worldwide // GALLUP, July 27, 2020 // <https://news.gallup.com/poll/316133/leadership-remains-unpopular-worldwide.aspx>-, дата обращения 15.10.2020.

По мере стремительного увеличения числа подтвержденных случаев заражения коронавирусом в США (на 30 июля 2020 г. – 4,35 млн человек из 16,765 млн в мире)⁸ росло и неодобрение Китая американцами.

По результатам опроса (16 июня – 14 июля), опубликованным 30 июля, неблагоприятное отношение к Китаю испытывают 73% (рекорд!) взрослых американцев – на 27% больше, чем в 2017 г.⁹ При этом почти четверо из каждых пяти респондентов возлагают значительную часть ответственности за глобальное распространение COVID-19 на действия китайского правительства в период вспышки коронавируса в Ухане в начале эпидемии.

Политика пересмотра торговых соглашений, выхода из международных организаций, введения ограничений,

инициируемых Соединенными Штатами, с начала 2020 г. получила новые векторы практического применения. В условиях эпидемии коронавируса и экономических последствий борьбы с ней использование Вашингтоном комплекса мер противодействия экономическому, научно-технологическому развитию, укреплению позиций стратегических соперников, сохранение санкций и иных ограничений может замедлить реанимацию международных торговых связей, инвестиционного обмена, а также способствовать «диффузии» «национального эгоизма» в мире. Влияние пандемии, последовавших экономических и социальных потрясений в Соединенных Штатах усиливает потенциал «национального эгоизма» независимо от результатов ноябрьских президентских выборов.

Таблица 4. Какую страну мира американцы считают «главным противником»: доля респондентов, %

Table 4. Which country in the world do Americans consider "the main enemy": percentage of respondents, %

Страны	2015	2016	2018	2019	2020*
Россия	18	15	19	32	23
Китай	12	12	11	21	22
Иран	9	14	7	9	19
Северная Корея	15	16	51	14	12
Ирак	8	5	2	2	7
Афганистан	3	4	–	2	1
Другие	23	20	3	8	9
Нет мнения	13	15	5	10	8

*Результаты Опроса 3-16 февраля 2020 г.

Источник: Ray J. (2020) U.S. Leadership Remains Unpopular Worldwide // GALLUP, July 27, 2020 // <https://news.gallup.com/poll/316133/leadership-remains-unpopular-worldwide.aspx>, дата обращения 15.10.2020.

8 Coronavirus Resources Center // Johns Hopkins University // <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>, дата обращения 15.10.2020.

9 Silver L., Devlin K., Huang Ch. (2020) Americans Fault China for Its Role in the Spread of COVID-19 // Pew Research Center, July 30, 2020 // <https://www.pewresearch.org/global/2020/07/30/americans-fault-china-for-its-role-in-the-spread-of-covid-19/>, дата обращения 15.10.2020.

Список литературы

Емельянов Е.В. (2020) Тенденции прямых иностранных инвестиций и их регулирования в США и других странах Группы двадцати // Россия и Америка в XXI веке. № 2. DOI: 10.18254/S207054760010489-4

Кириченко Э.В. (2020) Экспортный контроль как инструмент поддержания лидерства США в меняющемся мире // ПОЛИС. № 1. С. 74–88. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.06

Лебедева Л.Ф. (2020) Подходы к экономической и социальной безопасности в период президентства Д. Трампа: Глобальные и локальные эффекты политики США в период президентства Трампа // США и Канада: экономика, политика, культура. № 2. С. 26–42. DOI: 10.31857/S268667300008239-2

Мамедьяров З.А. (2019) Инновационное развитие мировой фармацевтической отрасли. М.: ИМЭМО РАН.

Ford C.A. (2020) Competitive Strategy vis-a-vis China and Russia // Arms Control and International Security Papers, vol. 1, no 6 // <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/T-paper-series-6-Strategic-competition-508.pdf>, дата обращения 15.10.2020.

How the Global System Will Be Shaped after the Covid-19 (2020) // TRT-world, April 21, 2020 // <https://www.trt-world.com/opinion/how-the-global-system-will-be-shaped-after-the-covid-19-pandemic-35614>, дата обращения 15.10.2020.

Jones J.M. (2020) Fewer in U.S. Regard China Favorably or as Leading Economy // GALLUP, March 2, 2020 // <https://news.gallup.com/poll/287108/fewer-regard-china-favorably-leading-economy.aspx>, дата обращения 15.10.2020.

National Security Strategy of the United States of America (2017), Washington: The White House, December.

Report on G20 Investment Measures (2019) // OECD, June 24, 2019 // <https://www.oecd.org/g20/summits/osaka/UNCTAD-OECD-2019-21st-report.pdf>, дата обращения 15.10.2020.

Report to President Donald J. Trump (2018). Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States, Washington, DC.

Ross W. (2020) Commerce Tightens Restrictions on Technology Exports to Combat Chinese, Russian and Venezuelan Military Circumvention Efforts // U.S. The Department of Commerce, April 27, 2020 // <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2020/04/commerce-tightens-restrictions-technology-exports-combat-chinese-0>, дата обращения 15.10.2020.

The Face Mask Global Value Chain in the COVID-19 Outbreak: Evidence and Policy Lessons (2020) // OECD, May 4, 2020 // https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=132_132616-l4i0j8ci1q&title=The-Face-Mask-Global-Value-Chain-in-the-COVID-19-Outbreak-Evidence-and-Policy-Lessons, дата обращения 15.10.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-9

United States: “National Egoism” Policy under the COVID-19 Pandemic

Liudmila F. LEBEDEVA

DSc in Economics, Professor, Chief Researcher

Institute for the US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, 121069, Khlebnyj lane, 2/3, Moscow, Russian Federation

E-mail: l.lebedeva@iskran.ru

ORCID: 0000-0002-4464-2916

CITATION: Lebedeva L.F. (2020) United States: “National Egoism” Policy under the COVID-19 Pandemic. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 145–157 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-9

Received: 15.07.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-00001 A “Global and Regional Effects of US Economic Policy in the second -the beginning of the third decade of the XXI century: New Challenges and Chances for Russia”.

ABSTRACT. *The rising “national egoism” in the US economic policy has been taken place since D. Trump’s inauguration (January 20, 2017), with focus on protectionist measures, priorities for domestic production; on encouraging US companies to invest at home instead of foreign markets; control the fields of foreign investors in the American economy, etc. Covid-19 pandemic seems to have a massive impact on global diffusion of “national egoism” practices, making states more isolationist. The outbreak of the coronavirus has already become an important factor of influence on the national economies and relations between them. The article reviews the ways COVID 19 pandemic is intensifying the economic policies of President D. Trump based on nationalism, pointing out the trade and investment restrictions, their global effects. In light of the uncertainty about the pandemic’s duration and its economic impact, the paper is focusing on the immediate and more long-term global con-*

sequences of the US economic policy. All sorts of US government policy innovations during Trump’s presidency, including imposing and threatening to impose sanctions (which become usual, as to the US policy, before pandemic), tariff protections have their effects, spreading around the globe. Most of the new policies have become even more important under coronavirus pandemic, particularly concerning major strategic competitors of the United States. The American approaches to developing new rules and updating existing ones for the international connections, new import and export control actions are designed to promote economic objectives and political objectives as well. Being a powerful political and economic actor US have many instruments to influence the relations between countries. At the same time reinforced “national egoism” practices can make the economic and international trade recovery even more sluggish in the post – pandemic world.

KEY WORDS: *economic policy, US, international trade, COVID-19*

References

- Emelianov E.V. (2020) Foreign Direct Investment and Regulation in U.S. and Other G20 Countries. *Russia & America in XXI Century*, no 2 (in Russian). DOI: 10.18254/S207054760010489-4
- Ford C.A. (2020) Competitive Strategy vis-a-vis China and Russia. *Arms Control and International Security Papers*, vol. 1, no 6. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/T-paper-series-6-Strategic-competition-508.pdf>, accessed 15.10.2020.
- How the Global System Will Be Shaped after the Covid-19 (2020). *TRTworld*, April 21, 2020. Available at: <https://www.trtworld.com/opinion/how-the-global-system-will-be-shaped-after-the-covid-19-pandemic-35614>, accessed 15.10.2020.
- Jones J.M. (2020) Fewer in U.S. Regard China Favorably or as Leading Economy. *GALLUP*, March 2, 2020. Available at: <https://news.gallup.com/poll/287108/fewer-regard-china-favorably-leading-economy.aspx>, accessed 15.10.2020.
- Kirichenko E.V. (2020) Export Controls as a Tool to Maintain U.S. Leadership in a Changing World. *POLIS*, no 3, pp. 74–88 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.01.06
- Lebedeva L.F. (2020) Approaches to Economic and Social Security under D. Trump's Presidency. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no 2, pp. 26–42 (in Russian). DOI: 10.31857/S268667300008239-2
- Mamedyarov Z.A. (2019) *Innovative Development of the Global Pharmaceutical Industry*, Moscow: IMEMO (in Russian).
- National Security Strategy of the United States of America* (2017), Washington: The White House, December.
- Report on G20 Investment Measures (2019). *OECD*, June 24, 2019. Available at: <https://www.oecd.org/g20/summits/osaka/UNCTAD-OECD-2019-21st-report.pdf>, accessed 15.10.2020.
- Report to President Donald J. Trump* (2018). Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States, Washington, DC.
- Ross W. (2020) Commerce Tightens Restrictions on Technology Exports to Combat Chinese, Russian and Venezuelan Military Circumvention Efforts. *U.S. The Department of Commerce*, April 27, 2020. Available at: <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2020/04/commerce-tightens-restrictions-technology-exports-combat-chinese-0>, accessed 15.10.2020.
- The Face Mask Global Value Chain in the COVID-19 Outbreak: Evidence and Policy Lessons (2020). *OECD*, May 4, 2020. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=132_132616-l4i0j-8ci1q&title=The-Face-Mask-Global-Value-Chain-in-the-COVID-19-Outbreak-Evidence-and-Policy-Lessons, accessed 15.10.2020.

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-10

Ближний Восток в условиях второй волны коронакризиса

Анастасия Сергеевна БОГАЧЕВА

старший лаборант-исследователь, Центр ближневосточных исследований
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: anastasia.s.bogacheva@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0556-6719

Ибрагим Эминович ИБРАГИМОВ

младший научный сотрудник, Центр ближневосточных исследований
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: ibragimov.ie@imemo.ru
ORCID: 0000-0001-9669-4243

Николай Александрович КОЖАНОВ

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр
ближневосточных исследований
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: n_a_kozhanov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6101-4199

Станислав Олегович ЛАЗОВСКИЙ

старший лаборант-исследователь, Центр ближневосточных исследований
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: stas-jesin@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1249-3634

Людмила Максимовна САМАРСКАЯ

младший научный сотрудник, Центр ближневосточных исследований
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: saluma@imemo.ru
ORCID: 0000-0003-4596-4404

Ирина Александровна СВИСТУНОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр ближневосточных исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: isvistunova@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-5191-9090

Николай Юрьевич СУРКОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Центр ближневосточных исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: nsurkov@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-7185-7990

ЦИТИРОВАНИЕ: Богачева А.С., Ибрагимов И.Э., Кожанов Н.А., Лазовский С.О., Самарская Л.М., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. (2020) Ближний Восток в условиях второй волны коронакризиса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 158–180. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-10

Статья поступила в редакцию 25.08.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка дать оценку влиянию коронакризиса на ситуацию как в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) в целом, так и в отдельных странах. Анализ динамики основных экономических индикаторов показал, что регион переживает период стагнации – снижение темпов роста, сокращение деловой активности, усиление безработицы. При этом прослеживается тот факт, что в большинстве случаев пандемия не породила, а лишь усилила существовавшие негативные тенденции, для устранения которых нужны структурные трансформации. Особенно важно то, что пострадали не толь-

ко относительно слабые в экономическом плане государства, но и страны, привыкшие опираться на высокие доходы от экспорта углеводородов. Вызывает тревогу наметившийся кризис модели развития стран Персидского залива. Еще одним трендом, который продемонстрировала вторая волна кризиса, стало достаточно быстрое обострение политических противоречий в ряде стран, что также может привести к значительным переменам в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ближний Восток, коронавирус, экономика, нефть, протесты, Персидский залив, Египет, Турция, Иран, Израиль

Пандемия коронавируса, вспыхнувшая весной 2020 г., не привела к хаосу или массовой гибели населения в странах Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). В целом национальные системы здравоохранения БВСА справились с возросшей нагрузкой, а правительства большинства государств сумели, по крайней мере в краткосрочном периоде, не допустить серьезной дестабилизации обстановки. Однако вспышка болезни значительно усилила и ускорила развитие негативных тенденций, которые уже существовали в регионе до кризиса. Особенно это было заметно в экономической сфере. Во всех странах БВСА к августу 2020 г. наблюдалось резкое снижение темпов роста ВВП, спад предпринимательской и торговой активности, увеличение внешней задолженности, рост безработицы. Однако на фоне коронакризиса имело место и обострение хронических проблем. Все это стало однозначным сигналом о необходимости ускорения процессов трансформации и реформ, чтобы сделать государства более устойчивыми к внешним шокам.

Особенностью ситуации в БВСА стала уязвимость внешне благополучных стран. Коронакризис ожидаемо стал источником новых трудностей для беднейших или страдающих от конфликтов государств, таких как Судан, Ливан, Йемен или Сирия, но очень серьезный негативный эффект ощутили и нефтеэкспортеры Персидского залива. Разумеется, в случае стран Залива речь не идет о массовом обнищании населения или повальной безработице, но их процветание и ставшие привычными высокие доходы оказались под вопросом. В результате государства Залива столкнулись с кризисом, который может стать самым серьезным со времени обвала нефтяных цен в 80-е гг. прошлого века.

Пока что страны региона принимали лишь ситуативные меры для сти-

мулирования своих экономик, чтобы смягчить негативные последствия кризиса для бизнеса и рядовых граждан. Использовались преимущественно кредитные и фискальные механизмы. В зависимости от возможностей бюджета государства региона предоставляли прямые субсидии бизнесу и льготные займы или же шли на снижение налогов. Широкое распространение получила практика заимствования на внешних рынках, причем к ней прибегали и относительно благополучные страны.

Особенностью наметившейся второй волны коронакризиса стало обострение социальных протестов и политической борьбы в ряде государств. Если первая волна пандемии способствовала сплочению обществ и даже некоторой консолидации населения вокруг неоднозначных режимов и руководителей, то уже летом в ряде стран появились признаки противостояния правительства и оппозиции или же раскола в правящих элитах. Причем речь идет о таких значимых для региона странах, как Турция, Иран и Израиль. Все это создает предпосылки для разнообразных политических трансформаций – от смены руководства до смены политического режима, что в перспективе может повлиять на обстановку в регионе в целом.

Экономика: спад и безработица

По оценке МВФ, ущерб для региона от коронавирусного и нефтяного кризисов оценивается в 116 млрд долл. США [MENA Economic Update 2020]. Негативный эффект от пандемии хорошо виден, если взглянуть на три базовых показателя: темпы роста ВВП, уровень инфляции и фискальный баланс.

Показатель темпов роста ВВП с положительного почти у всех стран БВСА сменился отрицательным. Сильнее

Таблица 1. Темпы роста ВВП, уровень инфляции, фискальный баланс¹
Table 1. GDP growth rate, inflation rate and fiscal balance

Регион/Страна	Темпы роста ВВП, %		Уровень инфляции, %		Фискальный баланс, %	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020
Ближний Восток	0,98	–4,4	5,2	6,1	–3,6	–10,5
Саудовская Аравия	0,3	–6,8	1,3	0,9	–4,5	–12,6
ОАЭ	1,7	–3,5	–1,9	–1,1	–0,8	–11,1
Катар	–0,2	–4,3	–3,1	–1,2	4,1	5,3
Кувейт	0,7	–1,1	1,9	1,1	4,8	–11,3
Оман	0,5	–2,8	–1	1	–7	–16,9
Бахрейн	1,8	–3,6	–3,6	2,6	–10,6	–15,7
Египет	5,6	1,95	5,9	13,9	–4,6	–13,1
Ирак	3,9	–4,7	1,1	0,8	–7,4	–7,7
Иордания	2	–3,7	0,5	0,2	–0,8	–22,3
Ливан	–6,5	–12	10	17	–6,1	–6,7
Иран²	–7,59 ³	–5,99	41,1	34,2	–5,1	–6,5
Израиль	3,5 ⁴	–6,29	0,8	–1,9	–3,91	–10,21
Турция⁵	0,94	–5	15,2	12	–5,26	–7,48

всего спад затронул нефтеэкспортеры: Саудовскую Аравию, ОАЭ, Катар, Оман, Бахрейн, Ирак.

Для сравнения: по прогнозам, экономический спад в Латинской Америке составит 7,2% ВВП, в Европе и Центральной Азии – 4,7% ВВП, в Южной Азии – 2,7% ВВП.⁶ Однако в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе в 2020 г.,

несмотря на кризис, рост ВВП составит 0,5%, но все же это сильное снижение по сравнению с 2019 г. (5,9% ВВП). Если составить рейтинг регионов по ущербу от кризиса, то картина будет выглядеть следующим образом: самый пострадавший регион – Латинская Америка, далее следуют Европа и Центральная Азия, после них – Ближний Восток, по-

1 [Reopening begins 2020; Unemployment Rate 2020].

2 Inflation Rate, Average Consumer Prices: Annual Percent Change (2020) // International Monetary Fund // <https://www.imf.org/external/datamapper/PCPIPCH@WEO/OEMDC/ARE/SAU/YEM>, дата обращения 15.10.2020.

3 Iran: Real Gross Domestic Product (GDP) Growth from 2009 to 2021 (2020) // Statista, April 2020 // <https://www.statista.com/statistics/294301/iran-gross-domestic-product-gdp-growth/>, дата обращения 15.10.2020.

4 Israel: Growth Rate of the Real Gross Domestic Product (GDP) from 2009 to 2021 (2020) // Statista, April 2020 // <https://www.statista.com/statistics/375237/gross-domestic-product-gdp-growth-rate-in-israel/>, дата обращения 15.10.2020.

5 Turkey: Growth of the Real Gross Domestic Product (GDP) from 2009 to 2021 (2020) // Statista, April 2020 // <https://www.statista.com/statistics/263612/gross-domestic-product-gdp-growth-in-turkey/>, дата обращения 15.10.2020.

6 Pandemic, Recession: The Global Economy in Crisis (2020) // World Bank, Global Economic Prospects, June 2020 // <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects>, дата обращения 15.10.2020.

том Южная Азия, а после – Восточная Азия и Тихоокеанский регион. Таким образом, ситуация на Ближнем Востоке не самая плохая, а учитывая, что пандемия совпала с нефтяным кризисом, снижение ВВП могло быть сильнее.

Несмотря на разное экономическое положение стран региона, непосредственные экономические последствия пандемии были похожи, поскольку пострадал в первую очередь туристический сектор, значимый для многих стран БВСА, а затем, по мере ужесточения карантинных мер, кризис затронул остальную часть ненефтяной экономики. Единственный позитивный аспект экономической ситуации заключается в том, что эпидемия коронавируса пока слабо сказалась на уровне инфляции в странах и в регионе в целом, благодаря последовательной монетарной политике центральных банков стран и низкой инфляции прошлых периодов. Низкий

уровень инфляции позволяет надеяться, что в 2020 г. не будет стремительного роста цен и, соответственно, усиления социальной напряженности.

Из-за сложившейся ситуации государствам пришлось оказывать помощь своим гражданам, поэтому расходы государственных бюджетов серьезно увеличились. Так, в 2020 г. по отношению к 2019 г. индикатор фискального баланса покажет спад на 11,1%, что говорит о резком росте бюджетных расходов. Для того, чтобы покрыть увеличившиеся расходы государственного бюджета, страны должны либо привлечь больше иностранных инвестиций, чем до кризиса, либо увеличить объемы внешней торговли.

Влияние коронакризиса на внешнюю торговлю, чистые доходы от инвестиций и чистые объемы трансфертных платежей отражают данные по показателю счета текущих операций.

Таблица 2. Счет текущих операций⁷
Table 2. Current account

Регион/Страна	Счет текущих операций, %	
	2019	2020
Ближний Восток	–5,4	–4,5
Саудовская Аравия	–3,1	–3,4
ОАЭ	1,5	4,1
Катар	–1,9	–1,8
Кувейт	–10,2	–7,8
Оман	–14,2	–11,1
Бахрейн	–9,6	–7,3
Египет	–4,5	–4,3
Ирак	–21,7	–14,1
Иордания	–5,8	–5,3

⁷ [Unemployment Rate 2020].

Таблица 3. Индекс деловой активности⁸

Table 3. Business activity index

Регион/Страна	Индекс деловой активности, %	
	2019	2020
Ближний Восток	47	42
Саудовская Аравия	53	48
ОАЭ	49	47
Катар	50	37
Египет	47	41
Ливан	45	37
Иран	48	47
Израиль	52	49
Турция⁹	49	54

Ко второму полугодью 2020 г. ситуация во внешней торговле постепенно улучшалась, поскольку во время волны коронавируса странам пришлось наращивать импорт необходимой медицинской продукции и оборудования. Также стали увеличиваться инвестиции в текстильную и медицинскую отрасли, т. е. происходило увеличение объемов пошива масок, производства аппаратов ИВЛ и т. п.

Исходя из значений индекса деловой активности, можно сделать вывод, что в странах региона и в регионе в целом наблюдается ухудшение экономической ситуации. Это связано с закрытием и банкротством многих предприятий в период коронавирусных ограничений. Без должной государственной поддержки многие предприятия просто не смогли функционировать, особенно это сказалось на туристической

отрасли. Это подтверждает апрельский региональный отчет МВФ по Ближнему Востоку и Центральной Азии [Борьба с пандемией 2020]. Особенностью ситуации является усилившееся нежелание предпринимателей принимать на себя риски и отток капитала в безопасные активы. Цены на акции крупных компаний пошли на спад, а спреды по облигациям только увеличились.

Как видно из рис. 1, безработица в большинстве стран БВСА является серьезной проблемой. Из-за того, что многие предприятия, особенно в туристической отрасли, стали банкротами и закрылись, следует ожидать повышения и без того высокого уровня безработицы. С высокой вероятностью в ближайшие годы ситуация с занятостью только ухудшится, т. к. страны не могли справиться с этой структурной проблемой даже в докризисное время.

8 [How the World's Purchasing Managers 2020; Reopening Begins 2020].

9 Turkey: Purchasing Managers Index (PMI), Manufacturing (2020) // The Global Economy, August 2020 // https://www.theglobaleconomy.com/Turkey/pmi_manufacturing/, дата обращения 15.10.2020.

Исходя из прогнозов МВФ, внешний долг в регионе в целом увеличится с 44,7% ВВП в 2019 г. до 55,2% ВВП в 2020 г. [A Crisis Like No Other 2020]. Учитывая, что для стран с развивающейся экономикой «нормальным» значением внешнего долга считается от 20 до 40% от ВВП страны, можно сказать, что рост данного показателя почти на 10% свидетельствует о серьезном увеличении незапланированных расходов.

Страны региона принимали меры по борьбе с экономическими последствиями кризиса. Например, к началу лета 2020 г. Саудовская Аравия выделила 120 млрд риалов (32 млрд долларов) на помощь банковскому и финансовому сектору, малому и среднему бизнесу, а также отсрочку налоговых платежей и освобождение от государственных сборов и пошлин. Программа стимулирования в ОАЭ оценивается в 126 млрд дирхамов (27 млрд долларов). Власти страны предоставили банкам кредиты с нулевой ставкой, заемщикам – отсрочки по кредитам в срок до 6 месяцев. Власти Египта выделили около 100 млрд египетских фунтов (6,4 млрд долларов). Особой мерой было выделение средств для субсидирования промышленности, чтобы снизить цены на газ и электро-

энергию. Была предоставлена отсрочка по выплате кредитов сроком до 6 месяцев для малых и средних предприятий. В сельскохозяйственной отрасли были отменены налоги сроком на 2 года [Какие меры для поддержки экономики вводили в разных странах 2020].

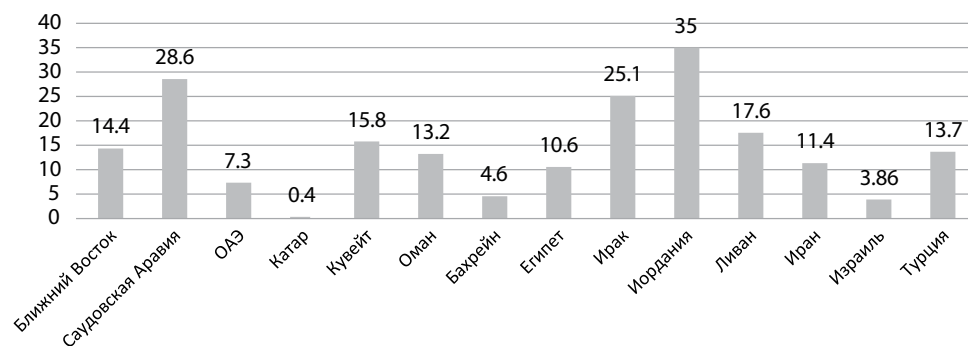
Персидский залив: беда не приходит одна

Удар COVID-19 по экономикам арабских монархий пришелся сразу по нескольким направлениям. В первую очередь, глобальный избыток нефти заставил страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) активнее конкурировать за долю рынка. Причем в первом полугодии 2020 г. производителям нефти бороться приходилось не столько за расширение собственной доли рынка, сколько за ее сохранение в условиях падающего спроса, что серьезно ужесточило указанную борьбу.

Во-вторых, значительно ухудшились макроэкономические показатели членов ССАГПЗ. Падение цен на нефть, усугубленное необходимостью оказывать поддержку другим секторам экономики, спровоцировало существен-

Рисунок 1. Безработица в странах Ближнего Востока, % в 2019 г.

Figure 1. Unemployment rate in the Middle East countries, % in 2019

ный бюджетный дефицит. В результате Кувейт столкнулся с угрозой исчерпания валютных резервов, а Оман оказался на пороге долгового кризиса. Еще до начала пандемии бюджеты ряда стран ССАГПЗ были дефицитными. Сокращение доходов от нефти неизбежно замедлит реализацию ключевых проектов и программ развития (как, например, саудовское «Видение – 2030»), что вместе со снижением экономической активности приведет к отрицательным темпам роста ВВП в 2020 г., оказав свое влияние и на социальные показатели [Cockayne 2020].

В-третьих, пандемия грозит замедлить и развитие самого нефтегазового сектора стран ССАГПЗ. С одной стороны, национальные нефтяные компании (ННК) будут вынуждены пересмотреть свои расходы на 2020–2021 гг., о чем уже заявили Saudi Aramco и Qatar Petroleum [Azhar 2020; Buosso 2020]. Происходить это будет не только из-за снижения объемов выручки, но и, в ряде случаев, благодаря решению руководства стран ССАГПЗ перенаправить средства из бюджетов ННК на финансирование текущих бюджетных расходов самих монархий [Seznec 2020].

С другой стороны, в условиях долгосрочной разбалансировки рынка и весьма туманных перспектив роста цен привлекательность нефтегазового сектора стран ССАГПЗ для крупных инвесторов также может сократиться. Не будут способствовать этому и усиление роли государства в экономике арабских монархий Персидского залива и изменение налоговых режимов, обусловленные мерами по борьбе с экономическими последствиями COVID-19 [Bajic 2020; Ingram 2020].

В-четвертых, пандемия продемонстрировала и слабеющую роль ОПЕК+ как регулятора рынка. Ее возможностей уже недостаточно для мгновенной стабилизации рынка. Последующее

восстановление спроса окажется медленным и будет зависеть от динамики пандемии COVID-19. По оценкам Международного энергетического агентства, если не будет второй волны заражения, то мировой спрос на нефть вернется к уровням 2019 г. лишь к 2022 г. [Алифирова 2020].

При этом не стоит ожидать, что картина мира будет прежней после окончания пандемии. Большая часть упомянутых выше проблем возникла гораздо раньше – примерно в 2012–2015 гг., что было связано с двумя факторами: сланцевой революцией, приведшей к всплеску добычи нефти и газа, а также начавшимся энергопереходом на безуглеродную энергетику. Именно благодаря им с 2011 г. на рынке наблюдается устойчивое опережение роста спроса на нефть ростом предложения, обусловившее в последние годы избыток сырья на рынке.

Иными словами, факторы, обусловившие избыток нефти и приведшие к усилению ее альтернативных поставщиков, возникли задолго до коронавируса, что напрямую отразилось на доходах стран ССАГПЗ. Другим важным итогом сланцевой революции стала обострившаяся конкуренция между производителями в условиях изменения направления торговых потоков. США перестали быть рынком сбыта, став еще одним экспортером нефти и направив значительную часть ее экспорта в Азию, основной рынок для углеводородов, добываемых в Персидском заливе.

Одновременно чувствительность производителей сланцевой нефти к изменениям цен сократила длительность нефтяных циклов и изменила их амплитуду: теперь взлеты и падения цен, обусловленные спадом и наращиванием производства, будут происходить чаще, но сами цены не смогут подниматься высоко на продолжительное время. В таких условиях весьма высоки шансы

возникновения «идеального шторма», когда естественный спад потребления под давлением высоких цен, стимулирующих избыточное предложение, может совпасть с форс-мажором, дополнительно сокращающим объемы закупок углеводородов. Это и произошло в момент начала пандемии.

Конец нефтяного блаженства: что дальше?

Пандемия стала своеобразным тестом, позволившим лучше понять особенности и слабые места политических режимов стран ССАГПЗ и их социально-экономических основ. В первую очередь, она напомнила о необходимости пересмотра понимания энергетической безопасности региона, которая с конца 1960-х гг. (если не ранее) фокусировалась на интересах потребителей нефти (а потом и газа).

Вместе с тем понятие энергетической безопасности является куда более сложным. Учет интересов потребителя не означает соблюдения интересов производителя энергоресурсов, для которого возможность осуществления их поставки по приемлемым ценам может являться залогом существования, т. е. безопасности. На фоне усилившейся конкуренции перед странами ССАГПЗ остро встал вопрос обеспечения их устойчивого доступа к рынкам сбыта. Произошло смещение акцентов в вопросе обеспечения энергетической безопасности стран ССАГПЗ с защиты интересов потребителей нефти на защиту интересов ее производителей.

Сам по себе COVID-19 лишь усилил влияние на страны ССАГПЗ тех процессов, которые были запущены уже давно. В этих условиях не приходится рассчитывать на то, что завершение пандемии приведет к решению всех проблем. Их политика должна быть ориентирована

не столько на борьбу с последствиями самого COVID-19, сколько на купирование негативных последствий глубинных процессов, чье отрицательное влияние пандемия лишь усугубила.

Впрочем, БВСА не исчерпывается только монархиями Персидского залива, которые многие арабы воспринимают как некий аналог пресловутого «золотого миллиарда». В этом регионе большинство составляют развивающиеся страны со средним уровнем доходов, которые обладают более-менее диверсифицированными экономиками, но при этом обременены множеством структурных проблем, связанных с диспропорциями в развитии или пережитками традиционного общества. В этой связи целесообразно рассмотреть несколько наиболее показательных примеров.

Египет: вирус как норма

Египет с его самым многочисленным в арабском мире населением, средними социально-экономическими показателями и типичными для региона проблемами можно рассматривать как наиболее иллюстративный пример воздействия коронакризиса.

В конце лета ситуация в Египте оставалась напряженной. На 1 августа 2020 г. в стране было зафиксировано почти 100 тыс. случаев заражения. Реальные цифры могут быть выше, поскольку в АРЕ проводится недостаточно тестов. Однако страна начала возвращаться к нормальной жизни и руководство призывало граждан научиться «сосуществовать» с вирусом [Osama, Soliman 2020]. С июня Египет постепенно открывался и снимал ограничения, несмотря на критику со стороны общественности.

Одним из серьезных последствий пандемии оказалось замедление темпов

роста египетской экономики, которые, согласно официальным данным, снизились по сравнению с 2019 г. на 2% – до 3,8% [Egypt Achieves Economic Growth 2020]. Самые большие трудности пришлось на апрель–июнь 2020 г. Несмотря на то, что индекс деловой активности частного сектора в июне восстановился после апрельского минимума, он по-прежнему оставался весьма ограниченным. В том же месяце валютные резервы Центрального банка Египта упали до почти трехлетнего минимума, поскольку местная валюта оказалась под давлением. Ранее в апреле товарный экспорт упал на 29% в годовом исчислении из-за сокращения мирового спроса [Trade Balance in Egypt 2020].

Пандемия COVID-19 стала сильным испытанием для египетского рынка труда. Половина трудящихся в Египте (49,7%) подвержены рискам увольнения, сокращения или задержки зарплаты. Уровень безработицы в апреле составил 9,2%, при этом темпы сокращения числа рабочих мест ускорились до самых высоких показателей с сентября 2016 г. [Egyptians Struggle to Return to Work 2020], когда уровень безработицы достигал 13–14%.

Правительство Египта ожидает в 2020/21 финансовом году роста экономики на 3,5%, но рост может замедлиться до 2%, если кризис с коронавирусом продлится до конца года [Mourad 2020]. Предполагается, что экономический рост вернется к допандемическим значениям (5%) в следующем финансовом году (2021/2022). Тем не менее имеются серьезные риски, связанные с большим внешним долгом Египта, в сочетании с пандемией и последовавшими за этим экономическими потрясениями. В 2021 г. государственный долг Египта, как ожидается, достигнет 93% ВВП, и это однозначно потребует введения новых мер экономии [Egypt to See GDP Grow 2.5% 2020]. На этом фоне

правительством используются традиционные методы пополнения бюджета за счет внешних заимствований и повышения фискальной нагрузки на население и бизнес. Среди принятых мер – также повышение цен на электроэнергию и бензин.

С конца июня в Египте сняли большинство карантинных ограничений. Как объяснило правительство, это было сделано в целях поддержки экономики страны. С 1 июля власти страны возобновили международное авиасообщение и открылись курортные зоны для иностранных туристов с условием соблюдения определенных санитарных ограничений. Помимо этого, руководство страны выделило 3,2 млрд долл. для поддержки работников сферы туризма и отельеров [Egypt's Tourism Sector Hits \$13.03B 2020].

Как отмечают иностранные наблюдатели, экономика Египта меньше всего пострадала от коронакризиса среди экономик ближневосточного региона [Egypt's Path 2020]. На фоне снятия ограничительных мер египетская экономика стала оживать. Считается, что реформы последних лет обеспечили Египту определенный запас прочности. Это дает повод для осторожного оптимизма: спад существенный, однако он рассматривается как временное отклонение от позитивного тренда.

Турция: эпидемия прошла, но проблемы остались

Еще одна крупная нефтегазовая страна региона, на которую необходимо обратить внимание при анализе ситуации на Ближнем Востоке, – Турция. Ее пример также демонстрирует, что первой жертвой коронакризиса стала экономика. Вспышка пандемии осложнила внутренние проблемы Турции, важнейшей из которых стал продолжительный

экономический спад. В 2019 г. рост турецкой экономики составил всего 0,9% по сравнению с 7,4% в 2017 г. и 2,8% в 2018 г. [Turkey Forecast 2020]. Еще одним проблемным аспектом стало обострение политического соперничества на фоне победы светской оппозиции на муниципальных выборах 2019 г. и появления двух новых происламских партий, созданных бывшими соратниками Р.Т. Эрдогана, покинувшими правящую Партию справедливости и развития (ПСР).

Тем не менее правительству в целом удалось преодолеть неблагоприятную ситуацию за счет мер социальной поддержки населения и отказа от введения полного карантина для бизнеса. Турецкая система здравоохранения также продемонстрировала внушительный запас прочности. В обзоре Мирового банка за август 2020 г. отмечается, что по сравнению с другими государствами Турция относительно быстро смогла взять под контроль распространение болезни [Zengin 2020].

Решительные действия и популистская риторика властей в ходе эпидемии привели к росту рейтинга президента Р.Т. Эрдогана с 41,1 до 55,8% [Selvi 2020]. Однако общенациональная угроза COVID-19 не помогла преодолеть глубокий идеологический раскол между ПСР и ее политическими оппонентами, которые усилили критику правительства в связи с эпидемией.

Пандемия поставила перед Турцией новые вызовы экономического характера. В первую очередь речь идет об усугублении таких проблем, как падение курса лиры, хронический дефицит платежного баланса страны, рост кредитной задолженности частных компаний. В то же время резкого обвала социально-экономических показателей не произошло, по крайней мере, в первые месяцы эпидемии, что свидетельствует об устойчивости экономики

страны. Экономическая программа турецкого правительства на 2020 г. предполагала, что инфляция сократится до 8,5%, безработица – до 11,8%, а темпы роста возрастут до 5% [2020 yılında ekonomide bizi neler bekliyor? 2020]. По данным за июль 2020 г., инфляция достигла 11,76% [Enflasyon rakamları açıklandı 2020]. В мае 2020 г. безработица составила 12,9%, фактически сохранившись на прошлогоднем уровне [İşgücü İstatistikleri 2020]. Это связано с введенным властями запретом на увольнения, который рано или поздно будет отменен и даст свой негативный отложенный эффект. По прогнозам МВФ, в 2020 г. Турцию ждет отрицательный экономический рост на уровне –5%, в то время как в 2021 г. этот показатель увеличится до 5% [Turkey Forecast 2020].

Пандемия окажет долгосрочные негативные последствия на отдельные сферы экономики страны. Значительный ущерб понесет сектор услуг, особенно туристический бизнес, в котором занято порядка 2 млн человек. Большие потери угрожают сектору авиаперевозок.

Иран: политические осложнения вируса

Коронакризис послужил катализатором не только для экономических проблем, но и обострил в ряде стран протестную активность, которая на фоне снижения уровня жизни или усиления конкуренции элитных группировок может перерасти в политические кризисы.

В Иране ситуация остается стабильно тяжелой. Хотя официально о начале второй волны распространения вируса президент ИРИ Хасан Роухани объявил только 15 июля, ухудшение эпидемиологической обстановки отмеча-

лось еще с начала лета. Новых карантинных мер по всей стране, несмотря на всю серьезность ситуации (по данным IRNA, смертность в начале августа была даже выше, чем во время первой волны эпидемии) [Информационное агентство ИРИ 2020], при этом не вводилось. С середины мая страна постепенно шла к тому, чтобы хотя бы частично восстановить экономику. Единственным, что смогло позволить себе руководство ИРИ в условиях новой волны, стало точечное введение «особых мер» в очагах распространения вируса.

Несмотря на то, что нагрузка на здравоохранение снова возросла до критических показателей, уровень тревоги по поводу начала новой волны стал значительно ниже [Смагин 2020]. Распространение вируса теперь воспринимается обществом как еще одна объективная трудность, наряду с которой в стране сохраняется целый ряд неразрешимых в ближайшей перспективе проблем. Большая часть из них обусловлена несовершенством системы государственного управления и либо вовсе не связана с распространением вируса, либо всего лишь усугубляются им.

К примеру, такие негативные тенденции, как снижение уровня жизни, рост неравенства, социально-экономической напряженности и т. д., отмечались и раньше. В то же время пандемия безусловно нанесла сильный удар по экспорту из ИРИ, мелкому бизнесу, туризму и общему благосостоянию. Например, за время пандемии экспорт из Ирана сократился на 40%, уровень инфляции по различным оценкам достиг 35–40%. Даже государственными экспертами отмечается усугубление таких проблем, как бедность или безработица [Nada 2020].

Все это никак не может способствовать внутривосточной стабильности и обеспечивать режиму столь необходимую ему поддержку. Доверие к

руководству страны и его действиям остается низким. Люди устали, часть из них готова выходить на демонстрации даже в условиях пандемии, молодежь с еще большим рвением организует или поддерживает антиправительственные флешмобы в социальных сетях. Так, в середине июля по социальным сетям прокатилась волна народного возмущения «несправедливым» смертным приговором троим участникам протестов осени 2019 г., а с начала августа начались протесты рабочих сразу в нескольких провинциях [Iran: Oil, Gas, and Petrochemical Workers Strikes 2020].

Израиль: вторая волна бьет по правительству

Израиль серьезно пострадал от пандемии в экономическом плане. В результате в июле-августе в стране активизировались социальные протесты. Важно отметить, что для Израиля и до пандемии был характерен ряд социально-экономических проблем, а кризис лишь усугубил их. Во-первых, темпы роста ВВП постепенно снижались в течение последнего десятилетия. Во-вторых, бюджетный дефицит к началу 2020 г. уже составлял 4% ВВП. В-третьих, социальное неравенство и до кризиса было серьезной проблемой (по сравнению с другими развитыми странами), уровень бедности был также достаточно высоким. Пандемия привела к резкому росту безработицы – с 4% до примерно 20% [Israel's Economy 2020].

После, по-видимому, преждевременного снятия ограничительных мер в конце весны с 20-х чисел июня показатели заболеваемости и смертности начали расти, достигнув 1500–2000 заболевших в день в конце июля – начале августа. Экономические прогнозы стали более пессимистичными: так, со-

гласно оценкам израильского Министерства финансов, ожидаемый бюджетный дефицит к концу 2020 г. может достигнуть 10–11% ВВП, сейчас же он находится на уровне 7,2% [National Budget Deficit 2020].

Правительство приняло несколько решений о финансовой поддержке: в апреле и июле были одобрены выплаты для помощи населению и бизнесу. Один из июльских финансовых «пакетов» подразумевал получение правительственных «грантов» всеми гражданами, кроме людей с наиболее высоким заработком. Интересно, что решение о дополнительных выплатах самозанятым, наемным работникам и владельцам бизнесов было принято после начала активных социальных протестов [Knesset Approves Amended Version 2020; Are Israelis Finally Going 2020].

Доверие населения к правительству в целом и к действиям премьер-министра Биньямина Нетаньяху в частности существенно уменьшилось за время второй, летне-осенней волны COVID-19. Так, если во время первого этапа эпидемии уровень доверия премьеру составлял более 50%, лишь частично снизившись к концу мая (до 44%, согласно данным Индекса израильского общественного мнения (Israeli Voice Index) Израильского института демократии), то к июлю он упал до 29,5% [Hermann, Anabi (1) 2020].

В целом израильское общество крайне остро реагирует на проблемы, обострившиеся в связи с коронакризисом. Если до лета 2020 г. социальные протесты были преимущественно связаны с недовольством наличием уголовных дел против действующего премьер-министра и были направлены на отстранение его от должности, то в июле к выступающим по политическим причинам присоединились те, кто не согласен с экономической политикой правительства и сам значительно

пострадал от кризиса. При этом опросы общественного мнения показывают, что около 65% израильтян солидарны с протестующими по тому или иному поводу [Hermann, Anabi (2) 2020].

Коронакризис обострил внутренние противоречия в Израиле. Правительство Нетаньяху принимает решения, которые эффективны лишь в краткосрочной перспективе, но не могут обеспечить экономического развития и устойчивости. Ситуацию усугубляет правительственный кризис, который побуждает правящую элиту принимать конъюнктурно обоснованные решения, руководствуясь не столько социально-экономическими, сколько политическими мотивами.

Заключение

Страны БВСА в полной мере ощутили на себе негативные последствия пандемии COVID-19. В большинстве из них темпы прироста ВВП стали отрицательными, значительно выросла нагрузка на бюджеты и увеличилась задолженность. Население столкнулось с ростом безработицы и снижением уровня жизни. Пока правительства ограничиваются «симптоматическим лечением», используя механизмы фискального и монетарного стимулирования, что позволяет избежать резких всплесков протестной активности (в тех странах, где ее не было до коронакризиса), однако с высокой вероятностью эти меры лишь немного снизят остроту проблем, для решения которых требуются серьезные структурные трансформации (реформирование государственного сектора, борьба с коррупцией, совершенствование систем госуправления). Необходимость изменений бросается в глаза в странах Персидского залива, где налицо острый кризис модели развития, основанной на экспорте углево-

дорогов. Для этих государств главным вызовом стала даже не сама пандемия, но многократно усиленный ею кризис спроса на энергоносители.

В условиях второй волны коронакризиса и сопутствующих экономических трудностей в странах БВСА все заметнее становится рост социальной и политической напряженности. Как показывают кейсы Ирана и Израиля, трения, которые в обычных условиях носили ограниченный характер, все больше выходят на первый план и провоцируют протестную активность. Результаты этой активности, разумеется, будут очень различаться от страны к стране, но сам тренд на усиление нестабильности даже в относительно устойчивых государствах ставит вопрос о будущем политических режимов в регионе.

В этих условиях оптимальным решением для властных элит региона будут действия на опережение, чтобы за счет превентивных реформ купировать наиболее опасные проявления обострившегося из-за COVID-19 системного кризиса. Впрочем, в условиях современного БВСА следует ожидать, что препятствием станет отсутствие политической воли и консенсуса элит, а значит, велика вероятность развития событий по наиболее неблагоприятному сценарию.

Список литературы

Алифорова Е. (2020) Падение на 8,1 млн барр./сутки. МЭА улучшило прогноз спроса на нефть в 2020 г. // Нефтегаз. 16 июня 2020 // <https://neftegaz.ru/news/finance/554153-padenie-na-8-1-mln-barr-sutki-mea-uluchshilo-prognoz-sprosa-na-neft-v-2020-g/>, дата обращения 15.10.2020.

Борьба с пандемией COVID-19 в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии (2020) // МВФ. Перспективы раз-

вития региональной экономики. Апрель 2020 // <https://www.imf.org/ru/Publications/REO/MECA/Issues/2020/04/15/regional-economic-outlook-middle-east-central-asia-report>, дата обращения 15.10.2020.

Информационное агентство Исламской Республики Иран (2020) // <https://www.irna.ir>, дата обращения 15.10.2020.

Какие меры для поддержки экономики вводили в разных странах в связи с коронавирусом (2020) // ТАСС. 26 марта 2020 // <https://tass.ru/info/8088363>, дата обращения 15.10.2020.

Смагин Н. (2020) Горячий июль. Как вторая волна коронавируса в Иране оказалась намного сильнее первой // ТАСС. 30 июля 2020 // <https://tass.ru/opinions/9083039>, дата обращения 15.10.2020.

2020 yılında ekonomide bizi neler bekliyor? (2020) // Sozcu, January 1, 2020 // <https://www.sozcu.com.tr/2020/ekonomi/2020-yilinda-ekonomide-bizinelere-bekliyor-5542500/>, дата обращения 15.10.2020 (на турецком).

68% Say Fourth Election Would Be Netanyahu's Fault – Poll (2020) // The Jerusalem Post, August 7, 2020 // <https://www.jpost.com/israel-news/politics-and-diplomacy/68-percent-say-election-would-be-netanyahus-fault-jerusalem-post-group-poll-637759>, дата обращения 15.10.2020.

A Crisis Like No Other, an Uncertain Recovery (2020) // IMF. World Economic Outlook Update. June 2020 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdate-June2020>, дата обращения 15.10.2020.

Are Israelis Finally Going to Receive COVID Financial Aid? (2020) // Israel Hayom, July 26, 2020 // <https://www.israel-hayom.com/2020/07/26/are-israelis-finally-going-to-receive-covid-financial-aid/>, дата обращения 15.10.2020.

Azhar S. (2020) Aramco to Cut Capital Spending over Coronavirus; 2019 Prof-

its Plunge // Reuters, March 15, 2020 // <https://www.reuters.com/article/us-saudi-aramco-results/aramco-to-cut-capital-spending-over-coronavirus-2019-profits-plunge-idUSKBN21208C>, дата обращения 15.10.2020.

Bajic A. (2020) Qatar Delays LNG Expansion Project Start Up to 2025 // Offshore Energy, April 8, 2020 // <https://www.offshore-energy.biz/qatar-delays-lng-expansion-project-start-up-to-2025/>, дата обращения 15.10.2020.

Buosso R. (2020) Qatar Petroleum to Slash Spending by 30%: CEO // Reuters, May 21, 2020 // <https://www.reuters.com/article/us-qp-spending/qatar-petroleum-to-slash-spending-by-30-ceo-idUSKBN22X2HA>, дата обращения 15.10.2020.

Cockayne J. (2020) Saudi GDP to Shrink 6.8% - IMF // MEES, June 26, 2020 // <https://www.mees.com/2020/6/26/news-in-brief/saudi-gdp-to-shrink-68-imf/d63b39d0-b7b4-11ea-bf06-8d853777616b>, дата обращения 15.10.2020.

Economy (2020) // Statista // www.statista.com/outlook/998/274/economy/, дата обращения 15.10.2020.

Egypt Achieves Economic Growth in FY 2019/2020 (2020) // Arab Finance, July 26, 2020 // <https://www.arabfinance.com/en/news/details/egypt-economy/519601>, дата обращения 15.10.2020.

Egypt to See GDP Grow 2.5% in FY 2020/21 (2020) // Zawya, August 5, 2020 // https://www.zawya.com/mena/en/economy/story/Egypt_to_see_GDP_grow_25_in_FY_202021_FocusEconomics-SNG_181357824/, дата обращения 15.10.2020.

Egypt's Path Forward from the Pandemic's Economic Fallout (2020) // Middle East Institute, June 23, 2020 // <https://www.mei.edu/publications/egypts-path-forward-pandemics-economic-fallout>, дата обращения 15.10.2020.

Egypt's Public Debt Expected to Fall to 86.2% of GDP in June 2020 (2020) // Egypt

Today, July 29, 2020 // <https://www.egypt-today.com/Article/3/90232/Egypt-s-public-debt-expected-to-fall-to-86-2>, дата обращения 15.10.2020.

Egypt's Tourism Sector Hits \$13.03B; Highest Revenues ever (2020) // Egypt Today, March 31, 2020 // <https://www.egypt-today.com/Article/3/83207/Egypt-s-tourism-sector-hits-13-03B-highest-revenues-ever>, дата обращения 15.10.2020.

Egypt's Unemployment Rate Record 7.7% in Q1 2020: CAPMAS (2020) // Egypt Today, May 14, 2020 // <https://www.egypt-today.com/Article/3/86758/Egypt-s-unemployment-rate-record-7-7-in-Q1-2020>, дата обращения 15.10.2020.

Egyptians Struggle to Return to Work even as Lockdown Lifts (2020) // Reuters, July 20, 2020 // <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-egypt-jobs/egyptians-struggle-to-return-to-work-even-as-lockdown-lifts-idUSKCN24L1X7>, дата обращения 15.10.2020.

Elections Loom as Gantz Insists on 2-year Budget, Likud to Present 1-year Plan (2020) // The Times of Israel, July 29, 2020 // <https://www.timesofisrael.com/elections-loom-as-gantz-insists-on-2-year-budget-likud-to-present-1-year-plan/>, дата обращения 15.10.2020.

Enflasyon rakamları açıklandı (2020) // Anadolu Agency, August 4, 2020 // <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/enflasyon-rakamlari-aciklandi-/1930686#:~:text=Yıllık%20enflasyon%20tüketici%20fiyatlarında%20yüzde,fiyatları%20yüzde%206%2C81%20arttı>, дата обращения 15.10.2020 (на турецком).

Hermann T., Anabi O. (1) (2020) Israel in Times of Corona (2020) // The Israel Democracy Institute, July 14, 2020 // <https://en.idi.org.il/articles/32010>, дата обращения 15.10.2020.

Hermann T., Anabi O. (2) (2020) Only 25% of Israelis Approve of Netanyahu's Handling of the Corona Crisis // The Israel Democracy Institute, August 5, 2020

// <https://en.idi.org.il/articles/32197>, дата обращения 15.10.2020.

How the World's Purchasing Managers See Current Business Conditions (2020) // Bloomberg, October 7, 2020 // <https://www.bloomberg.com/graphics/global-pmi-tracker/?srnd=economics-vp>, дата обращения 15.10.2020.

Ingram J. (2020) Bahrain Advances Development of Huge Unconventional Reserves // MEES, May 29, 2020 // <https://www.mees.com/2020/5/29/oil-gas/bahrain-advances-development-of-huge-unconventional-reserves/88152130-a1ae-11ea-b099-934732bc3e53>, дата обращения 15.10.2020.

Iran: Oil, Gas, and Petrochemical Workers Strikes in 12 Provinces Enter Eight-Day Running (2020) // Secretariat of the National Council of Resistance of Iran (NCRI), August 8, 2020 // <https://www.ncr-iran.org/en/ncri-statements/iran-oil-gas-and-petrochemical-workers-strikes-in-12-provinces-enter-eight-day-running/>, дата обращения 15.10.2020.

İşgücü İstatistikleri (2020) // Türkiye İstatistik Kurumu, May 2020 // <http://www.tuik.gov.tr/HbGetirHTML.do?id=33789/>, дата обращения 15.10.2020 (на турецком).

Israel's Economy before and after the Coronavirus Crisis // Taub Center for Social Policy Studies in Israel, June 10, 2020 // <http://taubcenter.org.il/israels-economy-before-and-after-the-coronavirus-crisis/>, дата обращения 15.10.2020.

JP Morgan praises Egyptian Economy Performance Amid Pandemic: Finance Ministry (2020) // Egypt Today, August 6, 2020 // <https://www.egypttoday.com/Article/3/90465/JP-Morgan-praises-Egyptian-economy-performance-amid-pandemic-Finance-Ministry>, дата обращения 15.10.2020.

Kalabalik A. (2020) Egypt's Real Virus Figures Higher than Official Ones // Anadolu Agency, June 1, 2020 // <https://www.aa.com.tr/en/health/-egypt-s-real-virus-figures-higher-than-official-ones/1861400>, дата обращения 15.10.2020.

s-real-virus-figures-higher-than-official-ones/1861400, дата обращения 15.10.2020.

Knesset Approves Amended Version of Netanyahu's NIS 6,5b Handouts Plan (2020) // The Times of Israel, July 29, 2020 // <https://www.timesofisrael.com/knesset-gives-final-approval-to-expanded-coronavirus-stimulus-grants/>, дата обращения 15.10.2020.

MENA Economic Update: How Transparency Can Help the Middle East and North Africa (2020) // The World Bank, April 9, 2020 // <https://www.worldbank.org/en/region/mena/publication/mena-economic-update-april-2020-how-transparency-can-help-the-middle-east-and-north-africa>, дата обращения 15.10.2020.

Michaelson R. (2020) Egypt: Rate of Coronavirus Cases 'Likely To Be Higher than Figures Suggest' // The Guardian, March 15, 2020 // <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/15/egypt-rate-coronavirus-cases-higher-than-figures-suggest>, дата обращения 15.10.2020.

Mourad M. (2020) Egypt's Economic Growth Seen Slowing in 2020/21 // Reuters, July 21, 2020 // <https://www.reuters.com/article/us-egypt-economy-poll/egypts-economic-growth-seen-slowing-in-2020-21-reuters-poll-idUSKCN24M0MA>, дата обращения 15.10.2020.

Nada G. (2020) The COVID-19 Blow to Iran's Economy // The Iran Primer, April 20, 2020 // <https://iranprimer.usip.org/blog/2020/apr/29/covid-19-blow-iran-s-economy>, дата обращения 15.10.2020.

National Budget Deficit Climbs to 7,2% (2020) // Israel Hayom, August 6, 2020 // <https://www.israelhayom.com/2020/08/06/national-budget-deficit-climbs-to-7-2/>, дата обращения 15.10.2020.

Netanyahu Warns against Cutbacks? Maybe It's Just the Time to Make them (2020) // Walla! News, August 7, 2020 // <https://finance.walla.co.il/item/3378504>, дата обращения 15.10.2020 (на иврите).

Osama S., Soliman M. (2020) Egypt's Three-Stage Plan to Coexist with the Coronavirus // *Ahram Online*, May 15, 2020 // <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/369358/Egypt/Politics-/Key-points-Egypt%E2%80%99s-threestage-plan-to-coexist-with.aspx>, дата обращения 15.10.2020.

Reopening Begins, but COVID-19 Economic Shockwaves Persist (2020) // *PwC Middle East Economy Watch*, June 9, 2020 // <https://www.pwc.com/m1/en/media-centre/2020/economy-watch-q2-2020-reopening-begins-covid-19-economic-shockwaves-persist.html>, дата обращения 15.10.2020.

Ruhani: Corona-Notstand in Iran auch noch 2021 (2020) // *Finanzen*, August 9, 2020 // <https://www.finanzen.at/nachrichten/aktien/ruhani-corona-notstand-in-iran-auch-noch-2021-1029484568>, дата обращения 15.10.2020.

Selvi A. (2020) Metropoll'un anketinden ne çıktı // *Hurriyet*, April 16, 2020 // <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/abdulkadir-selvi/metropollun-anketinden-ne-cikti-41495629>, дата обращения 15.10.2020 (на турецком).

Seznec J. (2020) Rapid Response: The SABIC-Aramco Merger // *Atlantic Council Blog*, June 24, 2020 // <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/energysource/rapid-response-the-sabic-aramco-merger/>, дата обращения 15.10.2020.

Tlozek E. (2020) Iran's President Hassan Rouhani Says 20 Million Citizens Could Have COVID-19. Is That True? // *ABC.net*, August 4, 2020 // <https://amp.abc.net.au/article/12504416>, дата обращения 15.10.2020.

Trade Balance in Egypt (2020) // *Focus Economics* // <https://www.focus-econom->

[ics.com/country-indicator/egypt/trade-balance](https://www.focus-economics.com/country-indicator/egypt/trade-balance), дата обращения 15.10.2020.

Treasury: Budget Delay Could Jeopardize Israel's International Credit Rating (2020) // *Israel Hayom*, August 4, 2020 // <https://www.israelhayom.com/2020/08/04/treasury-budget-delay-could-jeopardize-israels-international-credit-rating/>, дата обращения 15.10.2020.

Turizm İstatistikleri (2020) // *Türkiye İstatistik Kurumu*, May 2020 // http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1072, дата обращения 15.10.2020 (на турецком).

Turkey Forecast: Real GDP Growth (2020) // *CEIC* // <https://www.ceic-data.com/en/indicator/turkey/forecast-real-gdp-growth>, дата обращения 15.10.2020.

Unemployment Decrease Consistent with Egypt's High Growth Rates: El-Said (2020) // *Daily News Egypt*, May 16, 2020 // <https://dailynewsegypt.com/2020/05/16/unemployment-decrease-consistent-with-egypts-high-growth-rates-el-said/>, дата обращения 15.10.2020.

Unemployment Rate (2020) // *IMF DataMapper* // <https://www.imf.org/external/datamapper/LUR@WEO/MEQ/>, дата обращения 15.10.2020.

Zengin D. (2020) Dünya Bankası: Türkiye, Kovid-19'un yayılmasını nispeten daha hızlı kontrol altına aldı // *Anadolu Agency*, August 11, 2020 // <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/dunya-bankasi-turkiye-kovid-19un-yayilmasini-nispeten-daha-hizli-kontrol-altina-aldi/1938552>, дата обращения 15.10.2020 (на турецком).

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-10

The Middle East in the Second Wave of the Coronavirus Crisis

Anastasia S. BOGACHEVA

Senior Laboratory Assitant-Researcher, Center for the Middle East Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: anastasia.s.bogacheva@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0556-6719

Ibragim E. IBRAGIMOV

Junior Researcher, Center for the Middle East Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: ibragimov.ie@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-9669-4243

Nikolay A. KOZHANOV

PhD in Economics, Senior Researcher, Center for the Middle East Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: n_a_kozhanov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6101-4199

Stanislav O. LAZOVSKII

Senior Laboratory Assitant-Researcher, Center for the Middle East Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: stas-jesin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1249-3634

Liudmila M. SAMARSKAIA

Junior Researcher, Center for the Middle East Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: saluma@imemo.ru

ORCID: 0000-0003-4596-4404

Irina A. SVISTUNOVA

PhD in History, Senior Researcher, Center for the Middle East Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: isvistunova@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-5191-9090

Nikolay Yu. SURKOV

PhD in Politics, Senior Researcher, Center for the Middle East Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: nsurkov@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-7185-7990

CITATION: Bogacheva A.S., Ibragimov I.E., Kozhanov N.A., Lazovskii S.O., Samarskaia L.M., Svistunova I.A., Surkov N.Yu. (2020) The Middle East in the Second Wave of the Coronavirus Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 158–180 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-10

Received: 25.08.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ABSTRACT. *This article attempts to assess the impact of the coronavirus crisis on the situation both in the MENA region as a whole and in particular countries. Analysis of the dynamics of the main economic indicators showed that the region is undergoing a period of stagnation - a decrease in growth rates, a decline in business activity, and an increase in unemployment. At the same time, it should be noted that in most cases the pandemic did not generate, but only intensified the existing negative trends, which require structural transformations. Especially important is the fact that not only economically relatively weak states have suffered due to the pandemic, but also countries that traditionally rely on high revenues from hydrocarbon exports. The emerging crisis of the development model of the Persian Gulf countries is*

alarming. Another trend demonstrated by the second wave of the crisis was the rapid growth of political tensions in a number of countries, which could also lead to significant negative changes in the region.

KEY WORDS: *Middle East, coronavirus, economy, oil, protests, Persian Gulf, Egypt, Turkey, Iran, Israel*

References

2020 yılında ekonomide bizi neler bekliyor? (2020). *Sozcu*, January 1, 2020. Available at: <https://www.sozcu.com.tr/2020/ekonomi/2020-yilinda-ekonomide-bizi-neler-bekliyor-5542500/>, accessed 15.10.2020 (in Turkish).

68% Say Fourth Election Would Be Netanyahu's Fault – Poll (2020). *The Jerusalem Post*, August 7, 2020. Available at: <https://www.jpost.com/israel-news/politics-and-diplomacy/68-percent-say-election-would-be-netanyahus-fault-jerusalem-post-group-poll-637759>, accessed 15.10.2020.

A Crisis Like No Other, an Uncertain Recovery (2020). *IMF. World Economic Outlook Update*. June 2020. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdate-June2020>, accessed 15.10.2020.

Alifirova E. (2020) A Drop of 8.1 Million bpd. The IEA Has Improved Its Forecast for Oil Demand in 2020. *Neftegaz*, June 16, 2020. Available at: <https://neftgaz.ru/news/finance/554153-padenie-na-8-1-mln-barr-sutki-mea-uluchshilo-prognoz-sprosa-na-neft-v-2020-g/>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Are Israelis Finally Going to Receive COVID Financial Aid? (2020). *Israel Hayom*, July 26, 2020. Available at: <https://www.israelhayom.com/2020/07/26/are-israelis-finally-going-to-receive-covid-financial-aid/>, accessed 15.10.2020.

Azhar S. (2020) Aramco to Cut Capital Spending over Coronavirus; 2019 Profits Plunge. *Reuters*, March 15, 2020. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-aramco-results/aramco-to-cut-capital-spending-over-coronavirus-2019-profits-plunge-idUSKBN21208C>, accessed 15.10.2020.

Bajic A. (2020) Qatar Delays LNG Expansion Project Start Up to 2025. *Offshore Energy*, April 8, 2020. Available at: <https://www.offshore-energy.biz/qatar-delays-lng-expansion-project-start-up-to-2025/>, accessed 15.10.2020.

Buosso R. (2020) Qatar Petroleum to Slash Spending by 30%: CEO. *Reuters*, May 21, 2020. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-qp-spending/qatar-petroleum-to-slash-spending-by-30-ceo-idUSKBN22X2HA>, accessed 15.10.2020.

Cockayne J. (2020) Saudi GDP to Shrink 6.8% - IMF. *MEES*, June 26, 2020. Available at: <https://www.mees.com/2020/6/26/news-in-brief/saudi-gdp-to-shrink-68-imf/d63b39d0-b7b4-11ea-bf06-8d853777616b>, accessed 15.10.2020.

Economy (2020). *Statista*. Available at: www.statista.com/outlook/998/274/economy/, accessed 15.10.2020.

Egypt Achieves Economic Growth in FY 2019/2020 (2020). *Arab Finance*, July 26, 2020. Available at: <https://www.arabfinance.com/en/news/details/egypt-economy/519601>, accessed 15.10.2020.

Egypt to See GDP Grow 2.5% in FY 2020/21 (2020). *Zawya*, August 5, 2020. Available at: https://www.zawya.com/mena/en/economy/story/Egypt_to_see_GDP_grow_25_in_FY_202021_FocusEconomics-SNG_181357824/, accessed 15.10.2020.

Egypt's Path Forward from the Pandemic's Economic Fallout (2020). *Middle East Institute*, June 23, 2020. Available at: <https://www.mei.edu/publications/egypts-path-forward-pandemics-economic-fallout>, accessed 15.10.2020.

Egypt's Public Debt Expected to Fall to 86.2% of GDP in June 2020 (2020). *Egypt Today*, July 29, 2020. Available at: <https://www.egypttoday.com/Article/3/90232/Egypt-s-public-debt-expected-to-fall-to-86-2>, accessed 15.10.2020.

Egypt's Tourism Sector Hits \$13.03B; Highest Revenues ever (2020). *Egypt Today*, March 31, 2020. Available at: <https://www.egypttoday.com/Article/3/83207/Egypt-s-tourism-sector-hits-13-03B--highest-revenues-ever>, accessed 15.10.2020.

Egypt's Unemployment Rate Record 7.7% in Q1 2020: CAPMAS (2020). *Egypt Today*, May 14, 2020. Available at: <https://www.egypttoday.com/Article/3/86758/Egypt-s-unemployment-rate-record-7-7-in-Q1-2020>, accessed 15.10.2020.

Egyptians Struggle to Return to Work even as Lockdown Lifts (2020). *Reuters*, July 20, 2020. Available at:

<https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-egypt-jobs/egyptians-struggle-to-return-to-work-even-as-lockdown-lifts-idUSKCN24L1X7>, accessed 15.10.2020.

Elections Loom as Gantz Insists on 2-year Budget, Likud to Present 1-year Plan (2020). *The Times of Israel*, July 29, 2020. Available at: <https://www.timesofisrael.com/elections-loom-as-gantz-insists-on-2-year-budget-likud-to-present-1-year-plan/>, accessed 15.10.2020.

Enflasyon rakamları açıklandı (2020). *Anadolu Agency*, August 4, 2020. Available at: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/enflasyon-rakamlari-aciklandi-/1930686#:~:text=Yıllık%20enflasyon%20tüketici%20fiyatlarında%20yüzde,fiyatları%20yüzde%206%2C81%20arttı>, accessed 15.10.2020 (in Turkish).

Fighting the COVID-19 Pandemic in the Middle East and Central Asia (2020). *IMF. Prospects for the Development of the Regional Economy*. April 2020. Available at: <https://www.imf.org/ru/Publications/REO/MECA/Issues/2020/04/15/regional-economic-outlook-middle-east-central-asia-report>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Hermann T., Anabi O. (1) (2020) Israel in Times of Corona (2020). *The Israel Democracy Institute*, July 14, 2020. Available at: <https://en.idi.org.il/articles/32010>, accessed 15.10.2020.

Hermann T., Anabi O. (2) (2020) Only 25% of Israelis Approve of Netanyahu's Handling of the Corona Crisis. *The Israel Democracy Institute*, August 5, 2020. Available at: <https://en.idi.org.il/articles/32197>, accessed 15.10.2020.

How the World's Purchasing Managers See Current Business Conditions (2020). *Bloomberg*, October 7, 2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/graphics/global-pmi-tracker/?srnd=economics-vp>, accessed 15.10.2020.

Ingram J. (2020) Bahrain Advances Development of Huge Unconventional Reserves. *MEES*, May 29, 2020. Avail-

able at: <https://www.mees.com/2020/5/29/oil-gas/bahrain-advances-development-of-huge-unconventional-reserves/8152130-a1ae-11ea-b099-934732bc3e53>, accessed 15.10.2020.

Iran: Oil, Gas, and Petrochemical Workers Strikes in 12 Provinces Enter Eight-Day Running (2020). *Secretariat of the National Council of Resistance of Iran (NCRI)*, August 8, 2020. Available at: <https://www.ncr-iran.org/en/ncri-statements/iran-oil-gas-and-petrochemical-workers-strikes-in-12-provinces-enter-eight-day-running/>, accessed 15.10.2020.

İşgücü İstatistikleri (2020). *Türkiye İstatistik Kurumu*. May 2020. Available at: <http://www.tuik.gov.tr/HbGetirHT-ML.do?id=33789/>, accessed 15.10.2020 (in Turkish).

Islamic Republic of Iran News Agency (2020). Available at: <https://www.irna.ir>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Israel's Economy before and after the Coronavirus Crisis. *Taub Center for Social Policy Studies in Israel*, June 10, 2020. Available at: <http://taubcenter.org.il/israels-economy-before-and-after-the-coronavirus-crisis/>, accessed 15.10.2020.

JP Morgan praises Egyptian Economy Performance Amid Pandemic: Finance Ministry (2020). *Egypt Today*, August 6, 2020. Available at: <https://www.egypttoday.com/Article/3/90465/JP-Morgan-praises-Egyptian-economy-performance-amid-pandemic-Finance-Ministry>, accessed 15.10.2020.

Kalabalik A. (2020) Egypt's Real Virus Figures Higher than Official Ones. *Anadolu Agency*, June 1, 2020. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/health/-egypt-s-real-virus-figures-higher-than-official-ones/1861400>, accessed 15.10.2020.

Knesset Approves Amended Version of Netanyahu's NIS 6.5b Handouts Plan (2020). *The Times of Israel*, July 29, 2020. Available at: <https://www.timesofisrael.com/knesset-gives-final-approval-to-expanded-coronavirus-stimulus-grants/>, accessed 15.10.2020.

MENA Economic Update: How Transparency Can Help the Middle East and North Africa (2020). *The World Bank*, April 9, 2020. Available at: <https://www.worldbank.org/en/region/mena/publication/mena-economic-update-april-2020-how-transparency-can-help-the-middle-east-and-north-africa>, accessed 15.10.2020.

Michaelson R. (2020) Egypt: Rate of Coronavirus Cases 'Likely To Be Higher than Figures Suggest'. *The Guardian*, March 15, 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/15/egypt-rate-coronavirus-cases-higher-than-figures-suggest>, accessed 15.10.2020.

Mourad M. (2020) Egypt's Economic Growth Seen Slowing in 2020/21. *Reuters*, July 21, 2020. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-economy-poll/egypts-economic-growth-seen-slowing-in-2020-21-reuters-poll-idUSKCN24M0MA>, accessed 15.10.2020.

Nada G. (2020) The COVID-19 Blow to Iran's Economy. *The Iran Primer*, April 20, 2020. Available at: <https://iranprimer.usip.org/blog/2020/apr/29/covid-19-blow-iran's-economy>, accessed 15.10.2020.

National Budget Deficit Climbs to 7,2% (2020). *Israel Hayom*, August 6, 2020. Available at: <https://www.israelhayom.com/2020/08/06/national-budget-deficit-climbs-to-7-2/>, accessed 15.10.2020.

Netanyahu Warns against Cutbacks? Maybe It's Just the Time to Make them (2020). *Walla! News*, August 7, 2020. Available at: <https://finance.walla.co.il/item/3378504>, accessed 15.10.2020 (in Hebrew).

Osama S., Soliman M. (2020) Egypt's Three-Stage Plan to Coexist with the Coronavirus. *Ahram Online*, May 15, 2020. Available at: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/369358/Egypt/Politics-/Key-points-Egypt%E2%80%99s-threestage-plan-to-coexist-with.aspx>, accessed 15.10.2020.

Reopening Begins, but COVID-19 Economic Shockwaves Persist (2020). *PwC Middle East Economy Watch*, June 9, 2020. Available at: <https://www.pwc.com/m1/en/media-centre/2020/economy-watch-q2-2020-reopening-begins-covid-19-economic-shockwaves-persist.html>, accessed 15.10.2020.

Ruhani: Corona-Notstand in Iran auch noch 2021 (2020). *Finanzen*, August 9, 2020. Available at: <https://www.finanzen.at/nachrichten/aktien/ruhani-corona-notstand-in-iran-auch-noch-2021-1029484568>, accessed 15.10.2020.

Selvi A. (2020) Metropollün anketinden ne çıktı. *Hurriyet*, April 16, 2020. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/abdulkadir-selvi/metropollun-anketinden-ne-cikti-41495629>, accessed 15.10.2020 (in Turkish).

Seznec J. (2020) Rapid Response: The SABIC-Aramco Merger. *Atlantic Council Blog*, June 24, 2020. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/energysource/rapid-response-the-sabic-aramco-merger/>, accessed 15.10.2020.

Smagin N. (2020) Hot July. How The Second Wave of Coronavirus in Iran Was much Stronger than the First. *TASS*, July 30, 2020. Available at: <https://tass.ru/opinions/9083039>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Tlozek E. (2020) Iran's President Hassan Rouhani Says 20 Million Citizens Could Have COVID-19. Is That True? *ABC.net*, August 4, 2020. Available at: <https://amp.abc.net.au/article/12504416>, accessed 15.10.2020.

Trade Balance in Egypt (2020). *Focus Economics*. Available at: <https://www.focus-economics.com/country-indicator/egypt/trade-balance>, accessed 15.10.2020.

Treasury: Budget Delay Could Jeopardize Israel's International Credit Rating (2020). *Israel Hayom*, August 4, 2020. Available at: <https://www.israelhayom.com/2020/08/04/treasury-budget-de>

lay-could-jeopardize-israels-international-credit-rating/, accessed 15.10.2020.

Turizm İstatistikleri (2020). *Türkiye İstatistik Kurumu*. May 2020. Available at: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1072, accessed 15.10.2020 (in Turkish).

Turkey Forecast: Real GDP Growth (2020). *CEIC*. Available at: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/turkey/forecast-real-gdp-growth>, accessed 15.10.2020.

Unemployment Decrease Consistent with Egypt's High Growth Rates: El-Said (2020). *Daily News Egypt*, May 16, 2020. Available at: <https://dailynewsegypt.com/2020/05/16/unemployment-decrease-consistent-with-egypts-high-growth-rates-el-said/>, accessed 15.10.2020.

Unemployment Rate (2020). *IMF DataMapper*. Available at: <https://www.imf.org/external/datamapper/LUR@WEO/MEQ/>, accessed 15.10.2020.

What Measures to Support the Economy Were Introduced in Different Countries with Regard the Coronavirus (2020). *TASS*, March 26, 2020. Available at: <https://tass.ru/info/8088363>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Zengin D. (2020) Dünya Bankası: Türkiye, Kovid-19'un yayılmasını nispeten daha hızlı kontrol altına aldı. *Anadolu Agency*, August 11, 2020. Available at: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/dunya-bankasi-turkiye-kovid-19un-yayilmasini-nispeten-daha-hizli-kontrol-altina-aldi/1938552>, accessed 15.10.2020 (in Turkish).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11

COVID-19 в Юго-Восточной Азии: проблемы и решения

Александр Александрович РОГОЖИН

кандидат экономических наук, руководитель группы, ведущий научный сотрудник

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: rogojine@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0736-3184

Наталья Григорьевна РОГОЖИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

ЦИТИРОВАНИЕ: Рогожин А.А., Рогожина Н.Г. (2020) COVID-19 в Юго-Восточной Азии: проблемы и решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 181–203. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11

Статья поступила в редакцию 20.09.2020.

АННОТАЦИЯ. Страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), как и весь мир, понесли существенные потери от распространения эпидемии COVID-19, исчисляемые как человеческими жертвами, так и немалыми экономическими и политическими затратами. Их оценка является предметом статьи, в которой авторы анализируют процесс реагирования стран ЮВА на возникающую эпидемиологическую угрозу, выделяя как общее, так и специфическое в их подходах к осуществлению противоэпидемиологических и адаптационных мер. Составить единую картину с COVID-19 в регионе не представляется возможным, поскольку страны ЮВА различаются между собой как по числу подтвержденных случаев заболевших и умерших, так

и по подходу к борьбе с пандемией. Принятие страной того или иного набора ограничительных санитарных мер диктовалось остротой эпидемиологической ситуации, экономическими и политическими интересами. Оценка эффективности предпринимаемых действий по борьбе с пандемией и ее последствиями свидетельствует, по мнению авторов, о том, что наилучшие результаты показали страны, которые, во-первых, предприняли упреждающие меры, во-вторых, продемонстрировали слаженность работы всех звеньев управления и открытость в подаче информации, в-третьих, смогли завоевать доверие населения в борьбе с пандемией, которая обернулась немалыми человеческими жертвами и внесла коррективы

в политическое управление страны и ее экономическое развитие.

Политическим последствием COVID-19 стало укрепление авторитарных тенденций в управлении в ряде стран ЮВА, что сказалось на ослаблении оппозиции и ущемлении гражданских свобод. Авторы приходят к мнению, что пандемия обнажила слабость системы государственного управления в кризисной ситуации, что подтверждает анализ предпринятых мер по минимизации экономических последствий пандемии. В статье оценивается воздействие кризиса COVID-19 на экономику стран ЮВА и обобщаются меры, проводимые согласно политике правительств, по поддержке наиболее пострадавших секторов и групп населения. Авторы приходят к мнению, что сегодня оценить весь масштаб понесен-

ных потерь, как и предпринятых мер по их минимизации, не представляется возможным. Но очевидно, что пандемия стала вызовом для правительств и проверкой их способности управлять страной в кризисной ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Юго-Восточная Азия, COVID-19, противоэпидемиологические меры, политическое управление, авторитаризм, экономические меры поддержки, экономический кризис

Мир оказался неспособным сдержать распространение пандемии COVID-19, и регион Юго-Восточной Азии не стал исключением. Учитывая численность его населения, сохраняющуюся проблему бедности, территориальную близость к Китаю и неразвитую систему здравоохранения в боль-

Таблица 1. Число инфицированных COVID-19 в Юго-Восточной Азии (по состоянию на 1 сентября 2020 г.)

Table 1. The number of COVID-19 infected in Southeast Asia (as of September 1, 2020)

	Общее число инфицированных (тыс. чел.)	Общее число смертельных исходов (тыс. чел.)	Число инфицированных на 1 млн чел.
Всего по региону	267 874	7 374	
<i>в том числе</i>			
Индонезия	108 736	5 131	411
Филиппины	93 354	2 023	800
Сингапур	52 205	27	9 302
Малайзия	8 976	125	288
Таиланд	3 310	58	46
Вьетнам	545	1	6
Мьянма	353	6	7
Камбоджа	234	0	15
Бруней	141	3	329
Лаос	20	0	3

Источник: Southeast Asia COVID-19 Tracker // Center for Strategic and International Studies (CSIS) // <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/southeast-asia-COVID-19-tracker-0>, дата обращения 15.10.2020.

шинстве стран, можно было предвидеть резкое обострение эпидемиологической ситуации. И тем не менее статистика на первом этапе развития пандемии свидетельствовала об обратном – на 670 млн человек, проживающих в регионе, общее количество инфицированных коронавирусом на 1 июля 2020 г. составило 138,3 тыс. человек, зафиксировано 4,5 тыс. случаев летальных исходов.

Однако тенденция к росту числа заболевших становится все более явной. И к 1 сентября этот показатель удвоился и составил более 267,9 тыс. человек, летальных исходов – 7,4 тыс. со значительным разбросом этих цифр по странам.

Борьба с пандемией коронавируса

Сегодня еще преждевременно делать прогнозы относительно развития эпидемиологической ситуации в регионе: пандемия COVID-19 еще не закончилась, о чем свидетельствуют новые всплески и рост числа инфицированных. Но очевидно, что она не вызвала такого масштабного кризиса системы здравоохранения, как в передовых странах Европы и США. В то же время в Индонезии и на Филиппинах по мере роста числа заболевших возникают опасения по поводу ее перегруженности.

И тем не менее накопленный опыт борьбы с пандемией в странах ЮВА позволяет прийти к некоторым заключениям и попытаться ответить на возникшие вопросы. Чем вызван относительно низкий показатель заболеваемости коронавирусом в регионе на первом этапе пандемии? Первоначальное предположение, что этому благоприятствовали климатические условия, не подтвердилось.

Возможно, сдержать нарастание эпидемии помогло проведение упреждающих действий, обеспечение эффективного контроля за распространением эпидемии и соблюдение медицинских предписаний? Или же причину следует искать в погрешностях статистики, недостоверной или неполной информации о числе инфицированных в отсуствии развитой системы тестирования в ряде стран региона, прежде всего в наименее развитых (Лаосе, Камбодже, Мьянме)? Может быть, в этом и кроется ответ на вопрос, почему они, имея слаборазвитую систему здравоохранения, смогли избежать роста числа инфицированных в отличие от более богатых стран – Сингапура и Индонезии. Или же их успехи можно объяснить авторитарной моделью управления, оказавшейся более адаптированной к кризисной ситуации в отличие от демократической? Косвенно подтверждает эту гипотезу пример Вьетнама, которому удалось избежать обострения эпидемиологической ситуации. Достоверность приводимых этой страной официальных данных ни у кого в мире не вызывает сомнения.

Составить единую картину эпидемиологической ситуации в регионе не представляется возможным, поскольку страны ЮВА различаются между собой как по числу подтвержденных случаев заболевших и умерших, так и по подходу к борьбе с пандемией, имея разную степень готовности системы здравоохранения к преодолению эпидемиологического кризиса. В Сингапуре на 1 тыс. человек приходится 2,41 врача, в Брунее – 1,77, в Малайзии – 1,51, а в Индонезии – только 0,38¹. Наличие в Таиланде раз-

1 Abuza Z. (2020) Explaining Successful (and Unsuccessful) COVID-19 Responses in Southeast Asia // The Diplomat, April 21, 2020 // <https://thediplomat.com/2020/04/explaining-successful-and-unsuccessful-covid-19-responses-in-southeast-asia/>, дата обращения 15.10.2020.

витой системы общественного здравоохранения, квалифицированного медицинского персонала и помощь со стороны 1 млн волонтеров, бесспорно, сыграли важную роль в сдерживании эпидемии [Termsak Chalermpananurap 2020], чего нельзя сказать о Мьянме, где на момент ее начала имелось всего 600 коек экстренной помощи и 330 коек с ИВЛ. Ситуация в здравоохранении усугублялась высокой стоимостью медицинских услуг для населения². И тем не менее количество инфицированных на 1 августа составило всего 353 человека.

Есть основания предполагать, что этот показатель был занижен и не отражал реальную эпидемиологическую ситуацию в отсутствие развитой системы тестирования, прежде всего в отдаленных районах, населенных национальными меньшинствами, ведущими продолжительную борьбу с центральным правительством. Однако уже к 1 сентября число инфицированных возросло до 749 человек, очагом заражения была столица – город Янгон.

Первые случаи заражения COVID-19 были зафиксированы в регионе еще в январе 2020 г. И то, как страны среагировали на первые признаки эпидемии, предопределило их дальнейшие действия в борьбе с ней. В отличие от Сингапура и Вьетнама, которые сразу включились в работу по сдерживанию пандемии, наладив систему тестирования и санитарного мониторинга, другие страны недооценили возникшую угрозу и запоздали с принятием ответных мер. Даже граница с Китаем долгое время не была закрыта.

Например, в Индонезии правительство первоначально намеренно скрывало информацию о росте инфицированных коронавирусом, чтобы избежать паники в обществе³. В течение почти двух месяцев министр здравоохранения Тераван Агус Путранто убеждал граждан в том, что в стране нет заболевших, а в качестве меры защиты от COVID-19 предлагал им молиться⁴. То, что правительство придерживало информацию о распространении COVID-19, объяснялось его политическими интересами – создать у населения видимость того, что эпидемиологическая ситуация находится под его полным контролем, хотя статистика заболеваемости свидетельствовала об обратном. Лидер Мьянмы Аун Сан Су Чжи даже в середине марта отрицала наличие угрозы, от которой мьянмарцев, по мнению пресс-секретаря правительства, защитит их образ жизни и диета [Kurlantzick (1) 2020]. Аналогичной позиции придерживались и другие главы государств.

И если во Вьетнаме еще в конце января сразу после регистрации первого случая заражения COVID-19 были осуществлены жесткие меры карантина, призванные остановить распространение эпидемии в ее зародыше, не дожидаясь рекомендаций ВОЗ и за месяц до объявления пандемии, то в других странах решение о введении ограничительных противоэпидемиологических мер было принято уже на этапе роста числа заболевших – в конце марта – середине апреля.

Тактика борьбы с COVID-19 наряду с проведением тестирования населе-

2 Brennan E. (2020) A Decisive Month for Covid-19 in Myanmar – and Region Beyond // The Interpreter, April 16, 2020 // <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/decisive-month-covid-19-myanmar-and-region-beyond>, дата обращения 15.10.2020.

3 Bland B. (2020) Indonesia: Covid-19 Crisis Reveals Cracks in Jokowi's Ad Hoc Politics // The Interpreter, March 17, 2020 // <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/indonesia-covid-19-crisis-reveals-cracks-jokowi-s-ad-hoc-politics>, дата обращения 15.10.2020.

4 Indonesian Capital Jakarta to Close Schools, Workplaces to Curb Coronavirus Outbreak (2020) // CNA, April 8, 2020 // <https://www.channelnewsasia.com/news/asia/indonesia-jakarta-close-schools-workplaces-coronavirus-covid-19-126192647>, дата обращения 15.10.2020.

ния сводилась в основном к установлению режима социального ограничения, предполагавшего запрет массовых мероприятий и на скопление людей, временную приостановку деятельности предприятий за исключением жизненно важных, закрытие границ и отмену международных авиарейсов, ограничение перемещения людей.

В Таиланде в дополнение к режиму социальной изоляции был введен комендантский час и запрет на алкоголь. В ряде провинций было ограничено передвижение внутри территории и за ее пределами. В Малайзии принят Закон о контроле за передвижением людей и транспорта. Несоблюдение предписаний каралось штрафами – до 229 долл. США и тюремным заключением сроком до шести месяцев. В Лаосе и Мьянме был введен режим карантина. Аналогичное решение было принято на Филиппинах в отношении всего острова Лусон, включая столичный мегаполис Метро Манилу, и установлен комендантский час.

В Индонезии с отставанием почти на полтора месяца после регистрации первых случаев заражения коронавирусом центральное правительство наконец ввело частичный карантин в Джакарте. В то же время, несмотря на призывы политиков и экспертов, обеспокоенных возможностью обострения эпидемиологической ситуации в связи с массовым возвращением людей («исход», *араб.* – мудик) в апреле-мае из столицы и других городов в деревни для празднования с семьей и друзьями Идуль Фитри

в конце мая, окончания месяца поста Рамадан, президент страны Джоко Видодо долгое время сомневался в целесообразности введения ограничений на передвижение людей по стране. И к тому времени, когда наконец был принят соответствующий указ, столицу покинуло уже более 1 млн человек. По мнению медицинских экспертов, правительство запоздало с введением карантинных мер в столице. Они предсказывали рост числа заболевших, поскольку эпидемия уже распространилась на 34 провинции Индонезии.

Однако президент страны Джоко Видодо придерживался другого мнения. В своем обращении к нации 7 мая он заявил о том, что населению Индонезии посчастливилось, поскольку правительство в целях сдерживания распространения коронавируса предпочло ввести масштабные меры социального ограничения вместо карантинных. А это позволило людям продолжать вести обычный образ жизни, правда, с определенными ограничениями⁵.

Складывалось впечатление, что правительство действовало в отсутствии разработанного плана борьбы с эпидемией COVID-19, чем и можно объяснить ее быстрое распространение по стране, которая по числу заболевших и умерших занимала на 1 сентября второе место в ЮВА (долгое время сохраняла первенство). В то же время нельзя игнорировать и другие факторы, повлиявшие на рост заболеваемости коронавирусом в стране: слабое развитие системы здравоохранения⁶, непод-

5 Dyaning Pangestika (2020) COVID-19: Jokowi Urges Public to Follow Health Protocols // The Jakarta Post, May 7, 2020 // <https://www.thejakartapost.com/news/2020/05/07/covid-19-jokowi-urges-public-to-follow-health-protocols.html>, дата обращения 15.10.2020.

6 В Индонезии на 10 тыс. человек приходится всего 4 врача (в Италии – 40, в Южной Корее – 24), 12 госпитальных и 3 реанимационных койки, что намного ниже установленных ВОЗ для АТР стандартов. Индонезия значительно уступает другим странам региона и по показателю расходов на здравоохранение в расчете на человека. Ситуация в сфере здравоохранения усугубляется общим плохим состоянием здоровья населения, что усиливает риск тяжелых последствий при заболевании коронавирусом. По данным ВОЗ, Индонезия имеет один из самых высоких в мире показателей распространения туберкулеза – ежегодно число заболевших им составляет порядка 500 тыс. человек со 175 тыс. смертельных исходов.

готоввленной к сложившейся эпидемиологической ситуации⁷, неравномерный охват населения ее услугами, проблема бедности, географическое расположение страны на почти 18 тыс. островов, религиозные традиции⁸, противоречия внутри правящей власти относительно характера предпринимаемых противоэпидемиологических мер, что снижает эффективность их реализации.

Принятие страной того или иного набора ограничительных санитарных мер диктовалось остротой эпидемиологической ситуации, экономическими и политическими интересами. Все региональные правительства столкнулись с необходимостью поиска компромисса между необходимостью сдерживать распространение пандемии, сохранить политическую стабильность и поддерживать экономику. При этом приоритеты у всех были разные.

Для Вьетнама вопрос выбора между сохранением здоровья нации и поддержанием экономики в условиях пандемии не стоял. Урок, извлеченный из негативного опыта борьбы с эпидемией SARS менее 20 лет назад, подсказал нужный ответ: сдерживать распространение COVID-19 необходимо любыми средствами. И слова премьер-министра Нгуен Суан Фук, что «бороться с эпидемией надо как с врагом», не были пустым лозунгом. Вьетнамские власти среагировали быстро и на неожиданную вспышку инфекции нового типа коронавируса SARS-CoV-2 в конце июля на курорте Дананг.

В противоположность Вьетнаму в Индонезии центральное правительство было прежде всего озабочено миними-

зацией социально-экономических последствий ограничительных противоэпидемиологических мер. Вместо того, чтобы ввести карантин по всей стране, Джоко Видодо ограничился мерами социального дистанцирования, аргументируя это необходимостью сохранить рабочие места, особенно в неформальном секторе, чтобы избежать обострения социально-экономических проблем.

Неудивительно поэтому, что, несмотря на рост числа заболевших в стране и стремительное распространение инфекции, власти Индонезии уже в начале июня стали постепенно их отменять, руководствуясь сугубо экономическими соображениями при введении режима *new normal*. И хотя в теории этот термин означает, в частности, изменение поведения людей в условиях пандемии с соблюдением масочного режима и социальной дистанции, однако граждане восприняли нововведение как возможность возвратиться к прежней, нормальной жизни. В то же время у многих это решение правительства вызвало другую реакцию: они расценили его как отказ власти от дальнейших попыток бороться с COVID-19 [Syafiq Hasyim 2020].

Сравнение стран по показателю результативности предпринятых мер по контролю над распространением эпидемии коронавируса подтверждает тот факт, что более результативными в своем реагировании на возникшую угрозу оказались те страны, которые продемонстрировали наличие компетентного государственного аппарата, который действовал решительно и обеспечил эффективное взаимодействие между различными уровнями власти – от

7 На начальном этапе эпидемия в стране имела только одна лаборатория, готовая к проведению тестов на коронавирус, в Джакарте. По показателю охвата населения тестированием Индонезия заметно отставала от других стран ЮВА. Если во Вьетнаме в апреле на 1 тыс. человек приходилось 2,17 тестов, то в Индонезии – всего 0,21.

8 Согласно специальному протоколу, тела умерших от COVID-19 упаковывались в пластиковые пакеты и сжигались в крематориях в течение 24 часов после регистрации смерти, что противоречит мусульманской традиции. Нередки были случаи кражи тел умерших их родственниками, что усиливало риск распространения инфекции.

местного до общенационального. И наоборот, те страны, лидеры которых, исходя из краткосрочных экономических интересов, затаили с принятием ограничительных противоэпидемиологических мер, столкнулись с большими долгосрочными политическими и экономическими рисками.

Две страны привлекли всеобщее внимание своими усилиями по борьбе с COVID-19 на первом этапе распространения эпидемии – Вьетнам и Сингапур. Несмотря на то, что число заразившихся COVID-19 во Вьетнаме оставалось на достаточно низком уровне, премьер-министр страны Нгуен Суан Фук 30 марта объявил об угрозе пандемии в стране и призвал власти всех уровней ужесточить меры контроля, вплоть до ареста тех, кто находился без маски на улице. 1 апреля в стране был введен режим ограниченного карантина, в соответствии с которым стали реализовываться меры социального дистанцирования и были закрыты все границы.

Работали только предприятия, производившие товары первой необходимости. Все пациенты с коронавирусом госпитализировались в обязательном порядке вне зависимости от того, были у них симптомы или нет. Введенная система социального мониторинга позволяла выявить все возможные контакты с инфицированным до четвертого уровня и изолировать их в случае необходимости. В общей сложности к середине апреля через режим самоизоляции и карантина прошло более 130 тыс. человек. Провинциальным властям было дано разрешение вводить жесткий карантин в поселениях в случае обнаружения очагов инфекции, что и было сделано в пяти общинах, население ко-

торых практически оказалось в блокаде без права въезда и выезда.

В то же время успех Вьетнама в борьбе с коронавирусом вряд ли можно объяснить только разработкой правильной стратегии. Заслуга Вьетнама в другом – в эффективной реализации принятых мер, что обеспечивалось благодаря слаженной работе органов власти при тесном взаимодействии всех ее уровней. Это проявилось и в организации жесткого контроля за соблюдением эпидемиологических предписаний при подключении к этой работе военнослужащих и полицейских.

Сингапур своему успеху на первом этапе борьбы с эпидемией обязан эффективному государственному менеджменту в кризисной ситуации, разработке стратегии по сдерживанию распространения инфекции, предусматривающей осуществление следующих мер: масштабное тестирование населения; строгий контроль за состоянием здоровья населения посредством его мониторинга; принудительный карантин инфицированных. Это помогло затормозить распространение вируса. Когда число заболевших стало расти, в стране был введен режим частичного карантина, несоблюдение которого каралось штрафом до 7 тыс. долл. или тюремным заключением до полугода.

Ситуация, однако, резко обострилась, когда возникла вспышка инфекции среди рабочих-мигрантов, проживавших в перенаселенных общежитиях. Невнимание к положению иностранных рабочих, характерное для миграционной политики Сингапура, в итоге и стало причиной обострения эпидемиологической ситуации в стране. И хотя власти быстро среагировали на возникшую угрозу⁹, тем не менее по

9 В июне 24 тыс. рабочих мигрантов находились на карантине в общежитиях: они получали зарплату и им предоставляли питание. Правительство заявило, что будет активно проводить тестирование на коронавирус и переселять часть незаразных людей в пустующие здания или в армейские лагеря, что в итоге помогло пресечь распространение инфекции по стране.

показателю количества инфицированных к общему числу населения Сингапур опережает другие страны ЮВА.

Опыт борьбы с пандемией во Вьетнаме свидетельствует о важности такого фактора, как прозрачность власти, правительства, которые проявляют свою компетентность в борьбе с пандемией, открыто общаются с населением и предоставляют ему достоверную информацию, повышают свои шансы на поддержку граждан в соблюдении необходимых противоэпидемиологических мер. Ответственное поведение вьетнамцев во время эпидемии во многом объясняется высоким доверием к правительству. Согласно опросу общественного мнения, проведенному международной организацией Dalia Research в марте текущего года, 62% вьетнамцев были уверены в правильности принятых государством мер по борьбе с коронавирусом. По этому показателю Вьетнам опередил Южную Корею и Сингапур¹⁰.

Успех Вьетнама не связан с природой его авторитарного режима. Заслуга государства – в скорости и скоординированности действий, в своевременном принятии мер по предупреждению распространения инфекции при строгом контроле над их выполнением и при полной поддержке всего населения.

В Индонезии, которая причисляет себя к демократическим странам, власть оказалась неспособной обеспечить прямую связь с населением и заручиться его поддержкой, поскольку изначально пыталась скрыть досто-

верную информацию о распространении эпидемии. Джоко Видодо, который приобрел в обществе репутацию эффективного лидера, все чаще подвергался критике за медлительность и непоследовательность действий, которые не носили упреждающего характера.

Эпидемия стала политическим вызовом для власти, представляя угрозу для сохранения национального единства. В стране наметился конфликт интересов между центральной и местной властью по поводу целесообразности принятия тех или иных мер по борьбе с коронавирусом. Эпидемиологический кризис мог перерасти в политическую плоскость. Стала утрачиваться вера в управленческие способности президента. Подрывало доверие к нему и циркулирующее в обществе мнение, что его правительство целенаправленно ограничивает проведение массового тестирования населения¹¹ и предоставляет ложную информацию о числе заразившихся и умерших¹².

Формирующееся в обществе недовольство предпринимаемыми правительством действиями по борьбе с пандемией играет на руку оппозиции, которая использует сложную эпидемиологическую ситуацию в своих политических целях в расчете на получение голосов избирателей на будущих выборах. По данным опроса общественного мнения, популярность Джоко Видодо сказалась на его политическом рейтинге, который с 69,5% в феврале снизился до 66,5% в мае¹³.

10 Minh Vu, Bich T.T. (2020) The Secret to Vietnam's COVID-19 Response Success // The Diplomat, April 18, 2020 // <https://thediplomat.com/2020/04/the-secret-to-vietnams-covid-19-response-success/>, дата обращения 15.10.2020.

11 К концу мая, по официальным данным, в стране с населением 269 млн человек было проведено всего 300,5 тыс. тестов у 205,2 тыс. человек.

12 Bean J.P. (2020) Indonesia's 'New Normal' a Disaster in the Making // The Asia Times, June 11, 2020 // https://asiatimes.com/2020/06/indonesias-new-normal-a-disaster-in-the-making/?mc_cid=98ca8d9147&mc_eid=f7f2dceab2, дата обращения 15.10.2020.

13 Stolen Corpses Rejected Masks: Indonesia's Coronavirus Calamity Worsens (2020) // South China Morning Post, September 1, 2020 // www.scmp.com/news/asia/southeast-asia/article/3094003/stolen-corpses-rejected-masks-indonesias-coronavirus, дата обращения 15.10.2020.

В отсутствии доверия власть обрекает себя на неповиновение масс, проявляющееся как в критике действий правительства, так и в отказе от соблюдения санитарных предписаний, что побуждает государство к ответным мерам по ужесточению контроля за обществом.

Политические последствия пандемии в регионе

В некоторых странах ЮВА правящая элита воспользовалась пандемией для усиления авторитарных методов управления страной, подавления оппозиции и консолидации власти. Авторитаризм в этих странах – явление не новое. Пандемия лишь создала благоприятные условия для укрепления подобных режимов с последствиями для ослабления оппозиции и ущемления гражданских свобод.

Решение о наделении премьер-министра Таиланда чрезвычайными полномочиями у многих в стране вызвало озабоченность. И если на начальном этапе борьбы с эпидемией подобная мера была обоснованной и объяснялась необходимостью концентрации власти для повышения эффективности проводимых действий, то, когда ситуация нормализовалась, надобность в сохранении чрезвычайного положения в стране отпала.

Однако Прают чан-Оча не торопился с его отменой¹⁴, что давало повод для спекуляций относительно истинных намерений премьер-министра – консолидировать власть на случай возникновения беспорядков, вызванных экономическими последствиями пандемии,

и усилить давление на своих политических оппонентов и критиков режима.

Тем более что причина для беспокойства имеется: в Таиланде, вопреки всем попыткам нынешнего режима ослабить демократическую оппозицию, она по-прежнему активно заявляет о себе, несмотря на действие чрезвычайного положения, которое, по ее мнению, служит политическим интересам власти по ограничению свободы слова и собраний¹⁵. Службы безопасности получили дополнительные полномочия арестовывать и задерживать без суда всех подозреваемых в нарушении постановления о чрезвычайном положении.

Президент Филиппин Р. Дутерте, получивший от Конгресса «особые временные полномочия», которые легализовали его право на проведение жестких карантинных мер, пошел еще дальше в ужесточении мер наказания – приказал полиции и армии расстреливать всех, кто нарушал противоэпидемиологические предписания. Первый подобный инцидент был зафиксирован уже 4 апреля. Объектами уголовного преследования стали не только нарушители карантина, но также независимые журналисты и представители сексуальных меньшинств.

Недовольство политикой правительства стали высказывать и представители бизнеса, которые выступили с совместным обращением. В нем указывалось на противоречивость многих указов правительства, изданных во время эпидемии, и на произвол чиновников. Пандемия COVID-19 стала проверкой на прочность правления Р. Дутерте, который использовал сложную эпидемиологическую ситуацию в инте-

¹⁴ Режим чрезвычайного положения, введенный 26 марта 2020 г., должен был действовать до 30 апреля. С тех пор он продлевался дважды.

¹⁵ Critics Suspect Power Grab in Virus Decree Extension, June 30, 2020 // <https://www.kaosodenglish.com/politics/2020/06/30/critics-suspect-power-grab-in-virus-decree-extension/>, дата обращения 15.10.2020.

ресах еще большей концентрации своей власти [Deinla 2020].

Несмотря на введение в стране одного из самых жестких в ЮВА режимов карантина с сопутствующими политическими ограничениями, президент Филиппин оказался неспособным сдержать распространение эпидемии, которая усугубляется высокой смертностью и низким показателем вылечившихся. Р. Дутерте, который пользовался большой популярностью до пандемии, стал ее утрачивать, в то время как более прогрессивные политики, как, например, мэры городов Пасига и Манилы, наоборот, стали ее набирать. По мнению Р. Хейдариана, корреспондента авторитетного японского издания *Nikkei Asian Review*, создается впечатление, что мы наблюдаем начало конца эры популизма Р. Дутерте в пользу более прогрессивных и динамичных лидеров [Heydarian 2020].

В Камбодже национальная ассамблея приняла закон о чрезвычайном положении в стране, предоставив новые полномочия авторитарному лидеру Хун Сену. Теперь правительство вправе не только вводить карантин, ограничивать свободу передвижения, захватывать частную собственность, но и осуществлять полный надзор над телекоммуникационными системами, контролировать прессу и социальные сети. И это при том, что на момент введения чрезвычайного положения в стране число заболевших составляло всего 115 человек. Любому, нарушившему карантинные предписания, публично обсуждавшему проблему COVID-19 в Интернет и выразившему недовольство действиями властей, грозило тюремное заключение до 10 лет. Аресты стали проводиться ежедневно.

По мнению правозащитной организации Human Rights Watch, правительство Камбоджи использовало пандемию как предлог для введения абсолютного контроля над всеми аспектами гражданской, политической, социальной и экономической жизни без временных ограничений и в отсутствии системы сдержек и противодействия¹⁶.

Пандемия COVID-19 усилила ранее наблюдавшиеся тенденции в области ущемления гражданских свобод и прав человека в регионе. И в первую очередь это проявилось в цензуровании СМИ с использованием так называемых законов по борьбе с фейковыми новостями. В качестве примера можно назвать сингапурский Закон о защите от онлайн-фальсификаций и манипуляций (*Protection from Online Falsehoods and Manipulation Act*), который использоваться против постов, размещенных в Интернете с критикой попыток правительства скрыть истинное положение с коронавирусом в стране, чтобы избежать паники.

В Таиланде был задействован Центр по борьбе с фейками в информационном пространстве (*Anti-Fake News Centre*) для идентификации и наказания лиц, причастных в распространении ложной информации об эпидемиологической ситуации. Во Вьетнаме был введен жесткий контроль за публикацией ложных, с точки зрения правительства, сведений об эпидемии коронавируса в стране в интернет-пространстве. За период с конца января до середины марта под запрет попало более 600 тыс. постов о COVID-19 в социальных сетях. 800 человек были оштрафованы. Аналогично поступали власти в Мьянме и на Филиппинах.

16 Ratcliffe R. (2020) Fears as Cambodia Grants PM Vast Powers under Covid-19 Pretext // The Guardian, April 10, 2020 // www.theguardian.com/world/2020/apr/10/fears-as-cambodia-grants-hun-sen-vast-power-under-covid-19-pretext, дата обращения 15.10.2020.

Даже в Индонезии была усилена информационная цензура. За два месяца с начала эпидемии 51 человек были арестованы по обвинению в распространении ложных сведений о коронавирусе в стране. Джоко Видодо, как и другие лидеры ЮВА, воспользовался пандемией для ограничения свободы слова и давления на оппозицию. Полиции было дано распоряжение арестовывать всех, кто выступал с осуждением действий президента по борьбе с пандемией [Kurlantzick (2) 2020].

Криминализируя сферу распространения ложных сведений о коронавирусе, руководство стран ЮВА преследовало более важную для себя политическую цель – расширить свой контроль над средствами массовой информации и ограничить свободу слова, особенно если это было связано с критикой действий правительства.

Пандемия обнажила слабость системы государственного управления в кризисной ситуации. И чтобы компенсировать этот недостаток, власть пошла на укрепление полномочий сил безопасности. Повсеместно были задействованы армия и полиция, получившие дополнительные широкие полномочия для осуществления жесткого контроля за соблюдением противоэпидемиологических предписаний.

Во Вьетнаме полиция осуществляла постоянное наблюдение за поведением граждан на улице и дома, как визуальное, так и посредством ИКТ. Эти технологии стали широко применяться для выявления инфицированных и их контактов. В Малайзии за соблюдением частичного карантина в стране также следили вооруженные силы. Аналогичные функции были возложены на армию и

полицию в Таиланде, где главой оперативного центра по борьбе с коронавирусом по распоряжению премьер-министра Прают чан-Оча был назначен командующий королевскими вооруженными силами Помпипат Бенбасри.

Когда в Индонезии в апреле обострился политический конфликт между центральной и провинциальной властью, то в публичное пространство просочились сведения о том, что Джоко Видодо готов использовать силовые ведомства для контроля над губернаторами, если те будут представлять угрозу для центра. Их автономная политика по борьбе с эпидемией оценивалась им как посягательство на легитимность власти президента. Политический кризис был предотвращен без применения военной силы, однако армия, обеспечивающая контроль за соблюдением противоэпидемиологических мер, оставалась на страже интересов государства.

Контроль за информационными потоками, подавление свободы слова, маргинализация оппозиции и демократических сил, усиление силовых структур – таковы реальные политические последствия пандемии в регионе. И вопрос в том, смогут ли хрупкие демократические режимы устоять в условиях усиления авторитарных тенденций в управлении страной? Как заявил Тедди Бегуйлат, бывший член парламента Филиппин, «мы должны быть уверены в том, что пандемия COVID-19 не станет новым инструментом для повышения уровня легитимности и защиты авторитарного руководства»¹⁷. Многое будет зависеть от реализации принятых правительствами стран ЮВА мер по преодолению негативных социально-экономических последствий пандемии.

¹⁷ Ratcliffe R. (2020) Fears as Cambodia Grants PM Vast Powers under Covid-19 Pretext // The Guardian, April 10, 2020 // www.theguardian.com/world/2020/apr/10/fears-as-cambodia-grants-hun-sen-vast-power-under-covid-19-pretext, дата обращения 15.10.2020.

Меры поддержки населения и бизнеса

Экономика стран Юго-Восточной Азии ощутила на себе сильнейший удар глобального экономического кризиса, вызванного распространением пандемии. Уже сейчас ясно, что экономическое воздействие будет огромным, сравнимым с ущербом от азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., а может быть, даже сильнее. С одной стороны, экономики стран Юго-Восточной Азии куда лучше подготовлены, чем во времена Азиатского финансового кризиса, поразившего регион два десятилетия назад, поскольку обладают куда большими валютными резервами и в целом более сильными макроэкономическими позициями по сравнению с ситуацией конца 1990-х гг.

С другой стороны, уже накануне «коронавирусного» кризиса темпы экономического роста региона начали снижаться: совокупный ВВП стран региона в 2019 г. по сравнению с 2018 г. сократился с 5,1 до 4,4%¹⁸. Основной причиной этого явления были нарастающие деформации региональных и включающих регион глобальных производственно-сбытовых цепочек, вызванные обострением американо-китайского торгового конфликта. В 2020 г. эти деформации не только резко усилились, но и были дополнены осложнениями разной степени во многих сферах экономики почти всех стран ЮВА.

Уже к концу I квартала 2020 г. стало очевидным, что экономический шок в результате COVID-19 может оказаться для ЮВА куда глубоким и длительным, по сравнению с предшествовавшими региональным кризисными ситуация-

ми, – в зависимости от того, как будет далее развиваться пандемия и сохранится ли значительная неопределенность в связи с темпами распространения и конечным количеством зараженных вирусом людей.

Первые попытки оценить экономические последствия COVID-19 по итогам I квартала 2020 г. были предприняты уже в апреле Азиатским банком развития (АзБР) [Asian Development Outlook 2020], МВФ [World Economic Outlook 2020] и МБРР [World Bank 2020]. Их прогнозы предусматривали умеренное сокращение темпа роста в регионе в результате экономического шока от этой пандемии. Так, в частности, эксперты АзБР предполагали, что совокупный темп прироста ВВП в регионе сократится в 2020 г. до 1%, но в 2021 г. составит уже 4,7%, т. е. будет выше, чем в 2019 г. Аналитики МВФ были более пессимистичны, прогнозируя сокращение темпа прироста регионального ВВП в 2020 г. на 0,6% (во внимание принимались показатели только пяти ведущих стран ЮВА), однако рассчитывали на очень высокий показатель прироста ВВП в регионе в 2021 г. – до 7,8%. Специалисты МБРР воздержались от прогноза темпов прироста ВВП в регионе в целом, отметив, однако, что в ведущих развивающихся странах АСЕАН будет иметь место падение ВВП в пределах от –0,5 до –5% (за исключением Вьетнама, который удержится в положительной динамике роста – 1,5%) [Asian Development Outlook 2020, p. 20].

Оценки, приводимые экспертами частных консалтинговых компаний, были более пессимистичными. Так, например, в Capital Economics прогнозировали почти 10%-е падение ре-

18 Searight A. (2020) The Economic Toll of Covid-19 on Southeast Asia: Recession Looms as Growth Prospects Dim // Center for Strategic and International Studies (CSIS), April 14, 2020 // <https://www.csis.org/analysis/economic-toll-covid-19-southeast-asia-recession-looms-growth-prospects-dim>, дата обращения 15.10.2020.

гионального ВВП в 2020 г.¹⁹ И, как показали прогнозы, основанные на анализе данных первых четырех месяцев 2020 г., они были ближе к истине: аналитики АзБР в мае 2020 г. пришли к выводу, что совокупный региональный ВВП в ЮВА в 2020 г. сократится на 4,6–7,2%, а общий ущерб, который понесет экономика стран ЮВА, составит от 163 до 253 млрд долл. США²⁰.

Более поздние прогнозы, основанные на итогах развития экономики основных стран ЮВА во II квартале 2020 г., предполагают гораздо большее падение ВВП в годовом исчислении: на Филиппинах – на 17,1%, в Сингапуре – на 13,2%, в Таиланде – на 12,2% (наихудшие результаты за более чем 20 лет), в Индонезии – 5,3% (наихудший результат после 1999 г.). Лишь для Вьетнама прогнозируется небольшой рост ВВП – 0,4%²¹. Тогда же было впервые высказано мнение о том, что все страны ЮВА охватила полномасштабная рецессия.

Воздействие кризиса COVID-19 на экономику весьма разнообразно, соответствует специфике каждой страны ЮВА и осуществляется по нескольким каналам. Во-первых, страны АСЕАН широко открыты для торговли и инвестиций, а также для туризма, и все эти секторы серьезно пострадали в результате распространения глобальной пандемии. Спрос на многие экспортные товары из этих стран – натуральный каучук, пальмовое масло, руды и металлы из Индонезии; промышленные полуфабрикаты и компоненты из Малай-

зии, Вьетнама и Филиппин; текстиль из Камбоджи – резко упал и явно продолжит оставаться на низком уровне в течение всего кризиса. Приостановка и ожидаемое очень медленное восстановление туристических потоков крайне негативно скажется на экономике Таиланда, Малайзии, Индонезии, Филиппин и Вьетнама. Сингапур уже испытал сильный удар по объемам своей торговли в 2019 г. вследствие торгового конфликта между США и Китаем, а теперь сталкивается с дальнейшим падением торговли товарами и услугами, а также стагнации туристического сектора.

Экономики стран ЮВА имеют диверсифицированный набор партнеров по торговле и инвестициям, включая США, Европейский Союз, Китай, а также других членов АСЕАН. В обычные времена этот диверсифицированный портфель обеспечивал защитный барьер от экономического спада, однако в рамках текущей глобальной пандемии все эти партнеры столкнулись с полным прекращением или весьма туманными перспективами роста в течение первых трех кварталов 2020 г.

Во-вторых, обвал цен на энергоносители, вызванный резким падением их потребления вследствие низкого спроса со стороны промышленности и обширных ограничений на передвижение, окажет сильнейшее воздействие на страны ЮВА, зависящие от экспорта энергоносителей, а именно Индонезию, где угольная и нефтяная отрасли обес-

19 Virus-Fueled Recession Interrupts ASEAN Path to Middle-Income Status (2020) // VOA News, April 28, 2020 // <https://www.voanews.com/covid-19-pandemic/virus-fueled-recession-interrupts-asean-path-middle-income-status>, дата обращения 15.10.2020.

20 Venzon C. (2020) ADB Warns Coronavirus Threatens to Chop 10% Off Global Output // The Nikkei Asian Review, May 15, 2020 // https://asia.nikkei.com/Economy/ADB-warns-coronavirus-threatens-to-chop-10-off-global-output?utm_campaign=RN%20Subscriber%20newsletter&utm_medium=coronavirus_newsletter&utm_source=NAR%20Newsletter&utm_content=article%20link&del_type=10&pub_date=20200515150000&seq_num=4&si=%user_id%&data обращения 15.10.2020.

21 Kentaro Iwamoto (2020) ASEAN Crisis Like no Other Shifts Focus from COVID to Economy // The Nikkei Asian Review, August 21, 2020 // https://asia.nikkei.com/Economy/ASEAN-crisis-like-no-other-shifts-focus-from-COVID-to-economy?utm_campaign=RN%20Subscriber%20newsletter&utm_medium=daily%20newsletter&utm_source=NAR%20Newsletter&utm_content=article%20link&del_type=18&pub_date=20200821190000&seq_num=4&si=87322, дата обращения 15.10.2020.

печивают около четверти всего экспорта, Малайзию, где нефть и газ составляют около 16% экспорта, а также Бруней, где нефть и газ доминируют в экспорте (более 90%), и в меньшей степени Вьетнам.

В-третьих, резкое падение внутреннего спроса вследствие самоизоляции и других карантинных мер окажет сильнейшее мультипликативное воздействие на эти экономики – потребление составляет около 60% ВВП в ведущих экономиках АСЕАН (за исключением Сингапура).

Четвертым каналом воздействия кризиса COVID-19 на экономику стран ЮВА является отток капитала. И если прямые иностранные инвестиции относительно вязки и не могут быть выведены одномоментно, международные портфельные инвесторы в ценные бумаги и облигации быстроразвивающихся рынков спровоцировали масштабный отток капитала из региона, устремившись в безопасные убежища перед лицом усиления глобальной пандемии.

В более долгосрочной перспективе представляется крайне сложной задачей спрогнозировать итоговое экономическое воздействие кризиса на Юго-Восточную Азию, поскольку сохраняется значительная неопределенность в отношении того, как будет развиваться пандемия в ближайшие несколько месяцев и в последующий период, а также того, как этот кризис изменит глобальную экономику. С большой степенью вероятности он усилит текущий процесс возвращения производственных мощностей из Китая и остальной Восточной Азии.

Хотя определенные секторы в странах Юго-Восточной Азии выиграли от недавних перестроек цепочек поставок из-за уменьшения в них роли Китая, неочевидно, что в период после пандемии тенденции будут столь же благо-

приятными для региона. Соображения национальной безопасности в США и других развитых странах теперь играют первостепенную роль в подходе к вопросам о фармацевтических ингредиентах и компонентах для производства медицинских препаратов и изделий, а перебои в транспортном сообщении и затруднения в форме карантина, необходимости получения документов об отсутствии заболевания и страх путешествий с большой степенью вероятности ускорят процесс сокращения цепочек поставок.

Впрочем, есть и позитивный момент в текущем «коронавирусном» кризисе: смещение экономической активности в сферу облачных технологий и необходимость мобильного отслеживания и других технологических решений по сдерживанию заболевания и предотвращению будущих вспышек вируса может оказаться на руку некоторым странам ЮВА, в частности, Сингапуру, Индонезии и Вьетнаму, которые уже находятся на переднем крае развития цифровой экономики на основе мобильных приложений.

Глобальные и региональные изменения в спросе на цифровые приложения, а также государственная политика, призванная поддержать этот сектор, могут стимулировать инновации и укрепить позиции предпринимателей, работающих в цифровой экономике, что позволит улучшить перспективы роста и развития экономик Юго-Восточной Азии, когда мир выйдет из этого глобального кризиса.

Разумеется, воздействие кризиса на те или иные страны ЮВА зависит от структуры их национальной экономики, а также от исходных экономических условий на момент вступления их в кризис. Но в любом случае наиболее тяжелый урон от «коронавирусного» кризиса уже понесли и будут нести беднейшие слои населения стран ЮВА, а также

предприятия малого и среднего бизнеса и занятые на них. Как показала практика, государствами ЮВА были предприняты разнообразные меры поддержки населения и бизнеса, многие из которых были направлены на содействие именно наиболее пострадавшим от «коронавирусного» кризиса. Однако государства региона располагали для этого разными возможностями²².

Сингапур. Правительство города-государства, располагающее значительными финансовыми ресурсами, приняло четыре программы, симулирующие национальную экономику (Unity 2020, Resilience Budget, Solidarity Budget, Fortitude Budget) общей стоимостью 70 млрд долл. США, что примерно равно 20% ВВП страны. В рамках этих программ правительство²³:

- предоставило всем компаниям страны налоговый вычет на 25% от уплачиваемого корпоративного налога, но не более 10,7 млн долл. США на компанию; на уплату корпоративного налога в апреле-мае был предоставлен трехмесячный мораторий; аналогичный мораторий был предоставлен на уплату подоходного налога физическим и юридическим лицам;
- на каждого занятого на предприятиях сингапура правительство предоставило предпринимателям субсидию для выплаты ему не менее 75% заработной платы в сумме не более 3 223 долл. США ежемесячно на срок до августа 2020 г.; кроме того, правительство зарезервировало 5,9 млрд долл. США

для реализации трехлетней программы подготовки и переподготовки кадров;

- была принята программа обеспечения льготными займами для пополнения рабочего капитала малых и средних предприятий (до 702 тыс. долл. США каждому со сроком погашения до пяти лет), при этом государство принимало на себя 90% рисков перед банками-займодавцами;
- для сингапурских предпринимателей, широко использующих труд рабочих-мигрантов, немаловажной была отмена ряда налогов на иностранных сотрудников; в случае найма местных работников (их в стране около 1,9 млн человек) правительство субсидировало от 20 до 40% соответствующих зарплат (но не более 4 200–8 400 долл. США);
- были предоставлены дополнительные льготы для компаний, относящихся к таким отраслям, как туризм, различные виды транспорта (особенно авиационный)²⁴, розничная торговля, сфера питания и гостиничных услуг – они получили дополнительную финансовую поддержку (для гостиниц, в частности, был установлен 30-й вычет при уплате в 2020 г. налога на недвижимость).

Филиппины. Правительство с трудом изыскивало бюджетные средства для оказания помощи населению и бизнесу. Только в середине марта с. г. Мини-

22 Здесь и далее использованы в основном данные следующего источника: Ayaman Falak Medina (2020) Government Measures to Counter COVID-19 Impact in ASEAN // ASEAN Briefing. No 17. July 2020, pp. 4–5.

23 Cheng K. (2020) DPM Heng Unveils S\$48 Billion Support Package to See Singapore through Covid-19 Crisis // Today, March 26, 2020 // https://www.todayonline.com/singapore/landmark-s48-billion-package-see-singapore-through-covid-19-dpm-heng?cid=emarsys-today_TODAY%27s%20evening%20briefing%20for%20March%2026,%202020%20%28ACTIVE%29_newsletter_26032020_today, дата обращения 15.10.2020.

24 Не имея внутреннего рынка перевозок, национальный авиаперевозчик Singapore Airlines, осуществляющий международные рейсы по 132 направлениям, оказался в катастрофическом финансовом положении.

стерство финансов объявило о выделении 27,1 млрд песо (530 млн долл.) для реализации программ по смягчению отрицательных последствий COVID-19 для экономики страны. Примерно половина этой суммы пошла на поддержку серьезно пострадавшего сектора туризма. Остальные средства были направлены на обеспечение мер по предотвращению распространения коронавируса, предоставлены субсидии беднейшим слоям населения и лицам, потерявшим источники дохода, а также на поддержку фермеров. Реализуемые программы вызвали серьезное недовольство со стороны определенных бизнес-групп Филиппин, особенно со стороны крупного капитала. Они призывают принять более обширную программу помощи бизнесу стоимостью почти 4,3 млрд долл. США, что нереально²⁵.

Индонезия. В феврале–мае правительство приняло несколько программ, направленных на поддержку населения и бизнеса в условиях пандемии, на сумму примерно 80 млрд долл. США. Их реализация планировалась на период до сентября 2020 г. Программы предусматривали в основном предоставление налоговых и неналоговых льгот и стимулов:

- было выделено 8,3 млрд долл. США в рамках программы стимулирования наиболее пострадавшим промышленным предприятиям, в основном малым и средним;
- на 2020/21 финансовый год ставка корпоративного налога была сни-

- жена с 25 до 22% и объявлено, что в 2022/23 финансовом году она будет сокращена до 20%; для компаний в 17 ведущих отраслях экономики страны ставка корпоративного налога была снижена на 30%;
- ставка подоходного налога для компаний, имеющих годовой оборот не выше 326 тыс. долл. США, до сентября 2020 г. была установлена на уровне 0,5%; на этот же период физические лица, занятые на предприятиях 17 ключевых отраслей и имеющие годовой доход менее 13 тыс. долл. США, были полностью освобождены от уплаты подоходного налога;
- были облегчены экспортно-импортные операции по многим товарам и понижены взимаемые на них налоги и сборы;
- в основных курортных зонах страны было прекращено взимание 10%-го налога на отели и рестораны²⁶;
- была смягчена политика регулятора в отношении плохих долгов и реструктуризация долгов как для корпораций, так и для микро-, малого и среднего бизнеса;
- для беднейших групп населения была организована прямая денежная помощь нуждающимся и раздача талонов на получение базовых продуктов питания.

Бруней. Международная статистика уже безоговорочно относит Бруней к группе развитых стран. Государство оказало населению и бизнесу доволь-

25 Virus-Fueled Recession Interrupts ASEAN Path to Middle-Income Status (2020) // VOA News, April 28, 2020 // <https://www.voanews.com/covid-19-pandemic/virus-fueled-recession-interrupts-asean-path-middle-income-status>, дата обращения 15.10.2020.

26 Asia Turns on the Fiscal Taps to Cushion Coronavirus Impact (2020) // The Nikkei Asian Review, March 23, 2020 // <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Coronavirus/Asia-turns-on-the-fiscal-taps-to-cushion-coronavirus-impact>, дата обращения 15.10.2020.

27 Langkah-langkah kerajaan dalam menangani impak Covid-19 di Negara Brunei Darussalam (2020) // Bandar-Seri-Begawan, April 27, 2020, Hal. 21–23.

но скромную поддержку, объявив о ней лишь в конце апреля 2020 г.²⁷

Для физических лиц существенными оказались такие меры, как: 1) отсрочка на шесть месяцев обязательных платежей в пенсионный и страховой фонды для тех, кто зарабатывает менее 1 150 долл. США на предприятиях, относящихся к категории микро-, малого и среднего бизнеса с числом занятых менее 100 человек; 2) 25%-я надбавка к зарплате в течение трех месяцев для занятых в такого рода предприятиях (исключительно подданных султаната).

Юридическим лицам были предоставлены скидки по налогам и платежам: 1) 30%-я скидка по платежам за аренду помещений в зданиях, принадлежащих государству, для МСП в следующих отраслях («целевых»): туризм, гостиничное дело, общепит, воздушный и водный транспорт; 2) 50%-я скидка на корпоративный налог, который будет начислен в 2021 г., для предприятий тех же отраслей; 3) 15%-я скидка по платежам за воду и электроэнергию для «целевых» отраслей; 4) временно не взимались таможенные пошлины и акцизные сборы на предметы гигиены, в первую очередь необходимые для борьбы с пандемией.

Правительство отменило до 30 сентября 2020 г. также налоги и сборы на все торговые и платежные операции в сфере туризма, общественного питания, воздушного транспорта, а также на импорт продовольственных товаров и медикаментов. Были прекращены выплаты по основной части долга для операций купли-продажи земельных участков для любых целей. До 30 декабря 2020 г. приостановлены комиссионные платежи по банковским операциям, в т. ч. межбанковским.

Малайзия. Начиная с февраля 2020 г. правительство приняло четыре программы поддержки населения и бизнеса в период пандемии общей стои-

мостью более 60 млрд долл. США (около 17% ВВП), направленных на смягчение воздействия пандемии COVID-19 на экономику и наиболее пострадавших граждан и компании [Asian Development Outlook 2020, p. 281]. Из этой суммы более 5 млрд долл. США было предоставлено непосредственно малым и средним предприятиям в разных формах: 1) займы под низкие проценты; 2) отсрочки по налоговым платежам и погашению банковских кредитов; 3) субсидии на выплату зарплат персоналу. Правительство также поручило банковским институтам провести пересмотр графика выплат по кредитам или вообще отложить их для заемщиков, которые напрямую пострадали от вспышки коронавируса.

Кроме того, любой малой или средней компании была предоставлена возможность получить заем в размере от 4,5 до 226 тыс. долл. США на срок до 5,5 лет с шестимесячным льготным периодом. Микрокомпании получили право на получение беспроцентных займов на сумму до 17 тыс. долл. США, а предпринимателям, использующим труд мигрантов-иностранцев, была предоставлена 25%-я скидка на налог на иностранную рабочую силу (foreign worker levy).

Каждый занятый, получавший зарплату менее 916 долл. США в месяц и потерявший работу в связи с пандемией, получил право на субсидию из бюджета в размере 137 долл. США ежемесячно на период до сентября 2020 г.

Гостиницы, туристические агентства, торговые центры, а также конференц-залы и выставочные центры получили 15%-ю скидку на оплату ежемесячных счетов за электроэнергию. Все малазийские домохозяйства и коммерческие потребители получили 2%-е возмещение расходов на электроэнергию в течение шести месяцев.

Таиланд. Правительство Таиланда приняло три стимулирующие програм-

мы общей стоимостью свыше 60 млрд долл. США. Эти средства были в основном израсходованы на поддержку малых и средних предприятий в форме: 1) долгосрочных займов по низкой процентной ставке; 2) понижения налоговых ставок; 3) безвозмездных выплат персоналу пострадавших МСП. В рамках третьей программы, реализованной в основном в апреле 2020 г., из средств госбюджета коммерческим банкам страны было выделено 15 млрд долл. США целевым назначением – для предоставления малым и средним предприятиям льготных займов под 2% годовых на сумму до 15 млн долл. США каждому (в течение первых шести месяцев проценты с заемщиков не взымались, их выплачивало государство).

Вьетнам. Правительство выделило 12 млрд долл. США в качестве поддержки предприятий в таких наиболее пострадавших отраслях, как авиационный транспорт, туризм, гостиничный бизнес и другие сектора сферы услуг. Для этих компаний Министерство финансов отсрочило на пять месяцев уплату налога на добавленную стоимость и арендные платежи.

Для поддержания фондового рынка министерство также распорядилось сократить взносы, взимаемые биржами и Вьетнамским депозитарием ценных бумаг (Vietnam Securities Depository) – на 10% снижены вычеты за трейдинговые и депозитарные функции, на 15–20% снижены сборы за торговлю деривативами и на 30–50% сокращены сборы за эмиссию ценных бумаг.

Помощь государства была оказана преимущественно крупным государственным компаниям, что вызвало недовольство представителей нарождающегося среднего класса Вьетнама, собственников малых и средних предприятий и многочисленных индивидуальных предпринимателей, как официально действующих, так и из неформаль-

ного сектора. Помощь им была явно недостаточна, причем, в отличие от других стран региона, вьетнамское правительство во главе с премьер-министром Нгуеном Суан Фуком 17 марта с. г. наоборот призвало общественность и компании жертвовать деньги и средства медицинской защиты для поддержки государства в период кризиса.

Эти меры направлены на минимизацию социально-экономических потерь пандемии, оценить потери которой не представляется пока возможным.

Могут ли страны ЮВА рассчитывать на АСЕАН как институт регионального взаимодействия в оказании им содействия в преодолении эпидемиологического кризиса и минимизации его экономических последствий?

Нельзя сказать, что АСЕАН не реагировала на кризисную ситуацию. Уже 14 апреля 2020 г. была проведена видеоконференция с участием глав государств, на которой обсуждались перспективы совместных действий. Однако, несмотря на то, что на уровне АСЕАН было проведено нескольких встреч (частично в online-формате), в т. ч. с партнерами по диалогу (Китаем, Южной Кореей, США и Европейским Союзом), на которых обсуждалась проблема борьбы с пандемией, тем не менее они не завершились принятием коллективных мер и конкретных региональных программ.

АСЕАН с ее главным принципом деятельности – невмешательства во внутренние дела государств – членов организации – не обладает полномочиями для оказания на них давления в плане проведения как противозидемиологических, так и экономических стимулирующих мер, которые каждая страна принимает, исходя из своих собственных национальных интересов. АСЕАН свойственны декларации о намерениях и громкие заявления, рассчитанные на перспективу и не подкрепленные ни-

такими конкретными мерами. Это подтверждает и текст декларации по итогам прошедшей в апреле встречи АСЕАН+3, (Китай, Южная Корея, Япония)²⁸.

С аналогичным результатом завершились встречи АСЕАН с Европейским Союзом и Индией 12 сентября 2020 г., на которых стороны высказали пожелание развивать сотрудничество в сфере борьбы с пандемией и оказывать содействие в восстановлении пострадавших от нее экономик²⁹. Однако на двусторонней основе международная помощь оказывается. Успехи борьбы с коронавирусной инфекцией в Лаосе и Камбодже – во многом результат сотрудничества с Китаем, который еще 20 февраля на встрече с министрами иностранных дел АСЕАН обсудил пути преодоления медицинских и экономических последствий глобальной пандемии. Стороны договорились развивать сотрудничество в сфере обмена информацией и опытом, учитывая позитивные результаты в борьбе с COVID-19, достигнутые КНР.

В свою очередь государственный секретарь США Майк Помпео в сентябре 2020 г. заявил о готовности США открыть в Ханое подразделение Центра по контролю за болезнями в интересах расширения сотрудничества со странами ЮВА в медицинской сфере, что нашло отражение и в совместной декларации по итогам 10-й встречи АСЕАН – США на уровне министров³⁰.

Сами страны АСЕАН на 36-м Саммите, прошедшем в online-формате 26 июня, уделили рассмотрению вопроса о воздействии COVID-19 на регион столько же внимания, сколько и другим проблемам – ситуации в Южно-Китайском море, положению рохинджа в Мьянме и рекультивации земель³¹. Единственное, о чем они конкретно договорились, – об учреждении фонда борьбы с COVID-19, призванного оказывать помощь странам в поставках медицинского оборудования и оснащения (Таиланд, в частности, предложил выделить 100 тыс. долл. США). Ожидается присоединение к этому проекту Китая, Японии и Южной Кореи. Однако до сих пор нет полной ясности в вопросе финансирования фонда.

Хенг Ти Ха, ведущий аналитик сингапурского Института стран Юго-Восточной Азии им. Юсуфа Исхака (ISEAS-Yusof Ishak Institute), отмечает, что «единый ответ стран АСЕАН на COVID-19 носит скорее риторический характер, чем практический». По ее мнению, страны запоздали с принятием коллективных мер, их скоординированная позиция по пандемии должна была быть выработана на начальном этапе распространения инфекции. Оценка возможных рисков и создание системы раннего оповещения помогли бы странам в осуществлении превентивных мер³².

28 Joint Statement of the Special ASEAN plus Three Summit on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // ASEAN // <https://asean.org/joint-statement-special-asean-plus-three-summit-coronavirus-disease-2019-covid-19/>, дата обращения 15.10.2020.

29 Chairman's Statement of the ASEAN Post Ministerial Conference (PMC) 10+1 Session with India (2020) // ASEAN, September 19, 2020 // <https://asean.org/chairmans-statement-asean-post-ministerial-conference-pmc-101-session-india/>, дата обращения 15.10.2020.

30 Co-Chairs' Statement of the Special ASEAN-United States Foreign Ministers' Meeting on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // ASEAN // <https://asean.org/co-chairs-statement-special-asean-united-states-foreign-ministers-meeting-coronavirus-disease-2019-covid-19/>, дата обращения 15.10.2020.

31 Chairman's Statement of the 36th ASEAN Summit 26 June 2020 Cohesive and Responsive ASEAN (2020) // ASEAN, June 27, 2020 // <https://asean.org/chairmans-statement-36th-asean-summit-26-june-2020-cohesive-responsive-asean/>, дата обращения 15.10.2020.

32 Demetriadi A. (2020) ASEAN's Covid-19 Response: United in Name, Divided in Practice // Southeast Asia Globe, May 15, 2020 // <https://southeastasiaglobe.com/asean-covid-19-response/>, дата обращения 15.10.2020.

Очевидно, что COVID-19 станет побудительным фактором расширения регионального сотрудничества в сфере медицины. Стоящая перед странами региона задача по выходу из текущего эпидемиологического кризиса, затронувшего все сферы их жизнедеятельности, поднимает значимость АСЕАН как института регионального взаимодействия. Но сможет ли АСЕАН способствовать углублению их интеграционных связей, необходимых для восстановления экономик стран ЮВА, вопрос остаётся открытым.

Эпидемиологическая ситуация в странах ЮВА остается напряженной и нестабильной. И это требует от властей постоянной корректировки действий в борьбе с пандемией COVID-19 и ее последствиями. Оценка эффективности предпринимаемых действий по борьбе с пандемией и ее последствиями свидетельствует, по мнению авторов, о том, что наилучшие результаты показали страны, которые, во-первых, предприняли упреждающие меры, во-вторых, продемонстрировали слаженность работы всех звеньев управления и открытость в подаче информации, в-третьих, смогли завоевать доверие населения в борьбе с пандемией, которая обернулась немалыми человеческими жертвами и внесла коррективы в политическое управление страны и в ее экономическое развитие.

Оценить весь масштаб понесенных потерь, как и предпринятых мер по их минимизации, пока не представляется возможным. Но очевидно, что пандемия стала вызовом для правительств и проверкой их способности управлять страной в кризисной ситуации. Насколько успешными они оказались в реагировании на возникшие проблемы, покажет время.

Список литературы

Asian Development Outlook 2020 (2020, April). Asia Reels from the Covid-19 Outbreak // Asian Development Bank Report, Manila.

Deinla I. (2020) COVID-19 Tightens Duterte's Iron Grip // East Asia Forum, June 18, 2020 // <https://www.eastasiasforum.org/2020/06/18/covid-19-tightens-dutertes-iron-grip/>, дата обращения 15.10.2020.

Heydarian R. (2020) Strongman Duterte's COVID-19 Failings Usher in New Generation of Leaders // The Nikkei Asian Review, July 22, 2020 // <https://asia.nikkei.com/Opinion/Strongman-Duterte-s-COVID-19-failings-usher-in-new-generation-of-leaders>, дата обращения 15.10.2020.

Kurlantzick J. (1) (2020) Can South-east Asia Fend Off the One-Two Punch of COVID-19? // World Politics Review, April 17, 2020 // <https://worldpoliticsreview.com/articles/28691/can-southeast-asia-fend-off-the-one-two-punch-of-covid-19>, дата обращения 15.10.2020.

Kurlantzick J. (2) (2020) How Jokowi Failed the Test of COVID-19 in Indonesia // World Politics Review, June 6, 2020 // <https://corona-virusnews.com/news/how-jokowi-failed-the-test-of-covid-19-in-indonesia-world-politics-review-worldpoliticsreview/index.html>, дата обращения 15.10.2020.

Southeast Asia Covid-19 Tracker (2020) // Center for Strategic and International Studies (CSIS) // <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/southeast-asia-covid-19-tracker-0>, дата обращения 15.10.2020.

Syafiq Hasyim (2020) Indonesian Muslim Groups Grapple with the "New Normal" // ISEAS, June 9, 2020 // <https://www.iseas.edu.sg/media/commentaries/indonesian-muslim-groups-grapple-with-the-new-normal>, дата обращения 15.10.2020.

Termsak Chalermpananupap (2020) COVID-19: Prayut's Dilemma – Save

Lives or Jobs // The Perspective, April 30, 2020, Singapore: Yusof Ishak Institute // https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/03/ISEAS_Perspective_2020_38.pdf, дата обращения 15.10.2020.

World Bank East Asia and the Pacific in the Time of Covid-19 (2020, April) //

World Bank. Regional Economic Update // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33477>, дата обращения 15.10.2020.

World Economic Outlook (2020). The Great Lockdown. 2020, April.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11

COVID-19 in Southeast Asia Problems and Solutions

Alexander A. ROGOZHIN

PhD in Economics, Leading Researcher, Head of the Group
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: rogojine@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0736-3184

Natalia G. ROGOZHINA

DSc in Politics, Chief Researcher
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: nrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

CITATION: Rogozhin A.A., Rogozhina N.G. (2020) COVID-19 in Southeast Asia Problems and Solutions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 181–203 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11

Received: 20.09.2020.

ABSTRACT. *The countries of Southeast Asia, like the rest of the world, have suffered substantial damage from the spread of the COVID-19 epidemic, which is assessed not only in human losses, but also in significant economic and political costs. Their assessment is the main object of the article, in which the authors made an attempt to analyze the response of the countries of Southeast Asia to the emerging epidemiological threat, underscor-*

ing both general and specific in their approaches to the implementation of anti-epidemiological and adaptation measures. It is not possible to draw a single picture of the COVID-19 in the region, since the countries of Southeast Asia differ from each other both in the number of confirmed cases of infected and dead persons and in the approach to managing the pandemic. The adoption by the country of one or another set of restrictive sanitary meas-

ures is dictated by the severity of the epidemiological situation, economic and political interests.

Evaluation of the effectiveness of actions taken to manage the pandemic and its consequences testifies, according to the authors, that the best results were shown by countries that, firstly, took proactive measures, and secondly, demonstrated the coherence of the work of all levels of government system and transparency in the provision of information thirdly, they were able to win the confidence of the population in the fight against the pandemic, which has resulted in human sacrifice and amendments to the country's political governance and its economic development. The political consequence of COVID-19 has been the strengthening of authoritarian tendencies in governance in several Southeast Asian countries with the consequences to the weakening of the opposition and curtailment of civil liberties. The authors concluded that the pandemic has exposed the weakness of the government administration system in a crisis, which supports the analysis of the measures taken to minimize the economic consequences of the pandemic. The article assesses the impact of the COVID-19 crisis on the economies of Southeast Asia and promises government policies to support its hardest hit sectors and populations. The authors concluded that today it is not possible to assess the entire scale of the losses incurred, as well as the measures taken to minimize them. But it is evident that the pandemic has become a challenge for governments and a test of their ability to govern a country in a crisis.

KEY WORDS: Southeast Asia, COVID-19, anti-epidemiological measures, political governance, authoritarianism, economic support measures, economic crisis

References

Asian Development Outlook 2020 (2020, April). Asia Reels from the Covid-19 Outbreak. *Asian Development Bank Report*, Manila.

Deinla I. (2020) COVID-19 Tightens Duterte's Iron Grip. *East Asia Forum*, June 18, 2020. Available at: <https://www.eastasiaforum.org/2020/06/18/covid-19-tightens-dutertes-iron-grip/>, accessed 15.10.2020.

Heydarian R. (2020) Strongman Duterte's COVID-19 Failings Usher in New Generation of Leaders. *The Nikkei Asian Review*, July 22, 2020. Available at: <https://asia.nikkei.com/Opinion/Strongman-Duterte-s-COVID-19-failings-usher-in-new-generation-of-leaders>, accessed 15.10.2020.

Kurlantzick J. (1) (2020) Can Southeast Asia Fend Off the One-Two Punch of COVID-19? *World Politics Review*, April 17, 2020. Available at: <https://worldpoliticsreview.com/articles/28691/can-southeast-asia-fend-off-the-one-two-punch-of-covid-19>, accessed 15.10.2020.

Kurlantzick J. (2) (2020) How Jokowi Failed the Test of COVID-19 in Indonesia. *World Politics Review*, June 6, 2020. Available at: <https://corona-virusnews.com/news/how-jokowi-failed-the-test-of-covid-19-in-indonesia-world-politics-review-worldpoliticsreview/index.html>, accessed 15.10.2020.

Southeast Asia Covid-19 Tracker (2020). *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*. Available at: <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/southeast-asia-covid-19-tracker-0>, accessed 15.10.2020.

Syafiq Hasyim (2020) Indonesian Muslim Groups Grapple with the "New Normal". *ISEAS*, June 9, 2020. Available at: <https://www.iseas.edu.sg/media/commentaries/indonesian-muslim-groups->

grapple-with-the-new-normal, accessed 15.10.2020.

Termsak Chalermpananupap (2020) COVID-19: Prayut's Dilemma – Save Lives or Jobs. *The Perspective*, April 30, 2020, Singapore: Yusof Ishak Institute. Available at: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/03/ISEAS_Perspective_2020_38.pdf, accessed 15.10.2020.

World Bank East Asia and the Pacific in the Time of Covid-19 (2020, April). *World Bank*. Regional Economic Update. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33477>, accessed 15.10.2020.

World Economic Outlook (2020). The Great Lockdown. 2020, April.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-12

Вызовы пандемии COVID-19 и приоритеты экономического развития Республики Корея

Александр Николаевич ФЕДОРОВСКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: a.fedorovsk@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-3892-8432

ЦИТИРОВАНИЕ: Федоровский А.Н. (2020) Вызовы пандемии COVID-19 и приоритеты экономического развития Республики Корея // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 204–218.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-12

Статья поступила в редакцию 19.09.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

АННОТАЦИЯ. *Анализируется южно-корейский опыт противостояния кризисным явлениям, с которыми столкнулось большинство стран на национальном и глобальном уровнях в 2020 г. Остроту проблемам социально-экономического развития Республики Корея придадо то обстоятельство, что распространение пандемии COVID-19 усугубили сложившиеся ранее негативные тренды внутреннего и внешнего характера. Среди них – хронические трудности южнокорейского малого и среднего бизнеса, давление инициированных администрацией Д. Трампа протекционистских мер в американо-южнокорейской и международной торговле в целом, последствия обострения противостояния США и Китая. Оценивают-*

ся ключевые вызовы, связанные с наложением негативных внешних факторов на сложившиеся внутренние дисбалансы. Проводится анализ проводимой государственной политики по противодействию распространения заболевания, вызванному вирусом COVID-19. Исследуются предпосылки устойчивости национальной экономики и принятых антикризисных мер, позволивших противостоять внутренним и внешним вызовам в условиях пандемии, оцениваются перспективы корректировки сложившегося в Республике Корея в последние годы курса развития. Подчеркивается роль созданного комплекса инновационных отраслей, современной системы медицинского обеспечения. Отмечается значение фактора

доверия общества к проводимым правительством профилактическим санитарным мерам. Показаны как значение международных цепочек добавленной стоимости как возможного источника риска нестабильности в условиях пандемии, так и потенциал связанных с медициной отраслей для поддержания динамики внешнеэкономических связей. Отмечается значение для Республики Корея координации антикризисных мер с Китаем в формировании условий, ограничивающих распространение COVID-19 при сохранении стабильной работы основных отраслей промышленности. Оцениваются перспективы участия Сеула в региональных проектах, в качестве примера приводится активизация экспорта в страны – члены АСЕАН медицинского оборудования и технологий, направленных на борьбу с пандемией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Республика Корея, Китай, США, АСЕАН, пандемия COVID-19, экономическое развитие

Ведущие мировые экономики в 2020 г. оказалась в состоянии кризиса: по оценкам ИМЭМО РАН, по результатам года снижение американского ВВП может составить 3%. В ЕС (зона евро) реальное падение ВВП угрожает достичь 6%. На этом фоне относительно позитивно выглядит экономическая ситуация в Восточной Азии, где в ряде государств падение оказалось ограниченным по масштабам и продолжительности и в конечном итоге удалось поддержать положительную динамику. Например, в Китае, хотя в ряде секторов экономики происходят негативные процессы, годовой прирост ВВП может достичь 3–4% [Мачавариан 2020].

Республика Корея относится к числу государств, в которых в 2020 г. отмечался экономический спад, однако в гораздо меньших размерах, чем в США и

странах – членах ЕС. По мировым меркам южнокорейская экономика оказалась в относительно лучшем положении: если падение мирового ВВП по итогам года окажется в пределах 3,5–4%, то сокращение ВВП в Республике Корея в 2020 г. может составить порядка 2%, а по некоторым оптимистичным оценкам спад не превысит 1% [O’Neil 2020]. Хотя снижение ВВП налицо, тем не менее остаются вопросы относительно того, насколько данный кризис локален и непродолжителен по своему содержанию, насколько кардинальными должны стать меры по пересмотру прежних решений, призванных обеспечить поступательное развитие.

Ответы на эти вопросы весьма актуальны не только для самой Республики Корея, но, учитывая статус данного государства как четвертой экономики Азии, в значительной мере злободневны для южнокорейских внешнеэкономических партнеров, связанных с этой страной интеграционными соглашениями или рассматривающих возможность подписания с Сеулом Соглашения о свободной торговле /ССТ (среди которых и Россия).

В связи с этим заслуживает внимания анализ факторов, повлиявших на сохранение устойчивости южнокорейской экономики к вызовам, проявившимся на национальном уровне, а также оценка функционирования системы внешнеэкономических связей Республики Корея, сложившихся за последнее десятилетие.

Вызовы экономическому развитию

Причиной кризисных тенденций, проявившихся в экономике Республики Корея в контексте глобального спада в первом полугодии 2020 г., стало влияние совокупности факторов, среди ко-

торых особое значение имела пандемия COVID-19, повлекшая за собой временное закрытие предприятий многих крупных компаний и серьезное ухудшение положения малого и среднего бизнеса (МСБ), рост безработицы, стагнацию потребительского спроса, разрыв цепочек добавленной стоимости. При этом произошло наложение сложившихся внутренних дисбалансов на негативные факторы, привнесенные извне. Учитывая, что южнокорейская индустрия и сфера услуг глубоко интегрированы в мирохозяйственные связи, ослабление внешнего спроса и срывы сроков поставок и выполнения договорных обязательств не могли не сказаться отрицательно на ритмичности и темпах производственных процессов, на устойчивости кооперационных отношений, как внутренних, так и трансграничных.

Положение южнокорейского МСБ уже давно вызывает озабоченность в правительственных и экспертных кругах. Производительность сферы услуг составляет только 60% от средних показателей в экономике и 50% от показателей промышленности [Startups Offer a Different Future 2020]. Кроме того, в условиях пандемии ухудшились условия ведения бизнеса: объем пассажирских авиаперевозок сократился вдвое, приток туристов упал на 70%, доходы розничной торговли и ресторанов уменьшились почти вдвое, сократился или стагнировал потребительский спрос.

Вынужденные карантинные меры, принятые во многих странах, привели к замедлению, а в ряде случаев – к остановке деловой активности. Учитывая значение состояния внешней торговли для южнокорейского бизнеса, ухудшение коммерческой конъюнктуры в Китае, США и ЕС неизбежно отразилось на динамике роста в Республике Корея.

Среди других причин – обострение глобальных торговых противостояний

(в первую очередь между США и Китаем), которые либо непосредственно, либо опосредованно влияли на деловые процессы в Республике Корея.

Несмотря на существующие между США и Республикой Корея союзнические отношения, стратегия Вашингтона America First в полной мере распространилась и на Сеул. Торгово-экономические связи Республики Корея с США испытывали на себе постоянное давление протекционистских мер, инициированных администрацией Д. Трампа. С января 2018 г. были введены тарифные квоты в отношении солнечных панелей и бытовых стиральных машин, позднее были повышены также тарифы на южнокорейские автомобили [Дмитриев 2020]. В результате давления со стороны США южнокорейское руководство в 2018 г. пошло на корректировку двустороннего Соглашения о свободной торговле (от 2012 г.), закрепляя в нем уступки в пользу расширения импорта в Республику Корея продукции американских производителей. Таким образом, южнокорейские компании вступили в 2020 г. в условиях ухудшившихся внешнеэкономических условий.

Ощутимыми для южнокорейского бизнеса являются конъюнктурные колебания в КНР. Негативные последствия оказывает то обстоятельство, что Китай, игравший долгое время роль одного из ключевых локомотивов мировой и региональной экономики, был застигнут коронавирусом на этапе разворачивавшихся в стране структурных преобразований, связанных с переходом от трудоинтенсивного типа развития к росту, основанному на расширении высокотехнологичных производств. Причем южнокорейский бизнес был активно вовлечен в эти преобразования.

Хотя уже в конце первой половины 2020 г. наметилось восстановление китайской экономики, отмечавшаяся

ся нестабильность производственного процесса в КНР нарушила ритмичность функционирования южнокорейских компаний, что сказалось на финансовых результатах их деятельности, особенно на принадлежащих Samsung и LG предприятиях по выпуску IT. Дефицит необходимых комплектующих, вызванный полным или частичным закрытием китайских предприятий, привел в феврале 2020 г. к сокращению производства автомобилей на заводах Hyundai на 120 тыс. машин. Отражением перечисленных негативных тенденций стало снижение в первой половине 2020 г. биржевых показателей, курс воны к доллару упал до уровня кризисного 2009 г.

В период кризиса ухудшается положение уязвимых социальных групп, особенно пенсионеров. Учитывая, что Республика Корея входит в число наиболее быстро стареющих наций при том, что 44% лиц старше 65 лет живут на пенсию, размер которой вдвое меньше медиального дохода (в Японии таковых меньше 20%), южнокорейскому правительству приходится изыскивать возможности предотвратить в условиях пандемии рост социального напряжения в обществе [Startups Offer a Different Future 2020].

Между тем пандемия ухудшила положение также и работающих южнокорейцев, привыкших к достаточно стабильному уровню занятости, поскольку кризисные явления привели в ряде секторов экономики к ощутимому сокращению рабочих мест. В первую очередь негативное воздействие кризиса почувствовали на себе предприятия МСБ. В туристической отрасли в 2020 г. работу потеряли около 60 тыс. человек, в торговле – 57 тыс. человек, в гостиничном и ресторанном бизнесе – 133 тыс. человек.

Возникшие сложности в функционировании промышленности и сфе-

ры услуг отразились на состоянии внешнеэкономических связей. Тем не менее, хотя квартальные падения экспорта достигали 17%, в целом за девять месяцев сокращение экспорта составило 4%. При сохранении позитивного тренда к концу года ожидается преодоление спада во внешней торговле.

Возможности экономики противостоять последствиям пандемии COVID-19

С распространением COVID-19 Республика Корея столкнулась одной из первых вслед за Китаем в феврале 2020 г. Однако уже в апреле число заражений снизилось. Справедливо отмечая, что руководство страны отказалось от введения масштабных карантинных мер, ряд экспертов при этом фокусирует внимание на жестком отслеживании властями контактов заболевших коронавирусом, наряду с широким применением тестирования и оперативным оказанием медицинской помощи (метод трех *T* – *trace*/отслеживание, *test*/тестирование, *treat*/лечение), подчеркивая при этом положительную роль административных мер руководства страны [Кореянова 2020]. Действительно, в условиях борьбы с пандемией административные возможности (опирающиеся на высокий уровень самоорганизации и дисциплинированность южнокорейцев) имеют большое значение.

Однако предпринятые меры, сыграв первоначально положительную роль, не могли дать гарантии победы над коронавирусом. В августе 2020 г. вновь имел место рост числа заболевших. Несмотря на поставленную правительством цель проследить в 95% случаев историю заболеваний, в августе – начале сентября 2020 г. не удалось установить истоки и цепочки распростра-

нения COVID-19 в 20–25% случаях. Из проведенных к середине сентября более 2 млн тестов (4% всего населения) коронавирус был выявлен у 1% тестируемых [Kim 2020].

Административные ограничения подразумевают запрет на проведение мероприятий с численностью свыше 50 участников, обязательное ношение масок в транспорте и закрытых помещениях, а также соблюдение социальной дистанции. Главным же был и остается тот факт, что правительство смогло опереться на готовность подавляющей части населения следовать поступающим от руководства страны предписаниям.

Сами административные методы носят преимущественно не характер карательных мероприятий, а апелляцию к способности южнокорейцев осознанно действовать в соответствии с правительственными рекомендациями. Создание всеохватывающей сети доступных центров тестирования на базе 500 больниц, гласное информирование об очагах распространения COVID-19 при отказе от жесткой регламентации передвижения по стране побуждают большинство населения доверять рекомендациям властей относительно ношения масок и соблюдения социальной дистанции.

Однако одними административными мерами едва ли можно объяснить способность противостоять пандемии. В своих действиях южнокорейское руководство смогло опереться на созданный в стране научно-технический потенциал. За последние двадцать пять лет подъем высокотехнологичных отраслей стал доминантой экономического роста. В последние пять лет на НИОКР направляется свыше 4% ВВП, что является одним из самых высоких показателей в мире. По данным Организации экономического сотрудничества (ОЭСР), Республика Корея уже в

начале XXI в. вошла в число лидеров этой организации по степени развитости научно-технического потенциала. Число ученых в Республике Корея в 1995–2011 гг. увеличилось в 2 раза [Федоровский 2016]. Предпринятые государством и частными корпорациями усилия позволили кардинально модернизировать национальную систему медицинского обеспечения, превратив ее в конкурентоспособную по международным меркам отрасль.

Опираясь на национальную медицину как на фактор, снижающий риски непредсказуемого развития событий, правительство могло позволить себе не останавливать деятельность большинства коммерческих предприятий и учреждений, избежать закрытия границ.

Одновременно руководство страны приняло решение о поддержке бизнеса, в первую очередь МСБ. 4 марта 2020 г. предпринимателям малого бизнеса правительством была предоставлена финансовая помощь в объеме 2,1 млрд долл. Предпринятые меры включали доступ к средствам созданного Специального Фонда, страхование займов, обеспечение санитарной обработки объектов, закрытых из-за выявленных у клиентов частных компаний заболеваний, ряд других мер. Быстро оценив недостаточность объема предлагаемой помощи, уже 19 марта правительство решило увеличить объем помощи коммерческим структурам на 39 млрд долл. Третий пакет мер, увеличивший поддержку бизнеса еще на 29 млрд долл., был принят 29 мая 2020 г. Заседания правительства с обсуждением ситуации с пандемией проводятся практически в еженедельном режиме [Prime Minister Secretariat 2020].

Между тем широта отраслевого охвата кризиса 2020 г., с которым столкнулась Республика Корея, как и большинство стран мира, и вопросы, свя-

занные с поиском путей преодоления его последствий, ставят перед политиками и экспертами задачу принятия решений не столько текущего, конъюнктурного, сколько фундаментального характера.

К числу первых такого рода вопросов относится необходимость определить, на каком уровне, национальном или международном, предпочтительнее искать необходимый ответ. В частности, по мнению известного критика глобализации американского экономиста Дж. Стиглица, «вызванный коронавирусом кризис явил собой жесткое напоминание, что основной политической и экономической категорией остается национальное государство». По его мнению, цепочки добавленной стоимости показали свою эффективность в стоимостной оптимизации производства, однако кризис продемонстрировал уязвимость такого рода системы организации бизнеса перед природной, деловой или политической дестабилизацией [Stiglitz, Shiller, Gopinat et al. 2020].

В свою очередь, лауреат Нобелевской премии в области экономики Р. Шиллер (США) полагает, что атмосфера фактически развернувшейся войны с наступающей на людей пандемией COVID-19 сплачивает человечество, поскольку страны с разным уровнем развития вынуждены противостоять общей угрозе. Отсюда его предположение, что необходимость общих усилий разных стран делает актуальным «создание новых международных институтов», т. е., не отказываясь от сотрудничества на глобальном уровне, искать оптимальные механизмы и институты международного взаимодействия [Stiglitz, Shiller, Gopinat et al. 2020].

Главный экономист Международного валютного фонда Г. Гопинат признает, что нынешняя система трансграничных производственных цепочек столк-

нулась с серьезными сбоями в своей работе и нуждается в системной корректировке и выработке защитных механизмов. Поэтому в складывающихся условиях весьма возможно повышение доли не столько глобальных, сколько региональных и локальных производственных цепочек. При этом необходимо осознавать пределы сужения интернационализации производства. Г. Гопинат видит серьезную угрозу в использовании «политиками страхов перед открытыми границами», «введение протекционистских ограничений» [Stiglitz, Shiller, Gopinat et al. 2020].

В Республике Корея полагают, что вызовы, с которыми столкнулась экономика и социальная система страны, носят многогранный характер, отличаясь между собой источником происхождения (национальный или международный), остротой, отраслевым охватом, временным горизонтом возможного преодоления возникших трудностей. Кроме того, ситуация во многом усугубляется большей, чем обычно, непредсказуемостью возникновения кризисных угроз разной степени глубины (надо ли ожидать и в какой мере приход второй волны пандемии, выльется ли это в кризис и какого характера, в каких международных условиях придется ему противостоять?).

В то же время следует подчеркнуть, что администрация президента Мун Чжэ Ина, прагматично подходу к проблеме адаптации экономической политики к новым условиям, предпочитает принимать взвешенные, осторожные решения. В Сеуле не считают необходимым полностью пересматривать не только выдвинутые ранее концепции развития, но и (хотя это публично не подчеркивается) отказываться от идей, возникновение которых связано с периодом правления президента Пак Кын Хе, потерявшей свой пост в результате импичмента, а затем приговоренной к

тюремному заключению, хотя при необходимости готовы вносить нужные коррективы.

В основе такой позиции лежит осознание, что в условиях пандемии проявились застарелые проблемы, порожденные собственно спецификой южнокорейской экономики, хотя и усугубленные привнесенными извне факторами, в т. ч. связанными с пандемией.

Таким консенсусным для южнокорейских деловых, научных и политических элит приоритетом остается сложившаяся с начала XXI в. комплексная поддержка развития высокотехнологичных отраслей.

Одним из направлений, сформулированных ранее и получивших развитие в нынешних условиях, стал курс на развитие стартапов. Инициатива построения «креативной экономики», одним из локомотивов которой должны стать именно стартапы, была выдвинута Пак Кын Хе в 2013 г. Администрация Мун Чжэ Ина развила эту идею, стремясь вовлечь в процесс создания стартапов малый и средний бизнес, с этой целью облегчая для него доступ к заемным средствам, проценты по которым являются одними из самых низких в ОЭСР. С этой целью на поддержку венчурного капитала в 2019–2022 гг. направляется 12 трлн вон, или почти 10 млрд долл. [Startups Offer a Different Future 2020]. Кроме того, правительство побуждает крупный бизнес, включая Samsung и Hyundai, включиться в создание собственной системы стартапов.

Другим важным фактором, обеспечившим устойчивость южнокорейской экономики в период пандемии, стал накопленный потенциал социальной политики. Позитивную роль сыграл Закон о содействии социальному предпринимательству, принятый в 2007 г. В соответствии с данным актом к категории социального предпринимательства относятся компании, предостав-

ляющие услуги социального характера проблемным группам населения и способствующие повышению качества их жизни. К марту 2020 г. в стране насчитывалось 2 435 такого рода предприятий и более 1 400 находилось на стадии регистрации. Вместе с тем в деятельности этих организаций, подавляющее большинство которых зависит от получения правительственных грантов, отмечается немало недостатков, характерных для бюджетных организаций: неудовлетворительная гибкость в принятии решений, зависимость (хотя и опосредованная) от бюрократических структур и т. д.

В целом меры южнокорейского правительства, направленные на поддержку деловой активности в объеме 14% ВВП, были целенаправленно сконцентрированы на развитие таких privilegiрованных направлений, как «Новый цифровой курс» (Digital New Deal). На конференции министров экономики G20 в июле 2020 г. Республика Корея представила свой план укрепления исследовательской и промышленной инфраструктуры с целью развития цифровой экономики. С этой целью в период до 2025 г. будет направлено 25 млрд долл. [S.Korea Highlights Digital New Deal 2020].

В этих условиях позитивную динамику показывают компании соответствующего профиля. Две южнокорейские компании, SK Bioscience и Genexine, проводят испытания разрабатываемых ими антивирусных вакцин; после трудного начального этапа пандемии положительные результаты показывают производители электронных чипов Samsung и SK Hynix, их прибыльность к осени 2020 г. вышла на рекордно высокие уровни. Другим примером являются достижения в деятельности компании LG Chem, производящей батареи для электроавтомобилей, поскольку спрос на последние сохранился

и в условиях пандемии. Заметный рост в условиях пандемии медицинской отрасли и IT-индустрии позволил в первой половине 2020 г. увеличить экспорт медицинских услуг на 27%, экспорт средств тестирования и диагностики превысил 0,5 млрд долл., поставки за рубеж антибиотиков увеличились на 62%, санитайзеров – в 7 раз – до 216 млн долл. [Strangarone 2020].

Борьба с пандемией, выявив, с одной стороны, потенциал креативных решений, с другой стороны, узкие места в экономической и социальной сферах, позволяет уточнить приоритеты действий и внесения корректив в проводимый Республикой Корея социально-экономический курс. Все это помогло сохранить доверие национальных и иностранных инвесторов. Хотя в первом полугодии 2020 г. иностранные инвестиции в южнокорейскую экономику сократились на 22% (до 8 млрд долл.), тем не менее Республика Корея в рейтингах инвестиционных предпочтений продолжала занимать 9-е место в мире [Kim Youn-won 2020].

Внешекономические приоритеты Республики Корея

Некоторые из внешних угроз, с которыми сталкивается Республика Корея в условиях пандемии, имели место еще до возникновения COVID-19, обозначая риски развития южнокорейской экономики. Периодические проявления протекционизма со стороны США при администрации Д. Трампа, непредсказуемость отношений с КНДР, проблемы совершенствования договорно-правовой базы с такими ключевыми партнерами, как Китай и Япония, недостаточная диверсификация внешнеэкономических связей негативно отразились на динамике экономического развития. Кроме того, разнонаправленные

тренды в формировании интеграционной институциональной среды в Азиатско-тихоокеанском регионе (стагнация АТЭС, трудности формирующихся ТПП и ВРЭП) затрудняли результативность внешнеэкономической дипломатии Республики Корея.

С учетом внешней ориентации южнокорейского бизнеса неустойчивость развития торгово-экономических связей в 2020 г. отрицательно сказалась на состоянии экономики в целом. Особо значимой для Республики Корея стала потребность, сохранив торгово-экономические отношения с США и Китаем, найти новые возможности для продвижения на внешние рынки продукции своих высокотехнологичных отраслей.

Отношения с США, и без того напряженные при администрации Д. Трампа, становятся в период пандемии серьезным испытанием для внешнеэкономической стратегии Республики Корея в условиях возникших американских планов формирования Сети экономического процветания (Economic Prosperity Network), подразумевающих создание цепочек добавленной стоимости, действующих в обход Китая [Snyder 2020]. Подобная инициатива едва ли может отвечать политическим интересам Сеула, рассчитывающего на многогранное сотрудничество с Пекином, прежде всего в обеспечении поддержки позитивного развития межкорейских отношений. В свою очередь, южнокорейский бизнес, глубоко вовлеченный в экономические процессы в Китае, также не заинтересован в свертывании двустороннего взаимодействия с КНР без обоснованных причин. Достаточно сказать, что, по данным Корейской ассоциации внешней торговли, на Китай приходится 41,1% (или 22,5 млрд долл.) всего экспорта произведенных в Республике Корея полупроводников. К этим цифрам следует добавить 20,8% полупроводников в размере 11,4 млрд долл., направ-

ляемых в Гонконг, значительная часть которых также поступает на китайский рынок. При этом на долю США приходится лишь 7,7% поставок за рубеж южнокорейских полупроводников на сумму в 4,2 млрд долл. [China Biggest Semiconductor Market for Korea 2020].

В то же время Республика Корея заинтересована в сохранении и всемерном наращивании торгово-экономических обменов с США. В период пандемии, когда большинство стран вводили ограничения на поставки своей медицинской техники за рубеж, южнокорейские экспортеры демонстрировали готовность удовлетворить зарубежный спрос на медицинскую продукцию, в т. ч. на американском рынке [Goto 2020]. Важно при этом отметить, что востребованность южнокорейских медицинских изделий в США дополнялась демонстрацией гуманитарных возможностей Республики Корея, что на практике служило подтверждением потенциала ее «мягкой силы».

Южнокорейские компании активно использовали созданные в Китае предприятия для расширения своего экспорта на американский рынок. Кроме того, поступающие из КНР комплектующие детали и узлы способствовали повышению конкурентоспособности в США товаров, изготовленных на территории Южной Кореи. В период пандемии, совпавшей с обострением американо-китайского противостояния, Республика Корея столкнулась с тремя типами ограничений: сбоем в поставках китайских поставщиков, давлением Вашингтона, призывавшего Сеул следовать американской политике противостояния с Пекином, наконец, стремлением правящей в США администрации политическими методами изменить баланс в экономических отношениях с Южной Кореей в свою пользу.

Коронавирус стал фактором, повлиявшим на активизацию отношений Ки-

тая и Республики Корея, что резко контрастирует с отношениями, сложившимися между Вашингтоном и Пекином. В условиях борьбы с распространением COVID-19 лидер КНР Си Цзиньпин и южнокорейский президент Мун Чжэ Ин договорились активизировать механизмы взаимодействия в таких областях, как здравоохранение, наука и образование, таможенное регулирование, иммиграция и гражданское авиасообщение. В той и другой стране находятся критики принижаемых Пекином и Сеулом совместных мер (в Южной Корее выражается недовольство недостаточными, на взгляд политической оппозиции, мерами по предотвращению проникновения китайцев, инфицированных COVID-19, в то время как в Китае высказываются опасения относительно возможного появления и передвижения по стране южнокорейских религиозных активистов). Тем не менее эксперты и масс-медиа двух стран характеризуют разворачивающееся сотрудничество как выходящий за рамки двусторонних отношений пример «взаимопомощи» и «углубления взаимопонимания», как «модель для других государств» [Snyder, See-won Byun 2020].

При этом Республику Корея и Китай сближает проявленная в условиях пандемии общность в стремлении к дальнейшему развитию экономических связей со странами – членами АСЕАН. В I квартале 2020 г. как для Китая, так и для Республики Корея АСЕАН стала крупнейшим внешнеторговым партнером. Конечно, данный факт был обусловлен проявлением конъюнктурных колебаний, однако отмеченное обстоятельство выявило растущие возможности делового взаимодействия с государствами Юго-Восточной Азии. В этом смысле символичной стала видеоконференция с участием, с одной стороны, лидеров Китая, Республики Корея и Японии, с другой стороны, руко-

водителей стран – членов АСЕАН, состоявшаяся 14 апреля 2020 г. [Snyder, See-won Byun 2020].

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что среди шести стран и территорий Восточной Азии (Китай, Гонконг, Сингапур, Южная Корея, Тайвань и Малайзия) доля взаимных поставок в экспорте электронных компонентов к 2013 г. достигла 78%. По мнению Н.Н. Цветковой, «можно утверждать, что в Восточной и Юго-Восточной Азии сложилось внутрорегиональное разделение труда, не ограничивающееся рамками региональных интеграционных группировок на межгосударственном уровне» [Цветкова 2019].

В этих условиях Республика Корея стремится использовать любые пути расширения внешнеэкономических обменов, полагаясь как на формализованные интеграционные соглашения, так и любые другие возможности диверсифицировать свои внешнеторговые связи. Добиваясь улучшения условий развития торговых, инвестиционных и научно-технических отношений со своими партнерами путем совершенствования уже существующих и заключаемых новых ССТ, Республика Корея особое внимание уделяет странам – членам АСЕАН. В частности, в 2020 г. активизировались переговоры о ССТ с Камбоджей, Малайзией и Филиппинами. При этом актуальной темой переговоров в условиях пандемии стал вопрос о возможности южнокорейской медицинской индустрии (фармацевтики, медицинского оборудования, биотехнологии) закрепиться на рынках стран Юго-Восточной Азии, заинтересованных в такого рода сотрудничестве. В итоге, опираясь на созданный в предшествующие годы потенциал, Республика Корея смогла в первом полугодии кризисного 2020 г. нарастить экспорт медицинской продукции больше чем на 50% [The Korea Herald 2020].

Кризисные тенденции, отмечавшиеся в Республике Корея в 2020 г., не могли не отразиться на содержании внутренних социально-экономических процессов. Нестабильность внешнеэкономических связей, вызванная в условиях пандемии COVID-19 кризисными явлениями глобального характера, спровоцировала ухудшение экономической ситуации в ряде отраслей промышленности и сферы услуг, усугубила проблемы МСБ. Следствием этого стало сокращение ВВП и увеличение безработицы. Вместе с тем последовательность внутренней стратегии развития, нацеленной на трансформацию национального хозяйственного комплекса в пользу высокотехнологичных отраслей, позволила смягчить воздействие негативных трендов и достаточно быстро, опираясь на инновационные производства, перезапустить восстановительный рост.

При этом свою креативную роль сыграла гибкость внешнеэкономического курса, позволившего быстро отвечать на расширение спроса на южнокорейские медицинские технологии, сопутствующее оборудование и товары, что, помимо прочего, содействовало росту влияния южнокорейской «мягкой силы».

Социально-экономические проблемы, обозначившиеся в 2020 г., побуждают южнокорейское руководство и бизнес вносить коррективы в свою деятельность. Прежде всего это касается поддержки и укрепления потенциала МСБ, совершенствования социальной политики. Вместе с тем проявленная страной способность противостоять вызовам, связанным с распространением пандемии, дает основания Республике Корея продолжать следовать своим приоритетам при построении экономики, опирающейся на потенциал цифровых технологий.

Можно предполагать, что во внешнеэкономической сфере Республика Корея будет поддерживать процессы формирования институциональной среды, способной снижать риски непредсказуемых действий торгово-экономических партнеров и обеспечивать адекватные действия по стабилизации ситуации в кризисные периоды.

Такие позитивные действия на внутреннем рынке и стабилизирующая роль Сеула на международной арене позволяют Республике Корея сохранять свои позиции в качестве успешной модели развития для целого ряда стран, в первую очередь азиатских.

Список литературы

- Дмитриев С.С. (2020) Протекционистский вектор торговой политики администрации Трампа // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 2. С. 15–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-15-23
- Корепанова С. (2020) Как в Южной Корее вместо карантина ввели тотальную слежку // Ведомости. 21 мая 2020 // <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/05/20/830693-yuzhnoi-koree-totalnuyu-slezhku>, дата обращения 15.10.2020.
- Мачавариани Г.И. (2020) Мировая экономика в условиях пандемии // ИМЭМО. 28 сентября 2020 // <https://www.imemo.ru/news/events/text/mirovaya-ekonomika-v-usloviyah-pandemii>, дата обращения 15.10.2020.
- Федоровский А.Н. (2016) Индикаторы востребованности науки в контексте приоритетов инновационной политики в странах Восточной Азии // Кобринская И.Я., Тищенко В.И. (ред.) Выявление приоритетных научных направлений: междисциплинарный подход. М.: ИМЭМО РАН. С. 44–53.
- Цветкова Н.Н. (2019) Производство цифрового оборудования // Акимов А.В., Панарин С.А., Дерюгина И.В., Цветкова Н.Н. (ред.) Новая система производительных сил и страны Востока. М.: ИВ РАН. С. 32–53.
- China Biggest Semiconductor Market for Korea (2020) // The Korea Herald, September 16, 2020 // <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200915000781&np=1>, дата обращения 15.10.2020.
- Goto Shihoko (2020) After COVID-19: Asian Countries and Investing in the US // The Globalist, April 27, 2020 // <https://www.theglobalist.com/covid19-united-states-medical-supplies-fdi-south-korea-china-soft-power-future-of-globalization/>, дата обращения 15.10.2020.
- Kim A. (2020) Korea to Ease Physical Distance for Two Weeks Before // The Korea Herald, September 13, 2020 // <http://www.koreaherald.com/common/newsprint.php?ud=2020913000137>, дата обращения 15.10.2020.
- Kim C. (2013) Korean Unification May Cost South 7 Percent of GDP: Ministry // Reuters, January 1, 2013 // <https://www.reuters.com/article/us-korea-north-unification-idUSBRE90004-F20130101>, дата обращения 15.10.2020.
- Kim Young-won S. (2020) Korea Ranks 9th in Investment Attractiveness // The Korea Herald, September 13, 2020 // <http://www.koreaherald.com/common/newsprint.php?ud=202091300137>, дата обращения 15.10.2020.
- O'Neil J. (2020) South Korea's Economy Is Doing Better than Any Other OECD Country // World Economic Forum, August 24, 2020 // <https://www.weforum.org/agenda/2020/08/south-korea-covid19-government-pandemic-response>, дата обращения 15.10.2020.
- Prime Minister Secretariat (2020) // www.opm.go.kr/en/index.do, дата обращения 15.10.2020.

S.Korea Highlights Digital New Deal for post-COVID-19 Period at G-20 Meeting (2020) // Yonhap News Agency // <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200723005000320>, дата обращения 15.10.2020.

Snyder S. (2020) The Pandemic and Korean Foreign Policy in the Event of Dissolution of the US-ROK Alliance // Council on Foreign Relations, June 5, 2020 // <https://www.cfr.org/blog/pandemic-and-korean-foreign-policy-event-dissolution-us-rok-alliance>, дата обращения 15.10.2020.

Snyder S., See-won Byun (2020) China-Korea Relations: China-Korea Relations under Quarantine // Comparative Connections, vol. 22, no 1, pp. 97–108 // <http://cc.pacforum.org/2020/05/china-korea-relations-under-quarantine>, дата обращения 15.10.2020.

Stangarone T. (2020) COVID-19 Pushes South Korea into Recession // The Diplomat, August 3, 2020 // [https://thediplomat.com/2020/08/covid-19-pushes-](https://thediplomat.com/2020/08/covid-19-pushes-south-korea-into-recession/)

[south-korea-into-recession/](https://thediplomat.com/2020/08/covid-19-pushes-south-korea-into-recession/), дата обращения 15.10.2020.

Startups Offer a Different Future for South Korea's Economy (2020) // The Economist, April 8, 2020 // <https://www.economist.com/special-report/2020/04/08/startups-offer-a-different-future-for-south-koreas-economy>, дата обращения 15.10.2020.

Stiglitz J.E., Shiller R., Gopinat G., Reinhart C., Posen A., Prasad E., Tooze A., D'Andrea Tyson L., Mahbubani K. (2020) How the Economy Will Look after the Coronavirus Pandemic // FP, April 15, 2020 // <https://foreignpolicy.com/2020/04/15/how-the-economy-will-look-after-the-coronavirus-pandemic/#>, дата обращения 15.10.2020.

Yonhap (2020) S. Korea to Expand FTA Network to Overcome Virus Pandemic // The Korea Herald, July 21, 2020 // <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200721000351>, дата обращения 15.10.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-12

Challenge of COVID-19 and Priorities of Economic Development of the Republic of Korea

Alexander N. FEDOROVSKY

DSc in Economics, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: a.fedorovsk@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-3892-8432

CITATION: Fedorovsky A.N. (2020) Challenge of COVID-19 and Priorities of Economic Development of the Republic of Korea. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 204–218 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-12

Received: 19.09.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ABSTRACT. *The article analyzes the South Korean experience of dealing with the crisis phenomena that most countries faced at the national and global levels in 2020. The fact that the spread of the COVID-19 pandemic has exacerbated the previously negative internal and external trends has made the problems of socio-economic development of the Republic of Korea more acute. Among them – the chronic difficulties of South Korean small and medium-sized businesses, the pressure by the president Trump’s protectionist measures in the US-South Korean and international trade in general, the consequences of the aggravation of the US-China standoff. The key challenges associated with the imposition of negative external factors on existing internal imbalances are evaluated. The analysis of the state policy*

to counteract the spread of the COVID-19 virus is carried out. The article examines the prerequisites for the stability of the national economy and the anti-crisis measures taken to resist internal and external challenges in the context of the pandemic, and assesses the prospects for correcting the development course that has developed in the Republic of Korea in recent years. The role of the created complex of innovative industries and modern medical support system is emphasized. The importance of public confidence in the government’s preventive health measures is noted. It shows, on the one hand, the importance of international value chains as a possible source of instability risk in the context of a pandemic, and, on the other hand, the potential of medical-related industries to maintain the dynamics of foreign economic

relations. The importance of coordinating anti-crisis measures with China for the Republic of Korea in creating conditions that limit the spread of COVID-19 while maintaining the stable operation of major industries is noted. The prospects for Seoul's participation in regional projects are evaluated, as an example, the activation of exports to ASEAN member countries of medical equipment and technologies aimed at combating the pandemic is given.

KEY WORDS: *the Republic of Korea, China, USA, ASEAN, COVID-19, anti-crisis measures, regional integration*

References

- China Biggest Semiconductor Market for Korea (2020). *The Korea Herald*, September 16, 2020. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200915000781&nnp=1&mp=1>, accessed 15.10.2020.
- Dmitriev S. (2020) The Trump Administration's Protectionist Trade Policy Vector. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 2, pp. 15–23 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-15-23
- Fedorovsky A. (2016) Indicators of the Relevance of Science in the Context of Innovation Policy Priorities in East Asian Countries. *Identifying Priority Research Areas: An Interdisciplinary Approach* (eds. Kobrinskaya I., Tishchenko V.), Moscow: IMEMO RAS, pp. 44–53 (in Russian).
- Goto Shihoko (2020) After COVID-19: Asian Countries and Investing in the US. *The Globalist*, April 27, 2020. Available at: <https://www.theglobalist.com/covid19-united-states-medical-supplies-fdi-south-korea-china-soft-power-future-of-globalization/>, accessed 15.10.2020.
- Kim A. (2020) Korea to Ease Physical Distance for Two Weeks Before. *The Korea Herald*, September 13, 2020. Available at: <http://www.koreaherald.com/common/newsprint.php?ud=2020913000137>, accessed 15.10.2020.
- Kim C. (2013) Korean Unification May Cost South 7 Percent of GDP: Ministry. *Reuters*, January 1, 2013. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-korea-north-unification-idUSBRE90004-F20130101>, accessed 15.10.2020.
- Kim Young-won S. (2020) Korea Ranks 9th in Investment Attractiveness. *The Korea Herald*, September 13, 2020. Available at: <http://www.koreaherald.com/common/newsprint.php?ud=202091300137>, accessed 15.10.2020.
- Korepanova S. (2020) How South Korea Introduced Total Surveillance Instead of Quarantine. *Vedomosti*, May 21, 2020. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/05/20/830693-yu-zhnoi-koree-totalnuyu-slezhku>, accessed 15.10.2020 (in Russian).
- Machavariani G.I. (2020) Global Economy in The Face of the Pandemic. *IMEMO*, September 28, 2020. Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/mirovaya-ekonomika-v-usloviyah-pandemi>, accessed 15.10.2020 (in Russian).
- O'Neil J. (2020) South Korea's Economy Is Doing Better than Any Other OECD Country. *World Economic Forum*, August 24, 2020. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2020/08/south-korea-covid19-government-pandemic-response>, accessed 15.10.2020.
- Prime Minister Secretariat (2020). Available at: www.opm.go.kr/en/index.do, accessed 15.10.2020.
- S.Korea Highlights Digital New Deal for post-COVID-19 Period at G-20 Meeting (2020). *Yonhap News Agency*. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN2020072-3005000320>, accessed 15.10.2020.
- Snyder S. (2020) The Pandemic and Korean Foreign Policy in the Event of Dissolution of the US-ROK Alliance. *Council on Foreign Relations*, June 5, 2020. Available at: <https://www.cfr.org/blog/pandemic-and-korean-foreign-policy->

event-dissolution-us-rok-alliance, accessed 15.10.2020.

Snyder S., See-won Byun (2020) China-Korea Relations: China-Korea Relations under Quarantine. *Comparative Connections*, vol. 22, no 1, pp. 97–108. Available at: <http://cc.pacforum.org/2020/05/china-korea-relations-under-quarantine>, accessed 15.10.2020.

Stangarone T. (2020) COVID-19 Pushes South Korea into Recession. *The Diplomat*, August 3, 2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/08/covid-19-pushes-south-korea-into-recession/>, accessed 15.10.2020.

Startups Offer a Different Future for South Korea's Economy (2020). *The Economist*, April 8, 2020. Available at: <https://www.economist.com/special-report/2020/04/08/startups-offer-a-different-future-for-south-koreas-economy>, accessed 15.10.2020.

Stiglitz J.E., Shiller R., Gopinat G., Reinhart C., Posen A., Prasad E., Tooze A., D'Andrea Tyson L., Mahbubani K. (2020) How the Economy Will Look after the Coronavirus Pandemic. *FP*, April 15, 2020. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/04/15/how-the-economy-will-look-after-the-coronavirus-pandemic/#>, accessed 15.10.2020.

Tsvetkova N. (2019) Production of Digital Equipment. *New System of Productive Forces and the Countries of the East. Collective Monograph* (eds. Akimov A., Panarin S., Deryugina N., Tsvetkova N.), Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, pp. 32–53 (in Russian).

Yonhap (2020) S. Korea to Expand FTA Network to Overcome Virus Pandemic. *The Korea Herald*, July 21, 2020. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200721000351>, accessed 15.10.2020.

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-13

Human Rights in a Pandemic

Alexander ZHEBIT

DSc in History, Associate Professor, Faculty of International Relations

Federal University of Rio de Janeiro, CEP 22.290-140, Centro de Filosofia e Ciências

Humanas, Avenida Pasteur, 250, Anexo, 3º andar, s. 16, Urca, Rio de Janeiro, RJ, Brasil

E-mail: alex@cfch.ufrj.br

ORCID: 0000-0001-9321-2210

CITATION: Zhebit A. (2020) Human Rights in a Pandemic. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 219–252.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-13

Received: 01.09.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: Elitza Bachvarova (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil), Sidnei José Munhoz (State University of Maringá, Paraná, Brazil).

ABSTRACT. *The article is focused on the problem of human rights (HRs), limited or derogated from, due to the Covid-19 pandemic. While addressing some HRs limitations, derogations and even abuses, and their consequent problems, the aim is to try to analyze policy, social, moral and personal dilemmas of HRs restrictions as well as motivations behind the types of public and social behavior, in the course of the pandemic, in response to the public measures of sanitation, social distancing and confinement, travel restrictions and social assistance, recommended by the WHO and selectively followed by governments. Learning from some old experience and deriving new lessons from the pandemic, as well as from public and social actions and reactions, the purpose of the present article is to assess whether or not public health policies in this context, implemented nationally or internationally, can promote change in the HRs paradigm in the face of the existing dilemmas and dichotomies in HRs, aggravated by the pandemic. The conclusion is that the extant HRs paradigm should be rede-*

fined to address better the political, social, economic, environmental and, especially, existential exigencies of “rainy times”, thus leading to the creation of a new universal HRs code or to harmonizing the existing one.

KEY WORDS: *pandemic, human rights, comparative law, comparative politics, HRs dilemmas and dichotomies, solidarity, right to equity*

Introduction

The article has been written in the midst of the pandemic Covid-19, without any definitive results and all known consequences of this world catastrophe. Nevertheless, since the outbreak of the disease, that caught the world unawares, many developments are already known as well as some results of the fight against it provide enough evidence to permit reflection and analysis and to draw some tentative conclusions on the topic of the study.

The present pandemic was preceded by an epidemic of the Ebola virus, also a fatal coronavirus. It appeared in 1976 in two simultaneous outbreaks, one in Nzara, Sudan, and the other in Yambuku, Democratic Republic of Congo, in a village near the Ebola River, a borrowing to the name of the disease. The 2014–2016 outbreak in West Africa was the largest Ebola epidemic. Starting in Guinea and then crossing land borders to Sierra Leone and Liberia, it undermined public health response activities and provoked a pandemic alert by the WHO. Fortunately, the anti-Ebola vaccine, elaborated by laboratories in different countries, the first in Russia, reduced drastically the spread of the disease, helping to successfully control it, thus avoiding to transform the Ebola into a pandemic.

At the end of 2019, a new coronavirus, called SARS-CoV-2 and classified as COVID-19, emerged, rapidly multiplying and causing a growing number of pneumonia cases in the city of Wuhan in China. The contagion spread locally and then globally. There was little information on its natural history or on effective measures for clinical treatment of the disease. What, however, was soon discovered was that the virus possesses high transmissibility, provokes an acute respiratory illness, that varies from lighter cases – about 80% – to extremely grave cases of respiratory insufficiency – from 5 to 10%. Lethality has varied according to different age groups and associated clinical (pre-)conditions in different countries and in different proportions, roughly from 0,2 % to 14,8 of deaths of the infected [Coronavirus Covid-19 2020, p. 3].

Despite the badly learnt lessons of the Sars, Mers, Swine flu, Ebola, Dengue, Zika, Chicungunha or other quite recent epidemics and regardless of the international vigilance of the WHO Emergencies Program, active since 2015, most countries of the world have proven strikingly unprepared for the global viral onslaught on

the world population and health systems. “COVID-19 is threatening the whole of humanity,” Antonio Guterres, UN Secretary General said, at the very start of the pandemic, emphasizing that “Global action and solidarity are crucial. Individual country responses are not going to be enough.” The pandemic intensified and accelerated in many ways the already existing global and national threats and challenges. Thus, global institutions, such as the United Nation and its agencies, as well as World Bank, G20, were all put on standby [Steinbach 2020], although the UN Security Council was completely ineffective in its approach, as if human biological security were not an integral part of its realm of action; at first, it delayed discussion on the matter and then convened an unproductive meeting that did not yield any results [Bhatia 2020].

India, Russia and Australia asserted themselves and coaxed G20 chair, Saudi Arabia, to convene the G20 virtual summit [Bhatia 2020]. Similarly to the response to the financial crisis of 2008, the leaders of the Group of 20 major economies committed themselves to do “whatever it takes” to tackle the new coronavirus outbreak, putting a stress on solidarity of action: “Combatting this pandemic calls for a transparent, robust, coordinated, large-scale and science-based global response in the spirit of solidarity” [Kenny 2020]. Noting that the pandemic is a “powerful reminder of the interconnectedness and vulnerabilities” of G20 countries”, they admitted that the absolute priority of G20 was to overcome the health, social and economic impacts of COVID-19, by injecting over \$5 trillion into the global economy [Kenny 2020].

There was also a solidary action among the BRICS countries, due to which two important loans were approved in the framework of a common COVID-19 Emergency Program: first, to South Africa, in June 2020; second, to Brazil, in July 2020,

each one worth one billion US\$. The loan to South Africa was meant to roll out its healthcare response to coronavirus and alleviate the economic impact of the disease containment measures on vulnerable groups of populations. The resources provided by the NDB to Brazil were directed to safeguard the income of about five million people in vulnerable situations, including informal, self-employed and unemployed workers [NDB 2020].

Beside the number of human lives already lost, exceeding one million at the time of the conclusion of this article, the pandemic dealt severe blows to economies, industries, financial markets, energy consumption, trade, tourism, civil aviation, entertainment, social interaction. States and governments declared quarantines, lockdowns, social isolation, put checks and limits on travel and displacements, closed down vitally non-essential services to citizens. Expanding virus contagion, shrinking economies and rising unemployment provoked national political and social reactions and mobilized international bodies. But, whereas urgent assistance measures and legitimate limitations of civil, political, economic, social activities were being introduced, there emerged a host of authoritarian, nationalist, extremist and individualist trends that caused unlawful limitations and abuses of HRs, and, in some extreme cases, attacks on democracy and its institutions.

The theme of HRs limitations was chosen as a focus for addressing various political, social and human phenomena, which have taken place in different countries, regions and continents during the pandemic crisis. They raise questions about HRs as to their universality, interdependence and indivisibility, as well as to the inevitability, to some extent, of their limitations and derogations, during and after the pandemic, in the conditions of a “new normality”.

The methodology used to address the research issue implied a comparative po-

litical approach (See [Ragin 1987; Wiarda 2007]), correlating grouped cases of HRs practices of limitations and derogations, with HRs dilemmas and dichotomies, in a series of countries during the pandemic. The purpose of the research was aimed to regard an extant dichotomy between individual and collective/communitarian rights, much more evident in a pandemic than in a normality, as a hindrance to harmonizing and “solidarizing” HRs paradigm. The goals of the research aimed to: a) demonstrate a failure of public institutions to sustain an equitable enjoyment of HRs; b) address HRs in terms of the existing inequity, resulting from the dichotomies in HRs, and c) compare political experience of different countries facing the pandemic from the point of view of HRs equity.

The literature on concepts of solidarity and equity embraces Hedley Bull's [Bull 2012] and Tim Dunne's [Dunne 1998] solidarism premises for the world society, Kurt Bayerzt [Bayerzt 1999] and Graham Crow's [Crow 2002] views on social and communitarian solidarity, John Rawls' “theory of justice” [Rawls 1971], Amartya Sen's “Development as Freedom” [Sen 2000], offering arguments in favor of solidarity and “fair” justice as principles for erasing existing inequities “between as well as within nations” [Sen 2001]. William Felice [Felice 1996] writes on differences between individual and collective rights, while Mervyn Frost [Frost 2002] underscores glaring incoherences between individual rights and those of migrants and refugees, between ethnic, national, tribal communities and democratic states' societies, between state autonomy and global commons, between sovereignty norms and HRs norms. Existential reasons for HRs derogations were approached on the basis of a philosophical essay of Ortega e Gasset [Ortega e Gasset 1966], as well as of futuristic projections of Richard Falk [Falk 1966] and Konstantinos Doxiadis [Martins 1980].

Some special literature on HRs, on legal and technical aspects of the covid-19 pandemic, was perused to support the arguments of dichotomies and inequities in HRs in the pandemic on such topics as: economic/social and civil/political rights, gender and race discrimination; anti-discrimination laws, minority rights, indigenous communities, vulnerable groups, limitations and derogations of HRs; reports of medical and research institutions (See [Falco 2020; Flaxman et al. 2020; Jaguaribe 2020; Muller 2009; Lebrete 2020; Pugh 2020; Spadaro 2020; Sancci 2020; Santos et al. 2020; Xiang Gao et al. 2020; Vergondy et al. 2020]).

The data-base included facts of HRs limitations and derogations, as well as public social reactions to them, in a series of countries, during the pandemic-covid-19.

The list of documents on Human Rights, alluded to, included the Universal Declaration of Human Rights [Rights 1948], the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) (1966), the International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights (ICESCR) (1966), the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (1965), the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (1979), the Convention on the Rights of the Child (1989), the Convention Against Corruption (2004), the Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2006), the Final Document of the United Nations Conference on Human Rights (1993), the Final Document of the World Summit for Social Development (1995), the Millennium Declaration (2000), MDGs (2000), SDGs (2015), Global Compact on Refugees and on Migration (2018). The UN Declarations on indigenous people, minorities, older people were also relevantly considered. To estimate limitations and derogations from HRs during the pandemic several pertinent documents were also examined: The Siracusa Princi-

ples on the Limitation and Derogation Provisions in the ICCPR, The CCPR General Comment No 29: Article 4: Derogations during a State of Emergence; The CESCR General Comments No 3 on The nature of States Parties obligations (1990); No 7 on the Right to adequate housing (art 11) (1997); No 12 on The right to adequate food (art 11) (1999); No 14 on The right to the highest attainable standard of health (art 12) (2000); No 15 on The right to water (arts 11 and 12) (2003); No 20 on Non-Discrimination in economic, social and cultural rights (articles 2 (2) (2009).

The article is structured as having an introduction, an argumentative part and concluding remarks. The argumentative part is comprised of three sections. The first section deals with some conceptual approaches to and historical analogies of analyzing the impact of the pandemic on international bodies and democratic institutions. The second one addresses dilemmas and dichotomies, referent to HRs incompatibilities during the pandemic. In the third section, the presented cases of recent empirical evidence have the purpose to estimate limitations and derogations from HRs enjoyment and to evaluate their possible consequences in the light of the covid-19 pandemic.

Impact of the pandemic on democracy and HRs

from the beginning of the pandemic the countries and their leaders forecast different major scenarios for individual countries and global development: at the extremes, one projected that everything would change, another that nothing would change, while the others tried to figure out a golden middle between the two extremes, suggested by historical examples and scientific projections [Kissinger 2020; Haas 2020; Joint Session of the Eurasian Online-Seminar and China Seminar with Yang Jiemian 2020; Jaguaribe 2020].

There are comparisons of the covid-19 pandemic with the Spanish flu, the World War II, the 2008 financial crisis economic situation and an artificial biological attack with an artificial man-made virus (See [Kind *et al.* 2020; Tovar 2020; Falco 2020; Bhardwaj 2020]).

The supposition that the Covid-19 virus is man-made, allegedly produced by China to hurt the United States and the West in its global quest for power, was, essentially, a US conspiracy theory to demonize China, an allegation that lacked any scientific proof or solid factual grounding. Following allegations that there was a delay in providing the reports from China, the WHO informed that the first unexplained cases of a pneumonia-like illness were reported to the WHO's office in Beijing on December 31, and detailed information about the “viral pneumonia of unknown cause” on January 3. China agreed to receive international scientific commissions in its virologic laboratories, demonstrating exemplary transparency and commitment to accountability with respect to the international community [Timeline of WHO's Response to COVID-19 2020].

The natural origin of all virus is exhaustively dealt with in Jared Diamond anthropological study [Diamond 1999]. Citing,

“... diverse epidemic diseases of humans evolved in areas with many wild plant and animal species suitable for domestication, partly because the resulting crops and livestock helped feed dense societies in which epidemics could maintain themselves, and partly because the diseases evolved from germs of the domesticated animals themselves” [Diamond 1999, pp. 86–87].

And, despite the experience with the Spanish flu, a pandemic very similar to the present one though a century-old, which caused the deaths of anywhere from ten to twenty or many more millions, in what

statistics are imprecise or inexistent, there are reasons to believe that, notwithstanding the interdependence, global communications and multiple flows of the modern world being several orders higher than those of a hundred years ago, the 21st century's progress of medicine and science and the inventions of a vaccine would permit significant reduction in the number of victims – from tens of millions to hundreds of thousands.

Against the backdrop of an uncertain and disturbing virus infection scenario, different political and social blueprints for the battle with the coronavirus and wishful predictions for the post-pandemic changes, seized the hearts and minds of political leaders, scientists and citizens alike. What caught the attention of many was a stress on an authoritarian backlash on international and national institutions who countered effectively the pandemic onslaught (See [Kissinger 2020; Sancci 2020]).

Ante omnia, I would like to allude to the writings of Thucydides [Thucydides 1910], who, a survivor of the plague epidemic during the Peloponnesian War, described how that natural disgrace and other emergencies shattered Hellenic democratic institutions. It is remarkable that Pericles' funeral speech, pronounced as a kind of liturgy in honor of the buried Athenians, who fell in combat for their city, was, in fact, dedicated to the values of freedom of Athens, a “school of democracy”, that served as an example for other Hellenic city-states and, thus, was worth to fight for and defend.

When Athens fell under a siege and the plague came to reign in the city, Pericles altered his narrative, saying that the survival of the city is dependent on the strength of the “empire”, which included the city-state and the allies, and that the survival of the “empire” is a survival of the Athenians as well. After being questioned on the defeats of the city by those who were victimized by the war and by the plague, he

defended, first and foremost, “the safety of the commonwealth”: “You should remember also that what you are fighting against is not merely slavery as an exchange for independence, but also loss of empire and danger from the animosities incurred in its exercise [Thucydides 1910, 2.63.1] ... For what you hold is, to speak somewhat plainly, a tyranny; to take it ... was wrong, but to let it go is unsafe [Thucydides 1910, 2.63.2]”.

Thus, the narrative of democracy degenerates into an imperial oligarchic discourse, which holds that a city of democratic rule should be maintained through an imperial order. To affirm it, Thucydides asserts, alluding to Pericles: “In short, what was nominally a democracy became in his hands government by the first citizen.” [Thucydides 1910, 2.65.9].

We see a contrast or a dichotomy between the glorification of the democratic institutions of the city-state of Athens and a justification of an imperial or a tyrannical rule, in the conditions of anarchy, chaos or disorder, provoked by the dual calamity of the plague and of the war. Citing Thucydides, “men, not knowing what was to become of them, became utterly careless of everything, whether sacred or profane” [Thucydides 1910, 2.52.3], and “Fear of gods or law of man there was none to restrain them” [Thucydides 1910, 2.53.3].

A restriction of rights of the Athenians, as to confinement, the temples’ isolation, rationing, *metics*’ rights impairment, the issuing fines, together with an “imperial” rule inside and outside the city, overwhelmed by the birthmark of the Hellenic democracy – the slavery, constituted the predicament of the “walled city”. On the one hand, Athens contained anarchy, averted chaos and saved the community. On the other, it forged a democratic “imperial” rule that not only extended beyond the city-state onto the allies and the already conquered adversaries, as is described in Thucydides’ Delian dialogue,

but also contributed to the later transformation of Hellenic democratic institutions into oligarchic ruling bodies, thus damaging civic laws, nurtured by the Athenian democracy.

Many recent writings in the West recall this ancient lesson, with respect to the menace the pandemic poses to democracy, to Western values and institutions. Henry Kissinger wrote the following when the pandemic had just started:

When the Covid-19 pandemic is over, many countries’ institutions will be perceived as having failed. ... the political and economic upheaval it has unleashed could last for generations. ... A global retreat from *balancing power with legitimacy* will cause the social contract to disintegrate both domestically and internationally” [Kissinger 2020].

Predicting a change of the game and a failure of democratic institutions, he supposes that the struggle for power, inside states and in the international system, will cease to be restrained, in the long term, either by national laws or by the international law and order.

Objecting to Henry Kissinger’ saying that “The reality is the world will never be the same after the coronavirus”, Richard Haas does not foresee abrupt changes in the post-covid future, but recognizes that new arrangements would certainly take place in the international order, as had happened after WWII:

... the world following the pandemic is unlikely to be radically different from the one that preceded it. COVID-19 will not so much change the basic direction of world history as accelerate it. Ideally, the crisis would bring renewed commitment to building a more robust international order, much as the cataclysm of World War II led to arrangements that promoted peace, prosperity, and democracy for nearly three-quarters of a century. Such an or-

der would include greater cooperation to monitor outbreaks of infectious diseases and deal with their consequences, as well as greater willingness to address climate change, set rules for cyberspace, assist forced migrants, and tackle proliferation and terrorism” [Haas 2020].

In Haas’s perception, an “anarchic”, “post-American” world order, that had gone out of joint, would or should return to a new global normality, that will be more robust and globalized than before the pandemic.

In one of the Chinese views, that I would describe as “*politics as usual*” + reform” and which follows in the wake of Haas’s proposition, a thesis of continuity and change, of lasting world tendencies and of a new quest for reforms, is discussed by Yang Jiemian. The Covid-19, that has threatened life and health of the world in transition, emphasizes the deficiencies of the major power leaderships and the weaknesses of international and global institutions. Quite in line with the Chinese Confucian posture, the author says that the covid-19 showed the need for the world to take advantage of the crisis by using the opportunity to reform the international order, even to create new international bodies, in order to prepare ourselves for “rainy days”¹ [Joint Session of the Eurasian Online-Seminar and China Seminar with Yang Jiemian 2020].

In both of the Western authors’ arguments, the main concern with the pandemic is primarily with the democratic institutions and values, although global hegemonic stability and power balance legitimacy are also critical. According to H. Kissinger and R. Haas, a democratic void, a lack of balance between right and might are felt harder, especially when they do not

provide the necessary social balance and leave the door open to arbitrary, authoritarian decisions, that can lead to civil unrest. According to Kissinger,

The founding legend of modern government is a *walled city* (our italic) protected by powerful rulers, sometimes despotic, other times benevolent, yet always strong enough to protect the people from an external enemy. Enlightenment thinkers reframed this concept, arguing that the purpose of the legitimate state is to provide for the fundamental needs of the people: security, order, economic well-being, and justice. Individuals cannot secure these things on their own. The pandemic has prompted an anachronism, a revival of the *walled city* (*idem*) in an age when prosperity depends on global trade and movement of people. [Kissinger 2020].

Pari-passu with H. Kissinger, R. Haas says that “the pandemic is likely to reinforce the democratic recession, evident for the past 15 years” [Haas 2020].

Another EU-centered view is that of the French President Emmanuel Macron. In his opinion, “the crisis is an existential event for humanity that will change the nature of globalization and the structure of international capitalism”. It is important that the topic of capitalism enters the debate, because the “trauma of the pandemic will bring countries together in multilateral action to help the weakest through the crisis”. He thinks, on the one hand, that the cataclysm prompted governments “prioritize human lives over economic growth as an opening to tackle environmental disasters and social inequalities that were already threatening the stability of the world order”. On the other hand, in a parallel with Kissinger’s

1 A time or period of unforeseen difficulty, trouble, or need. (an idiom).

“walled city” and Haas’s “democratic recession”, he is preoccupied that “border closures, economic disruption and loss of confidence in democracy will strengthen the hand of authoritarians and populists who have tried to exploit the crisis, from Hungary to Brazil”. In his view, abandoning freedoms to tackle the disease would pose a threat to Western democracies [Mallet *et al.* 2020].

In one of the most impacting speeches about the “inequality pandemic”, UN Secretary General Antonio Guterres made a global appeal, conscious that, though “the COVID-19 is a human tragedy, it has created a generational opportunity to build back a more equal and sustainable world”. In his recent Mandela lecture, he said: “The response to the pandemic, and to the widespread discontent that preceded it, must be based on a New Social Contract and a New Global Deal that create equal opportunities for all and respect the rights and freedoms of all” [Secretary-General’s Nelson Mandela Lecture 2020].

The idea of a “New Social Contract” on a global level must be a universal response to break the HRs dichotomy through a global effort, a “New Global Deal”, while erasing inequalities inside states and among states, establishing a “climate justice”, closing the gap between social-economic and civil-political rights, between individual and collective rights, between those of races, gender, classes, communities, groups, in order to stop and further prevent the evolution, according to Guterres, of a “two-speed world”.

The discussion in this article covers not only those individual rights and freedoms, that were derogated from or restricted for a significant part of the world population due to the pandemic (freedoms of assembly, of movement), but also those collective and communitarian rights, which have to do with health, work, education, gender and racial equality, indigenous and minority rights, healthy environment, sus-

tainable development, human settlements, access to water and others issues.

In a discussion about what is “might” and what is “right”, about how much HRs are buttressed by law and in what HRs are ignored by the “might”, exercised by States, it must be clear that a decision, by national governments, to limit or to lift temporarily a certain HR, affects profoundly societies, citizens and theirs rights. At the same time, a huge number of proclaimed, accepted and ratified HRs, that are not legally limited or derogated from, are simply not met. That is why the pandemic presents a tragic opportunity to revisit the issue and to assess, if anti-pandemic measures and the reactions to them can be used as a motive to discuss the existing dichotomies and the disparities of implementation between different clusters of HRs.

The pandemic shed the light on a dichotomy or, to put it mildly, on extant differences of enjoyment between a) civil/political (about freedom), b) economic/social/cultural (about equality), and c) collective/communitarian (about solidarity) HRs, and again and again showed a priority of individuals rights over those of collectivities. That is why the hypothesis of this article is that overvaluing and prioritizing individual HRs in the HRs paradigm to the detriment of and without harmonizing and balancing them with collective/communitarian rights can constitute a threat to the life, to the development, to the Nature and to the very survival of communities and, in the long run, of the humanity as a whole.

Dilemmas and dichotomies of HRs in “rainy times”

It is useful to describe some of the dilemmas which emerged in the context of the decisions taken in the present pandemic crisis, so that the incoherencies or dichotomies among HRs could be better understood.

Writing on the Bombay plague of 1896, Tim Willasey-Wilsey rightly points out: “There will be no escaping the final statistics: how many people died and how figures compare with other countries“. He summarizes the policy dilemmas that accountable governments should face in the pandemic: “a) how transparent to be with their citizens. The balance is always between avoiding complacency, on the one hand, and causing panic, on the other; b) how to weigh the public health aspects against economic considerations. While it seems indecent to consider money at a time of human distress, economic activity is essential to human well-being; c) whether to rely on the people’s innate common sense or resort to stringent measures to enforce inspections, quarantines, curfews, and anti-hoarding legislation; d) how to manage the narrative, and ultimately, whether and who to blame” [Willasey-Wilsey 2020].

It could seem ethically incorrect to measure the covid-19 with logical metrics derived from the end of the 19th century’s experience, although the above-mentioned governments’ complacency and expectation of accountability are much present in public policies today. I will try to expand on and take into account the complexities in the set of HRs dilemmas that governments and societies had to face in the 21st century pandemic, without claiming to exhaust the subject.

1. The first dilemma rises from a democratic choice that ruling elites, faced with the covid-19 pandemic, were to make between securing civil-political, on the one hand, and social-economic-cultural HRs, on the other. It must be pointed out that when a civil-political right was secured, it did not mean that a social-economic-cultural one was equitably addressed. Nevertheless, as the Declaration of the Right to Development (1986) rightly notes: “a respect for and enjoyment of certain human rights and fundamental freedoms cannot justify the denial of other human rights

and fundamental freedoms” and the Final Declaration of Vienna Conference calls all the HRs “interdependent and interrelated”. To detail this problem, a few more theses should be specified.

The dilemma surges from derogability or non derogability of certain HRs in a state of emergency or calamity. According to the Siracusa principles on the justification of limitations and derogations, “A State party may take measures derogating from its obligations under the ICCPR pursuant to article 4 ... only when faced with a situation of exceptional and actual or imminent danger which threatens the life of the nation”, (E/CN.4/1985/4 Annex: 39, 58) fully excepting from this norm the non-derogable rights. According to the Article 4 (2) of the ICCPR, no derogation from articles 6, 7, 8 (paragraphs 1 and 2), 11, 15, 16 and 18 may be made under this provision. These are: Right to life (art 6); – Prohibition of torture, cruel, inhuman and degrading treatment (art 7); – Prohibition of medical or scientific experimentation without consent (art 7); – Prohibition of slavery, slave trade and servitude (art 8); – Prohibition of imprisonment because of inability to fulfil contractual obligation (art 11); – Principle of legality in criminal law i.e. the requirement that criminal liability and punishment is limited to clear and precise provisions in the law, that was in force at the time the act or omission took place, except in cases where a later law imposes a lighter penalty (art 15); – Recognition everywhere as a person before the law (art 16); – Freedom of thought, conscience and religion (art 18). Furthermore, under the Second Optional Protocol (art. 6), there can be no derogation from the prohibition on the death penalty. But even if some provisions of the ICCPR have been listed in article 4(2), as not being subject to derogation, the Covenant does not permit that derogable articles be subject to dis-

proportionate or unlawful derogations, even where a threat to the life of the nation exists.

On the contrary, the ICESCR does not contain a clause of non-derogable rights, but has a general limitation clause (Art.4), thus being presumed that this cluster of rights is non-derogable. According to the General Comment 3 of the CESCR, States are bound by a minimum core obligation to ensure the satisfaction of, at the very least, minimum essential levels of each of the rights provided in the ICESCR, but “The concept of progressive realization constitutes a recognition of the fact that full realization of all economic, social and cultural rights will generally not be able to be achieved in a short period of time”, although “the provision of judicial remedies” is only recommended in the comment. A criterion of evaluation of “retrogressive measures” under article 2(1) was developed to allow states not to comply with these HRs when they face severe resource constraints.

In the ICESCR (Art. 2.1), it is the State Party that fulfills the enjoyment of economic, social and cultural rights “to the maximum of its resources, with a view to achieving the full realization of the rights ... by all appropriate means, including the adoption of legislative measures”. As Felice [Felice 1996, p. 20] puts it, writing on collective or “group” rights, “meeting these rights depends upon positive actions of the state”. But “the maximum of resources” and an achievement “by all appropriate means” of “full realization” of the rights are entirely dependent on States’ material capacities and commitments, which are not fully guaranteed and achievable. There is also a glossy omission in the ratification status of the ICESCR, that characterizes the USA approach to economic and social rights.

Thus, the economic/social/cultural rights can be “derogated” from as a matter of fact, when states are unable to comply

faithfully with those obligations not only in conditions of emergency or calamity, but also in a normality, due to constraints, caused by inequalities and racial, gender, minorities discrimination and to high levels of poverty and unemployment in developing countries.

2. According to Muller, “the right to be free from hunger, to basic health care, clothing and shelter are of utmost importance for the protection of human dignity and the survival of human beings in emergency situations – a fact also highlighted by the inter-relatedness of these rights with the non-derogable right to life” [Muller 2009, p. 601]. In this very sense, one most crucial dilemma arose in the form of an internal conflict between the political survival of governments and the physical safety of human populations, in a form of the trade-off between the possibility of an economic recovery and the rise in human mortality, infringing directly upon the right to life. In large federations, such as the United States, Russia, India, Brazil, the dilemma was restaged as a negotiation between the central government and local authorities over the decision-making power and consequent responsibility for dispensing the health policies and looking after the welfare of the population during the pandemic. Decisions on HRs limitations and derogations were transferred to regional and municipal levels and the responsibility for HRs limitations was decentralized and diffused, but, nevertheless, it only meant resetting the struggle between power and life on a lower level.

A variation of the conflict was referent to the unjustified introduction of flexibilization of sanitary measures, supposedly as a function of flattening the new infections/mortality curve, which amounted to a veiled preference for desired economic recovery at the expense of the health and the lives of the citizens. Therefore, the right to life was exposed

to a risk of a matter-of-fact derogation. Such an understanding provoked complaints to International Criminal Court on the accusation of genocide. In one of those complaints, a group that represented more than one million Brazilian medical professionals urged investigations into the President of Brazil Jair Bolsonaro's (non) handling of the coronavirus pandemic, that allegedly constituted a "crime against humanity". The plea was not recognized by the ICC under the pretext that such a claim should be a matter of the Inter-American HRs system.

The question of transparency and information grew in importance as pandemic statistics started to be explicitly manipulated by state officials as were also the interpretations for these obfuscations, revealing a conflict between scientific and sanitary evidence and political ambitions and objectives of prioritizing economic recovery over and above health safety, all for the sake of imminent national or municipal elections or other political goals. That reflected also upon a HR that should not be limited or derogated - the right to information. For example, a limitation of information by changing the method of statistics and the time of publications, as well as underreporting the number of the dead and the infected caused a public outcry in Brazil and a special ruling of the Federal Supreme Court on the issue of transparency of publications on the Covid-19 data [Medida Cautelar 2020].

Thus, having tolerated the conflict between politics/economy vs. the right to life, some States did not comply with their legal duty to prevent, investigate, prosecute, punish and redress violations of the right to life in an emergency, threatening the life of nations.

3. Another dilemma is one between national and international interests with respect to securing the necessary material to deal with the pandemic successfully. Often, a sort of Darwinism in politics, rather

than international cooperation, took place, leaving a hegemonic mark on countries interactions. When questions of national interests arose, international solidarity and cooperation of the "rainy times" were quickly superseded by ruthless power struggle and unethical competition for scarce equipment, as in the case of the acquisition of face masks, respirators, remedies, needed medical supplies, vaccine research and its anticipated procurement by "more privileged" countries. At the same time, international institutions, especially the World Health Organization (WHO), were accused of undermining international cooperation in combatting the pandemic by putting too much faith in China, where the disease originated. Going to extremes, the United States announced a withdrawal from WHO, to become effective in 2021, without robust proofs for bias on the part of the international organization, thus fueling further a new "cold war" with the emerging Eastern superpower [Buckley *et al.* 2020]. While the collective right to health in some countries was propped up by solidarity actions from China, Russia, Germany, Cuba to Italy and Spain, an afore-mentioned conflicting way of conducting international affairs damaged the individual rights to health and to information of the US citizens, enjoyed through cooperation and recommendations by means of the WHO. To counter the rising threat of 'vaccine nationalism', the covid-19 vaccine allocation plan (Covax), co-led by the WHO, was set up to ensure that the research, purchase and distribution of any new vaccine is shared equally between the world's richest countries and those in the developing world [Beaumont 2020].

4. Another dilemma was of a psychological nature on an individual level: between: a) a self-indulgence and a disrespect to other people's lives, while consciously or through ignorance spreading the disease and b) a solitary self-limita-

tion with the aim to preserve other people's lives, by consciously avoiding the spread of the disease. To quote from Alexander Pushkin's "A Feast in the City of the Plague"², in an English translation of Alexander Werth, one tries to understand the motives of the self-indulgent, of the willfully irresponsible and, we could say, of the immoral behavior of persons during life-threatening events:

In walking over an abyss,
In gazing down a precipice
There is a wild delight: -
Havoc in battle, roaring death,
A cyclone on the Arabian heath
And pestilence's deadly breath
Gives us no fright.
...
So Mistress Plague, receive our cheer!
An open tomb we do not fear,
Thy call gives no offence.
We raise the cups of sparkling spray,
And drink our loves' sweet breath away,
Though full of pestilence.
[Pushkin et al. 1927].

If for Pushkin's personage, rejecting the dread of the Plague meant acting with a daredevil attitude, recklessly challenging the unmastered danger and taunting death itself, reveal the will to stand one's ground and to fight against, then it can be said that Thucydides' characters stood firmly on their feet and "... resolved to spend quickly and enjoy themselves, regarding their lives and riches as alike things of a day" [Thucydides 1910, 2.53.2]. For them, solidarity, honor and ethics meant nothing: "Perseverance in what men called honor was popular with none, it was so uncertain whether they would be spared to attain the object; but it was settled that pres-

ent enjoyment, and all that contributed to it, was both honorable and useful" [Thucydides 1910, 2.53.3]. Thus, self-indulgence, moral apathy or plain immorality, irresponsibility and a lack of empathy and of solidarity with one's kindred, accompanied by explicit transgressive or anti-social behavior, encouraged by official tolerance on the part of governments and states, interested in their political fortunes, have been among the reasons that made impersonal and narcissistic yearning for individual rights and freedoms morph into more than egoistic and hurtful, but inhuman behavior.

There was a clear-cut conflict between HRs – the right to life and the right to freedom of expression (e.g., not wearing masks, not maintaining distancing) and freedom of assembly (e.g., crowding in protests, in social events). One right should have been limited to allow another right to be enjoyed, to assure the fundamental right to life.

5. One more example of a moral dilemma is the result of the conflict between honest, responsible service to a country and to its health system and the depredation and corruption in public procurement under conditions of wholesale national emergency and global calamity leading to critical shortages of hospital material and disruption of essential services during the pandemic, such as insufficient respirators, overpricing of contracts, misappropriation of public funds, etc. (See [Subcommittee 2020]). The corruption undermines HRs – the right to development, the right to be free from want, the right to live in dignity. It hampers basic services, causes inequality and injustice, aggravates poverty, producing the negative effects on society and on sustainable development (UNGA Res. 58/4/2003, Art. 62).

2 Alexander Sergeyevich Pushkin partially translated and adapted, from John Wilson's "The City of the Plague", one of his four "Little Tragedies", during his "Boldino's autumn", a three months' quarantine in a distant Russian province during the cholera epidemic of 1830.

6. In everyday life, collective HRs can come into conflict with the individual's freedom to travel and the policies of self-isolation or self-quarantining, self-imposed travel restrictions, among other recommendations for keeping safe during the pandemic. In the first place, when freedom is a pure moral choice, social isolation can be voluntary and consciously chosen or rejected. The reason for such an ethical choice may not be merely selfish (for the sake of self-preservation), but may entail an empathetic or altruistic attitude as well, that is, to preserve one's fellow citizens. As Anna Jaguaribe writes, "...COVID-19 highlights the resilience of human solidarity and empathy in all affected communities..."³ [Jaguaribe 2020, p. 4, free translation].

When there are restrictions on personal freedoms under conditions of a quarantine, a lockdown or a travel ban, the welfare of the community depends on the choice of some individuals to undertake personal risks in order to secure the dispensing of essential services to society. This constitutes a moral choice, as exemplified by healthcare providers, physicians, assistance personnel, government employees, social workers, rural workers, urban services providers, policemen and innumerable other citizens, who consciously assumed the personal health and life risk and risk to their own families, for the sake of the welfare of all. One of such communities was the network of nuclear energy workers that provided electric energy, an essential service, to the public, enhancing safety and security of this hazardous and dangerous field, supervised by the IAEA, which "included quarantine of new workers, temporarily halting construction work at nuclear power plants, operating with reduced work-

force and carrying out standard operating procedures to minimize COVID-19's impact" [Strohal 2020].

The loss of numberless health-care workers and other essential services personnel testifies to the tragic cost of the moral choices made by them and to their moral glory of not abandoning their posts in spite of the lack of necessary equipment and protection and of the fear to transmit the disease and infect their loved ones.

José Ortega y Gasset is remembered for his reference to the relation of an individual with his social dimension: "*Yo soy yo i mi circunstancia, y si no la salvo a ella no me salvo yo*"⁴ [Ortega y Gasset 1966, p. 322]. If an individual does not save his physical, historical, social, cultural context, which includes his community, he cannot save himself. This is a holistic explanation for the need for solidarity, respect and empathy for humankind. An individual right does not in and of itself protect or preserve a regime of rights for all others. An individual right does not necessarily create a symbiose with a collective-communitarian right. But this must happen to protect and safeguard the individual as well as the community. The question that goes together with Ortega y Gasset's argument: does an individual possess such a specific dignity, the value of which stands above any political, economic or social circumstance of a community, a collectivity or a humanity?

There is, of course, an opposite alternative, not to consider the welfare of others and to be guided by one's own preferences alone, irrespective of the consequences to others. In a free exercise of individual rights of freedom of movement, of assembly, of peaceful manifestations, during the pandemic, accompanied by a non-

3 O COVID-19 evidencia a resiliência da solidariedade e empatia humana em todas as comunidades afetadas.

4 "I am I and my circumstance; and if I do not save it, I do not save myself" (free translation).

acceptance of confinement and self-imposed isolation, of challenging regulations or sanitary authorities like not wearing masks, not maintaining distancing, not avoiding crowding in any form, whether a queue, a protest or a religious cult, we see anti-solidarist and anti-humanitarian motives, threatening the right to life of a family, a tribe, a community, a city, of vulnerable groups. These individual rights must be derogated from, in a due proportion, in a state of exceptional threat, as a pandemic, in our case.

7. One broadly discussed infringement on HRs has been the question of privacy in “rainy times”, when the location or movement of people can be tracked through their cell phones and the individuals’ personal data can be freely accessed by governments as well as by corporate private bodies, under the pretext of contact tracing for purposes of controlling the covid-19 contagion. Such invasions and abuses of privacy were observed in China and some other countries.

But a similar situation of abuse, when a privacy of citizens was invaded, was witnessed in India more than a century ago, during the above-cited plague. According to Willasey-Wilsey,

“... a Plague Committee was formed with authority to search private homes, segregate the sick and evacuate, disinfect, and sometimes, burn possessions and homes. On occasion, British officials and troops entered Indian housing and inspected potential sufferers, causing considerable offence, especially in cases of women in purdah. Indians with their strong family networks also objected to forcible separation. ... In March 1898 the levels of unrest were sufficient for corpse inspections and military searches to be suspended. Responsibility for home inspections was given to Indians and the Special Plague Commission was abolished” [Willasey-Wilsey 2020].

The Patriot Act in the United States saw a resemblant development, when it was revoked in 2015, in the wake of Edward Snowden’s revelations about the US government wholesale spying on its citizens and their social and private lives.

The Special Rapporteur on the freedom of opinion and expression, in his report on the disease pandemic, emphasizes five areas of concern: limitations to the right to access, impart and receive information; restrictions to Internet access; threats to journalism; public health disinformation and an increasing use of surveillance tools. The report concludes that “the free flow of information, unhindered by threats and intimidation and penalty, protects life and health and enables and promotes critical social, economic, political, and other policy discussions and decision-making” (A/HRC/44/49).

In the above-mentioned cases social, cultural and private rights of people were not respected and probably abused through spying and invasions into their privacy, disregarding cultural and religious norms. However, during the covid-19 pandemic, if some policies of electronic tracking of people were not undertaken, then the collective rights of people to life, health and the survival of collectivity could have been jeopardized (See [Xiang Gao *et al.* 2020]).

8. During the pandemic, more so than at any other time, we have heard and read about the sufferings of the poor, of the discrimination of and violence towards women, of black, migrant and indigenous people and of those of different walks of life, of the older or the homeless, not only in one’s own country, but all over the world. As Felice [Felice 1996, p. 1] writes, “while individual rights are near universally accepted, “peoples” rights and “group” rights remain controversial”.

In normal conditions, if that is the appropriate term for the pre-pandemic period of the unprivileged people, we have

been subject to discourses, that put shutters on our eyes, displacing humanitarian contingencies and concerns from one's individual self-indulgent and self-centered outlook.

The biggest dichotomy in HRs is between the long-existing systemic and newly-produced globalized inequalities and injustices, and the disproportion between prioritized and legally protected HRs and freedoms, on the one side, and, on the other, not fully met or unmet and only partially protected social, economic and cultural rights, as well as hugely unattained communitarian/collective/minorities rights. This dichotomy is perceived not only more acutely, but also more violently, as evidenced by the recent civil unrests on the issue of racial discrimination in the United States, naively thought to be a part of history of an exemplary democracy. "Human suffering", Felice [Felice 1996, p. 3] says, "is caused by regression of and discrimination towards certain groups".

According to some HRs legists, the present state of individual and group models of antidiscrimination HRs does not display sufficient protection to discriminated minorities and groups. A comparative analysis of the anti-discrimination law and the law of minorities, in view of the universalist and particularistic perspectives, confirms that the two HRs clusters focus different subjects: in the first case, an individual protection, in the second, a protection of minority.

Collective rights started to be recognized since the late 80s, with the Declaration on the Right to Development (1986), without still mentioning that it was a collective right, the Convention on the Rights of the Child (1990), the Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families (1990), the UN Principles for Older Persons (1991), the Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and

Linguistic Minorities (1992), this one understood as a significant step to recognition of the collective rights of minorities, the Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2006). The Declaration on the Rights of Indigenous Peoples (2007) stated that "indigenous peoples possess collective rights which are indispensable for their existence, well-being and integral development as peoples" (UNDRIP: preamble). In spite of a significant host of documents on the collective rights, also reinforced in the Final Document of Vienna Conference on Human Rights (2003), the three above mentioned Conventions are unevenly accepted by the community of states: judging by ratifications, two of them, on the Rights of the Child and of the Persons with Disabilities are ratified by an overwhelming majority of States, while the third one, on the Rights of Migrant Workers, is ratified by fewer than one third of the whole number of states, predominantly by those with developing or transitional economies. The problem about such an inconsistency is understood through the following reasoning: children and persons with disabilities are treated by states as national individuals with their specific individual HRs, that the states are obligated to address, while migrants and their families' rights are looked upon in the developed states through the lens of collective rights, referent to immigrant ethnic family groups, whose vulnerability owes "to their absence from their State of origin", also aggravated by "irregular migration" (the Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families. (1990: Preamble)

Speaking about the declarations on collective rights, we understand that the many States' national interests, even if they are driven by human security imperatives, are not built wholly upon socially inspired humanitarian prerogatives.

More HRs for some and less HRs for many

Many HRs, such as the rights to freedom of movement, freedom to peaceful assembly, the right to work, to education, to health, to development and many others were limited, derogated from or merely not met, due to the covid-19 pandemic, depending on what national, economic, social, gender or other group, an individual person or a given community pertained to.

Freedom of movement was the right most affected by derogations, for travels outside as well as inside countries. Lock-downs were temporarily imposed in many cities and regions in countries all over the world. In the UK, Italy, France, Spain, Russia, Israel, individuals could not but leave their houses only in exceptional circumstance or a necessity, declaring their domiciles. Shelter-in-place orders were issued in the USA.

The coronavirus pandemic has become a HRs crisis and has brought about authoritarian responses, state surveillance, closing of borders and many other rights limitations. In such circumstances, a new dilemma, that emanated from HRs dichotomy, surfaced, the one between the right to health and democracy.

In the congressional hearing on the testimony before a House subcommittee on the Trump administration's coronavirus response, on 31, July, 2020, Dr. Fauci, a US leading infectious disease expert, did not respond directly to the question posed by Jim Jordan, a Republican congressman, as to whether or not violent protests, like those in Portland (Ore.) or in Chicago, should be limited because of the pandemic, as was done in the case of religious worship in churches, a practice which was limited or forbidden in several states. Both freedom of assembly and religious worship are guaranteed by two amendments of the US Constitution. Fauci's answer was am-

biguous: crowding should be avoided and prohibited, because it boosts coronavirus transmission, however nothing specific was said about the protests [Fauci on Limiting Protests 2020]. If he had answered that, because the referred protests with their unjustified violence and mass gathering of people disseminated the virus widely, have been harmful to the health, life, movement and security of the population, therefore, they must be barred, this would have constituted disrespect for the democratic rights to assembly and to freedom of expression. Conversely, if the answer were that protests, as freedom of expression, should be allowed, that would have constituted a threat to the individual's right to life and to the collective right to health.

Many protests and ensuing violence, inspired by on-line misinformation and the dissemination of fallacious theories and fake news on the pandemic has been blamed on foreign conspiracy or on the globalized "communavirus" [Araújo 2020], provoking jingoistic passions and anti-Semitic sentiments in many countries. UN Secretary General Antonio Guterres touched on the issue when speaking of a "tsunami of hate and xenophobia, scapegoating and scare-mongering", that was unleashed during the pandemic [Heren 2020] Migrants and refugees have been demonized as sources of the virus and denied medical treatment. According to him, "With older persons among the most vulnerable, contemptible memes have emerged suggesting they are also the most expendable" [*ibidem*]. It was revealed that hate crimes against people of Chinese background had risen nearly threefold in the first three months of 2020.

As said previously, the pandemic was an accelerator of many trends, among which all kinds of discontent, in very different forms, from Portland to Chicago to New York to Belgrade to Hong King to Lima to Khabarovsk to Santiago de Chile to Beirut to Minsk to Bishkek and other plac-

es, stemming from different causes, inspired by dissatisfaction with the pandemic derogative measures, health system collapse, general unemployment, hunger and increasing poverty. George Floyd's death sparked civil unrests that vented publicly the long-standing discontent with racial discrimination in the United States. The protests testified to the negative assessment and growing rejection with respect to how governments address their populations' rights and needs. In many cases cited above, authoritarian measures were taken, also under the pretext of the pandemic, resulting in restricting protests, sometimes, violently and arbitrary decisions were taken on limiting and abusing HRs.

What did all these expressions of anger, unrest and dissatisfaction in so many countries have in common? They were reactions to unmet or trampled human rights, either political-civil or economic-social-cultural or communitarian-collective, galvanized into action by the pandemic and its limitations.

The people who suffered most were the poor, the unemployed, women, elderly people, persons with comorbidities, with disabilities, indigenous people, minorities, immigrants, refugees, the homeless, the detainees and other vulnerable groups, like gay and transgender people were touched structurally by racial inequalities.

According to data released by the Brazilian Institute of Geography and Statistics, in the survey "Social Inequalities by Color or Race in Brazil", the inequalities between those who auto-declare themselves whites, on the one side, and blacks and browns, on the other, are too profound in jobs, incomes, education, housing, in numbers of victims of violence and in numbers of political representation, making those ine-

qualities greater for women, than for men [Desigualdades Sociais por Cor ou Raça no Brasil 2018].

What is important to assert is that the unprivileged groups in some countries as the USA and Brazil, like the poor, homeless, detainees, contain a bigger proportion of people of African descent, subject to racial discrimination and consequently to a greater covid-19 impact. *Quilombola*⁵ communities in Brazil have up to 30% of older people, more vulnerable to the covid-19 pandemic, and old-age pensioners of African descent live predominantly in smaller cities with a diminished access to healthcare (See [Santos *et al.* 2020, pp. 229, 232–234]).

What attracted public attention was a spread of coronavirus into defenseless, in terms of health immunity, Indian and other indigenous tribes and communities in the Amazon, causing a high rate of mortality among them. In Brazil, the outbreaks of covid-19 in indigenous communities were caused mainly by way of illicit activities of *grileiros*⁶ and *garimpeiros*⁷, who burnt and exploited forests and lands of Indian reservations and of *quilombolas* with impunity, insufficiently impeded by the government.

What has been until recently quite absent from constituent HRs documents is the objective of overcoming poverty, which under extreme conditions causes hunger, disease and the waste of lives. In the Copenhagen and in the Millennium declarations, an appeal to "free our fellow men, women and children from the abject and dehumanizing conditions of extreme poverty", a "freedom from hunger" and a "solidarity ... in accordance with basic principles of equity and social justice" [United Nations Millennium Declaration 2000, pp. 6, 11] are the principles and goals that

5 Communities of descendants of fugitive African slaves.

6 In Brazil, ones who get hold of private or public land by forging documents of property.

7 Illicit gold miners in Amazon region.

are now filling *de facto* the gap between individual HRs and a sufferings-ridden collective reality.

Hunger was a pandemic's deadly side-effect. Just one example, among many others, of sufferings of poor people during the pandemic, just in one country, was the waving of white flags by people along roads in Guatemala, thus signaling they needed food [Abbott 2020]. The coronavirus lockdown and the economic fallout of the pandemic affected millions of poor people all over the world. It violated essential rights and freedoms, to work and to be free from hunger.

The CESCR General Comment No 12 underscores:

More than 840 million people throughout the world, most of them in developing countries, are chronically hungry; millions of people are suffering from famine as the result of natural disasters, the increasing incidence of civil strife and wars in some regions and the use of food as a political weapon. ... while the problems of hunger and malnutrition are often particularly acute in developing countries, malnutrition, under-nutrition and other problems which relate to the right to adequate food and the right to freedom from hunger also exist in some of the most economically developed countries. Fundamentally, the roots of the problem of hunger and malnutrition are not lack of food but lack of access to available food, *inter alia* because of poverty, by large segments of the world's population.

The United Nations launched a desperate appeal to the international community and financial institutions (IMF, WB) to raise funds for providing food and agricultural commodities to be sent urgently to the developing countries. According to Antonio Guterres, the most affected individuals should receive help, singling out women, older people, children and low-

wage earners, among others. While developed countries can cater on their needy on their own, the United Nations must massively increase the resources to be made available to the developing world [UN Chief Renews Call 2020].

The pandemic's impact on economies caused severe food shortages, pushing millions in Africa, South America and Caribbean and Asia to the brink of starvation. And it was not just a mere coincidence that the UN World Food Program won the Nobel Prize for Peace in 2020.

The right to work was one of the most affected HRs in the pandemic, when hundreds of millions of people were dismissed, lost jobs and had to rely on unemployment reliefs, or to queue up for social assistance benefits in order to survive. A bigger exposure to the covid-19 pandemic among vulnerable and marginalized people used to occur because they used to work in casual jobs and lacked necessary financial resources for self-isolation. At the same time low-income populations with little access to health care needed to choose between staying at home without food or taking risks of going to work to support themselves and their families [Estrela *et al.* 2020]. At the same time, the plugged companies of the Information Age were working on-line. They increased further their competitive edge, making ever greater profit, thus growing richer in the pandemic. Not surprisingly, it has been the digital exclusion, responsible for the kind of inequality that divides people with respect to their right to work.

One more universal right was badly hit and undercut: the right to education. Schools and universities have been shut down leaving two billion schoolchildren and university student without classes and catering in schools. But in many usually private educational institutions, classes continued on the basis of IT frameworks in the form of remote and distance education. But the on-line education embraces just

a tiny section of students, while a majority of them, especially in developing countries, those without access to the Internet or to an equipment for broad band signal, have been unable to benefit from remote education (See [Vergondy 2020, pp. 51–53]). So, there were the few privileged and the many unprivileged groups of people with respect to access to education, a universal human right which the pandemic has undercut.

The difficulty of access to health services, the prejudice, the minimization of complaints reflected a severe impact of the covid-19 upon the vulnerable group, victims of forced evictions. Even though some governments have put in place temporary bans on forced evictions, many people continue to lose their homes. More than 11,000 people were thrown out of their homes in Brazil and Kenya, and more are at risk of eviction. Forced relocation is a threat in countries like Haiti and increasing in many others. In the CESCR General comment 7 The right to adequate housing (Art.11.1): forced evictions, it is said:

10. Women, children, youth, older persons, indigenous people, ethnic and other minorities, and other vulnerable individuals and groups all suffer disproportionately from the practice of forced eviction. Women in all groups are especially vulnerable given the extent of statutory and other forms of discrimination which often apply in relation to property rights (including home ownership) or rights of access to property or accommodation, and their particular vulnerability to acts of violence and sexual abuse when they are rendered homeless.

The right to water is a newly born collective right, recognized by the UNGA in 2015 and included in the SDGs, although it was claimed that in the Art. 11 and 12 of the ICESCR this question had been treated before, in the framework of environmental problems. It was said in the CESCR General Comment No 15 about the right to water:

1. Water is a limited natural resource and a public good fundamental for life and health. The human right to water is indispensable for leading a life in human dignity. It is a prerequisite for the realization of other human rights. The Committee has been confronted continually with the widespread denial of the right to water in developing as well as developed countries. Over one billion persons lack access to a basic water supply, while several billion do not have access to adequate sanitation, which is the primary cause of water contamination and diseases linked to water. The continuing contamination, depletion and unequal distribution of water is exacerbating existing poverty.

But as the number of covid-19 infections grew, handwashing in the developing countries became a problem. In 2019, the WHO reported that 784 million people lacked a basic drinking water service. Hundreds of millions of people had no access to hand-washing facilities at home [Townsend 2020].

There are more than one billion people living with disabilities worldwide. The Covid-19 pandemic disproportionately affected these individuals, putting them at risk of increased morbidity and mortality [Armitage et al. 2020]. Human Rights Watch has documented poor conditions in private and state institutions for people with disabilities in Brazil, Croatia, Kazakhstan, Russia, Serbia, Ghana, Indonesia, Nigeria and Somaliland.

Detainees were another group of vulnerable people whose lives were put into risk of covid-19 contagion because of impossibility of distancing in places of confinement. In this regard, the recent refusal of a district judge in the UK to consider Julian Assange's request for bail highlighted the exposure of detainees. The judge found in late March that "[a]s matters stand today this global pandemic does not, of itself, yet provide grounds for Mr. Assange's

release” [Julian Assange Denied Bail 2020]. Such a refusal, probably made for political reasons, could mean a breach of the European Convention on Human Rights.

During the pandemic, individual and collective rights were limited or derogated from. In some countries, even such a basic existential right – the right to life, a State’s dire responsibility – has come under threat. Even in most developed countries, like the USA, the UK and the EU states, a sense of helplessness and panic overcame public services due to the scope of the pandemic, for the onslaught of which their health-care systems were not prepared. But when the shock was over and necessary provisions were taken, there were many delays in the deployment of medical facilities, in providing special respiratory equipment, in the production of masks, gloves and protective gear for the medical personnel and in finding the appropriate sets of medication for patients. Aggravated further by the political discourse of suspicion of and mistrust in medical knowledge and recommendations, those delays were due to the overconfidence in a “normal” course for the epidemic and to suspicions of conspiracy and the waging of a war of words with China. The cost has been paid by the many lives that could have been spared but were not, in many countries, especially in the United States, in Brazil and in the UK.

Some countries – USA, Brazil, Sweden, Belarus, Nicaragua, Turkmenistan, were criticized for downplaying the threat of the coronavirus to public health, thus, causing a serious damage to their populations [Shipani *et al.* 2020] and, thus, putting in cheque the right to life of their citizens.

In many countries, but especially in the USA and Brazil, government and medical authorities prescribed and promoted the use of (hydro)chloroquine, scientifically proven to be neutral or useless to some categories, but harmful to others. In Brazil, two health ministers were dismissed for disagreement with the president as to

the health policy, leaving the position, occupied by an interim minister for months.

Some leaders attempted to underplay the seriousness of the pandemic, calling it a “small flu” [“Gripezinha” e “histeria” 2020], challenging WHO recommendations and those of national medical authorities. Their attitudes, encouraging mass concentrations of people, appearing in public without masks, disregarding social distancing and greeting people with handshakes and hugs, and, thus, showing, by deliberate postures, contempt for medical science, for proper governmental authorities protocols, for local authorities protection measures and for the proper behavior of citizens, undermined the health system work to maintain the pandemic under control.

Recommendations of the US Center for Disease Control and Prevention were not infrequently challenged by the US president. The untimely and not scientifically justified opening of industries, trade, schools, non-essential services and domestic travels brought the pandemic to the highest levels of infection in the world: the USA and Brazil occupy the 1st and the 2nd place in the pandemic anti-ranking with respect to the numbers of the dead.

It was just a matter of time before the leaders who contested the sanitary norms caught the covid-19 pandemic, as were the cases of disease of Brazilian, Belorussian and the US presidents.

A counter example is the so-called German exception, when testing, tracking, a robust public health care system and a trust in government’s recommendations on social isolation, distancing, the wearing of masks, yielded some of the best results in the world for combatting the pandemic, not to mention New Zealand’s or South Korea sanitary protective measures. A study of the London Imperial College, published in “Nature”, estimated that social isolation prevented the deaths of about three million people, across Europe alone,

since the beginning of the pandemic up to the month of July.

By comparing the deaths predicted under the model with no interventions to the deaths predicted in our intervention model, we calculated the total deaths averted in our study period. We find that across 11 countries 3.1 (2.8–3.5) million deaths have been averted owing to interventions since the beginning of the epidemic [Flaxman *et al.* 2020, p. 260].

Nevertheless, a relaxation of restriction measures in several countries of Europe, after the decrease of the covid-19 contagion when the death toll was reduced to a *plateau*, provoked new surges of the disease some two months later.

While in Italy, in France and especially in the UK sanitary measures were taken after much delay, in Portugal and in Spain they were quite timely, though Spain was much more afflicted for several reasons, analyzed in a report of the Spanish Real Instituto Elcano. The pandemic, according to the report, put too much pressure on women, responsible for childcare, for domestic work, who, on top of this, were victims of gender violence. The report said that, “the most vulnerable are those who suffer more because of the economic consequences of the pandemic and of the confinement” [Powell *et al.* 2020, 4.3.2., free translation].

There were difficulties of women’s access to reproductive services in time of emergency, although a public health crisis could not have been used as a pretext to legitimate unnecessary derogations from women’s rights.

In the UK, Italy, Spain and Brazil in early stages of the pandemic, because of the lack of equipment, some medical protocols for rationing life-sustaining treatment (See [Savulescu *et al.* 2020] indicated a preference for respirators usage for younger covid-19 patients, thereby resem-

bling practices of gerontocide, and the increase in the proportion of elderly victims among the deceased.

In US, Italian, Spanish hospices the number of covid-19 victims was much higher than among elderly people who were in hospitals or self-isolated themselves in their homes. Many more older people suffered and died, than people of other ages, because they were more susceptible to the covid-19. Many of them were massively contaminated in hospices. The explanation was that these countries had a much greater proportion of ageing population.

Many governments announced and implemented programs of economic assistance to populations, while creating huge budget deficits and appealing to international financial institutions. The European Union had to overcome a long-lasting resistance of the “frugal four” – Sweden, Denmark, Austria and the Netherlands, along with Finland – to adopt a plan of economic recovery, worth € 7,5 billion, whose main beneficiaries were Italy and Spain, which suffered most from the pandemic in the EU.

Nevertheless, governments’ assistance in many countries to the unemployed and groups of inactive and poorer citizens during the pandemic was duly perceived and typified as “provisional solidarity” [Coutinho 2020], meaning *ad hoc* political interests (calamity, election, campaign etc.), that would be dispensed after the interest or the “solidarity” disposition is no longer present on the agenda. Nevertheless, politicians took advantage of such a solidarity to gain popularity and to play up their image.

Travels and frontier-crossing were prohibited or restricted, thus undermining world tourism and transport industries and reducing international trade. The travel bans put in place by the USA, were initially deemed scandalous in Europe, although this perception diminished sub-

stantially after the USA rose to the first place in the pandemic anti-ranking. The same measures, introduced by other countries, complicated the lives of those looking for a job, a refuge, a family union or having a health problem, and put to a check the global flow of travelers who had got used to “wipe out” countries they visited from the world map. The travel ban was treated as a big annoyance by the better-off and middle-class tourists and travelers alike, who considered the pandemic a “mild flu” and the attendant limitations to be a violation of the universal right to come and go at will. But these potential globetrotters should be reminded that already in Peru, in France, in Italy, visits to famous tourist sites as Machu Picchu, Tour Eiffel, Venice had already been restricted, because neither the sites nor the local communities could support huge influx of visitors. Who could imagine that the number of scheduled passengers boarded by the global airline industry would jump from one billion in 1990 to over 4.5 billion people in 2019?

In “A Study of Future Worlds”, Richard Falk writes with forethought, that “to remove travel and residence policy from the control of national governments ... , ... to entrust local communities with the authority to control population size and degrees of contact with outsiders” would be possible to achieve, when “values associated with mobility” could be reconciled with “those connected with individual and community autonomy” [Falk 1975, p. 25]. Once again, we meet with a contradiction of a universal human right of travel with a communitarian right to conserve natural, cultural and historic values.

The problem of human settlements is another topic that should be discussed in a pandemic paradigm. More than a half of the world is an urban community. In 2050 about two thirds of the world population

will live in cities. The number of inhabitants of the world ten biggest megacities is now over 300 million. Ideally, urban settlements must provide essential services and guarantee the full enjoyment of human rights to populations. However, equitable enjoyment of HRs in the current urban reality is quite utopic, because big cities, especially in the developing world, have a sizable proportion of inhabitants living in slums, without access to sanitation, to healthcare, to communication, to transport, and even to treated water. The slum areas are rife with crime, especially drug trafficking, and subjected to police violence. Life in big cities, more so in slums than in the well-to-do quarters, is under greater threat through the easier virus dissemination in the crowded living condition, than in rural areas. So, HRs in big cities are very unequally enjoyed by the haves and the have-nots.

No wonder countries with a lower incidence of the disease were those with less populational density and connectedness, while, by contrast, higher rates of contagion occurred in large urban centers, with intense traffic and multiple external connections, high concentrations in living spaces and crowded public transportation. Thus, such cities as New York, Madrid and Barcelona have been and still are the most affected by the pandemic.

The dream of Constantinos Doxiadis, the author of *ekistics* (a science of human settlements), to build an *ecumenopolis*⁸ with little more than 69 billion of inhabitants, that would occupy 2.5 per cent of the land space leaving the rest to be a global garden and a global system of water, thus achieving a global ecological balance [Martins 1980, pp. 143–144], could become a reality where all of humankind could share equitably and enjoy the common and indivisible rights, secured by solidary states.

8 A world city (in Greek).

The spread of HRs and liberties has gone far beyond state frontiers and bear on how we deal with Nature and our planet. Never in the history of humanity has there been such an impressive number of people living on Earth so densely yet traveling around the globe as never before, producing and consuming incomparably more than ever, but also polluting and destroying the natural environment on an unprecedented scale. While the problem of natural limitations to the exploration of the Earth's resources has been, for long, in discussion among ecologists, economists, anthropologists, demographers, sociologists, politicians, it must be quite a new topic in the HRs epistemological community. How far can HRs expand in terms of their balance with nature, humanity, states, communities, minorities?

The reduction of CO2 emissions by 0,3% since the beginning of the pandemic was met with irony by some and with hope by others, and the fact that the Antarctic was the only continent without any contagion from the disease, was seen as just a happy anomaly. What was thus missed or played down was that Nature was giving us a dire warning about the impending climate crisis.

The above-mentioned examples show to what extent government policies were responsible for the health and wellbeing, on the one hand, or the diseases and demise of their citizens, on the other, and how the dilemmas rooted in the HRs dichotomy have contributed to greater losses of our first antipandemic responders.

Conclusion

The accorded principles of the Vienna Declaration prove that the international community was driven by a common will to strike a holistic attitude to HRs, when formulating a nexus of interdependency of democracy, HRs law and development, ap-

pealing to states to abide by it: "5. All human rights are universal, indivisible and interdependent and interrelated." ... and "... it is the duty of States, regardless of their political, economic and cultural systems, to promote and protect all human rights and fundamental freedoms." "8. Democracy, development and respect for human rights and fundamental freedoms are interdependent and mutually reinforcing". The right to development was universalized at the Vienna Conference on Human Rights.

Notwithstanding this common will to create an internationally and nationally recognized and workable covenant of indivisible and universal rights, these continue to be divided and clustered. The experience with the observance of HRs during the pandemic shows that individual rights are considered as more absolute and non-derogable rights, while economic, social and cultural rights are dealt with as more relative rights, factually "derogable" from, differently in different countries. Collective/communitarian rights are still perceived as the rights in formation, looked at ambiguously and, not rarely, with fear, prejudice and intolerance.

The forces of globalization, of modernity, of democratic transitions in the 20th century promoted individual human freedoms and liberties, first nationally, in democratic states, then beyond national border, conquering regions and continents and, finally, globally, through recognized national and international legal instruments. Never before have people enjoyed HRs as much as nowadays, as a result of the widespread implementation of universal freedoms and democratic guarantees by all kinds of political and constitutional regimes, including authoritarian and culturally distinctive countries and societies. At the same time, HRs have not been equally and fully accessible to the citizens of all countries and to individuals without exception, because glo-

balization, with its free market asymmetrical development, the historical legacy of wars, colonialism, imperialism, exploration, structural inequality is responsible for remaining racial and gender discrimination, increasing poverty and inequality, underdevelopment, natural resources depletion and climate change, a growing loss of global commons, a continued production of arms of mass destruction, including bacteriological and biological weapons, capable of unleashing unimaginable and lethal manmade pandemics and eventually bioterrorism.

It has already been stated by microbiologists and virologists: the coronavirus has come to stay in human societies and will frequently and easily attain global scale infections as a result of the very process of globalization, population growth, the density of human settlements, climate change, unsustainable economic development and irresponsible exploitation of Nature.

But enjoyment of some civil and political rights, based exclusively on individual values, can threaten a survival of human communities. A resistance to vaccination, for example, as an individual right of expression, may deem to be dangerous to families, communities and bigger collectivities of people, to their right to life. That was proved by the history of vaccinations against polio, smallpox, other lethal viruses, when persons and communities had resisted to vaccinations and perished. According to Pugh,

The question of compulsory vaccination raises salient human rights questions ..., potentially engaging the right to freedom of religion (Art 9), freedom of expression (Art 10), right to private life (Art 8), and possibly the right to freedom from inhuman and degrading treatment (Art 3). However, if a vaccine proves to be the most viable exit strategy from our current predication, the pandemic may yet require us to confront the question whether com-

pulsory vaccination could be a necessary and proportionate response do this public threat, and how far we might be willing to revise existing limits to regulations ... [Pugh 2020, p. 14].

If we live in a global society, so the freedom of each one is limited by the rights of others – of many other people and many communities, as well as by the “circumstance”, for the sake of solidarity and equity of the humankind.

But if the individual rights are enjoyed in defiance of collective/communitarian rights, this will prevent peoples and communities from taking full advantage of their rights and freedoms and working to achieve a more harmonious, democratically governed world society.

Building a normative concept of global human equity should drive states to eliminate a “great divide” between HRs public politics and HRs universality and indivisibility.

That divide, which creates an abyss of inequities, separates

- the commitment to abide by the existing system of Covenants on political, civil and economic, social and cultural rights and of non-discrimination treaties, from
- governments’ matter-of-fact “derogations” from the commitments to provide equal basic necessities of employment, food, shelter, health care, education and protect individuals and communities from discrimination, torture, slave and forced labor, in developing and well as in developed countries.

The Global Green New Deal, contributions to the UN multi-donor fund, debt restructuring and debt forgiveness, directing G20 support to the Global South, refraining from defensive trade and intellectual property measures [Falco 2020, p. 237] are extremely important for alleviating the burden of the developing countries, but

these are subsidiary measures that do not change the essence of the divide, that is, the broken HRs relationship between individuals and collectivities/communities. The answers consist in reducing inequality, giving equal status with civil and political to economic and social human rights, giving priority to sustainable development, fighting racial discrimination and gender inequality and, first and foremost, reforming human rights in the sense of its true interrelatedness and interdependence with equity and solidarity. “A Global New Deal” may deem necessary to attain such a goal.

Balancing, interrelating and equalizing individual rights with collective/communitarian/minorities rights in order to promote one’s people, one’s culture, one’s minority, one’s freedom from poverty, hunger, disease, violence, inequality, injustice and intolerance, to protect one’s global commons from a planetary collapse, through a comprehensive reform and a revision of all HRs Conventions and acts, must be an Ariadne’s thread. The pandemic is teaching us a lesson that we must learn to know how to embrace all the HRs in a comprehensive code of rights of and for all the humankind, a Global Pact of Human Rights, to be arrived at by all states and their citizens, to be internalized by them and supervised by a global authority, one that would help to bridge the gap between the two unequal worlds. This must not be a Pact valid only for emergencies or for “rainy times”. These are the “rainy times” that drive us to come to such a conclusion.

References

- Abbott J. (2020) Guatemala’s White Flags Indicate Pandemic’s Deadly Side-Effect: Hunger. *The Guardian*, May 22, 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/may/22/guatemala-white-flags-hunger-coronavirus>, accessed 15.10.2020.
- Araújo E. (2020) Chegou o Comunavírus. *Metapolítica 17 - contra o globalismo*, 22 de abril, 2020. Available at: <https://www.metapoliticabrasil.com/post/chegou-o-comunav%C3%ADrus>, accessed 15.10.2020.
- Armitage R., Nellums L.B. (2020) The COVID-19 Response Must Be Disability Inclusive. *The Lancet. Public Health*, March 27, 2020, vol. 5, no 5, pp. e235–e296. DOI: 10.1016/S2468-2667(20)30076-1
- Ban Evictions during COVID-19 Pandemic, UN Expert Urges (2020). *UN Human Rights*, August 18, 2020. Available at: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=26170>, accessed 15.10.2020.
- Bayertz K. (1999) Four Uses of “Solidarity”. *Solidarity. Philosophical Studies in Contemporary Culture*, vol. 5 (ed. Bayertz K.), Dordrecht: Springer, pp. 3–28. DOI: 10.1007/978-94-015-9245-1_1
- Beaumont P. (2020) ‘Landmark Moment’: 156 Countries Agree to Covid Vaccine Allocation Deal. *The Guardian*, September 21, 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/sep/21/landmark-moment-156-countries-agree-to-covid-vaccine-allocation-deal>, accessed 15.10.2020.
- Bhardwaj A. (2020) COVID-19 and US–China Tussle. *Economic & Political Weekly*, vol. LV, no 17, pp. 10–12. Available at: http://libraryopac.iimk.ac.in/EPW/5_EPW_Vol_LV_No_17.pdf#page=10, accessed 15.10.2020.
- Bhatia R. (2020) G20’s Role in the COVID-era. *Gateway House*, May 21, 2020. Available at: <https://www.gatewayhouse.in/g20-covid-19/>, accessed 15.10.2020.
- Buckley Ch., Lee Myers S. (2020) From “Respect” to “Sick and Twisted”: How Coronavirus Hit U.S.–China Ties. *The New York Times*, May 15, 2020. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/05/15/world/asia/coronavirus-china-united-states-cold-war.html>, accessed 15.10.2020.

Bull H. (2012) *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*, New York: Palgrave.

Coronavírus Covid-19 (2020). Protocolo do manejo clínico do coronavírus (covid-19) na atenção primária à saúde. Brasília, DF: Secretaria de Atenção Primária à Saúde, março de 2020.

Coutinho M. (2020) Distanciamento Social e Solidariedade Provisória. *Revista METAXY*, junho de 2020. Available at: <https://revistas.ufrj.br/index.php/metaxy/announcement/view/479>, accessed 15.10.2020.

Crow G. (2002) *Social Solidarities: Theories, Identities, and Social Change*, Philadelphia, PA: Open University.

Desigualdades Sociais por Cor ou Raça no Brasil (2018). *Instituto Brasileiro de Geografia e estatística*. 41ª ed. Brasília: Estudos e Pesquisas: Informação Demográfica e Socioeconômica. Available at: https://biblioteca.ibge.gov.br/visualizacao/livros/liv101681_informativo.pdf, accessed 15.10.2020.

Diamond J.M. (1999) *Guns, Germs, and Steel: The Fate of Human Societies*, New York: W.W. Norton & Company, Inc.

Dunne T. (1998) *Inventing International Society: A History of the English School*, New York: St. Martin.

Estrela F.M. et al. (2020) Pandemia da Covid 19: refletindo as vulnerabilidades a luz do gênero, raça e classe. *Ciência & Saúde Coletiva*, vol. 25, no 9, pp. 3431–3436. DOI:10.1590/1413-81232020259.14052020

Falk R.A. (1975) *A Study of Future Worlds*, New York: The Free Press.

Falco R.De (2020) Human Rights, Fiscal Policy and Economic Pluralism: Building Inclusive Recovery after COVID-19. *Peace Human Rights Governance*, vol. 4, no 2, pp. 215–246. DOI: 10.14658/pupj-phrg-2020-2-3

Fauci on Limiting Protests. From CNN's Health Gisela Crespo (2020). CNN, July 31, 2020. Available at: <https://edition.cnn.com/politics/live-news/>

fauci-coronavirus-testimony-07-31-20/h_bf320fabda3a6749cef529f140d45fcf, accessed 15.10.2020.

Felice W.F. (1996) *Taking Suffering Seriously: The Importance of Collective Human Rights*, New York: State University of New York Press.

Flaxman S., Mishra S., Gandy A. et al. (2020) Estimating the Effects of Non-pharmaceutical Interventions on COVID-19 in Europe. *Nature*, no 584, pp. 257–261. DOI: 10.1038/s41586-020-2405-7

Frost M. (2002) A Turn Not Taken: Ethics in IR at the Millennium. *The Eighty Years' Crisis: International Relations 1919–1999*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 119–132.

“Gripezinha” e “histeria”: cinco vezes em que Bolsonaro minimizou o coronavírus (2020). Congresso Em Foco, Abril 1, 2020. Available at: <https://congressoemfoco.uol.com.br/governo/gripezinha-e-histeria-cinco-vezes-em-que-bolsonaro-minimizou-o-coronavirus/>, accessed 15.10.2020.

Haas R. (2020) The Pandemic Will Accelerate History rather Than Reshape It. *Foreign Affairs*, April 7, 2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it>, accessed 15.10.2020.

Heren K. (2020) Coronavirus Pandemic Leading to a ‘Tsunami of Hate’ and ‘Contemptible Memes’, UN Chief Says. *Evening Standard*, May 8, 2020. Available at: <https://www.standard.co.uk/news/world/coronavirus-pandemic-tsunami-hate-un-chief-a4435686.html>, accessed 15.10.2020.

Human Rights Dimension of COVID-19 Response (2020). *Human Rights Watch*, March 19, 2020. Available at: <https://www.hrw.org/news/2020/03/19/human-rights-dimensions-covid-19-response>, accessed 15.10.2020.

Jaguaribe A. (2020) *Covid-19, antes e depois: algumas reflexões*, Rio de Janeiro: CEBRI; Berlin: KAS.

Joint Session of the Eurasian Online-Seminar and China Seminar with Yang Jiemian (2020). *National Research University Higher School of Economics*, May 12, 2020. Available at: <https://we.hse.ru/en/ml/news/365780446.html>, accessed 15.10.2020.

Julian Assange Denied Bail in UK after Claiming ‘High Risk’ of Catching Coronavirus (2020). *The Guardian*, March 25, 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/media/2020/mar/26/julian-assange-denied-bail-in-uk-after-claiming-high-risk-of-catching-coronavirus>, accessed 15.10.2020.

Kenny P. (2020) ILO, WHO Chiefs Welcome G20 Steps on COVID-19 Fight. *Anadolu Agency*, March 27, 2020. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/latest-on-coronavirus-outbreak/ilo-who-chiefs-welcome-g20-steps-on-covid-19-fight/1781264>, accessed 15.10.2020.

Kind L., Cordeiro R. (2020) Narrativas sobre a morte: a gripe espanhola e a covid-19 no Brasil. *Psicologia & Sociedade*, vol. 32. DOI: 10.1590/1807-0310/2020v32240740

Kissinger H.A. (2020) The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order. *The Wall Street Journal*, April 3, 2020. Available at: <https://www.henryakissinger.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order/>, accessed 15.10.2020.

Lebret A. (2020) COVID-19 Pandemic and Derogation to Human Rights. *Journal of Law and the Biosciences*, vol. 7, no 1, pp. 1–15. DOI: 10.1093/jlb/ljaa015

Liptak A. (2002) Civil Rights Law Protects Gay and Transgender Workers, Supreme Court Rules. *The New York Times*, June 15, 2002. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/06/15/us/gay-transgender-workers-supreme-court.html?auth=login-email&login=email>, accessed 15.10.2020.

Mallet V. et al. (2020) FT Interview: Emmanuel Macron Says It Is Time to Think the Unthinkable. *Financial Times*, April

16, 2020. Available at: <https://www.ft.com/content/3ea8d790-7fd1-11ea-8fdb-7ec06edeef84>, accessed 15.10.2020.

Martins I. (1980) Random Factors: Ecistics, Ecology and a Think Tank. An Approach to Settlement Planning from Doxias Onward. *The Third World Planning Review*, vol. 2, no 2, pp. 137–151.

Medida Cautelar na Arguição de Descumprimento de Preceito Fundamental 690 Distrito Federal (2020). *ADPF 690 MC/DF*, 8 de junho de 2020. Available at: <http://www.stf.jus.br/arquivo/cms/noticiaNoticiaStf/anexo/ADPF690cautelar.pdf>, accessed 15.10.2020.

Müller A. (2009) Limitations to and Derogations from Economic, Social and Cultural Rights. *Human Rights Law Review*, vol. 9, no 4, pp. 557–601. DOI: 10.1093/hrlr/ngp027

NDB (New Development Bank). Press releases, 16/06/2020, 20/06/2020, 21/07/2020. Available at: <https://www.ndb.int/>, accessed 15.10.2020.

Ortega e Gasset J. (1966) *Meditaciones del Quijote. Obras completas de José Ortega y Gasset*. 7a ed., vol. 1, Madrid: Revista de Occidente.

Powell Ch., Molina I., Martínez J.P. (coords.) (2020) *Espana y la crisis del coronavirus: Una reflexión estratégica em contexto europeo e internacional*, Madrid: Real Instituto Elcano, Junio 2020.

Pugh J. (2020) The United Kingdom’s Coronavirus Act, Deprivations of Liberty, and the Right to Liberty and Secularity of the Person. *Journal of Law and the Biosciences*, pp. 1–14, April 29, 2020. DOI: 10.1093/jlb/ljaa011

Pushkin A., Werth A. (1927) A Feast in the City of the Plague. *The Slavonic Review*, vol. 6, no 16, pp. 178–184.

Ragin Ch.C. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*, Berkeley: University of California Press.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*, Cambridge (Mass.): Harvard/Belknap Press.

Sachs J.D. (2005) *The End of Poverty*, Penguin Books.

Sancci B. (2020) Coronavirus em Argentina: um catalizador em tiempos de pandemia. *Cadernos do Tempo Presente*, vol. 11, no 1, pp. 71–89.

Santos M.P.A. dos et al. (2020) População negra e Covid-19: reflexões sobre racismo e saúde. *Estudos Avançados*, vol. 34, no 99, pp. 225–243. DOI: 10.1590/s0103-4014.2020.3499.014

Savulescu J., Vergano M., Craxi L., Wilkinson D. (2020) An Ethical Algorithm for Rationing Life-Sustaining Treatment during the COVID-19 Pandemic. *British Journal of Anaesthesia*, vol. 125, no 3, pp. 253–258. DOI: 10.1016/j.bja.2020.05.028

Schipani A. et al. (2020) The ‘Ostrich Alliance’: The Leaders Denying the Coronavirus Threat. *Financial Times*, April 16, 2020. Available at: <https://www.ft.com/content/974dc9d2-77c1-4381-adcd-2f755333a36b>, accessed 15.10.2020.

Secretary-General’s Nelson Mandela Lecture: “Tackling the Inequality Pandemic: A New Social Contract for a New Era” (2020). *United Nation Secretary General*, July 18, 2020. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-07-18/secretary-generals-nelson-mandela-lecture-%E2%80%9Ctackling-the-inequality-pandemic-new-social-contract-for-new-era%E2%80%9D-delivered>, accessed 15.10.2020.

Sen A. (2000) *Development as Freedom*, New York: First Anchor Books Edition.

Sen A. (2001) A World of Extremes: Ten Theses on Globalization. *Los Angeles Times*, July 17, 2001. Available at: http://econ.tu.ac.th/archan/pokpong/ec452/Readings/Reading%20Ch1_globalization_overview/ec452_reading_ch1_Sen1.pdf, accessed 15.10.2020.

Spadaro A. (2020) COVID-19: Testing the Limits of Human Rights. *European Journal of Risk Regulation*, vol. 11, no 2, pp. 317–325. DOI: 10.1017/err.2020.27

Steinbuch Y. (2020) UN Chief Antonio Guterres Says Coronavirus Threatens ‘Whole of Humanity’. *The New York Post*, March 26, 2020. Available at: <https://nypost.com/2020/03/26/un-chief-antonio-guterres-says-coronavirus-threatens-whole-of-humanity/>, accessed 15.10.2020.

Strohal A. (2020) Resilience of Nuclear Power During COVID-19 Pandemic Highlighted at the Annual Forum of the International Nuclear Safety Group. *IAEA*, September 22, 2020. Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/resilience-of-nuclear-power-during-covid-19-pandemic-highlighted-at-the-annual-forum-of-the-international-nuclear-safety-group>, accessed 15.10.2020.

Subcommittee to Hold Hearing on Administration’s Ventilator Contract for Waste, Fraud, and Abuse (2020). *The Committee on Oversight and Reform is the Main Investigative Committee in the U.S. House of Representatives*, August 13, 2020. Available at: <https://oversight.house.gov/news/press-releases/subcommittee-to-hold-hearing-on-administration-s-ventilator-contract-for-waste>, accessed 15.10.2020.

The Final Document of Vienna Conference on Human Rights: Declaration and Programme of Action (1993). A/CONF.157/23, July 12, 1993.

Thucydides. *The Peloponnesian War* (1910), London, J.M. Dent; New York, E.P. Dutton.

Timeline of WHO’s Response to COVID-19 (2020). *WHO*, September 9, 2020. Available at: <https://www.who.int/news/item/29-06-2020-covidtimeline>, accessed 15.10.2020.

Tovar J. (2020) Soccer, World War II and Coronavirus: A Comparative Analysis of How the Sport Shut Down. *Soccer & Society*. DOI: 10.1080/14660970.2020.1755270

Townsend D. (2020) COVID-19 Symposium COVID-19 and the Human Right to Water and Sanitation. *Opinio Juris*, March 31, 2020. Available at:

<https://opiniojuris.org/2020/03/31/covid-19-symposium-covid-19-and-the-human-right-to-water-and-sanitation/>, accessed 15.09.2020.

UN Chief Renews Call for COVID-19 Solidarity as WHO Warns ‘Majority’ of World Still at Risk (2020). *UN News/Health*, May 18, 2020. Available at: <https://news.un.org/en/story/2020/05/1064252>, accessed 15.10.2020.

United Nations Millennium Declaration. UNGA Res. 55/2, September 8, 2000.

Update on U.S. Withdrawal from the World Health Organization (2020). *U.S. Department of State*, September 3, 2020. Available at: <https://www.state.gov/update-on-u-s-withdrawal-from-the-world-health-organization/>, accessed 15.10.2020.

Vergondy E.-C.B. (2020) España frente a la COVID-19: un recorrido por las

trincheras políticas, sociales y educativas. *Cadernos do Tempo Presente*, vol. 11, no 1, pp. 46–58.

Wiarda H.J. (2007) *Comparative Politics: Approaches and Issues*, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

Willasey-Wilsey T. (2020) Policy Dilemmas from the Bombay Plague of 1896. *Gateway House*, March 25, 2020. Available at: <https://www.gatewayhouse.in/bombay-plague-1896/>, accessed 15.10.2020.

Xiang Gao, Jianxing Yu (2020) Public Governance Mechanism in the Prevention and Control of the COVID-19: Information, Decision-Making And Execution. *Journal of Chinese Governance*, vol. 5, no 2, pp. 178–197. DOI: 10.1080/23812346.2020.1744922

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-13

Права человека в эпоху пандемии

Александр Адамович ЖЕБИТ

доктор исторических наук, профессор, факультет международных отношений
Federal University of Rio de Janeiro, CEP 22.290-140, Centro de Filosofia e Ciências
Humanas, Avenida Pasteur, 250, Anexo, 3º andar, s. 16, Urca, Rio de Janeiro, RJ, Brasil
E-mail: alex@cfch.ufrj.br

ORCID: 0000-0001-9321-2210

ЦИТИРОВАНИЕ: Zhebit A. (2020) Human Rights in a Pandemic. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 219–252.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-13

Статья поступила в редакцию 01.09.2020.

БЛАГОДАРНОСТИ. Профессору, доктору исторических наук Елице Бачваровой (Universidade Federal do Rio de Janeiro), профессору, доктору исторических наук Сиднею Жозе Муньюзу (Universidade Estadual de Maringá, Paraná).

АННОТАЦИЯ. В данной статье обсуждается проблема прав человека, которые были ограничены или частично отменены во время пандемии COVID-19. При рассмотрении некоторых их ограничений, отмен и даже злоупотреблений, а также их последствий необходимо попытаться осмыслить политические, социальные, моральные и личные дилеммы ограничения прав человека, а также мотивы общественного и социального поведения во время пандемии с учетом санитарных мер, социального дистанцирования, изоляции, ограничения на поездки, социальной помощи, рекомендованных ВОЗ и избирательно принятых к соблюдению правительствами. Данная статья анализирует прошлый опыт и новые уроки пандемии, а также государственные и общественные меры и реакцию на них; она направлена на то, чтобы оценить, стимулирует ли антипандемическая политика, проводимая как государствами, так и на международном уровне, изменения в парадигме прав чело-

века в виду усугубленных в ней дилемм и дихотомий в период пандемии. Вывод заключается в том, что нынешняя парадигма прав человека должна быть пересмотрена с политических, социальных, экономических, экологических, и, особенно, с экзистенциальных позиций «тяжелых времен» с целью создания нового или усовершенствования существующего универсального кодекса этих прав.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пандемия, права человека, сравнительное право, сравнительная политика, дилеммы и дихотомии прав человека, солидарность, право справедливости

Список литературы

Abbott J. (2020) Guatemala's White Flags Indicate Pandemic's Deadly Side-Effect: Hunger // *The Guardian*, May 22, 2020 // <https://www.theguardian.com/global-development/2020/may/22/gua->

temala-white-flags-hunger-coronavirus, дата обращения 15.10.2020.

Araújo E. (2020) Chegou o Comunavírus // *Metapolítica* 17 - contra o globalismo, 22 de abril, 2020 // <https://www.metapoliticabrasil.com/post/chegou-o-comunav%C3%ADrus>, дата обращения 15.10.2020.

Armitage R., Nellums L.B. (2020) The COVID-19 Response Must Be Disability Inclusive // *The Lancet. Public Health*, March 27, 2020, vol. 5, no 5, pp. e235–e296. DOI: 10.1016/S2468-2667(20)30076-1

Ban Evictions during COVID-19 Pandemic, UN Expert Urges (2020) // *UN Human Rights*, August 18, 2020 // <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=26170>, дата обращения 15.10.2020.

Bayertz K. (1999) Four Uses of “Solidarity” // *Solidarity. Philosophical Studies in Contemporary Culture*, vol. 5 (ed. Bayertz K.), Dordrecht: Springer, pp. 3–28. DOI: 10.1007/978-94-015-9245-1_1

Beaumont P. (2020) ‘Landmark Moment’: 156 Countries Agree to Covid Vaccine Allocation Deal // *The Guardian*, September 21, 2020 // <https://www.theguardian.com/global-development/2020/sep/21/landmark-moment-156-countries-agree-to-covid-vaccine-allocation-deal>, дата обращения 15.10.2020.

Bhardwaj A. (2020) COVID-19 and US-China Tussle // *Economic & Political Weekly*, vol. LV, no 17, pp. 10–12 // http://libraryopac.iimk.ac.in/EPW/5_EPW_Vol_LV_No_17.pdf#page=10, дата обращения 15.10.2020.

Bhatia R. (2020) G20’s Role in the COVID-era // *Gateway House*, May 21, 2020 // <https://www.gatewayhouse.in/g20-covid-19/>, дата обращения 15.10.2020.

Buckley Ch., Lee Myers S. (2020) From “Respect” to “Sick and Twisted”: How Coronavirus Hit U.S.-China Ties // *The New York Times*, May 15, 2020 // <https://www.nytimes.com/2020/05/15/world/asia/coronavirus-china-united-states-cold-war.html>, дата обращения 15.10.2020.

Bull H. (2012) *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*, New York: Palgrave.

Coronavírus Covid-19 (2020). Protocolo do manejo clínico do coronavírus (covid-19) na atenção primária à saúde. Brasília, DF: Secretaria de Atenção Primária à Saúde, março de 2020.

Coutinho M. (2020) Distanciamento Social e Solidariedade Provisória // *Revista METAXY*, junho de 2020 // <https://revistas.ufrj.br/index.php/metaxy/announcement/view/479>, дата обращения 15.10.2020.

Crow G. (2002) *Social Solidarities: Theories, Identities, and Social Change*, Philadelphia, PA: Open University.

Desigualdades Sociais por Cor ou Raça no Brasil (2018) // Instituto Brasileiro de Geografia e estatística. 41ª ed. Brasília: Estudos e Pesquisas: Informação Demográfica e Socioeconômica // https://biblioteca.ibge.gov.br/visualizacao/livros/liv101681_informativo.pdf, дата обращения 15.10.2020.

Diamond J.M. (1999) *Guns, Germs, and Steel: The Fate of Human Societies*, New York: W.W. Norton & Company, Inc.

Dunne T. (1998) *Inventing International Society: A History of the English School*, New York: St. Martin.

Estrela F.M. et al. (2020) Pandemia da Covid 19: refletindo as vulnerabilidades a luz do gênero, raça e classe // *Ciência & Saúde Coletiva*, vol. 25, no 9, pp. 3431–3436. DOI: 10.1590/1413-81232020259.14052020

Falk R.A. (1975) *A Study of Future Worlds*, New York: The Free Press.

Falco R.De (2020) Human Rights, Fiscal Policy and Economic Pluralism: Building Inclusive Recovery after COVID-19 // *Peace Human Rights Governance*, vol. 4, no 2, pp. 215–246. DOI: 10.14658/pupj-phrg-2020-2-3

Fauci on Limiting Protests. From CNN’s Health Gisela Crespo (2020) // *CNN*, July 31, 2020 // <https://edition.cnn.com/politics/live-news/fauci-coronavirus->

testimony-07-31-20/h_bf320fab-da3a6749cef529f140d45fcf, дата обращения 15.10.2020.

Felice W.F. (1996) *Taking Suffering Seriously: The Importance of Collective Human Rights*, New York: State University of New York Press.

Flaxman S., Mishra S., Gandy A. et al. (2020) Estimating the Effects of Non-pharmaceutical Interventions on COVID-19 in Europe // *Nature*, no 584, pp. 257–261. DOI: 10.1038/s41586-020-2405-7

Frost M. (2002) A Turn Not Taken: Ethics in IR at the Millennium // *The Eighty Years' Crisis: International Relations 1919–1999*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 119–132.

“Gripezinha” e “histeria”: cinco vezes em que Bolsonaro minimizou o coronavírus (2020) // *Congresso Em Foco*, Abril 1, 2020 // <https://congressoemfoco.uol.com.br/governo/gripezinha-e-histeria-cinco-vezes-em-que-bolsonaro-minimizou-o-coronavirus/>, дата обращения 15.10.2020.

Haas R. (2020) The Pandemic Will Accelerate History rather Than Reshape It // *Foreign Affairs*, April 7, 2020 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it>, дата обращения 15.10.2020.

Heren K. (2020) Coronavirus Pandemic Leading to a ‘Tsunami of Hate’ and ‘Contemptible Memes’, UN Chief Says // *Evening Standard*, May 8, 2020 // <https://www.standard.co.uk/news/world/coronavirus-pandemic-tsunami-hate-un-chief-a4435686.html>, дата обращения 15.10.2020.

Human Rights Dimension of COVID-19 Response (2020) // *Human Rights Watch*, March 19, 2020 // <https://www.hrw.org/news/2020/03/19/human-rights-dimensions-covid-19-response>, дата обращения 15.10.2020.

Jaguaribe A. (2020) Covid-19, antes e depois: algumas reflexões, Rio de Janeiro: CEBRI; Berlin: KAS.

Joint Session of the Eurasian Online-Seminar and China Seminar with Yang Jiemin (2020) // *National Research University Higher School of Economics*, May 12, 2020 // <https://we.hse.ru/en/ml/news/365780446.html>, дата обращения 15.10.2020.

Julian Assange Denied Bail in UK after Claiming ‘High Risk’ of Catching Coronavirus (2020) // *The Guardian*, March 25, 2020 // <https://www.theguardian.com/media/2020/mar/26/julian-assange-denied-bail-in-uk-after-claiming-high-risk-of-catching-coronavirus>, дата обращения 15.10.2020.

Kenny P. (2020) ILO, WHO Chiefs Welcome G20 Steps on COVID-19 Fight // *Anadolu Agency*, March 27, 2020 // <https://www.aa.com.tr/en/latest-on-coronavirus-outbreak/ilo-who-chiefs-welcome-g20-steps-on-covid-19-fight/1781264>, дата обращения 15.10.2020.

Kind L., Cordeiro R. (2020) Narrativas sobre la morte: a gripe espanhola e la covid-19 no Brasil // *Psicologia & Sociedade*, vol. 32. DOI: 10.1590/1807-0310/2020v32240740

Kissinger H.A. (2020) The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order // *The Wall Street Journal*, April 3, 2020 // <https://www.henryakissinger.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order/>, дата обращения 15.10.2020.

Lebret A. (2020) COVID-19 Pandemic and Derogation to Human Rights // *Journal of Law and the Biosciences*, vol. 7, no 1, pp. 1–15. DOI: 10.1093/jlb/ljaa015

Liptak A. (2002) Civil Rights Law Protects Gay and Transgender Workers, Supreme Court Rules // *The New York Times*, June 15, 2002 // <https://www.nytimes.com/2002/06/15/us/gay-transgender-workers-supreme-court.html?auth=login-email&login=email>, дата обращения 15.10.2020.

Mallet V. et al. (2020) FT Interview: Emmanuel Macron Says It Is Time to Think the Unthinkable // *Fi-*

nancial Times, April 16, 2020 // <https://www.ft.com/content/3ea8d790-7fd1-11ea-8fdb-7ec06edeef84>, дата обращения 15.10.2020.

Martins I. (1980) Random Factors: Ekistics, Ecology and a Think Tank. An Approach to Settlement Planning from Doxiadis Onward // *The Third World Planning Review*, vol. 2, no 2, pp. 137–151.

Medida Cautelar na Arguição de Descumprimento de Preceito Fundamental 690 Distrito Federal (2020) // ADPF 690 MC/DF, 8 de junho de 2020 // <http://www.stf.jus.br/arquivo/cms/noticiaNoticiaStf/anexo/ADPF690cautelar.pdf>, дата обращения 15.10.2020.

Müller A. (2009) Limitations to and Derogations from Economic, Social and Cultural Rights // *Human Rights Law Review*, vol. 9, no 4, pp. 557–601. DOI: 10.1093/hrlr/ngp027

NDB (New Development Bank). Press releases, 16/06/2020, 20/06/2020, 21/07/2020 // <https://www.ndb.int/>, дата обращения 15.10.2020.

Ortega e Gasset J. (1966) *Meditaciones del Quijote* // *Obras completas de José Ortega y Gasset*. 7a ed., vol. 1, Madrid: Revisita de Occidente.

Powell Ch., Molina I., Martínez J.P. (co-ords.) (2020) *Espana y la crisis del coronavirus: Una reflexión estratégica em contexto europeo e internacional*, Madrid: Real Instituto Elcano, Junio 2020.

Pugh J. (2020) The United Kingdom's Coronavirus Act, Deprivations of Liberty, and the Right to Liberty and Security of the Person // *Journal of Law and the Biosciences*, pp. 1–14, April 29, 2020. DOI: 10.1093/jlb/lsaa011

Pushkin A., Werth A. (1927) A Feast in the City of the Plague // *The Slavonic Review*, vol. 6, no 16, pp. 178–184.

Ragin Ch.C. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*, Berkeley: University of California Press.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*, Cambridge (Mass.): Harvard/Belknap Press.

Sachs J.D. (2005) *The End of Poverty*, Penguin Books.

Sancci B. (2020) Coronavirus em Argentina: um catalizador em tempos de pandemia // *Cadernos do Tempo Presente*, vol. 11, no 1, pp. 71–89.

Santos M.P.A. dos et al. (2020) População negra e Covid-19: reflexões sobre racismo e saúde // *Estudos Avançados*, vol. 34, no 99, pp. 225–243. DOI: 10.1590/s0103-4014.2020.3499.014

Savulescu J., Vergano M., Craxi L., Wilkinson D. (2020) An Ethical Algorithm for Rationing Life-Sustaining Treatment during the COVID-19 Pandemic // *British Journal of Anaesthesia*, vol. 125, no 3, pp. 253–258. DOI: 10.1016/j.bja.2020.05.028

Schipani A. et al. (2020) The 'Ostrich Alliance': The Leaders Denying the Coronavirus Threat // *Financial Times*, April 16, 2020 // <https://www.ft.com/content/974d-c9d2-77c1-4381-adcd-2f755333a36b>, дата обращения 15.10.2020.

Secretary-General's Nelson Mandela Lecture: "Tackling the Inequality Pandemic: A New Social Contract for a New Era" (2020) // United Nation Secretary General, July 18, 2020 // <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-07-18/secretary-generals-nelson-mandela-lecture-%E2%80%99Ctackling-the-inequality-pandemic-new-social-contract-for-new-era%E2%80%99D-delivered>, дата обращения 15.10.2020.

Sen A. (2000) *Development as Freedom*, New York: First Anchor Books Edition.

Sen A. (2001) *A World of Extremes: Ten Theses on Globalization* // *Los Angeles Times*, July 17, 2001 // http://econ.tu.ac.th/archan/pokpong/ec452/Readings/Reading%20Ch1_globalization_overview/ec452_reading_ch1_Sen1.pdf, дата обращения 15.10.2020.

Spadaro A. (2020) COVID-19: Testing the Limits of Human Rights // *European Journal of Risk Regulation*, vol. 11, no 2, pp. 317–325. DOI: 10.1017/err.2020.27

Steinbuch Y. (2020) UN Chief Antonio Guterres Says Coronavirus Threatens ‘Whole of Humanity’ // *The New York Post*, March 26, 2020 // <https://nypost.com/2020/03/26/un-chief-antonio-guterres-says-coronavirus-threatens-whole-of-humanity/>, дата обращения 15.10.2020.

Strohal A. (2020) Resilience of Nuclear Power During COVID-19 Pandemic Highlighted at the Annual Forum of the International Nuclear Safety Group // *IAEA*, September 22, 2020 // <https://www.iaea.org/newscenter/news/resilience-of-nuclear-power-during-covid-19-pandemic-highlighted-at-the-annual-forum-of-the-international-nuclear-safety-group>, дата обращения 15.10.2020.

Subcommittee to Hold Hearing on Administration’s Ventilator Contract for Waste, Fraud, and Abuse (2020) // *The Committee on Oversight and Reform is the Main Investigative Committee in the U.S. House of Representatives*, August 13, 2020 // <https://oversight.house.gov/news/press-releases/subcommittee-to-hold-hearing-on-administration-s-ventilator-contract-for-waste>, дата обращения 15.10.2020.

The Final Document of Vienna Conference on Human Rights: Declaration and Programme of Action (1993). A/CONF.157/23, July 12, 1993.

Thucydides. *The Peloponnesian War* (1910), London, J.M. Dent; New York, E.P. Dutton.

Timeline of WHO’s Response to COVID-19 (2020) // *WHO*, September 9, 2020 // <https://www.who.int/news/item/29-06-2020-covidtimeline>, дата обращения 15.10.2020.

Tovar J. (2020) Soccer, World War II and Coronavirus: A Comparative Analysis of

How the Sport Shut Down // *Soccer & Society*. DOI: 10.1080/14660970.2020.1755270

Townsend D. (2020) COVID-19 Symposium COVID-19 and the Human Right to Water and Sanitation // *Opinio Juris*, March 31, 2020 // <https://opiniojuris.org/2020/03/31/covid-19-symposium-covid-19-and-the-human-right-to-water-and-sanitation/>, дата обращения 15.09.2020.

UN Chief Renews Call for COVID-19 Solidarity as WHO Warns ‘Majority’ of World Still at Risk (2020) // *UN News/Health*, May 18, 2020 // <https://news.un.org/en/story/2020/05/1064252>, дата обращения 15.10.2020.

United Nations Millennium Declaration. UNGA Res. 55/2, September 8, 2000.

Update on U.S. Withdrawal from the World Health Organization (2020) // *U.S. Department of State*, September 3, 2020 // <https://www.state.gov/update-on-u-s-withdrawal-from-the-world-health-organization/>, дата обращения 15.10.2020.

Vergondy E.-C.B. (2020) España frente a la COVID-19: un recorrido por las trincheras políticas, sociales y educativas // *Cadernos do Tempo Presente*, vol. 11, no 1, pp. 46–58.

Wiarda H.J. (2007) *Comparative Politics: Approaches and Issues*, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

Willasey-Wilsey T. (2020) Policy Dilemmas from the Bombay Plague of 1896 // *Gateway House*, March 25, 2020 // <https://www.gatewayhouse.in/bombay-plague-1896/>, дата обращения 15.10.2020.

Xiang Gao, Jianxing Yu (2020) Public Governance Mechanism in the Prevention and Control of the COVID-19: Information, Decision-Making And Execution // *Journal of Chinese Governance*, vol. 5, no 2, pp. 178–197. DOI: 10.1080/23812346.2020.1744922

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-14

Турбулентия современного мира через призму коронавирусной пандемии

Камалудин Серажудинович ГАДЖИЕВ

доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Сектор теории политики

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: gajievks@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9358-1227

ЦИТИРОВАНИЕ: Гаджиев К.С. (2020) Турбулентия современного мира через призму коронавирусной пандемии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 253–272.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-14

Статья поступила в редакцию 14.07.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье дается анализ некоторых, на взгляд автора, ключевых факторов, определяющих последствия коронавирусной пандемии, оказывающей существенное влияние на турбулентное состояние современного мира. Проанализирован целый ряд популярных в научной литературе оценок и идей относительно роли пандемии для состояния и перспектив современного мира. Сделан вывод, что при всех возможных в этом вопросе оговорках коронавирусную пандемию можно рассматривать как один из важнейших факторов, усиливающих значимость тех тектонических сдвигов в базовых инфраструктурах современного мира, которые служат основой для смены либерального/однополярного миропорядка новым типом мир-системы. Показано, что пандемия обнажила те болевые точки, которые характерны для исторических переходных периодов («осевое

время»). Она сопровождается обострением противоречий, усилением конфликтогенности как в сфере международных отношений, так и внутри отдельных стран и цивилизаций, ростом различных форм ксенофобии. Критически проанализировав идеи о возрождении позитивной роли национального государства, предполагаемом конце глобализации, «посткоронавирусного мира», так называемой новой нормальности и т. д., дается развернутая авторская оценка тенденций эрозии лидерства США и стран Запада в контексте поиска ими путей решения проблем, порожденных коронавирусной пандемией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коронавирус, пандемия, кризис, глобализация, фрагментация, миропорядок, посткоронавирусный мир, новая нормальность, мировая политика, конфликтогенность

Природа и некоторые геополитические последствия пандемии

Одна из особенностей коронавирусной пандемии, многократно усиливающая ее остроту и возможные последствия, состоит в том, что она пришлась на период, когда современный мир находится в состоянии турбулентции, трансформации парадигмальных основ либерального/однополярного миропорядка и формирования на его обломках качественно нового типа самоорганизации мир-системы. Турбулентция в условиях информационно-телекоммуникационной революции и глобализации коренным образом изменяет традиционные представления о закономерностях общественно-исторического развития, которое предстает как хаотичный набор налагающихся друг на друга, не всегда связанных между собой событий и процессов. Она связана с процессами растущего разнообразия, дифференциации и самоорганизации на различных уровнях трансформации человеческих сообществ. Это весьма объемная тема, основные аспекты которой начиная с 1990-х гг. серьезно разрабатываются в мировой политической науке и геополитике. В предлагаемой вниманию читателей статье предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые нюансы и особенности, которые она приобрела в условиях коронавирусной пандемии.

Пандемию коронавируса по своей значимости для перспектив современного мира нередко сравнивают с нападением Японии в декабре 1941 г. на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе, падением Берлинской стены и иными знаковыми событиями и процессами, приведшими к серьезным сдвигам в системных и структурных составляющих миропорядка. Утверждается, что по значимо-

сти для судеб человечества она может быть поставлена где-то между «черной смертью» в Европе XIV в. и нашествием гуннов Аттилы. Как утверждает, например, французский историк П. Вермерен, пандемия коронавируса является «бичом Божиим», наподобие чумы, которую А. Камю описал в своем всемирно известном романе «Чума» [Vermeren 2020]. Широко распространено и убеждение в том, что мир погрузился в состояние войны. Эти представления поддерживают и ряд современных политиков в ведущих странах мира. Так, назвав свою политику против пандемии «войной против невидимого врага», Д. Трамп провозгласил себя «президентом военного времени». Чтобы подчеркнуть значимость ситуации, он утверждал, что эта война потребует от американского народа не меньших усилий и сплоченности, чем во время Второй мировой войны. Не случайным представляется тот факт, что Трамп с 13 апреля 2020 г. объявил во всех 50 штатах режим «масштабного бедствия». Рассуждая примерно в том же духе, президент Франции Э. Макрон заявил, что «сегодня нация погрузилась в состояние войны».

При такой оценке возрастающее значение приобретает не только сама пандемия, но и реакция людей на нее, наиболее очевидным проявлением которой стала коллективная коронавирусная паника, подогреваемая разного рода коллективными страхами. В этом контексте представляет интерес приводимая Г. Киссинджером аналогия нынешней коронавирусной пандемии с той ситуацией, которая сложилась в конце 1944 г. на одном из фронтов Второй мировой войны. «Сюрреалистическая атмосфера пандемии COVID-19, – пишет он, – напоминает мне впечатления, которые у меня сложились, когда я, будучи молодым человеком, служил в 84-й пехотной дивизии во время

Второй мировой войны. Теперь, как и в конце 1944-го г., возникает чувство общей скрытой опасности». Однако, по мнению Киссинджера, между двумя ситуациями существует большая разница. Если тогда, благодаря единой национальной цели, США были полны решимости бороться против врага, то ныне «мы живем в расколотой стране» [Kissinger 2020].

На первых порах, когда ВОЗ объявила коронавирусную пандемию, создавалось впечатление, что граждане США готовятся не то к концу света, не то к предстоящей борьбе за свою жизнь. Об этом свидетельствует стремительный рост продаж стрелкового оружия по всей стране, что, в свою очередь, указывало на потерю доверия к способности властей обеспечить их безопасность. Свою лепту в вызываемые пандемией страхи вносили алармистские заголовки материалов средств массовой информации, драматически описывающие ход и повседневные результаты пандемии. Отчасти панические настроения всевозрастающей массы людей подогревались тем фактом, что карантинные меры ведут ко все более возрастающим масштабам и темпам падения мировой экономики со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Многие аналитики уповают на осознание народами экзистенциального характера угроз самому существованию человечества, что, мол, может создать условия для единения всех народов, стран и регионов. Нет сомнений в том, что при всех возможных в этом вопросе оговорках окончательную победу над пандемией можно одержать лишь общими усилиями, сплоченностью, сотрудничеством всех ключевых акторов мировой политики. Возможно, правы американские журналисты Дж. Марисон и Т. Гроув, которые назвали свою статью, опубликованную в газете The

Wall Street Journal, «НАТО и Россия играют мускулами, но коронавирус – общий враг» [Marison, Grove 2020]. И, соответственно, одолеть его можно совместными усилиями. Этой же точки зрения придерживается Г. Киссинджер, по мнению которого «ни одна страна, включая США, не способна одними лишь собственными силами побороть кризис» [Kissinger 2020]. В этом русле некоторые авторы предрекали, что одним из последствий пандемии станет отказ Запада от русофобии и даже возможное снятие санкций с России, или, как отмечал американский аналитик Дж. Китфильд, она может привести к преодолению геополитического противоборства и налаживанию «дружеских отношений между Соединенными Штатами, Китаем и Россией» [Kitfield 2020].

Однако эти доводы, рассуждения и связанные с ними прогнозы оказались, мягко говоря, преждевременными и весьма далекими от коронавирусных реалий. Эти реалии воочию демонстрируют, что человек эгоистичен, а в тех или иных форс-мажорных, турбулентных состояниях, тем более вызовах, угрозах экзистенциального масштаба, эгоистично могут проявлять себя целые человеческие сообщества, народы, нации, государства. Действительно, пандемия принесла с собой вирус, существенно усиливший противоречия и конфликтогенность между народами, вражду и демонизацию друг друга реальными и потенциальными противниками на геополитической арене. Растущие противоречия порождают различные формы расизма, ксенофобии, наглядными проявлениями которых стали русофобия, синофобия, исламо- и иного рода фобии. С ними органически коррелирует феномен, который французский журналист П. Смолар назвал «хищнической дипломатией» (*la diplomatie carnivore*), под кото-

рой имеется в виду поведение великих держав, замешанное на «жестокости, внешней и внутренней пропаганде, эгоизме и неприятии достигнутых на многосторонней основе компромиссов» [Smolar 2020].

Парадоксальным образом неотъемлемой частью этих процессов стала развернувшаяся гонка в таком в высшей степени гуманистическом и отвечающем интересам всех народов начинании, как область разработки вакцины против коронавируса. Исходят из убеждения в том, что победителем из войны против этого всемирного зла выйдет та страна, которой первой удастся достичь данной заветной цели. Поэтому естественно, что, по оценке ВОЗ, в эту гонку включились более 140 фармкомпаний по всему миру. Вакцина стала чем-то вроде политического капитала. Более того, глобальную погоню за ней американские аналитики Дж. Канчев и Д. Хиншоу сравнивали «с космической гонкой 1960-х гг., в которой СССР и США схлестнулись против друг друга» [Kantchev, Hinshaw 2020]. Директор Института национального и глобального права в области здравоохранения О'Нила в Джорджтаунском Университете Л. Гостин утверждает, что гонка за вакциной «между Россией, Китаем и Соединенными Штатами имеет даже большее значение, чем гонка за полет на Луну» [Kantchev, Hinshaw 2020]. И действительно, как правильно отмечает А. Кортунов, «сторона, которая убедительно продемонстрирует миру свое преимущество в противостоянии коронавирусу, одновременно подтвердит обоснованность своих претензий на глобальное лидерство в поствирусном мире. Сторона, которая оставит впечатление беспомощности и неповоротливости перед лицом пандемии, автоматически окажется в положении аутсайдера, едва ли способного справиться и с другими грядущими вы-

зовами XXI столетия» [Кортунов 2020]. Можно утверждать, что вопрос выигрыша в развернувшейся гонке за вакцину, первенства в производстве вакцины приобрел для Запада в целом, да и остальных ключевых геополитических игроков весьма важное значение с точки зрения имиджа, престижа и статуса на шкале грандов мировой политики, а также идеолого-информационного, политического и коммерческого пиара. А для США этот вопрос приобретает дополнительную значимость в плане сохранения статуса «все еще номер один в мире». Этими реалиями объясняется весьма негативная реакция коллективного Запада, прежде всего США, на обнародование Россией первой производства, апробации и регистрации вакцины против коронавируса, которую по аналогии с первым крупным успехом СССР в космосе ее авторы символически назвали «Спутник V». Тем самым Россия нанесла США по сути не только мощный имиджевый, но также удар коммерческого и геополитического характера.

Для правильного понимания происходящих процессов необходимо осознать, что пандемия обнажила лишь верхушку того айсберга, базовые составляющие которого формируются наметившимися в последние полтора-два десятилетия тектоническими сдвигами в глубинных пластах современного стремительно трансформирующегося мира. Можно утверждать, что коронавирусная пандемия, как серьезный кризис, обнажила болевые точки, характерные для исторических переходных периодов, или (по терминологии К. Ясперса) «осевых времен». В рамках большого исторического перехода происходит усиление тенденций локализма, национализма, ксенофобии, международного терроризма, постепенной эрозии основ либерального/однополярного миропорядка на фоне от-

носительного сокращения экономико-технологической и военно-политической гегемонии Запада в целом и США в особенности, переоценки ценностей либерализма, политической демократии, прав и свобод человека, инверсии вектора и функций глобализации, подрыва основ международного права, развертывания торгово-экономических войн, одностороннего применения санкций и т. д. Коронавирусная пандемия, как представляется, всяма «удачно» наложилась на турбулентное состояние современного мира, вызванное этими процессами, придав ему особую специфику, дополнительную значимость и необратимый характер.

Суть вопроса состоит в том, что в условиях пандемии самоизоляция человеческих сообществ, национальных государств как бы явочным порядком стала повесткой дня глобального масштаба. Все отчетливее проявляются признаки глубокого раскола в структурах Единой Европы, Евроатлантическом сообществе между Евросоюзом и США. Еще задолго до пандемии коронавируса на Западе в силу целого комплекса факторов, в т. ч. миграционного кризиса лета 2015 г., начался феномен забор- и стеностроительства на государственных границах¹. Но вряд ли кто мог всерьез прогнозировать столь форс-мажорную ситуацию, при которой границы между государствами, даже членами Евросоюза, включая шенгенскую зону, так радикально закроются. В этом контексте можно согласиться с Еврокомиссаром по экономике П. Дженгилони, который назвал коронавирусную пандемию «экзистенциальной угрозой» Евросоюзу [EU Faces “Existential Threat” 2020].

Весь мир оказался испещренным трещинами разной глубины и разных

масштабов. В результате, казалось бы, уже ставший реальностью глобальный мир стал запирается по национальным квартирам. В этом смысле мир, охваченный пандемией коронавируса, напоминает своего рода гигантский лайнер в бушующем океане, которому грозит катастрофа, но каждый пассажир стремится спастись в «своей» отдельной изолированной каюте.

Пандемия коронавируса как бы пробуждает традиционные для человека и человеческих сообществ инстинкты, осознание дихотомий «мы – они», «друзья – враги», «союзники – противники», размышления на тему о том, на кого в форс-мажорных ситуациях можно положиться, а на кого нет. Наблюдается тенденция к обращению вовнутрь, к поиску собственного пути жизнеобеспечения, собственных форм общественно-политической самоорганизации, спрос на готовность самостоятельно определять свою судьбу.

Пандемия предоставила государствам возможность показать друг другу, кто есть кто и кто чего стоит. Обнаруживается, что в периоды вселенского масштаба турбулентных состояний, за которыми следуют глубокие и широкомасштабные кризисы, наступает необходимость переоценки всех основополагающих ценностей, осознание той реальности, что государственные границы имеют значение. Одним из ключевых результатов такой переоценки может стать осознание того факта, что именно национальное государство способно обеспечить жизненно важные национальные интересы и национальную безопасность соответствующего народа. В этом смысле можно согласиться с лауреатом Нобелевской премии Дж. Стиглицем, по мнению которого пандемия воочию про-

1 Об этом более подробно см.: [Гаджиев 2019; Gadzhiev 2019].

демонстрировала, что базовой политической и экономической составляющей современного мира остается национальное государство [How the Economy Will Look After the Coronavirus Pandemic 2020].

С учетом этих реалий некоторые аналитики, касаясь возможных последствий пандемии, утверждают, что она положит конец глобализации, что наступает «эпоха постглобализации», что мир переживает «форсаж деглобализации». Например, директор английского Королевского института международных отношений, или Чатэм-Хауса, Р. Ниблетт полагает: «Пандемия коронавируса, возможно, станет той соломинкой, которая сломает хребет верблюду экономической глобализации» (The coronavirus pandemic could be the straw that breaks the camel's back of economic globalization) [How the Economy Will Look After the Coronavirus Pandemic 2020]. Профессор Гарвардского университета, глава Всемирного банка К. Райнхарт назвал коронавирус «еще одним гвоздем в гроб глобализации» (Another nail in the coffin of globalization) [How the Economy Will Look After the Coronavirus Pandemic 2020].

Однако при этом как бы игнорируется тот факт, что глобализация – неотъемлемая составляющая современного мира, независимая от устремлений, интересов, капризов, политической стратегии каких бы то ни было отдельно взятых геополитических акторов. Глобализация представляет собой объективный процесс, который, возможно, и можно ускорить или замедлить, но никак невозможно блокировать и тем более отменить. В этом качестве глобализация никуда не исчезла и не исчезнет, во всяком случае, в силу того очевидного факта, что сохраняет-

ся и, более того, неуклонно растет значимость информационно-телекоммуникационной революции, которая, собственно говоря, лежит в основе глобализации. Нельзя забывать тот факт, что в этой связке первична информационно-телекоммуникационная (цифровая) революция, а глобализация в ее современном понимании в значительной степени, если не абсолютно, вторична от нее. Именно в силу этой реальности при всех возможных в этом вопросе оговорках нельзя не признать, что современный мир остается информационно, телекоммуникационно, экономически, медийно, культурно и т. д. глобализированным.

В то же время глобализация, которая ведет к единению современного мира, теснейшим образом связана с его фрагментацией². Или, иначе говоря, речь идет о двуедином процессе единения и фрагментации, причем ускорение и расширение процессов глобализации неизбежно ведут к усилению процессов фрагментации. Пандемия не может положить конец глобализации, но неизбежны ее корректировки с учетом тех тектонических сдвигов в мире, о которых говорилось выше.

Возможно, есть определенное рациональное зерно в рассуждении профессора Принстонского университета Г.Дж. Айкенберри, по мнению которого сначала реакция на пандемию коронавируса «...может быть националистической, но со временем демократии выберутся из своей скорлупы, чтобы найти новый тип прагматического и защитного интернационализма» (a new type of pragmatic and protective internationalism) [How the Economy Will Look After the Coronavirus Pandemic 2020]. Рассуждая в таком же духе, бывший министр экономики Турции, ныне старший на-

2 Об этом более подробно см.: [Гаджиев 2019; Gadzhiev 2019].

учный сотрудник Института Брукинга К. Дервиш пишет: «...отказ от глобализации во всевозрастающей степени представляется неизбежным... Но лучшее решение будет найдено с помощью глубокого, всеобъемлющего и эффективного, многостороннего сотрудничества» (deep, inclusive, and effective multilateralism) [Derviş 2020]. В этом смысле актуальны и размышления Дж. Стиглица, по мнению которого миру нужен «...прочный баланс между глобализацией и самодостаточностью» [How the Economy Will Look After the Coronavirus Pandemic 2020].

Разумеется, здесь речь идет о «самодостаточности» человеческих сообществ, прежде всего национальных государств. Речь идет о том, чтобы найти те формы и решения, которые дадут возможность органического сочетания самодостаточности национальных государств с процессами глобализации на путях поиска «нового типа прагматического и защитного интернационализма», «глубокого, всеобъемлющего и эффективного, многостороннего сотрудничества» (multilateralism). Разумеется, могут быть и иные формулировки, но суть вопроса состоит в том, что глобализация, подвергнувшись необходимой корректировке, останется одним из важнейших факторов, определяющих перспективы и контуры посткоронавирусного мира.

Чуть ли не расхожим стало выражение «Мир после коронавируса никогда уже не будет прежним» [Après la Pandémie 2020; Kissinger 2020]. Поэтому параллельно с борьбой с инфекцией возникает необходимость поисков пути формирования «поствирусного мирового порядка» [Kissinger 2020].

Как известно, в своей получившей в свое время скандальную популярность статье Ф. Фукуяма декларировал «конец истории», вызванного, по его мнению, окончательной победой

либерализма во всемирном масштабе. Но, как показали последующие события, конец истории действительно наступил, но конец либерального/однополярного миропорядка, на судьбе которого последнюю точку над *i* поставила пандемия. Разумеется, какого-либо конкретного сколько-нибудь более или менее четко сформулированного проекта постпандемийного миропорядка не существует и не может существовать. Если теоретически допустить существование таких проектов, то с учетом тенденций и процессов развития современного мира их может быть столько, сколько крупных акторов мировой политики претендует на ведущие роли в посткоронавирусном миропорядке. Так, по мнению американских авторов Дж.Д. Карафако и К. Волкера, постпандемический миропорядок должен основываться на западных ценностях, для чего руководители США уже сейчас должны направить свой потенциал на его формирование, обеспечивая приверженность НАТО и Евросоюза «процессу расширения для включения в свой состав все европейские демократические страны» [Carafano, Volker 2020].

Пытаясь обосновать тезис о том, что началом «века Азии стал май 2020 г.», французский журналист С. Фалетти пишет: «Мы ожидали этого события у подножия сверкающих небоскребов Шанхая или в порту Сингапура, огромного центра без границ. Наконец, он появился в мрачных больницах Ухани, промышленного «китайского Детройта», затерянного в самом сердце рисовых полей Срединной империи. Именно Ухань, по мнению Фалетти, стал чем-то вроде 11 сентября, способным нанести удар по его духу (pour frapper les esprits), клонящегося к упадку Запада» [Falletti 2020]. Ряд аналитиков убеждены в том, что зарождается новый мир, в котором длительное мировое

лидерство перейдет к Китаю, или, как утверждает в английском журнале *The Economist*, мир переживает «геополитический переломный момент». Как бы подтверждая обоснованность данного тезиса, глава внешнеполитического ведомства Евросоюза Дж. Боррелл заявил: «Аналитики уже давно говорили об окончании ведомой Америкой системы и наступлении азиатского века. Теперь это происходит прямо у нас на глазах» [Antonopoulos 2020].

Террористическая атака 11 сентября 2001 г., ураган «Катрина», разрушивший в августе 2005 г. город Новый Орлеан, который оказался во власти мафродеров и просто обезумевших людей, мировой финансово-экономический кризис 2008 г., свиной грипп 2009 г., Фукусима в Японии в 2011 г., миграционный кризис лета 2015 г. и т. д. Каждое из этих событий оказало влияние на оценку людьми тех или иных аспектов общественной жизни и, возможно, на политическое поведение и выбор населения соответствующих стран.

В период финансового кризиса 2008 г. было много прогнозов о том, каким будет мир после преодоления так называемой оси потрясений. Утверждалось, что США представят новые возможности для укрепления своего лидирующего положения в мире, Китай всецело сосредоточится на своих внутренних делах, а всевозрастающее число авторитарных государств станут на рельсы политической демократии, что в совокупности обеспечит дальнейшее укрепление либерального/однополярного миропорядка. Однако мало кто мог спрогнозировать, что суть ожидавшейся «новой нормальности» состояла в разворачивании и усилении тех тектонических сдвигов в базовых инфраструктурах современного мира, о которых говорилось выше. Произошло много такого, что осталось вне прогнозов самых авторитетных

аналитиков. Глобализация, которая началась как западный проект, претерпела инверсию, выдвинув на первые роли в мировом экономико-технологическом прогрессе народы Востока, понимаемого в самом широком смысле.

В силу комплекса причин коронавирусная пандемия в глазах мирового сообщества приобрела значимость более серьезного феномена, чем все названные природные, техногенные и иные потрясения. Естественно, она не может не иметь более серьезных последствий для всего человечества. Возможно, есть резон согласиться с теми авторами, которые усматривают в коронавирусе «отрезвляющий душ для человечества», который заставит его переосмыслить стоящие перед современным миром проблемы. Однако, как представляется, приведенные здесь оценки и рассуждения носят условный характер, и после того, как рассеются туман и неопределенности, связанные с коронавирусной пандемией, не исключено, что они, во всяком случае, самые радикальные из них, не всегда и не обязательно будут коррелироваться с реальной природой пандемии и возможными ее последствиями с точки зрения перспектив современного мира. Все же суть вопроса состоит в том, что она уже привела к таким изменениям в общественном сознании почти всех без исключения народов, что с полным на то основанием может претендовать на статус одного из важнейших феноменов, придавших турбулентности современного мира, начавшейся задолго до нее, новый мощный импульс.

При всем том так называемая новая нормальность, которую связывают с постпандемическим миром, может оказаться с весьма серьезными изъянами. Касательно США она, как отмечает американский дипломат и глава Фонда Карнеги У. Бёрнс, может оказаться «временем расплаты», которое «на-

двигалось уже давно, задолго до прихода к власти Дональда Трампа... Но решения, которые принимали США, приблизили сегодняшний кризис и сделали его более болезненным» [Burns 2020]. Так что «новая нормальность» совсем необязательно будет неким «светлым будущим».

О поисках путей преодоления последствий коронавирусной пандемии

В рассматриваемом контексте представляется уместным обратить внимание на следующее обстоятельство. Заявив, что во II квартале текущего года ВВП США может сократиться на 20–30%, глава Федеральной резервной системы Дж. Пауэлл в интервью CBS утверждал, что положение, вызванное коронавирусной пандемией, нельзя расценивать как вторую Великую депрессию 30-х гг. XX в. По его мнению, если Великая депрессия была вызвана внутренними факторами, в частности крахом американской финансовой системы, то ныне она сильна, а что касается кризиса, то он «вызван внешними факторами, которые США в состоянии быстро преодолеть» [Full Transcript 2020]. Разумеется, такой прямо-таки ковбойский подход к решению архисложной задачи, в которой органически сочетается целый ряд самых разных социально-экономических, технологических, расово-этнонациональных, природных, медико-санитарных и иных факторов, коренящихся в внутристрановых и внешних реалиях, несколько озадачивает. Но это отдельная сложная тема, требующая самостоятельного исследования. Здесь представляется целесообразным затронуть некоторые детали, которые на примере США помогут пролить дополнительный свет на особенности коронавирус-

ной пандемии в плане правильного понимания ее последствий для статуса великих держав на примере США.

Известный американский социолог и экономист Дж.К. Гэлбрейт в свое время утверждал, что на национальное самосознание американского народа более серьезное влияние, чем Вторая мировая война, оказал великий экономический кризис 30-х гг. прошлого века. И действительно, пертурбации, выпавшие на долю американского народа в результате того кризиса, носили в некотором роде экзистенциальный характер, приведший к переоценке большинством американцев некоторых базовых ценностей капитализма, рыночной экономики и политической демократии. Как утверждал известный американский историк и политолог А.М. Шлезингер-мл., главная заслуга Ф.Л. Рузвельта состояла в том, что своими реформами «Нового курса» он спас капитализм от недобросовестных капиталистов. «Для американского уха слова «Великая депрессия», – не без оснований пишет В. Можегов, – звучат как грозный библейский миф. Один популярный американский экономист сравнивает крах фондового рынка октября 1929 г. с такими поворотными событиями человеческой истории, как убийство Юлия Цезаря, высадка Колумба на американский берег или битва при Ватерлоо». К этому рассуждению В. Можегов добавляет свой вывод: «Не будь Великой депрессии, не было бы, возможно, и Второй мировой войны» [Можегов 2020]. При всем возможном преувеличении такая оценка, если иметь в виду состояние умов американского народа того периода, не лишена оснований.

Возвращаясь к оценке позиции Гэлбрейта, можно утверждать, что он действительно был прав в том, что Вторая мировая война велась далеко за пределами Северо-Американского контин-

нента и при всех возможных здесь оговорках большинством населения не могла восприниматься как экзистенциальная угроза национальной безопасности США. С этой точки зрения в кругу целого комплекса факторов, обеспечивавших убежденность американцев в своей военной неуязвимости, значительное место продолжал играть Атлантический океан, рассматриваемый ими как некая гарантия от крупномасштабного нападения внешних сил (какую в XIX в. Ла-Манш играл для Великобритании).

Как показывает опыт пандемии, с точки зрения подверженности разного рода угрозам жизни и безопасности она как бы уравнивает всех – коронованных особ, президентов, премьер-министров, чиновников всех без исключения уровней, олигархов, простых людей и т. д. Ее особенность состоит в том, что она охватила народы, государства, регионы современного мира, затрагивая важнейшие сферы общественной жизни в планетарном масштабе. Она физически не осязаема, анонимна, что в совокупности порождает у каждого отдельно взятого народа, каждого отдельно взятого человека всевозрастающее ощущение уязвимости, незащищенности, страха.

Поэтому естественно, что с точки зрения обеспечения комплексной безопасности пандемия уравнивает самую могущественную экономико-технологическую и военно-политическую державу современного мира – США – с остальными народами, регионами, государствами. Дело в том, что информационно-телекоммуникационная революция, новейшие высокоточные ядерные, гиперзвуковые и иные вооружения и системы их доставки на любую точку земного шара как бы обнулили Атлантический океан в качестве главного заслона от внешних угроз, что гарантировалось Америке в течение всей

истории. Коронавирус также не признает никаких заслонов и препятствий. Но, в отличие от ядерного оружия, ему не нужны средства для доставки по нужному адресу. Он движется вместе с инфицированными им людьми по всему земному шару, в результате чего способен оказаться всюду, здесь и теперь, в т. ч. на Северо-Американском континенте.

Парадокс состоит в том, что наибольший урон в результате пандемии понесли именно США. И в этом смысле пандемия в чем-то сродни террористической атаке 11 сентября 2001 г., которая была нанесена США как по самой могущественной державе, олицетворяющей процветающий Запад, Нью-Йорку – как визитной карточке самих США и двум зданиям-близнецам ВТО – как творению могущественного Запада во главе с Вашингтоном. К настоящему времени США преодолели важный психологический барьер в людских потерях и в плане «потери лица» как в глазах определенной части собственных граждан, так и перед остальным миром. Потери США от коронавируса за несколько месяцев уже превзошли их потери за десять лет во вьетнамской войне (54 тыс.) и в Первой мировой войне (110 тыс.). Причем, и это самое главное, жертвы пандемии погибли на американской земле. Тем сильнее последствия для национального самосознания, национальной идентичности социально-психологического состояния населения.

Воочию обнаруживается, что в условиях кризисов, подобных пандемии коронавируса, США так же уязвимы, как и большинство государств современного мира. Соответственно, такая ситуация не может не вызвать сомнения в обоснованности их притязаний на мировое лидерство в современном мире. Как известно, поражение сверхдержавы в далеком Индокитае в войне про-

тив экономически и технологически отсталого Вьетнама породило в американском национальном самосознании так называемый вьетнамский синдром поражения и унижения, для преодоления которого США понадобились много лет и много усилий. Окончательным аккордом в этой эпопее стала маленькая победоносная война, развязанная администрацией Р. Рейгана в 1983 г. против малюсенького островного государства Гренада. С учетом того экономического и социально-политического кризиса, на который наложилась пандемия, возникает сакраментальный вопрос: следует ли ожидать в национальном сознании американцев (по аналогии с вьетнамским синдромом) коронавирусный синдром, за которым, по логике вещей, неизбежно должна следовать реализация трамповского лозунга *Make America great again*.

В этом контексте возникает другой не менее волнующий умы аналитиков чуть ли не во всем мире вопрос о причинах неудачи ведущих индустриально развитых демократических стран, прежде всего США, в борьбе с коронавирусной пандемией. Разумеется, на этот вопрос нет и на данный момент не может быть научно обоснованного ответа, поскольку в его основе лежит целый комплекс факторов, для выяснения которых понадобятся усилия специалистов из разных сфер общественных наук. Здесь представляется возможным ограничиться анализом места и роли ценностной, социокультурной, политико-культурной систем, национальной идентичности и национального самосознания, образа жизни соответствующих народов. Не случайным представляется тот факт, что многие аналитики указывают на различия по этим критериям Китая и народов Восточной Азии, с одной стороны, США и Европы, с другой. Как показывают современные мировые реа-

лии и опыт жизни в условиях коронавирусной пандемии, при социальных, технологических, природных и иных катаклизмах, форс-мажорных, турбулентных состояниях наиболее жизнеспособными и эффективными оказываются народы с органической социо- и политико-культурной системами, придающими национальному самосознанию особенности, более или менее отличающиеся от менталитета народов, у которых преобладающие позиции занимают ценности прав и свобод человека, политической демократии, индивидуализм, потребительские ценности и т. д.

Если на Востоке, понимаемом в самом широком смысле, более или менее легко ввести те или иные ограничения, например, правило социального дистанцирования или самоизоляции, то на Западе это связано с определенными трудностями. Как справедливо отмечал профессор Гарвардского университета С. Уолт, в отличие от Южной Кореи и Сингапура, которые реагировали на вспышку COVID-19 наилучшим образом, а также Китая, который, допустив первоначально ряд ошибок, оперативно начал ответные действия, Европа и Америка «реагировали медленно и непродуманно, еще больше навредив хваленому бренду Запада» [How the Economy Will Look After the Coronavirus Pandemic 2020]. Этот «бренд» получил мощный удар в результате вспышки бунта против истории, разразившегося в США весной-летом 2020 г. Здесь можно ограничиться констатацией значимости данного события, состоящего в том, что оно было направлено против самой сути американской идеи и ценностной системы, заложенных «отцами-основателями» США.

Факты говорят о том, что целому ряду азиатских стран удалось мобилизовать силы и ресурсы, чтобы эффективно реагировать на вызовы пан-

демии. Особенно показателен с данной точки зрения опыт Китая, которому сравнительно быстро, с беспрецедентно малыми потерями удалось блокировать неконтролируемое распространение коронавируса, и в этом плане он, можно сказать, продемонстрировал преимущество перед США и рядом других ведущих стран Запада. Одним из факторов такого успеха стало введение государством довольно жестких карантинных мер, которые большинством населения неукоснительно соблюдались. Можно согласиться с американским аналитиком Б. Милановичем, по мнению которого успех Пекина в борьбе с пандемией воочию показал различия между «политическим» капитализмом Китая и «либеральным» его типом США. Согласно Милановичу, обе эти системы имеют как преимущества, так и уязвимые места, но все же, по его мнению, централизация власти дала Пекину возможность контролировать, мобилизовать и использовать огромные ресурсы для введения «драконовских» мер для успешной борьбы с пандемией [Milanovic 2020]. Тем самым, по его словам, пандемия продемонстрировала, что в создавшихся ныне условиях Китай стал достойным противником США. В этом контексте он приводит пример запуска СССР первого в истории искусственного спутника Земли в октябре 1957 г., что стало сигналом Вашингтону о том, кто именно является его грозным противником. Как считает Миланович, в наши дни коронавирусная пандемия может оказаться тем же «спутником», с помощью которого Китай посылает Вашингтону послание о своих притязаниях на соответствующее место в современном мире.

Возможно, значимость успеха Китая и других азиатских стран не следует преувеличивать, поскольку целый ряд демократических государств, такие

как Новая Зеландия, Япония и Южная Корея, довольно успешно справились с пандемией и ее последствиями. Правда, здесь следует учесть, что народы Японии и Кореи являются носителями большей частью органической социокультурной и политико-культурной систем, которые поощряют дисциплинированность, приверженность групповым, коллективистским, традиционным ценностям и установкам, социально-политической иерархии, мобилизационный тип менталитета.

Лишь время покажет, оказалась ли китайская и в более широком смысле восточная мобилизационная модель жизнеустройства эффективнее, устойчивее, жизнеспособнее западного типа общественно-политической самоорганизации. Но принципиальный момент состоит в том, что пандемия поставила под серьезное сомнение установку и убеждение в незыблемости основ американской общественно-политической и финансово-экономической системы. Она обнажила уязвимость базовых устоев системы в условиях стремительно трансформирующегося мира.

Возможно, в определенной степени правы те аналитики, по мнению которых США не выдержали испытание коронавирусной пандемией, или, как утверждает президент Совета по международным отношениям Р. Хасас, «Соединенные Штаты не сдали экзамен на лидерство» [How the Economy Will Look After the Coronavirus Pandemic 2020]. Как представляется, в глазах остального мира происходит десакрализация если не всего Запада, то Соединенных Штатов. Особый интерес в этом контексте представляют позиции, которые в последнее время высказываются в некоторых средствах массовой информации Польши, – возможно, самого преданного почитателя и клиента США. Так, газета Rzeczpospolita,

проанализировав те процессы и тенденции, к которым пандемия привела в США, пришла к выводу, что «...на фоне пандемии, карантина и безработицы имидж США рушится на глазах – и, похоже, Польше пора задаться вопросом о том, можно ли возлагать на Вашингтон все надежды, связанные с безопасным будущим» [Haszczyński 2020]. В этом русле польские читатели задают вопрос: «За какую цену американцы могут продать нас России, если им понадобятся ее поддержка в противостоянии Китаю?» [Skrzypczak 2020]. Украинец, проживающий в США и заинтересованно наблюдающий за происходящими там событиями, утверждает, что «сейчас США, как столица того проекта, который победил в холодной войне и охватывает большую часть земного шара, переживает самый тяжелый кризис в своей истории... И не где-то на периферии, в колониях, а в самом сердце мировой культурно-экономической гегемонии. Статус стража свободы и демократии, «всего хорошего против всего плохого» Америкой потерян» [Харченко 2020]. Подобных оценок статуса США можно привести множество.

В то же время нельзя забывать, что идеи исключительности, сияющего «Града на холме», предопределение судьбы, лидерства Америки и т. д. составляют квинтэссенцию американской национальной идентичности. Отказ от притязаний на лидирующие позиции в мире и, соответственно, либерального/однополярного миропорядка означал бы отказ от национальной идеи, что, как представляется, руководство этой страны ни при каких обстоятельствах не намерено допускать. Для Запада в целом и США в особенности сформулировать и, как говорится, «продать» мировому общественному мнению сколько-нибудь приемлемую версию своих просчетов

в организации борьбы с коронавирусом, с точки зрения «сохранения лица», представляется крайней необходимостью.

Руководители США главное внимание концентрируют на поисках внешних сил, на которые можно возложить вину за прямо-таки катастрофическое положение в стране, вызванное пандемией. Естественно, главную вину за все свои неудачи и беды Вашингтон пытается возложить на Россию и Китай. Именно в этом контексте следует объяснить обвинения Вашингтона против Китая в плане, прежде всего, дискредитации официальной статистики о численности заразившихся и умерших китайцев от пандемии, обвинений Пекина в умышленном распространении по всему миру коронавируса и т. д.

Именно в этом контексте следует рассматривать дальнейшую эскалацию синофобской и русофобской риторики правящих кругов, интеллектуального, политического и медийного истеблишмента США. Для нас интерес представляют прежде всего постоянные обвинения с их стороны в адрес России в широкомасштабной кампании «дезинформации» о политической стратегии Запада вообще и пандемии коронавируса в особенности. Так, в одном докладе для внутреннего пользования, подготовленном отделом стратегических коммуникаций Евросоюза, который занимается исследованием и борьбой с дезинформацией в Интернете, утверждается, что с 22 января 2020 г. им было обнаружено почти 80 случаев дезинформации о пандемии COVID-19, связанной с прокремлевскими СМИ. Как утверждалось в докладе, «главная цель дезинформации Кремля состоит в обострении кризиса общественного здравоохранения в западных странах, в частности путем подрыва доверия населе-

ния к национальным системам здравоохранения, что должно мешать поискам эффективного реагирования на пандемию». По мнению авторов доклада, для этого кремлевские СМИ пытаются посеять на Западе «смятение, панику и страх» (to exacerbate confusion, panic, and fear), чтобы «подорвать европейские общества изнутри» [Frater, Ilyushina, Gold 2020].

Американская газета The New York Times и британская Financial Times дали толчок кампании по выяснению вопроса о том, почему в России от коронавируса умирает меньше людей, чем в крупных развитых демократических государствах Запада. От них, как говорится, эстафету взяло агентство деловой информации Bloomberg, которое выступило со статьей «Эксперты хотят знать, почему коронавирус не убил больше русских». В информационной кампании принимают участие не только ведущие средства массовой информации, но и высшие государственные и политические деятели Запада, включая Генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга, который обвинил Москву и Пекин в распространении «больших объемов дезинформации», направленной на изменение существующего миропорядка.

Эта кампания объясняется тем фактом, что данный показатель служит ключевым критерием оценки успешности борьбы страны с эпидемией. По этому показателю Россия существенно отстает от целого ряда ведущих индустриально развитых демократий Запада. В ответ в западных антироссийских СМИ началась кампания по дискредитации достижений системы здравоохранения Российской Федерации.

Здесь важно учесть, что по данному критерию Россия отнюдь не является исключением. Так, сравнительно низкое соотношение умерших и инфицированных имеют Саудовская Ара-

вия, Израиль, Турция. Особый интерес с данной точки зрения представляют отмеченные специалистами различия в Евросоюзе между Западной и Восточной Европой. Речь идет о том, что на каждые 296 735 человек в Восточной Европе приходится одна смерть от коронавируса, а в Западной Европе – одна смерть на 7 130 человек [Марьянович 2020]. Даже в наиболее пострадавших государствах Центральной и Восточной Европы смертность заметно ниже, чем в западноевропейских странах. В частности, в Словакии зарегистрировано лишь 1 413 случаев заражения и 25 смертей, тогда как в соседней Австрии, которая, как считается, успешно справилась с эпидемией, подтвержденных случаев заболевания в 10 раз больше, а смертей больше в 20 раз. При этом справедливости ради следует учесть, что население Австрии почти в 2 раза больше чем, в Словакии. В Греции, которая на раннем этапе ввела строгую самоизоляцию, показатели заболеваемости до сих пор остаются «впечатляюще низкими». При населении 11 млн человек в стране в апреле подтверждено лишь 2 620 случаев заражения коронавирусом [Guardian объяснила успех 2020].

В лучшую сторону отличаются данные о коронавирусной пандемии в Германии, где в восточных землях, которые до объединения составляли ГДР и входили в советский блок, в 3 раза меньше умерших, чем в западных землях [Марьянович 2020]. Важно учесть и тот факт, что Германия в целом оказалась лучше подготовленной к пандемии, чем большинство остальных государств Западной Европы. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что если в Германии процент смертности составляет 1,3% от числа инфицированных, то во Франции – 7,6%. В этом плане преимуществами Германии по сравнению, например, с США и не-

которыми другими странами Запада считаются высокий уровень массового тестирования, лучшая оснащенность больниц медицинским оборудованием, полноценное медицинское страхование, охватывающее практически все население страны, и т. д.

Возвращаясь к России, представляется уместным подчеркнуть, что, даже если принять во внимание тезис *The New York times* и *The Financial times* о том, что в действительности летальность от коронавируса в России «на 70% выше, чем говорят официальные данные», она бы все равно оказалась существенно ниже, чем в Британии, Италии, Испании или США [Levresse 2020]. По поводу объявления Госдепартаментом США конкурса на грант в размере 250 тыс. долл. за «Выявление российской дезинформации в сфере здравоохранения» профессор, сотрудник Института мировой политики Н. Хрущева задается вопросом: «Не приобрела ли русофобия в определенных кругах американского политического класса и прессы патологической характер?» [Khrushcheva 2020].

Анализ турбулентного состояния современного мира в условиях коронавирусной пандемии дает дополнительные аргументы, доказывающие, что мир радикально меняется, порождая новые вызовы, требующие новых ответов. Ситуация неопределенности, неустойчивости, стремительно изменяющихся реалий и т. д. не дает нашему видению проникнуть через стремительно меняющуюся пелену, закрывающую от нас контуры будущих форм политической самоорганизации народов. Или, иначе говоря, мы, к сожалению, не в состоянии и, надо признать, порой не хотим распознать суть, зигзаги, возможные последствия той длинной, может быть, угрожающей тени, которая неумолимо бросается на нас с горизонта будущего.

Список литературы

Guardian объяснила успех Восточной Европы в борьбе с коронавирусом (2020) // ИноТВ. 7 мая 2020 // <https://russian.rt.com/inotv/2020-05-07/Guardian-obyasnila-uspeh-Vostochnoj-Evropi>, дата обращения 15.10.2020.

Гаджиев К.С. (2019) О фрагментации миропорядка в эпоху глобализации // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 102–112. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-102-112

Кортунов А. (2020) Битва «коронавирусных нарративов» (2020) // Российский Совет по международным делам. 24 апреля 2020 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bitva-koronavirusnykh-narrativov-tri-oboronitelnykh-rubezha-zapada-protiv-kitaya/>, дата обращения 15.10.2020.

Марьянович Д. (2020) Advance (Хорватия): почему количество умерших от коронавируса в Восточной Европе в 60 раз меньше, чем в Западной? // Россия сегодня. 14 апреля 2020 // <https://inosmi.ru/social/20200414/247251177.html>, дата обращения 15.10.2020.

Можегов В. (2020) Пандемия в зеркале великой депрессии // Взгляд. 10 мая 2020 // <https://vz.ru/opinions/2020/5/10/1037425.html>, дата обращения 15.10.2020.

Харченко А. (2020) США потеряли статус стража свободы и демократии // СТРАНА.ua. 6 июня 2020 // <https://strana.ua/articles/interview/271581-protsty-v-ssha-kakovy-prichiny-besporjadkov-i-cheho-zhdut-dalshe.html>, дата обращения 15.10.2020.

Antonopoulos P. (2020) Has Coronavirus Pandemic Really Destroyed Globalization? // Brics Information Portal, May 28, 2020 // <https://infobrics.org/post/31001/#>, дата обращения 15.10.2020.

Après la Pandémie Liée au Coronavirus: Un Ordre Mondial à Réinventer (2020) // Le Monde, Avril 30, 2020 //

https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/04/30/apres-la-pandemie-liee-au-coronavirus-un-ordre-mondial-a-reinventer_6038253_3232.html, дата обращения 15.10.2020.

Burns W. (2020) A Make-or-Break Test for American Diplomacy. The Post-pandemic World Will Pose a Massive Test for U.S. Statecraft, the Biggest since the End of the Cold War // *The Atlantic*, April 6, 2020 // <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/04/a-make-or-break-test-for-american-diplomacy/609514>, дата обращения 15.10.2020.

Carafano J.J., Volker K. (2020) Building the Post-Pandemic World // *The National Interest*, May 24, 2020 // <https://nationalinterest.org/feature/building-post-pandemic-world-156791>, дата обращения 15.10.2020.

Derviş K. (2020) Less Globalization, More Multilateralism // *Project Syndicate*, June 10, 2020 // <https://www.project-syndicate.org/commentary/minimizing-deglobalization-risk-of-covid19-backlash-by-kemal-dervis-2020-06?barrier=accesspaylog>, дата обращения 15.10.2020.

EU Faces 'Existential Threat' if Coronavirus Recovery Is Uneven (2020) // *The Guardian*, May 13, 2020 // <https://www.theguardian.com/world/2020/may/13/eu-faces-existential-threat-if-coronavirus-recovery-uneven-paolo-gentiloni>, дата обращения 15.10.2020.

Falletti S. (2020) Le Coronavirus Déclasse l'Occident et Ouvre le "Siècle Asiatique" // *Le Figaro*, Avril 16, 2020 // <https://www.lefigaro.fr/international/le-coronavirus-declasse-l-occident-et-ouvre-le-siecle-asiatique-20200416>, дата обращения 15.10.2020.

Frater J., Ilyushina M., Gold H. (2020) EU Says pro-Kremlin Media Trying to Sow 'Panic and Fear' with Coronavirus Disinformation // *CNN*, March 18, 2020 // <https://edition.cnn.com/2020/03/18/europe/eu-kremlin-disinformation-corona>

virus-intl/index.html, дата обращения 15.10.2020.

Full Transcript: Fed Chair Jerome Powell 60-minutes Interview on Economic Recovery from Coronavirus Pandemic (2020) // 60 Minutes, May 13, 2020 // <https://www.cbsnews.com/news/full-transcript-fed-chair-jerome-powell-60-minutes-interview-economic-recovery-from-coronavirus-pandemic/>, дата обращения 15.10.2020.

Gadzhiev K. (2019) On the Globalization and Fragmentation of the Modern World // *Journal of Political Science and International Relations*, vol. 2, no 1, p. 1–10. DOI: 10.11648/j.jpsir.20190201.11

Haszczyński J. (2020) Haszczyński: Wizerunek Ameryki się sypie // *Rzeczpospolita*, Czerwca 1, 2020 // <https://www.rp.pl/Komentarze/306019917-Haszczynski-Wizerunek-Ameryki-sie-sypie.html>, дата обращения 15.10.2020.

How the Economy Will Look after the Coronavirus Pandemic (2020) // *Foreign Policy*, April 15, 2020 // <https://foreignpolicy.com/2020/04/15/how-the-economy-will-look-after-the-coronavirus-pandemic/>, дата обращения 15.10.2020.

Imad J. (2020) Comment le Virus Rebat Totalement la Donne Politique aux États-Unis // *Le Figaro*, Avril 10, 2020 // <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/comment-le-virus-rebat-totalement-la-donne-politique-aux-etats-unis-20200410>, дата обращения 15.10.2020.

Kantchev G., Hinshaw D. (2020) Hit Hard by Coronavirus, Russia Joins Global Race for a Vaccine // *The Wall Street Journal*, June 11, 2020 // <https://www.wsj.com/articles/hit-hard-by-coronavirus-russia-joins-global-race-for-a-vaccine-11591867861>, дата обращения 15.10.2020.

Khrushcheva N.L. (2020) Russian Derangement Syndrome // *Project Syndicate*, May 28, 2020 // <https://www.project-syndicate.org/commentary/united-states-media-democrats-deranged-on-russia-and-covid19-by-nina-l-khrushcheva>

2020-05?barrier=accesspaylog, дата обращения 15.10.2020.

Kissinger H. (2020) The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order // The Wall Street Journal, April 6, 2020 // <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005>, дата обращения 15.10.2020.

Kitfield J. (2020) Will COVID-19 Kill The Liberal World Order? // Breaking Defense, May 22, 2020 // <https://breakingdefense.com/2020/05/will-covid-19-kill-the-liberal-world-order/>, дата обращения 15.10.2020.

Levresse E. (2020) En Russie, Réaction Rapide et Infrastructures Obsolètes // Le Monde Diplomatique, Juin 2020 // <https://www.monde-diplomatique.fr/2020/06/LEVRESSE/61907>, дата обращения 15.10.2020.

Marison J., Grove Th. (2020) NATO and Russia Flex Their Muscles, but Coronavirus Is a Common Foe // The Wall Street Journal, May 14, 2020 // <https://www.wsj.com/articles/nato-and-russia-flex-their-muscles-but-coronavirus-is-a-common-foe-11589450022>, дата обращения 15.10.2020.

Milanovic B. (2020) Is the Pandemic China's Sputnik Moment? What a Virus Reveals about Two Systems // Foreign Affairs, May 12, 2020 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-12/pandemic-chinas-sputnik-moment>, дата обращения 15.10.2020.

Skrzypczak W. (2020) Nie ma znaczenia // Do Rzeczy, Czerwca 18, 2020 // <https://dorzeczy.pl/kraj/143958/gen-skrzypczak-nie-ma-znaczenia-czy-amerykanskich-zolnierzy-jest-wiecej-czy-mniej.html>, дата обращения 15.10.2020.

Smolar P. (2020) Le Coronavirus et l'Avènement de la Diplomatie Carnivore // Le Monde, Mai 12, 2020 // https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/05/12/le-coronavirus-et-l-avenement-de-la-diplomatie-carnivore_6039376_3232.html, дата обращения 15.10.2020.

Vermeren P. (2020) La Crise Sanitaire, Révélateur du Déclassement de la France // Le Figaro, Avril 19, 2020 // <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/pierre-vermeren-la-crise-sanitaire-revelateur-du-declassement-de-la-france-20200419>, дата обращения 15.10.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-14

Turbulence of the Modern World through the Prism of the Coronavirus Pandemic

Kamaludin S. GADZHIEV

DSc in History, Chief Research Fellow, Theory of Politics Section

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: gajievks@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9358-1227

CITATION: Gadzhiev K.S. (2020) Turbulence of the Modern World through the Prism of the Coronavirus Pandemic. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 253–272 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-14

Received: 14.07.2020.

ABSTRACT. *The article analyzes some, in the opinion of the author, key factors that determine the nature and consequences of the coronavirus pandemic, which has a more or less significant effect on the turbulent state of the modern world, giving it special specificity, additional significance and irreversible character. Having analyzed a number of pandemic assessments and ideas popular in the scientific literature for the state and prospects of the modern world, it is concluded that with all the possible reservations in this matter, the coronavirus pandemic can be considered as one of the most important factors enhancing the significance of those tectonic shifts in the basic infrastructures of the modern world, which serve as the basis for a change in the liberal/unipolar world order by a new type of world system. It is shown that the pandemic exposed those pain points that, by definition, are characteristic of transition periods or the so-called axial times. It is accompanied by an exacerbation of contradictions and conflicts between nations, hostility and demonization of the enemy and, accordingly, various forms of racism, xenophobia. Having critically analyzed the ideas about*

the revival of the positive role of the national state, the supposed end of globalization, the “post-coronavirus world”, the so-called “new normality”, etc., their author’s interpretation is given. Of course, a significant place is given to a comparative analysis of the issues concerning the forms and ways of solving the problems caused by the coronavirus pandemic by different countries.

KEY WORDS: *coronavirus, pandemic, crisis, globalization, fragmentation, world order, post-coronavirus world, new normality, world politics, conflict*

References

Antonopoulos P. (2020) Has Coronavirus Pandemic Really Destroyed Globalization? *Brics Information Portal*, May 28, 2020. Available at: <https://infobrics.org/post/31001/#>, accessed 15.10.2020.

Après la Pandémie Liée au Coronavirus: Un Ordre Mondial à Réinventer (2020). *Le Monde*, Avril 30, 2020. Available at: <https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/04/30/apres-la-pandemie->

liee-au-coronavirus-un-ordre-mondial-a-reinventer_6038253_3232.html, accessed 15.10.2020.

Burns W. (2020) A Make-or-Break Test for American Diplomacy. The Post-pandemic World Will Pose a Massive Test for U.S. Statecraft, the Biggest since the End of the Cold War. *The Atlantic*, April 6, 2020. Available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/04/a-make-or-break-test-for-american-diplomacy/609514>, accessed 15.10.2020.

Carafano J.J., Volker K. (2020) Building the Post-Pandemic World. *The National Interest*, May 24, 2020. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/building-post-pandemic-world-156791>, accessed 15.10.2020.

Derviş K. (2020) Less Globalization, More Multilateralism. *Project Syndicate*, June 10, 2020. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/minimizing-deglobalization-risk-of-covid19-backlash-by-kemal-dervis-2020-06?barrier=accesspaylog>, accessed 15.10.2020.

EU Faces 'Existential Threat' if Coronavirus Recovery Is Uneven (2020). *The Guardian*, May 13, 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/13/eu-faces-existential-threat-if-coronavirus-recovery-uneven-paolo-gentiloni>, accessed 15.10.2020.

Falletti S. (2020) Le Coronavirus Déclasse l'Occident et Ouvre le "Siècle Asiatique". *Le Figaro*, Avril 16, 2020. Available at: <https://www.lefigaro.fr/international/le-coronavirus-declasse-l-occident-et-ouvre-le-siecle-asiatique-20200416>, accessed 15.10.2020.

Frater J., Ilyushina M., Gold H. (2020) EU Says pro-Kremlin Media Trying to Sow 'Panic and Fear' with Coronavirus Disinformation. *CNN*, March 18, 2020. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/03/18/europe/eu-kremlin-disinformation-coronavirus-intl/index.html>, accessed 15.10.2020.

Full Transcript: Fed Chair Jerome Powell 60-minutes Interview on Economic Recovery from Coronavirus Pandemic (2020). *60 Minutes*, May 13, 2020. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/full-transcript-fed-chair-jerome-powell-60-minutes-interview-economic-recovery-from-coronavirus-pandemic/>, accessed 15.10.2020.

Gadzhiev K. (2019) On Fragmentation of World Order in the Era of Globalization. *World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no 8, pp. 102–112 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-102-112

Gadzhiev K. (2019) On the Globalization and Fragmentation of the Modern World. *Journal of Political Science and International Relations*, vol. 2, no 1, p. 1–10. DOI: 10.11648/j.jpsir.20190201.11

Haszczyński J. (2020) Haszczyński: Wizerunek Ameryki się sypie. *Rzeczpospolita*, Czerwca 1, 2020. Available at: <https://www.rp.pl/Komentarze/306019917-Haszczyński-Wizerunek-Ameryki-sie-sypie.html>, accessed 15.10.2020.

How the Economy Will Look after the Coronavirus Pandemic (2020). *Foreign Policy*, April 15, 2020. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/04/15/how-the-economy-will-look-after-the-coronavirus-pandemic/>, accessed 15.10.2020.

Imad J. (2020) Comment le Virus Rebat Totalement la Donne Politique aux États-Unis. *Le Figaro*, Avril 10, 2020. Available at: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/comment-le-virus-rebat-totalement-la-donne-politique-aux-etats-unis-20200410>, accessed 15.10.2020.

Kantchev G., Hinshaw D. (2020) Hit Hard by Coronavirus, Russia Joins Global Race for a Vaccine. *The Wall Street Journal*, June 11, 2020. Available at: <https://www.wsj.com/articles/hit-hard-by-coronavirus-russia-joins-global-race-for-a-vaccine-11591867861>, accessed 15.10.2020.

Kharchenko A. (2020) US Lost Guardian Status of Freedom and Democ-

racy. *STRANA.ua*, June 10, 2020. Available at: <https://strana.ua/articles/interview/271581-protesty-v-ssha-kakovy-prichiny-besporjadkov-i-cheho-zhdad-dalshe.html>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Khrushcheva N.L. (2020) Russian Derangement Syndrome. *Project Syndicate*, May 28, 2020. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/united-states-media-democrats-deranged-on-russia-and-covid19-by-nina-l-khrushcheva-2020-05?barrier=accesspaylog>, accessed 15.10.2020.

Kissinger H. (2020) The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order. *The Wall Street Journal*, April 6, 2020. Available at: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005>, accessed 15.10.2020.

Kitfield J. (2020) Will COVID-19 Kill The Liberal World Order? *Breaking Defense*, May 22, 2020. Available at: <https://breakingdefense.com/2020/05/will-covid-19-kill-the-liberal-world-order/>, accessed 15.10.2020.

Kortunov A. (2020) The Battle of Coronavirus Narratives. *Russian International Affairs Council*, April 25, 2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bitva-koronavirusnykh-narrativov-tri-oboronitelnykh-rubezha-zapada-protiv-kitaya/>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Levresse E. (2020) En Russie, Réaction Rapide et Infrastructures Obsolètes. *Le Monde Diplomatique*, Juin 2020. Available at: <https://www.monde-diplomatique.fr/2020/06/LEVRESSE/61907>, accessed 15.10.2020.

Marison J., Grove Th. (2020) NATO and Russia Flex Their Muscles, but Coronavirus Is a Common Foe. *The Wall Street Journal*, May 14, 2020. Available at: <https://www.wsj.com/articles/nato-and-russia-flex-their-muscles-but-coronavirus-is-a-common-foe-11589450022>, accessed 15.10.2020.

Marjanovic D. (2020) Advance (Croatia): Why Is the Number of Deaths from Coronavirus in Eastern Europe 60 Times Less than in Western Europe? *Russia Today*, April 14, 2020. Available at: <https://inosmi.ru/social/20200414/247251177.html>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Milanovic B. (2020) Is the Pandemic China's Sputnik Moment? What a Virus Reveals about Two Systems. *Foreign Affairs*, May 12, 2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-12/pandemic-chinas-sputnik-moment>, accessed 15.10.2020.

Mozhegov V. (2020) Pandemic in the Mirror of the Great Depression. *Vzglyad*, May 10, 2020. Available at: <https://vz.ru/opinions/2020/5/10/1037425.html>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Skrzypczak W. (2020) Nie ma znaczenia. *Do Rzeczy*, Czerwca 18, 2020. Available at: <https://dorzeczy.pl/kraj/143958/gen-skrzypczak-nie-ma-znaczenia-czy-amerykanskich-zolnierzy-jest-wiecej-czy-mniej.html>, accessed 15.10.2020.

Smolar P. (2020) Le Coronavirus et l'Avènement de la Diplomatie Carnivore. *Le Monde*, Mai 12, 2020. Available at: https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/05/12/le-coronavirus-et-l-avenement-de-la-diplomatie-carnivore_6039376_3232.html, accessed 15.10.2020.

The Guardian Explained the Success of Eastern Europe in the Fight against Coronavirus (2020). *InoTV*, May 7, 2020. Available at: <https://russian.rt.com/inotv/2020-05-07/Guardian-obyasnila-uspeh-Vostochnoj-Evropi>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

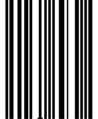
Vermeren P. (2020) La Crise Sanitaire, Révélateur du Déclassement de la France. *Le Figaro*, Avril 19, 2020. Available at: <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/pierre-vermeren-la-crise-sanitaire-revelateur-du-declassement-de-la-france-20200419>, accessed 15.10.2020.

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

20005

>